

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Россяйкин Петр Олегович

**Сфера действия пропозициональных операторов
(на материале отрицания и модальности)**

Специальность 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
С. Г. Татевосов

Москва 2022

Содержание

Введение	6
1 Отрицание в грамматике	14
1.1 Функции отрицания	14
1.2 Сфера действия клаузального отрицания	19
1.2.1 Именные группы	20
1.2.2 Фокусные операторы	22
1.2.3 Градуальные предикаты	25
1.2.4 Наречия	26
1.2.5 Выводы	29
1.3 Стандартное отрицание как грамматическая категория	32
1.3.1 Определение стандартного отрицания	32
1.3.2 Критерии грамматического статуса и их применимость	33
1.3.3 Способы выражения отрицания	38
1.3.4 Синтаксический категориальный статус	42
1.3.5 Неавтономность	43
1.3.6 Грамматические асимметрии	44
1.3.7 Специфические критерии в конкретных языках	45
1.3.8 Выводы	49
2 Формальная типология отрицания	51
2.1 Формальные теории клаузального отрицания	51
2.1.1 Обзор	51
2.1.2 Одна NegP	54
2.1.3 Опциональная NegP	56
2.1.4 Четыре позиции NegP	61
2.1.5 Наносинтаксическая теория четырех NegP	68
2.1.6 Отрицание как тип клаузы	77
2.1.7 Выводы	87
2.2 Формальная типология отрицания: синтаксис	88
2.2.1 Именное отрицание	89
2.2.2 Отрицание составляющих (CN)	90
2.2.3 Стандартное отрицание (SN)	93
2.2.4 Множественное маркирование отрицания и грамматикализация	101
2.3 Формальная типология отрицания: семантика	104
2.3.1 Отрицание и контраст	104

2.3.2	SN как отрицание существования (под)события	108
3	Отрицание, фокусные операторы и именные группы	114
3.1	Фокус и альтернативы	115
3.1.1	Двухмерная семантика	115
3.1.2	<i>Только</i> и исчерпывающая интерпретация	117
3.1.3	<i>Даже</i> и оператор E	119
3.1.4	<i>Почти</i>	123
3.2	Положительная полярность	128
3.2.1	Семантика неопределенных ИГ и местоимений	128
3.2.2	Положительная полярность	129
3.2.3	Синтаксическое передвижение	131
3.2.4	Конкуренция с NPI	132
3.2.5	Обязательные импликатуры	135
3.2.6	<i>Даже</i> и положительная полярность	140
3.3	“Металингвистическое”/контрастивное отрицание	143
3.3.1	RPI в фокусе	143
3.3.2	Отрицание пресуппозиций	147
3.3.3	Отрицание в фокусе	149
3.4	Субъект и отрицание	151
3.4.1	Кванторы и экзостивные NPI	152
3.4.2	Скалярные/фокусные NPI	155
3.4.3	Субъектно-объектная симметрия и SOV	158
3.4.4	Субъектно-объектная симметрия и определенность	160
3.5	Выводы	163
4	Отрицательные местоимения	164
4.1	NCI и смежные явления	165
4.1.1	NCI и NPI	165
4.1.2	Строгое и нестрогое отрицательное согласование	167
4.1.3	Интерпретируемость показателя отрицания	171
4.2	Синтаксис: NCI лицензируются над отрицанием	174
4.2.1	Согласование в минимализме	174
4.2.2	Порядок составляющих	176
4.2.3	Ограничения передвижений	178
4.2.4	Порождение над отрицанием	179
4.3	Семантика: NCI и универсальная квантификация	183
4.3.1	Аддитивные частицы и универсальная квантификация	183
4.3.2	Аргументы в пользу универсальной квантификации	188

4.4	NCI в эллиптических контекстах	192
4.4.1	Фрагментарные ответы	192
4.4.2	Отрицание в вопросе	197
4.5	Мотивация отрицательного согласования	200
5	Подъем отрицания	203
5.1	Теории подъема отрицания	203
5.1.1	Синтаксический анализ	203
5.1.2	Пресуппозиционный анализ	205
5.1.3	Анализ NR как скалярной импликатуры	206
5.2	Подъем отрицания и NPI в английском языке	208
5.3	Экскурс: генитив отрицания	210
5.4	Подъем отрицания в русском языке	213
5.4.1	NR, кванторы и генитив отрицания	213
5.4.2	NR, NPI и NCI	215
5.4.3	Выводы	217
6	Сфера действия модальных показателей	219
6.1	Типология и теория модальности	220
6.1.1	Определение модальности	220
6.1.2	Классификация модальности	222
6.2	Теории позиции модальности в структуре клаузы	225
6.2.1	Функционалистские подходы	225
6.2.2	Единая позиция модальности	227
6.2.3	Множественные позиции модальности	232
6.2.4	Типы модальности и события	233
6.2.5	Формальная типология модальности	236
6.3	Две модальные функциональные вершины	241
6.3.1	Тип модальности и морфология	241
6.3.2	Взаимный линейный порядок	242
6.3.3	Модальность и аспект	244
6.3.4	Модальность и время	245
6.3.5	Модальность и отрицание	247
6.3.6	Модальность и субъект	251
6.4	Две позиции <i>мочь</i> в русском языке	254
6.4.1	<i>мочь</i> , NCI и GN: данные	254
6.4.2	Попытка биклаузного анализа	257
6.4.3	Моноклаузные свойства предложений с <i>мочь</i>	260
6.4.4	<i>мочь</i> , NCI и GN: моноклаузный анализ	262

7	Неподвижность модальных показателей	265
7.1	Линейный порядок и передвижение вершин	265
7.2	Обратная сфера действия отрицания и деонтической необходимости	269
7.2.1	Данные и подходы к анализу	269
7.2.2	RPI-теория: положительные стороны	271
7.2.3	RPI-теория: недостатки	274
7.2.4	NR-теория	276
	Заключение	283
	Приложение 1: X'-теория и структура составляющих в минимализме	286
	Приложение 2: Примеры дериваций	288
	Приложение 3: Отношение следования между альтернативами	291
	Библиография	294

Введение

Объект исследования – позиция и сфера действия показателей отрицания и модальности в структуре клаузы. Хотя отрицание и модальность – два отдельных множества значений и соответственно две отдельные “семантические/грамматические зоны”, есть причины рассматривать их вместе. И отрицание, и модальность имеют специфический статус в грамматике (см. разделы 1.3 и 6.1.1). В числе прочего, неочевидна их позиция в (формальной) структуре клаузы. При определении позиции и сферы действия отрицания необходимо в числе прочего рассматривать его взаимодействие с модальностью, и наоборот. Иными словами, вопросы о месте отрицания и модальности в структуре клаузы тесно связаны, и в поисках ответа на один с неизбежностью приходится искать ответ и на другой. В этой работе я предложу ответы на оба эти вопроса, опираясь на методы математического моделирования естественного языка с использованием аппарата математической логики, теории множеств и теории формальных грамматик.

В работе, в частности, рассматриваются такие явления как варьирование позиции отрицания и возможность его множественного маркирования (1), зависимость сферы действия модальных показателей от их интерпретации (2), обратная сфера действия, которая может возникать при отрицании показателей необходимости (3), варьирование в допустимости чувствительных к полярности составляющих в определенных позициях, например субъектной (4). Я также рассматриваю такие явления как положительная полярность, “металингвистическое отрицание”, подъем отрицания, отрицательное согласование и общие вопросы локализации модальности и отрицания в синтаксической структуре.

- (1) Петя (не) мог (не) быть (не) уведомлен о проблеме.
- (2) Mary may not move to London (Fălăuş and Laca 2020:8)
1. ‘Возможно, Мэри не поедет в Лондон.’ ($\diamond > \neg$)
2. ‘Мэри не разрешено ехать в Лондон.’ ($\neg > \diamond$)
- (3) a. Кофе не должен быть горьким. ($\square > \neg$)
- b. У него имелось немного бумаги,
за которую он не должен был отчитываться. ($\neg > \square$)
- (4) a. Никто *(не) пришел.
- b. *Anyone didn’t come. (Lahiri 1998:78)

Предлагаемый мной анализ структуры клаузы сводится к иерархии, представленной в (5). $X > Y$ означает ‘X выше в синтаксической структуре, чем Y’ (и соответственно имеет более широкую сферу действия). Перечисление через запятую означает, что я не делаю никаких утверждений по поводу относительного расположения соответствующих элементов, что, конечно, не исключает того, что их взаимное расположение может быть одинаковым во всех языках. Наконец,

я предполагаю, что самостоятельные передвижения элементов иерархии (5), влияющие на интерпретацию, невозможны.

(5) $\text{Mod}_{\text{epistemic,proposition}} > \text{Tense} (>/,) \text{Neg/Pol} > \text{Aspect} > \text{Mod}_{\text{root,event}} > \text{Verb}$

Я ограничусь рассмотрением грамматического отрицания и модальности, то есть, например, лексическое/именное отрицание типа английских суффиксов *un-* и *-less* и лексическая модальность типа прилагательного *возможный* будут обсуждаться постольку, поскольку необходимо отделить лексические показатели от грамматических.

Актуальность исследования обусловлена, в первую очередь, (а) отсутствием единого общепринятого формального анализа отрицания и модальности; (б) принципиальными различиями между предлагаемыми формальными анализами отрицания и модальности, с одной стороны, и других грамматических категорий глагола, в первую очередь вида и времени, с другой. Если в случае со временем или аспектом можно говорить о существовании “стандартной структуры”, проиллюстрированной примерами из английского (6) и карачаево-балкарского языков (7), то относительно отрицания и модальности консенсус не установлен даже на уровне терминологии – например, под сентенциальным отрицанием могут пониматься разные вещи, см. обсуждение в Zeijlstra (2004:47-51) и разделе 1.2. Специализированные исследования расходятся во мнении по поводу обязательности присутствия отрицательной проекции в структуре и ее позиции (Zanuttini 1997; Cinque 1999; Butler 2003; Zeijlstra 2004; Poletto 2008, 2017; Moscati 2010, 2012; Manzini and Savoia 2011; De Clercq 2013, 2018; Griбанова 2017). То же можно сказать и модальности.

(6) a. Petja will have done it.

b. Petja [_{Tense} will [_{Aspect} have [_{Verb} done it]]].

(7) a. alim kerim-ni ħap-tir-a e-di. (карачаево-балкарский)

Алим Керим-АСС бегать-CAUS-IPFV AUX-PST.3SG
'Алим заставлял Керима бегать.'

b. Alim [[[[kerimni ħap]_{Verb} -tir]_{Voice} -a]_{Aspect} edi]_{Tense}

Важность анализа сферы действия отрицания и модальности обусловлена и тем, что они взаимодействуют друг с другом и многими другими элементами в структуре клаузы: временем, аспектом, кванторами, неопределенными именными группами, единицами, чувствительными к полярности. Например, для построения корректной теории лицензирования отрицательных местоимений необходимо установить структурную позицию отрицания. Разумеется, эта связь двунаправленная, и решение проблемы сферы действия отрицания и модальности возможно только совместно с анализом явлений, чувствительных к ним.

Сфера действия всякого показателя определяется его позицией в синтаксической структуре клаузы, которая является результатом (а) изначального вступления в структуру и (б)

последующих опциональных передвижений. Таким образом, **цель исследования** – определить возможные исходные позиции (грамматических) показателей отрицания и модальности в структуре клаузы и исследовать вопрос о возможности их передвижений. Достижение этой цели зависит от выполнения следующих **задач**:

1. выделить и описать типы отрицания в естественном языке, построить и обосновать формальную типологию отрицания (главы 1-2);
2. с учетом принятой типологии объяснить дистрибуцию различных классов чувствительных к полярности элементов, в частности объяснить меж- и внутриязыковое варьирование их допустимости в некоторых контекстах, а именно: субъект простой клаузы (4), подчиненная финитная неотрицательная клауза, фрагментарный ответ (главы 3-4);
3. с учетом принятой типологии предложить объяснение эффекта подъема отрицания (глава 5);
4. построить и обосновать формальную типологию клаузуальной модальности (глава 6);
5. с учетом принятой типологии предложить объяснение зависимости сферы действия модальных показателей от интерпретации (2) (глава 6);
6. предложить объяснение случаям обратной сферы действия модальности и отрицания (2), (3) (глава 7).

Научная новизна работы заключается как во введении новых данных в научный оборот, так и – в первую очередь – в формулировке новых гипотез и обобщений. Предыдущие работы, посвященные формальному анализу позиции и сферы действия отрицания и модальности, основывались в первую очередь на данных английского языка и в меньшей степени других (прежде всего, европейских) языков. В этой работе я обсуждаю многочисленные данные русского языка, некоторые из которых, насколько мне известно, не обсуждались ранее нигде. Я также привлекаю данные малоизученных языков, не становившиеся ранее предметом анализа в формальной лингвистике – бурятского и карачаево-балкарского. Кроме того, рассматриваемые явления – зависимость сферы действия модальных глаголов от интерпретации (2), обратная сфера действия модальности и отрицания (3), лицензирование единиц с отрицательной полярностью (4), подъем отрицания и другие – ранее, как правило, становились предметом анализа отдельно друг от друга, вследствие чего некоторые обобщения и противоречия могли ускользать от внимания исследователей.

В данной работе я рассматриваю ряд взаимосвязанных явлений на основе данных из нескольких языков с различной генетической и ареальной принадлежностью, многие из которых не воспроизводимы, например, в английском языке. Я делаю широкие по своему эмпирическому охвату обобщения, учитывающие в том числе и данные предыдущих исследователей. Я предполагаю, что анализ, разработанный на материале отдельных разноструктурных языков, может без существенных изменений распространяться и на другие языки, и, таким образом, вносит вклад не только в изучение рассматриваемых языков, но и в теорию грамматики и

типологию в целом.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении и углублении общих представлений о грамматике, в частности о структуре клаузы, позиции и интерпретации отрицания и модальности. В работе показано, что нескольких простых и теоретически привлекательных предположений, суммированных в (5), достаточно для объяснения широкого круга данных. А именно: (а) стандартное отрицание занимает одну универсальную позицию в структуре клаузы; (b) грамматикализованные модальные показатели занимают две универсальные позиции в структуре клаузы; (с) отрицание и модальность не совершают самостоятельных интерпретируемых передвижений.

Различия в допустимости и интерпретации чувствительных к полярности составляющих в одних и тех же контекстах, например (4), объясняются независимыми свойствами этих составляющих и не требуют постулирования варьирующейся позиции субъекта (Beghelli and Stowell 1997; Zeijlstra 2004; Szabolcsi 2018a) или отрицания (Zanuttini 1997; Zeijlstra 2004; Moscati 2010; Penka 2011; Chierchia 2013; Szabolcsi 2018a). Аналогично, эффект подъема отрицания объясняется свойствами отрицаемых предикатов, а не передвижением отрицания, *contra* Fillmore (1963); Prince (1976); Moscati (2010); Collins and Postal (2014, 2018); Crowley (2019). Обратная сфера действия показателей необходимости и отрицания типа (3) также может рассматриваться как частный случай подъема отрицания и не требует допущения передвижения, *contra* Iatridou and Zeijlstra (2013); Homer (2015). С другой стороны, для объяснения различий в сфере действия модальных показателей в зависимости от значения (2) с неизбежностью приходится постулировать (как минимум) две различные позиции модальности в структуре клаузы. Это небольшое усложнение по сравнению с теорией единой позиции модальности (Kratzer 1981, 1991) позволяет упростить анализ во многих других отношениях.

Практическая ценность обусловлена возможностью учитывать данные и выводы, представленные в этой работе, при исследовании и описании конкретных языков разной степени изученности, составлении грамматик и других языковых описаний, а также при подготовке учебных курсов по синтаксису, грамматической и формальной семантике. Результаты исследования должны способствовать общему развитию теории и методологии структурного моделирования и формализации единиц языка и могут быть использованы при разработке систем автоматического анализа и понимания текста.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Модальные глаголы могут быть как лексическими, так и вспомогательными. Существуют как минимум две универсальные (не зависящие от языка) позиции, занимаемые грамматикализованными показателями модальности в структуре клаузы: низкая позиция событийной/“корневой” модальности (включая динамическую и, менее однозначно, деонтическую модальность) и высокая позиция пропозициональной/эпистемической модальности (5)¹.

¹ Возможны и более высокие позиции для других типов модальности/наколнения, необсуждаемые здесь.

2. Грамматикализированный показатель отрицания (стандартное отрицание) занимает универсальную фиксированную позицию в структуре: выше аспекта и событийной/“корневой” модальности и ниже пропозициональной/эпистемической модальности и стандартной (“падежной”) позиции субъекта (5)².
3. Нет необходимости в постулировании отдельной разновидности отрицания, известной как “металингвистическое отрицание”.
4. По крайней мере в рассматриваемых языках нет необходимости в постулировании “скрытого”, фонологически невыраженного отрицания. Отрицательная семантика всегда приносится соответствующим показателем, например *не* в русском языке.
5. По крайней мере в рассматриваемых языках нет необходимости в постулировании структурного варьирования для объяснения различной дистрибуции чувствительных к полярности элементов. Различия в их интерпретации и допустимости, как например в (4), объясняются собственными синтаксическими и семантическими свойствами этих составляющих.
6. Отрицание не совершает влияющих на интерпретацию передвижений (кроме случаев передвижения в составе объемлющей составляющей). В частности, “подъем отрицания” – семантический/прагматический эффект.
7. Модальные показатели не совершают влияющих на интерпретацию передвижений (кроме случаев передвижения в составе объемлющей составляющей). Обратная сфера действия отрицания и модальности – следствие эффекта “подъема отрицания” или совместной лексикализации отрицания и модальности с конкретной фиксированной сферой действия.
8. (Следствие из 1 и 7) Различия во взаимодействии модальных показателей с отрицанием, временем, аспектом и именными группами в зависимости от модального значения – результат (а) порождения модальных показателей в разных позициях в структуре клаузы и (б) действия семантических/прагматических механизмов, но не синтаксических передвижений.

Основной материал исследования – языковые примеры, сконструированные и проверенные путем опроса носителей или полученные методом эликации, а также почерпнутые из литературы или, реже, обнаруженные в корпусе НКРЯ или Интернете. В первую очередь я рассматриваю следующие языки с разной генетической и ареальной принадлежностью (в порядке убывания количества данных):

- (8)
- русский
 - английский и немецкий
 - карачаево-балкарский (< тюркские)
 - бурятский (< монгольские)

² Я не делаю конкретных предположений по поводу относительной сферы действия отрицания и времени, впрочем, см. обсуждение в разделах 2.2.3 и 6.4.

- итальянский

Я также рассматриваю данные других языков, особенно в более типологически-ориентированных главах 1-2.

В целом, в работе учитывается меньшее количество языков, чем в типичном типологическом исследовании, но они рассматриваются более подробно. Такой подход, названный в Baker and McCloskey (2007) “Middle Way”, позволяет по возможности совместить неповерхностный анализ с более широким, чем в типичном генеративистском исследовании, эмпирическим охватом. Конечно, рассматриваемая выборка невелика, однако значительное ее расширение с сохранением подробности и глубины анализа каждого отдельного языка выходит за рамки возможностей.

Большинство примеров из русского языка были сконструированы мной и проверены путем опроса носителей языка в количестве от 5 до 30, чаще всего 10-12 носителей. В случае примеров, известных из литературы или представляющихся достаточно простыми, суждения были собраны у 1-2 носителей или основаны на моей интроспекции. Например, интроспекция и знания о мире (о том, что подобные примеры часто встречаются в спонтанном дискурсе) позволяют не проверять у других носителей сконструированный пример *Петя не может пробежать даже 1 км.* С другой стороны, пример типа *никто не думал хоть раз, что вам стоит переименовывать статью* (а) содержит редкое сочетание чувствительных к отрицанию элементов и (б) не обсуждался ранее в известной мне литературе, а потому должен быть проверен среди носителей.

Использование сконструированных, а не корпусных, примеров обусловлено несколькими причинами. Во-первых, суждения носителей с неизбежностью необходимы для сбора отрицательного материала. Во-вторых, (в том числе и в свете предыдущего пункта) это позволяет формировать минимальные пары и правильные парадигмы и в целом сохранять примеры максимально элементарными. В-третьих, многие рассматриваемые примеры неоднозначны и проще сконструировать контекст, форсирующий нужную интерпретацию, или эксплицитно спросить у носителя о существовании такой интерпретации, чем искать ее в корпусе.

В отдельных случаях я использую примеры из корпуса НКРЯ или Интернета (по возможности приоритизируя корпус), руководствуясь следующими принципами: (а) пример нужного класса должен встретиться хотя бы несколько раз; (б) в отдельных случаях выбранные из примеров нужного класса конкретные примеры дополнительно проверяются у носителей. Эта проверка имеет смысл, поскольку нередко обнаруживаемые в корпусе или Интернете примеры представляются мне неграмматичными и получают низкие оценки грамматичности при опросе носителей. Соответственно, я не презентую такие примеры как грамматичные только исходя из их существования в природе³.

³ Ср., например, *Судя по первой программе которую я недавно листал трансляции не будет не в воскресенье не в понедельник!* [НКРЯ; Автогонки-3 (форум) (2005)]. Из этого примера можно было бы сделать неверный, на мой взгляд, вывод, что русская частица *не* имеет функцию дистрибутивной конъюнкции *не X, не Y*.

Примеры из бурятского и карачаево-балкарского языка были получены мной или другими участниками соответствующих экспедиций ОТиПЛ МГУ в 2014-2017 гг. (с. Барагхан, Республика Бурятия) и 2013, 2019, 2021 гг. (с. Верхняя Балкария, Кабардино-Балкарская республика), большая часть – мной в 2017 и 2019, 2021 гг. соответственно.

Примеры из остальных языков, в основном английского, взяты из литературы. Использование вышеописанных источников и процедур сбора данных обеспечивает **достоверность** результатов исследования.

Апробация результатов. Основные результаты исследования были представлены на следующих конференциях:

1. Малые языки в большой лингвистике и Малые языки в большой лингвистике 2020 (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 2-3 ноября 2017 г. и онлайн, 17-18 апреля 2020 г.)
2. XIV, XVI Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН, 23-25 ноября 2017 г. и 21-23 ноября 2019 г.)
3. Syntax of the World's Languages 8 (Париж, Национальный институт восточных языков и культур, 3-5 сентября 2018 г.)
4. 28th Conference of the Student Organisation of Linguistics in Europe (ConSOLE 28) (Барселона, Университет Помпеу Фабра, 29-31 января 2020 г.)
5. 15th annual meeting of the Slavic Linguistic Society (SLS-15) (онлайн, Индианский университет в Блумингтоне, 4-6 сентября 2020 г.)
6. 40th meeting of the West Coast Conference on Formal Linguistics (WCCFL 40) (онлайн, Стэнфордский университет, 13-15 мая 2022 г.)

Структура работы. Диссертация состоит из введения, семи глав, заключения, трех приложений и библиографии. Каждая из глав посвящена самостоятельному законченному сюжету, поэтому, хотя они исходят из множества общих предположений, их можно читать по отдельности (принимая на веру релевантные результаты, полученные в других главах).

Благодарности.

Моему научному руководителю Сергею Георгиевичу Татевосову и моему научному руководителю в магистратуре Наталье Валентиновне Лукашевич.

Семье.

Носителям балкарского, бурятского и русского языков, предоставившим свои суждения по поводу примеров, обсуждаемых в этой и других моих работах.

Всем моим учителям, преподавателям и тренерам.

Рецензентам первой версии этой работы – Олегу Игоревичу Беляеву и Александру Владимировичу Подобрееву.

Всем рецензентам моих работ за ценные замечания, идеи и подсказанную литературу.

Илье Наумову, Ксении Студеникиной и Александре Элбакян за идеи, подсказанную литературу и помощь в ее поиске.

Друзьям.

Фондам BWS, РФФИ и РНФ за финансовую поддержку.

Сотрудникам ГKB им. М. Е. Жадкевича и НИКИО им. Л. И. Свержевского, работавшим со мной.

Асхату Атабиеву за моральную поддержку и веру в меня.

Юлии Лидерман, Ксении Павловне Семеновой и Владимиру Александровичу Плунгяну за мое попадание в лингвистику.

Роберту Плаудису, Улансу Познаксу и Олегу Нечипоренко за мотивацию развиваться.

Все ошибки мои.

1. Отрицание в грамматике

Эта глава посвящена рассмотрению отрицания в типологическом освещении. Ее основная задача – выделить и определить один из предметов дальнейшего исследования – стандартное отрицание – а также рассмотреть его основные релевантные свойства, в частности признаки грамматического статуса и особенности взаимодействия с другими элементами клаузы, имеющими сферу действия.

В разделе 1.1, отталкиваясь от типологической анкеты Miestamo and Veselinova (2019), я привожу обзор основных функциональных типов отрицания и выделяю наиболее релевантные из них – стандартное отрицание и отрицание составляющих.

Следующие два раздела посвящены определению стандартного отрицания.

В разделе 1.2 я рассматриваю логико-семантический критерий стандартного/сентенциального отрицания, приравнивающий его к пропозициональному оператору $\neg p$ из логики высказываний. Я обсуждаю несколько классов случаев – предложения с кванторами и отрицательно-полярными единицами, фокусными операторами, градуальными предикатами и наречиями, – в которых этот критерий нарушается, и показываю, что он не выделяет никакой лингвистически релевантный объект/явление.

В разделе 1.3 я обсуждаю определение стандартного отрицания, ориентированное на данные естественных языков. Я показываю, что стандартное/клаузальное отрицание является грамматической категорией (глагола) и подробно рассматриваю общие и специфические критерии грамматического статуса в применении к отрицанию.

1.1. Функции отрицания

Используемая здесь классификация функциональных типов отрицания основана на периодически обновляющейся анкете Miestamo and Veselinova (2019) (версия от февраля 2019 г.), которая рекомендуется ее авторами для всестороннего типологически-ориентированного описания отрицания в произвольно взятом языке. В этом разделе я буду в основном полагаться на примеры из бурятского языка, поскольку в нем используются различные показатели для различных типов отрицания. Соответствующие функции также отражаются в русских переводах.

По всей видимости, наиболее часто обсуждаемая функция отрицания – это глагольное отрицание, так же называемое общим (Пешковский 1956; Падучева 2011, 2013), стандартным (Payne 1985; Miestamo 2005; Miestamo and Veselinova 2019) или сентенциальным (sentence или sentential negation), хотя определения этих понятий могут немного различаться.

(9) стандартное отрицание (standard negation; SN)

- a. bair unta-na
Баир спать-PRS
'Баир спит.'

- b. bair unta-na-gñi
 Баир спать-PRS-NEG
 ‘Баир не спит.’

Во многих языках мира используется отдельная “стратегия” отрицания в недекларативных клаузах, в первую очередь, в императиве. По данным Van der Auwera et al. (2013), отрицание императива (прохибитив) в большинстве языков мира отличается от глагольного отрицания в декларативных клаузах. В бурятском для отрицания многочисленных неиндикативных глагольных форм используется специализированная проклитика *bñ=*. В русском, как видно из интерпретаций, используется “симметричная” стратегия. Обсуждение прохибитива см., например, в Van der Auwera (2006); Van der Auwera et al. (2013); Van Olmen (2021).

(10) прохибитив

- a. unta-Ø
 спи-IMP
 ‘Спи.’
- b. bñ=unta-Ø
 NEG=спать-IMP
 ‘Не спи.’

В анкете Miestamo and Veselinova (2019) выделяется несколько разновидностей стативных предикаций и соответственно способов их отрицания. Во-первых, это именные предикации, в частности, предложения идентификации и характеристики. В бурятском в таких предложениях (11) используется показатель отрицания составляющих =*bəfə*, глосслируемый как NOT, что отражает будущий анализ. В русском языке, как видно из интерпретации, используется “универсальная” частица *не*, которая также используется в том числе и для отрицания составляющих.

(11) именная предикация (предложение характеристики)

- a. fi doktor-of
 ты доктор-2SG
 ‘Ты доктор.’
- b. fi doktor=bəfə(-f)
 ты доктор=NOT-2SG
 ‘Ты не доктор.’

В карачаево-балкарском языке, в отличие от бурятского и русского, помимо показателя отрицания составляющих *ɯvɑj*, есть специализированный показатель *tüjül*, используемый, как будет показано ниже, только в именных предикациях. Как видно из (12) в отличие от *ɯvɑj*, показатель именного/предикативного отрицания *tüjül* принимает согласовательные показатели, то есть, можно предположить, что в (12-а) имеются две клаузы, во второй из которых эллидируется указательное местоимение *bu*.

- (12) именная предикация (предложение идентификации)
- a. bu alima tūjül-dü, lejla-di (карачаево-балкарский)
 это Алима NEG.PRED-3SG Лейла-3SG
 ‘Это не Алима, а Лейла.’
- b. bu alima ивај(*-di), lejla-di
 это Алима NOT-3SG Лейла-3SG
 ‘Это не Алима, а Лейла.’

Вторая группа стативных предикаций по Miestamo and Veselinova (2019) – это различные экзистенциальные предикации, в частности, собственно экзистенциальные, локативные и посессивные. В бурятском и русском в этих случаях используются одни и те же конструкции. Как видно из (13), в бурятском возможны два способа локативного отрицания – с помощью показателя каритивного падежа *-gni*, совпадающего с показателем стандартного отрицания (9)⁴, и с помощью диахронически связанного с ним специализированного показателя экзистенциального отрицания *ngi*: примерно синонимичного русскому *нет*. Разновидности экзистенциального отрицания, наблюдаемая в языках мира полисемия и т. д. обсуждаются в Veselinova (2013). В этом исследовании экзистенциальное отрицание не рассматривается.

- (13) экзистенциальное/локативное отрицание
- a. ʃi doktor-gni-ʃ
 ты доктор-NEG-2SG
 ‘У тебя нет доктора.’ (букв.: ‘Ты бездокторный.’)
- b. (ʃam-da) doktor=ngi:
 ты.OBL-DAT доктор=NEG.EX
 ‘(У тебя) нет доктора.’

Отрицание составляющих (constituent negation; CN) в качестве отдельного типа в анкете Miestamo and Veselinova (2019) не рассматривается, однако, его выделение в качестве отдельной функции представляется осмысленным. Например, в бурятском и карачаево-балкарском для отрицания составляющих используются специализированные показатели *bəʃə* и *ивај* соответственно. Эти же показатели, как показано в (11), (12-b) используются и в предложениях характеристики/идентификации, однако ничто не мешает рассматривать эти употребления в качестве частного случая их основной функции. Отрицание составляющих в целом “всеядно” – например, как показано в (14-a), частица *bəʃə* может присоединяться к предложным группам. Пример (14-b) показывает, что и в английском для CN используется стратегия, отличная от стандартного отрицания *do not/don't*. Из всех рассматриваемых языков, только русский (как, опять же, видно из интерпретаций) использует один и тот же показатель *не* во всех функциях, кроме экзистенциального отрицания.

- (14) отрицание составляющих (CN)

⁴ Ср. разную семантику предложений (11-b) и (13-a), отличающихся только отрицательными показателями.

- a. nom [[stol dægrə]=bəfə] xarin dorо хəbtə-nə
книга стол на=NOT но под лежать-PRS
'Книга лежит не на столе, а под (ним).'
- b. The book is not on the table but under it.

В карачаево-балкарском только частица *ıvaj* может использоваться для отрицания составляющих (15-а). Аналогичное предложение с *tüjül* (15-б) нельзя проанализировать даже как содержащее эллипсис глагола *etgen* 'сделал(а)', поскольку частица именного/предикативного отрицания *tüjül* к такой форме глагола присоединиться не может. В итоге (15-б) анализируется как именная предикация, что приводит к бессмысленной интерпретации⁵

(15) отрицание составляющих

- a. alima ulkumla ıvaj, xičinla et-gen-di (карачаево-балкарский)
Алима лакумы NOT, хычины делать-PFCT-3SG
'Алима приготовила не лакумы, а хычины.'
- b. alima ulkumla tüjül(-dü), xičinla et-gen-di
Алима лакумы NEG.PRED-3SG, хычины делать-PFCT-3SG
'Алима не лакумы; хычины приготовила.'

Ограниченная дистрибуция *tüjül* оправдывает выделение отрицания в предложениях идентификации/характеризации (11), (12) в качестве отдельной функции, хотя, как было показано выше, "всеядные" показатели CN тоже допустимы в этом контексте. Насколько мне известно, использование специализированного показателя в именных предикациях – достаточно редкое явление, хотя отрицательные копулы/предикативы со схожей дистрибуцией, возможно, характерны для кавказского ареала (Толдова 2020). Родственный показатель *değil* также есть в турецком (Kornfilt 1997:124-126; Miestamo 2005:15).

В анкете Miestamo and Veselinova (2019) рассматриваются многие другие контексты и конструкции, в которых могут использоваться специализированные показатели/стратегии отрицания: подчинные клаузы, отрицательные ответы, лексикализованное отрицание, отрицательные местоимения и кванторы, деривационные и словоизменительные (в частности, каритив) отрицательные показатели, отрицательные союзы. Большинство этих контекстов/конструкций нерелевантны для данного исследования.

Данные по способам выражения различных функций отрицания обобщены в таблице 1. Как видно из таблицы, показатели CN могут использоваться в именных предикациях, причем даже в карачаево-балкарском (12), где существует и специализированный показатель *tüjül*. Ничто не мешает использовать их и для глагольного отрицания. Пример (16-б) грамматичен, хотя носители отмечают "незаконченность" таких примеров: CN требует эксплицитного или

⁵ Один из опрошенных носителей признал допустимым предложение *alima ulkumla tüjül, xičinla etgendi* с желаемой интерпретацией 'Алима приготовила не лакумы, а хычины', отметив необходимость отсутствия выраженного согласования на *tüjül* в этом и некоторых других аналогичных случаях. Для большинства опрошенных носителей при отрицании составляющих допустимы только варианты с *ıvaj*.

имплицитного противопоставления, утвердительной замены отрицаемой составляющей.

Table 1: Способы выражения различных функциональных типов отрицания в избранных языках

	бурятский	русский	английский	балкарский
стандартное отрицание	- <i>gni</i> (9)	<i>ne</i>	<i>do not, don't</i>	<i>-ma/-me</i>
прохибитив	<i>bɨ=</i> (10)	<i>ne</i>	<i>do not, don't</i>	<i>-ma/-me</i>
отрицание составляющих	= <i>bəfə</i> (14-a)	<i>ne</i>	<i>not</i> (14-b)	<i>ıwaj</i> (15-a)
отрицание в именных предикациях	= <i>bəfə</i> (11)	<i>ne</i>	<i>(is) not</i>	<i>tüjül</i> (12-a)
экзистенциальное отрицание	<i>ɨgi:</i> (13)	<i>net</i>	<i>no</i>	<i>zoq</i>

- (16) a. *bair unta-na-gni*
 Баир спать-PRS-NEG
 ‘Баир не спит.’
- b. *bair unta-na=bəfə* ?(televizor хара-na)
 Баир спать-PRS-NOT телевизор смотреть-PRS
 ‘Баир не спит (, а смотрит телевизор).’

Если показатель SN *-gni* не сочетается с рассматриваемой формой глагола, например, результатом (17-a), приемлемость *=bəfə* без противопоставления возрастает (17-b), т. е. эта частица начинает выполнять функцию SN вместо *-gni*.

- (17) a. **dugar jɨ:mə x-ənxəj-gni*
 дугар что.АСС делать-RES-NEG
 Ожид.: ‘Дугар { что-то / ничего } не сделал.’
- b. *dugar jɨ:mə x-ənxəj=bəfə*
 дугар что.АСС делать-RES=NOT
 ‘Дугар { что-то / ничего } не сделал.’

Исходя из (16) и (17) можно предположить, что и в русском для глагольного отрицания используются показатели как SN, так и CN. Однако, поскольку они имеют одинаковую фонологическую форму *ne*, соответствующие предложения (18) различаются только интонационно.

- (18) a. Петя не_{SN} спит(↘)
- b. Петя не_{CN} спит(↗), а смотрит телевизор

Таким образом, в случае русского языка при рассмотрении стандартного отрицания с неизбежностью приходится учитывать возможность появления CN на его месте. Предлагаемый мной сравнительный анализ некоторых данных, в частности, относительной сферы действия отрицания и модальных глаголов в разделе 7.1, будет опираться в том числе и на это различие между русским и остальными языками (8), которые используют специализированную стратегию SN, см. табл. 1.

Из данных этого раздела можно сделать вывод или, по меньшей мере, предположение, что глагольное/стандартное отрицание действительно представляет собой отдельное языковое

явление, о чем свидетельствует использование для него специализированных показателей во многих языках.

В следующем разделе я рассматриваю сферу действия SN – т. е., его взаимодействия с другими элементами, имеющими сферу действия – “в первом приближении”, имея в виду две цели. Во-первых, я коротко представлю некоторые из вопросов, на которых подробнее останавливаюсь в главе 3. Во-вторых, путем представления этих вопросов я обозначу проблемы для наивной теории, приравнивающей стандартное/сентенциальное отрицание естественного языка к пропозициональному оператору \neg из логики высказываний, т. е. анализирующей предложения типа *Петя не пришел* как ‘ \neg (Петя пришел)’.

1.2. Сфера действия клаузального отрицания

Используемое мной вслед за Payne (1985); Miestamo (2005); Dahl (2010); Veselinova (2013); Brosig (2015); Miestamo and Veselinova (2019) понятие “стандартное отрицание” применяется не всеми исследователями и совершенно нераспространено в формальной лингвистике. Кроме того, само по себе это обозначение функционально – оно опирается на контексты употребления описываемого объекта. В частности в Miestamo and Veselinova (2019:2) оно определяется как “базовый способ отрицания декларативных глагольных главных клауз” (перевод мой; см. дальнейшее обсуждение в разделе 1.3). Наконец, у этого термина, насколько мне известно, нет параллелей в других грамматических/семантических зонах (например, не используются такие термины как “стандартная модальность”, “стандартное наклонение” и т. д.).

Во многих работах используется более содержательное обозначение – сентенциальное отрицание (Jackendoff 1969, 1972; Zanuttini 1991, 1997, 2001; Kahrel 1996; De Naan 1997; Zeijlstra 2004, 2015; Poletto 2008, 2017; Moscati 2010; De Clercq 2013), в русской лингвистике также используется понятие “общее отрицание” или просто (обще)отрицательное предложение (Пешковский 1956; Падучева 2011, 2013). Сентенциальное отрицание, как правило, противопоставляется отрицанию составляющих, см. обсуждение, например, в Zeijlstra (2004:47-51).

В работах Jackendoff (1969, 1972) предлагается простой семантический критерий сентенциального отрицания (19). Этот же критерий используется и Е. В. Падучевой (Падучева 1974, 2011, 2013:18) для выделения общеотрицательных предложений и даже находит отражение в развернутом определении стандартного отрицания (Miestamo 2005:42), см. раздел 1.3.

- (19) Предложение [X-neg-Y] – случай сентенциального отрицания, если оно может быть перефразировано как ‘Неверно, что [X-Y]’.
(Jackendoff 1969:218; перевод мой)

Таким образом, сентенциальное отрицание рассматривается как эквивалент логического пропозиционального⁶ отрицания \neg (20).

⁶ См. подробное обсуждение понятия пропозиции в логическом и лингвистическом освещении в Арутюнова (1976).

- (20) Петя не спит (вариант анализа отрицания *не*)
 = Неверно, что Петя спит
 = $\neg(\text{Петя спит})^7$

Этот же критерий, видимо, имеют в виду исследователи, рассматривающие отрицание как грамматическую категорию уровня целой клаузы (21).

- (21) “В то время как нет сомнения в том, что полярность является свойством клаузы, мнения разнятся по поводу того, должны ли время, аспект и эвиденциальность рассматриваться как относящиеся ко всей клаузе или ...” (Aikhenvald and Dixon 1998:57; перевод мой)

Использование мной понятия “стандартное отрицание” обусловлено противопоставлением стандартного отрицания и сентенциального отрицания в приведенном выше понимании (здесь я следую Miestamo 2005). Несмотря на простоту и кажущуюся привлекательность представленного в (19)-(20) анализа семантики и сферы действия отрицания в естественном языке, легко показать, что он плохо соответствует эмпирическим данным. Добавление практически любой составляющей, каким-либо образом чувствительной к отрицанию или просто имеющей сферу действия, приводит к нарушению наблюдаемого в (19)-(20) соответствия. Ниже я рассмотрю четыре класса таких примеров, очень подробно (хотя и лишь частично пересекающееся с нижеследующим) обсуждение отрицания в философском и логическом освещении и в частности критику (19)-(20) см. в работе Horn (2001) (например, краткое изложение на страницах 504–518), также известной по первому изданию как Horn (1989).

1.2.1. Именные группы

Сфера действия именных групп (ИГ)⁸ относительно отрицания зависит от многих факторов: семантики и синтаксиса самой ИГ, ее позиции в аргументной структуре (субъект vs объект vs адьюнкт и т. д.), линейной позиции, информационной структуры. Кроме того, в разных языках ИГ с предположительно идентичной семантикой (например, универсальные кванторы) в одной и той же позиции (например, субъекта) могут интерпретироваться по-разному относительно маркированного на матричном предикате отрицания. Так или иначе, случаи, когда ИГ интерпретируются над матричным отрицанием в своей клаузе, многочисленны.

Например, в русском языке кванторы *каждый X* и *n X* (где *n* – какое-то число)⁹ даже в позиции объекта при нейтральной интонации интерпретируются над отрицанием. В предло-

⁷ $X = Y$ означает ‘интерпретации *X* и *Y* одинаковы’. В сущности я использую символ = вместо \Leftrightarrow .

⁸ Здесь я понимаю именные группы в широком смысле, включая в эту категорию кванторы, местоимения и другие составляющие, имеющие дистрибуцию примерно совпадающие с референтными выражениями типа *Петя*.

⁹ Предположительно, *n X* является неопределенной ИГ, и, подобно другим неопределенным ИГ, интерпретируется как экзистенциальный квантор. Вопрос интерпретации неопределенных ИГ в безартиклевых языках нетривиален и остается предметом дискуссий. Я возвращаюсь к нему в разделах 3.2.1 и 3.4.4. В данном случае важно в первое очередь существование различий при интерпретации примеров с приглагольным отрицанием *не* и перифрастическим отрицанием *неверно, что*.

жениях с *неверно* наиболее естественная, если не единственная возможная интерпретация – с широкой сферой действия отрицания (22).

- (22) а. Петя не решил каждую задачу(\setminus). $(\forall > \neg, ??\neg > \forall)$
 \neq Неверно, что Петя решил каждую задачу. $(\neg > \forall, ??\forall > \neg)$
 б. Петя не прочитал 3 книги(\setminus). $(\exists > \neg, ??\neg > \exists)$
 \neq Неверно, что Петя прочитал 3 книги. $(\neg > \exists, ??\exists > \neg)$

Еще бóльшие проблемы для теории (19) обнаруживаются в предложениях с кванторами и единицами с отрицательной полярностью/поляризацией (negative polarity items; далее – NPI) в позиции субъекта. Существует наблюдение, что предложения с (“сентенциальным”) отрицанием и универсальным квантором в позиции субъекта не очень грамматичны (Beghelli and Stowell 1997; Zeijlstra 2004:76-78), однако при добавлении еще одного квантора они существенно улучшаются¹⁰, поэтому в (23) я использую примеры с двумя кванторами. В данном случае важно, что отрицание имеет узкую сферу действия в (23-а), (23-б) и широкую – в (23-с).

- (23) а. Every boy didn't read one book. (Beghelli and Stowell 1997:96)
 ‘Каждый мальчик не прочитал одну книгу.’ $(\forall > \exists > \neg)$
 б. Каждый мальчик не прочитал хотя бы одну книгу $(\forall > \exists > \neg)$
 с. Неверно, что каждый мальчик прочитал хотя бы одну книгу $(\neg > \forall > \exists)$

Можно предположить, что сфера действия над отрицанием обусловлена информационной структурой, а не субъектностью. Известно, что топик, как правило, не попадает в сферу действия отрицания (Payne 1985; Miestamo 2005:5). Поскольку в русском языке синтаксический субъект в предглагольной позиции при нейтральной интонации обычно является топиком (см. Geist 2010; Borik 2016 среди прочих), сфера действия над отрицанием ожидаема. Однако субъект интерпретируется над отрицанием даже если он в фокусе и линейно расположен на правой периферии. Для получения фокусной интерпретации субъекта я использую стандартный контекст со специальным вопросом (24). Если бы составляющая *каждый третий* интерпретировалась под отрицанием, пример имел бы интерпретацию ‘неверно, что первую задачу решил каждый третий студент’, допускающую продолжение ‘ее решил всего один студент’. Однако соответствующее продолжение, как показано в (24), недопустимо.

- (24) Кто (не) решил первую задачу? – Первую задачу не решил каждый третий студент.
 #Ее решил всего один студент $(*\neg > \text{каждый третий})$

Как видно, в моноклаузальных предложениях субъект интерпретируется над отрицанием. Это подтверждается и известной субъектно-объектной (или пре- vs постглагольной, см. (196)) асимметрией лицензирования NPI (25), (16).

¹⁰ Это явление обсуждается в разделе 3.2.4.

- (25) a. I did not see **any lions**. (Partee 2005:2)
 b. ***Anyone** didn't come. (Lahiri 1998:78)
- (26) a. Я не убеждаю **кого-либо** в своей правоте, а пытаюсь сам в ней убедиться.¹¹
 b. ***Кто-либо** не пришел.

Если бы во всех предложениях в (25) и (26) отрицание действительно имело сентенциальную сферу действия, соответствующая асимметрия не наблюдалась бы. Я возвращаюсь к обсуждению взаимодействия отрицания с ИГ в главе 3.

1.2.2. Фокусные операторы

Фокусные операторы по разному взаимодействуют с отрицанием в языках мира, см. обсуждение в (Gast and Van der Auwera 2011, 2013) и разделе 3.1. В этом разделе я сосредоточусь на рассмотрении русских фокусных операторов *даже*, *только* и *почти*. Упрощенная стандартная семантика *даже* представлена ниже.

- (27) семантика [*даже* p] (упрощенный стандартный вариант)
- a. ассерция: p.
 b. пресуппозиция: p маловероятно.
 c. пример: Петя был даже на Камчатке.
 ‘П. был на Камчатке (27-а) & посещение Камчатки – маловероятное событие (27-б).’

В отрицательных предложениях *даже* имеет сферу над отрицанием, которое появляется в асертивном и пресуппозициональном компоненте значения (28).

- (28) Петя не читал даже “Бесов”. (даже > ¬, *¬ > даже)
- a. ассерция: Петя не читал “Бесов”.
 b. пресуппозиция: не (про)читать “Бесов” – маловероятное положение вещей (т. е., от человека обычно ожидается, что он читал “Бесов”).

Широкая сфера действия *даже* подтверждается и возможностью сочетания с нижней точкой шкалы (в отрицательном предложении), например, числительным *один*. Утвердительное предложение (29-а) – прагматически странное, поскольку *даже* проецирует пресуппозицию ‘Решение Петей одной задачи – это маловероятная альтернатива.’ Однако (при стандартном анализе семантики числительных как ‘по меньшей мере n’) решение одной задачи в любом случае является наиболее вероятной альтернативой (по сравнению с решением двух задач и т. д.), поэтому данная пресуппозиция не может соблюдаться в естественном контексте¹². С другой стороны,

¹¹ НКРЯ; Федя (nick). Конфликт цивилизаций (миф или реальность) (2006)

¹² Из того, что Петя решил по меньшей мере 2 задачи, следует, что Петя решил по меньшей мере 1 задачу. Иными словами, утверждение *Петя решил 1 задачу* истинно во всех ситуациях, где Петя решил хоть сколько-нибудь задач и потому является наиболее вероятной альтернативой.

предложение с отрицанием (29-b) абсолютно приемлемо. Его интуитивная интерпретация получается при сфере действия *даже* над отрицанием – если бы в (29-b) *даже* интерпретировалось под отрицанием, то пресуппозиции в (29-a) и (29-b) были бы одинаковы и, соответственно, предложения были бы одинаково девиантны¹³.

- (29) а. #Петя решил даже ОДНУ(↗) задачу.
 #‘Петя решил одну задачу, и это маловероятное событие.’
 б. Петя не решил даже ОДНУ(↗) задачу = даже [Петя не решил одну задачу].
 ‘Петя не решил ни одной задачи, и это маловероятное событие.’

Как и *даже*, при нейтральной интонации *только* интерпретируется над отрицанием. Стандартная семантика *только* представлена в (30).

- (30) семантика [*только* р] (упрощенный стандартный вариант)
 а. ассерция: все альтернативы р ложны.
 б. пресуппозиция: р.
 с. пример: Петя видел только Аню.
 ‘Петя видел Аню (30-b) & Петя не видел Сашу, Петя не видел Камилу и т. д. (30-a).’

В отрицательных предложениях *не* оказывается в сфере действия *только* и, таким образом, попадает в пресуппозицию и исчезает (в результате двойного отрицания) из ассерции (31).

- (31) Петя не видел только Аню. (только > ¬, *¬ > только)
 ‘Только Аня такая, что Петя не видел ее.’
 а. пресуппозиция: Петя не видел Аню.
 б. ассерция: Петя видел Сашу, Камилу, ... (остальных индивидов из контекстно заданного множества)

Узкая сфера действия (стандарного) отрицания *-gni* относительно оператора *gansa* ‘только’ наблюдается и в бурятском языке (32-b). Показатель отрицания составляющих =*bəfə* имеет широкую сферу действия (32-c). Можно было бы предположить, что это и есть настоящий показатель сентенциального отрицания по Jackendoff (1969, 1972); Падучева (1974, 2011, 2013), однако, как уже было показано в разделе 1.1, в элементарных предложениях типа (16) он требует противопоставления, что нехарактерно для показателей SN. В разделе 1.3 будут представлены дополнительные аргументы в пользу того, что именно внутреннее отрицание *-gni* является стандартным.

¹³ (29-b) можно анализировать и с узкой сферой действия *даже*. Обсуждение и критику этого анализа см. в разделе 3.1.3.

- (32) a. sajana gansa səlməg-i:jə xar-a: (бурятский)
Саяна только Сэлмэг-АСС видеть-PST
'Саяна видела только Сэлмэг'
- b. sajana gansa səlməg-i:jə xar-a:-gɲi
Саяна только Сэлмэг-АСС видеть-PST-NEG
'Саяна не видела только Сэлмэг' (только > ¬)
- c. sajana gansa səlməg-i:jə xar-a:=bəʃə
Саяна только Сэлмэг-АСС видеть-PST=NOT
'Саяна видела не только Сэлмэг' (¬ > только)

Наконец, аналогичные свойства наблюдаются и у частицы *почти*¹⁴. При нейтральной интонации она интерпретируется над отрицанием (33-а). Интерпретация с узкой сферой действия возможна при интонационном выделении глагола (33-б) или фокусной составляющей (33-с).

- (33) a. Петя не решил почти десять задач (, а именно целых девять).
∃ почти 10 > ¬: из 30 задач Петя решил 21 и не решил 9
- b. (Нет,) Петя НЕ РЕШИЛ(↗) почти десять задач (, он решил всего пять).
¬ > ∃ почти 10: из 20 задач Петя решил 5 и не решил 15
- c. (Нет,) Петя не решил ПОЧТИ ДЕСЯТЬ(↗) задач (, он решил всего пять).
¬ > ∃ почти 10: из 20 задач Петя решил 5 и не решил 15

При так называемом “металингвистическом” отрицании (Horn 2001), сопровождающемся маркированной интонацией, узкая сфера действия возникает и в случае других фокусных частиц (34), (35). Например, в предложениях с *даже* (34-а) и (34-б) ассертивный компонент совпадает ('у меня нет 1000 рублей'), однако пресуппозиции различаются наличием отрицания, поскольку только в первом случае (34-а) отрицание вступает в деривацию до *даже* и, соответственно, попадает в пресуппозицию.

- (34) a. У меня нет даже жалкой 1000 рублей
даже > ¬: 'У меня нет 1000 р. & не иметь 1000 р. – маловероятная ситуация.'
- b. Диана: У меня есть 500 рублей, а у Пети – даже целая 1000.
Петя: У меня НЕТ(↗) даже 1000 рублей (, у меня только 900)
¬ > даже: 'У меня нет 1000 р. & иметь 1000 р. – маловероятная ситуация.'
- (35) a. Петя не решил только одну задачу (, а остальные решил).
только > ¬: 'Существует только одна задача X такая, что Петя не решил ее.'
- b. Петя не решил только ОДНУ(↗) задачу (, он решил все задачи).
¬ > только: 'Неверно, что Петя решил только одну задачу.'

¹⁴ Эксплицитную презентацию семантики этого показателя я пока что оставляю в стороне. В примерах (33) читатель может рассматривать его как синонимичный модификатору *примерно* или конструкции *чуть менее, чем*.

Как уже указано в интерпретации примера (35-b) выше, при использовании перифразического отрицания *неверно, что ...* фокусные частицы попадают в его сферу действия (36).

- (36) а. Неверно, что Петя был даже на Камчатке.
 $\neg >$ даже: ‘Петя не был на К. & посещение К. – маловероятное событие.’
 б. Неверно, что Петя видел только Аню. (Он видел и Аню, и Сашу.)
 в. Неверно, что Петя решил почти 10 задач. (Он решил всего 5.)

В целом, в простых отрицательных предложениях фокусные частицы в русском языке интерпретируются над отрицанием. Это не специфическая особенность русского языка. В разных языках частицы типа *даже* и *почти* иногда имплицитно или эксплицитно (Giannakidou 2007; Spector 2014) анализируются как единицы с положительной полярностью/поляризацией (positive polarity items; PPIs), т. е. как показатели, которые не могут находиться в сфере действия отрицания (по крайней мере, в пределах той же клаузы). Обсуждению взаимодействия отрицания с фокусными частицами и “металингвистического” отрицания посвящена глава 3.

1.2.3. Градуальные предикаты

Не вдаваясь в тонкости этой области семантики, градуальными предикатами я буду называть глаголы и предикативы, допускающие модификацию наречиями типа *очень*, *сильно*, *немного* и т. п. При отрицании таких предикатов наблюдается явное несоответствие внутреннего и внешнего отрицания.

- (37) а. Я не люблю шпинат \neq Неверно, что я люблю шпинат.
 б. Я не хочу шпинат \neq Неверно, что я хочу шпинат.
 в. Мне не повезло \neq Неверно, что мне повезло.

Утверждения с внутренним отрицанием (как и во многих предыдущих случаях) более сильные, чем с внешним. Например, утверждения с ‘неверно, что’ в (37-а) и (37-б) совместимы с тем, что говорящий вообще не имеет никакого мнения по поводу шпината. Исходные утверждения с внутренним отрицанием сообщают о негативном отношении говорящего к шпинату в целом или в данный момент. В Horn (2001) соответствующие типы отрицания (вслед за Аристотелем) обозначаются как противоречие (contradiction) и противоположность (contrariety).

Противоречие эквивалентно пропозициональному отрицанию (19), (20). Оно сообщает лишь, что отрицаемая пропозиция неверна, и подчиняется закону исключенного третьего, три (эквивалентные) формулировки которого представлены в (38).

- (38) Закон исключенного третьего (law of excluded middle; LEM)
 а. $p \vee \neg p = 1$
 б. Или утверждение, или его отрицание истинно.

с. Утверждение и его отрицание не могут быть ложными одновременно.

LEM на примере предложений (37) показан в (39). Утверждения в (39) представляются тривиально истинными.

- (39) а. Я люблю шпинат или неверно, что я люблю шпинат.
 б. Мне повезло или неверно, что мне повезло.

Внутреннее отрицание градуальных предикатов приводит не к противоречию, а к противоположности. Поскольку между противоположностями (в зависимости от предиката) существует некая середина, они могут быть ложными одновременно, т. е. LEM не соблюдается, см. условие (38-с).

- (40) Chris is neither happy nor not happy (she's feeling sort of blah) (Horn 2001:505)
 ‘Крис ни счастлива, ни несчастлива (Она чувствует себя ни так, ни сяк).’

- (41) а. Нельзя сказать, что я люблю шпинат. И нельзя сказать, что я не люблю шпинат.
 ... В последний раз я ел шпинат 10 лет назад, и уже совсем не помню его вкус.
 ... Ведь я ни разу не пробовал шпинат.
 б. Нельзя сказать, что мне повезло. И нельзя сказать, что мне не повезло.
 ... В целом, все случилось, как я ожидал.
 ... Везение тут вообще ни при чем.

Обсуждая подобные и некоторые другие примеры Л. Хорн, как и я в этом разделе, приходит к выводу, что в естественном языке сентенциальное, а точнее предикатное отрицание в его теории (predicate denial), необязательно должно соответствовать пропозициональному отрицанию, перефразируемому как ‘неверно, что...’ (Horn 2001:506). В дальнейшем в этой работе я не буду останавливаться на обсуждении отрицания градуальных предикатов, хотя в главе 5 обсуждается, возможно, схожее явление – подъем отрицания.

Еще одно несоответствие наблюдается при модификации градуальных предикатов (42).

- (42) Я очень не люблю шпинат. (очень > \neg)
 \neq Неверно, что я очень люблю шпинат. (\neg > очень)

Взаимодействие отрицания с наречиями вообще представляет очередную большую проблему для теории пропозиционального отрицания (19), чему посвящен следующий раздел.

1.2.4. Наречия

Взаимодействие отрицания с наречиями в русском языке подробно обсуждает Падучева (2013). В частности, она выделяет два класса предложений, когда “общее” отрицание невозможно (Падучева 2013:25-27). В обоих случаях недопустимость общего отрицания может провоци-

роваться наречиями. Ниже я кратко излагаю анализ Падучевой для обоих случаев и предлагаю простое альтернативное объяснение, в соответствии с которым невозможность общего отрицания вытекает из сферы действия наречий над отрицанием без привлечения дополнительных ограничений.

Наречия образа действия

Как отмечает Падучева (2013:45) отрицание предложений с наречиями образа действия (опять же, при немаркированной интонации) приводит к аномальности (43).

- (43) а. Он резко затормозил; Он тщательно оделся; Он немедленно ушел;
Он вскоре сделался негодяем.
б. *Он резко не затормозил; *Он тщательно не оделся; *Он немедленно не ушел;
*Он вскоре не сделался негодяем. (Падучева 2013:45)

Наречия образа действия в предложениях (43) Падучева (2013:46-47) рассматривает как “рема-тические модификаторы”, вносящие в интерпретацию дополнительный ассертивный компонент. Предложение *он резко затормозил* анализируется в таком случае как конъюнкция двух ассерций (44).

- (44) Он резко затормозил (Падучева 2013:47)
= ‘он затормозил’ [ассерция]
& ‘торможение резкое’ [дополнительная ассерция; рематический модификатор]

Отрицание этого предложения анализируется Падучевой как внешнее, т. е. отрицание конъюнкции. На возможность отрицания конъюнкции Падучева (2013:26) накладывает запрет, поскольку оно дает “сложный дизъюнктивный смысл, которого естественный язык избегает” (Падучева 2013:48).

- (45) не (он резко затормозил) = не (он затормозил & торможение резкое)
= ‘то ли он затормозил не резко, то ли он не затормозил вообще’. (Падучева 2013:48)

Нетрудно показать, что этот запрет не имеет независимой мотивации и противоречит другим данным. Во-первых, допустимое предложение с внешним отрицанием представляет собой точно такое же отрицание конъюнкции.

- (46) Неверно, что он резко затормозил
а. ... он затормозил плавно
б. ... он вообще не затормозил

Во-вторых, существуют и моноклаузальные предложения с отрицанием конъюнкции:

- (47) Даша: Вася спал у себя в комнате, а Петя спал на диване.

- Петя: Я не спал на диване. = не (А: ‘я спал’ & В: ‘сон был на диване’)
- а. ... я спал на кресле (отрицание В)
- б. ... я вообще не стал ложиться спать (отрицание А)

Наконец, предложения в (43-b) воспринимаются как неграмматичные или семантически странные, но не вычислительно сложные, как следовало бы ожидать в теории Падучевой.

С другой стороны, предположение об узкой сфере действия отрицания объясняет неграмматичность предложения **он резко не затормозил* без дополнительных допущений. Вне зависимости от его анализа как конъюнкции ассерций или как ассерции и пресуппозиции, вводимой наречием образа действия (Падучева 2013:47; Beaver et al. 2021), оно получается семантически аномальным (48)¹⁵.

- (48) *Он резко не затормозил.
 = он не затормозил (пресуппозиция)
 & #это (не-торможение) произошло резко (ассерция)

Эпистемические, темпоральные и другие “высокие” наречия

Эпистемические и некоторые другие наречия, наоборот, грамматичны в отрицательных предложениях и интерпретируются за пределами сферы действия отрицания. В некоторых случаях перефразировки с внешним отрицанием представляются не вполне грамматичными (49).

- (49) а. Петя { скорее всего / наверное / возможно } не придет.
 ≠ ?Неверно, что Петя { скорее всего / наверное / возможно } придет.
- б. Иван, к счастью, не сможет прийти в редакцию.
 ≠ ?Неверно, что Иван, к счастью, сможет прийти в редакцию.
- с. Дождь давно не идет.
 ≠ Неверно, что дождь давно идет.

Для объяснения случаев типа (49-b) Падучева (2013:25) предлагает еще одно ограничение: “простое отрицание предложения невозможно, если в нем главным семантическим оператором является слово, значение которого целиком состоит из презумпции”¹⁶. Оно призвано объяснить неотрицаемость как предложений с наречиями типа *к счастью*, так и предложений с частицей *даже* (50), семантический вклад которой, как обсуждалось выше, в стандартном анализе действительно сводится к введению пресуппозиции низкой вероятности (27) (хотя у *даже* есть и несодержательный ассертивный компонент, что, видимо, противоречит анализу Падучевой).

¹⁵ Собственно говоря, сама Падучева (2013:48) рассматривает такой вариант объяснения неграмматичности предложений типа (48).

¹⁶ Презумпция – пресуппозиция в терминологии Падучевой.

- (50) а. Его даже Канкрин считал очень способным человеком
 б. не (его даже Канкрин считал очень способным человеком) = ???
 с. Иван, к счастью, сможет прийти в редакцию
 д. не (Иван, к счастью, сможет прийти в редакцию) = ??? (Падучева 2013:26)

Однако, как было показано выше, пресуппозициональный оператор *даже* допускает как отрицание через *неверно, что* (36-а), так и приглагольное отрицание при маркированной интонации (34-б). Таким образом, постулируемый запрет отрицания пресуппозициональных операторов имеет сомнительную описательную и объяснительную силу и в целом безболезненно заменяется независимо обоснованным предположением об узкой сфере действия *не* относительно фокусных операторов, эпистемических и других “высоких” наречий.

Агентивные наречия

Наиболее проблемный для теории (19), на мой взгляд, класс примеров в каком-то смысле объединяет два предыдущих случая – в них наречие образа действия (51-а) или агентивное наречие (51-б) интерпретируются над отрицанием, и при этом предложение грамматично. Предложение с внешним отрицанием может быть не только не эквивалентно семантически (51-б), но и в некоторых случаях аномально (51-а).

- (51) а. Петя упорно не соглашался с Ксюшей.
 ≠ #Неверно, что Петя упорно соглашался с Ксюшей.
 б. Петя намеренно не уведомил Дашу о проблеме.
 ≠ Неверно, что Петя намеренно уведомил Дашу о проблеме.
 с. Петя явно не одобрял происходящее.
 ≠ Неверно, что Петя явно одобрял происходящее.

Несмотря на наличие отрицания, предложения в (51) можно назвать утвердительными – в них утверждается существование событий/ситуаций, в которых Петя является активным и волевым участником, прикладывающим определенные усилия (51-а) или принимающим определенные решения (51-б). Даже предложение (51-с) имплицитно предполагает существование некоторой ситуации, в которую ментально вовлечен Петя, ср. (52).

- (52) В углу спал на диване Петя. #Он (явно) не одобрял происходящее.

Как следует из (51) функция отрицания не сводится к утверждению несуществования в актуальном мире определенной ситуации. В терминах структуры событий в (51-а), (51-б) и, более спорно, (51-с) над отрицанием интерпретируется каузирующее или какое-то иное подсобытие.

1.2.5. Выводы

Всякое значимое для отрицания усложнение элементарных предложений типа *Петя не спит* приводит к тому, что оно **не** интерпретируется как пропозициональное отрицание с ши-

рокой сферой действия $\neg p$. Это наблюдается не только в русском, но и в других языках, как было показано в отдельных случаях на примере бурятского и английского, см. также Horn (2001).

Таким образом, семантический критерий (Jackendoff 1969, 1972) при обсуждении данных естественных языка едва ли имеет смысл. Рассмотрим его еще раз в более развернутой формулировке Падучевой:

- (53) “Общее правило для русского языка состоит в том, что отрицание присоединяется к слову, которое соответствует **семантической вершине** предложения, т. е. главному семантическому оператору, который участвует в его построении.” (Падучева 1974:154)

Это правило принимается в некоторых последующих работах, например в Богуславский (2001). Апелляция к семантической вершине призвана обеспечить соблюдение критерия (19), поскольку, как было показано выше, маркирование отрицания на глаголе (являющемся синтаксической вершиной в теории Падучевой) во многих случаях приводит к несоответствию пропозициональному отрицанию $\neg p$.

Выше обсуждались многочисленные примеры с несоблюдением LEM, в завершение этого раздела рассмотрим более тяжелый случай, когда не соблюдается даже закон противоречия (law of contradiction; LC): $p \wedge \neg p = 0$. Предложения с толерантными операторами (Löbner 1985; Horn 2001; Gajewski 2005:86) типа кванторов *меньше X* или *ровно X* могут быть одновременно истинными с отрицанием и без него:

- (54) а. Fewer than 4 of my friends are linguists and fewer than 4 aren't. (Gajewski 2011:131)
 б. Меньше 4 моих друзей пришли и меньше 4 не пришли.
 (у меня всего 6 друзей; трое – пришли, трое – нет.)

Для соблюдения критерия (19) и, в частности, LEM и LC требуется отрицание квантора, а не глагола. В предложении (55) представлено подлинное противоречие по Хорну и соответственно подлинное сентенциальное отрицание по Джекендоффу и Падучевой.

- (55) а. #Меньше 4 моих друзей пришли и не меньше 4 моих друзей пришли.
 б. # $p \wedge \neg p$

В случае с оператором *только* для получения противоречия также необходимо макрировать отрицание на *только*, а не глаголе:

- (56) а. Только 4 человека пришли и только 4 человека не пришли.
 (всего было 8 человек; 4 пришли, 4 не пришли)
 б. #Только 4 человека пришли и не только 4 человека пришли.

Таким образом, чисто логический критерий Джекендоффа (19) или правило Падучевой (53)

не выделяют никакой лингвистически релевантный объект¹⁷. В русском языке для получения “сентенциального отрицания” в зависимости от предложения необходимо перемещать частицу *не*, в английском – заменять вспомогательный глагол *don't* на частицу *not* (*fewer than four*), в бурятском – *-gni* на *=bəfə* (32). Поскольку в русском и других рассматриваемых здесь языках не существует показателя, который бы специализировано выполнял функцию “сентенциального отрицания” ($\neg p$), само это понятие в его противопоставлении отрицанию составляющих может корректно использоваться лишь в чисто дескриптивных целях: “перед нами тот случай, когда соблюдаются LEM и LC”.

Вопреки ожиданиям теории сентенциального отрицания, как раз показатели CN, например бурятский *=bəfə* (57-а), могут иметь именно сентенциальную сферу действия.

- (57) а. [хубу:n gitara də:rə na:d-a:] = bəfə xarin basagan tango xatar-a:
 мальчик гитара на играть-PST=NOT но девушка танго танцевать-PST
 ‘Не мальчик играл на гитаре, а девушка танцевала танго.’ (Аксенова 2015:46)
- б. Не [мальчик играл на гитаре], а [девушка танцевала танго].

Неясно становится и что имеют в виду исследователи, называющие полярность (в отличие от времени, аспекта, эвиденциальности) грамматической категорией уровня всей клаузы (Aikhenvald and Dixon 1998:57). Маркированное на глаголе отрицание не только интерпретируется ниже кванторов и фокусных операторов, но и может отрицать конкретное подсобытие (51) и даже появляться несколько раз в одном предложении/клаузе (1).

Наконец, само понятие “грамматическая полярность” представляется не очень удачным. Во-первых, предложения, различающиеся только значением этой грамматической категории необязательно вступают в противоречие. Во-вторых, некоторые предложения, например с агентивными наречиями (51), фактически являются утвердительными, несмотря на присутствие в них (приглагольного) отрицания. В дальнейшем я буду использовать понятия “сентенциальное отрицание” и “полярность” только при обсуждении чужих теорий или в чисто дескриптивном смысле (‘отрицание со сферой действия над всем предложением’).

Итак, для исследования грамматического отрицания, в частности его позиции в структуре клаузы и сферы действия, необходимо сначала определить его, и логико-семантический критерий, при всей его простоте и интуитивной привлекательности, для этого не подходит. В следующем разделе я рассматриваю определение и критерии стандартного отрицания, а также привожу аргументы в пользу его грамматического статуса.

¹⁷ Независимо от (не)принятия логико-семантического критерия, использование перефразистических конструкций типа *неверно, что* и *it is not the case that* в качестве эквивалента сентенциального отрицания само по себе проблематично. Во-первых, такие конструкции биклаузальны, т. е. предлагается использовать биклаузальные конструкции для описания моноклаузальных. Во-вторых, “предикаты (не)правды” типа *(не)верно, что* сами по себе имеют непустую семантику, т. е., строго говоря, даже предложения *Петя не пришел* и *неверно, что Петя пришел* имеют немного разные условия истинности, см. обсуждение в разделе 2.3.1.

1.3. Стандартное отрицание как грамматическая категория

1.3.1. Определение стандартного отрицания

В известной типологической работе (Miestamo 2005) предлагается следующее определение стандартного отрицания:

- (58) ‘Конструкция стандартного отрицания – это конструкция,
 (а) функция которой – модифицировать главную клаузу с декларативной формой глагола, выражающую пропозицию p , таким образом, что модифицированная клауза выражает пропозицию с противоположным истинностным значением относительно p , т. е., $\neg p$, или пропозицию, используемую в качестве ближайшего эквивалента $\neg p$, в случае когда клауза, выражающая $\neg p$, не может быть сформирована в языке и
 (б) которая является (одним из) продуктивных и общих способов выполнения этой функции в данном языке.’
 (Miestamo 2005:42; перевод и разделение на пункты (а), (б) – мои)

В свете предыдущего раздела понятно, что это определение не совсем удачно, поскольку в качестве точки опоры оно использует все то же отрицание $\neg p$ из логики высказываний. Во-первых, в неэлементарных случаях семантика SN не соответствует пропозициональному $\neg p$ (раздел 1.2). Иными словами, семантический вклад (предположительно) стандартного отрицания *не* в предложении *Петя не пришел* совпадает с пропозициональным отрицанием $\neg p$ лишь потому, что в предложении нет других составляющих со сферой действия. Таким образом, в общем случае функция *не* (и аналогичных показателей в других языках) не соответствует описанию в пункте (а) в (58).

Во-вторых, существуют продуктивные показатели, способные выполнять именно такую функцию. Например, в бурятском частица =*bəfə*, благодаря своей способности отрицать любую составляющую, в том числе и целую клаузу (57), в большей степени соответствует определению (58). В примере (32), повторенном ниже как (59), именно =*bəfə*, а не *-gni*, дает соблюдающее законы противоречия и исключенного третьего пропозициональное отрицание. Возможна такая ситуация, в которой из двух предложений (59-а) и (59-б) ни одно не истинно, что нарушает ЛЕМ. Например, если Саяна видела Сэлмэг и Дариму, то (59-а) ложно, а (59-б) либо ложно, либо нарушает пресуппозицию (‘Саяна не видела Сэлмэг’) в зависимости от анализа *gansa* ‘только’¹⁸.

- (59) а. sajana gansa səlməg-i:jə xar-a:
 Саяна только Сэлмэг-АСС видеть-РСТ

¹⁸ Что касается (59-а) и (59-с), то их русские интерпретации могут быть одновременно ложными (или нарушающими пресуппозицию), в случае если Саяна не видела никого. При обсуждении предложения типа (59-с) один из бурятских носителей сообщил, что оно может быть истинным даже в таком случае, т. е. имеет интерпретацию типа ‘неверно, что Саяна видела только Сэлмэг (она не видела вообще никого).’

- ‘Саяна видела только Сэлмэг’
- b. sajana gansa səlmæg-i:jə xar-a:-gɲi
Саяна только Сэлмэг-АСС видеть-РST-NEG
‘Саяна не видела только Сэлмэг’ (только > ¬)
- c. sajana gansa səlmæg-i:jə xar-a:=bəʃə
Саяна только Сэлмэг-АСС видеть-РST=NOT
‘Саяна видела не только Сэлмэг’ (¬ > только)

Не остается ничего лучше, как сделать шаг назад к Payne (1985) и принять более неформальное определение (60), используемое в том числе и в Miestamo and Veselinova (2019).

- (60) Стандартное отрицание (Miestamo and Veselinova 2019:2; перевод мой)
(Базовый) способ отрицания декларативных глагольных главных клауз.

Несмотря на неформальность этого определения, как предполагает Пэйн, “полевой лингвист в большинстве случаев без труда установит, что является стандартным отрицанием” (Payne 1985:206; перевод мой). В более развернутом и дополненном мной виде критерии/признаки SN представлены в (61).

- (61) Критерии/признаки SN
- a. Используется для отрицания (i) глагольных; (ii) декларативных; (iii) главных, в т. ч. простых клауз;
- b. Не имеет побочных семантических эффектов, например, требования противопоставления, ср. (16);
- c. Проявляет признаки грамматического статуса (73).

Оставшаяся часть этого раздела посвящена более подробному раскрытию (61-с).

1.3.2. Критерии грамматического статуса и их применимость

В литературе можно встретить предположения о том, что в том или ином виде отрицание грамматикализовано во всех языках (Aikhenvald and Dixon 1998:57; Van Valin Jr. 2005:9; Willis et al. 2013:1)¹⁹. Несмотря на его предположительное присутствие во всех языках, грамматический статус отрицания неочевиден. Например, можно предположить, что отрицание – это наречие/интенсификатор, входящее в парадигму типа такой: *очень хочу, сильно хочу, немного хочу, не хочу*. Далее, сочетания типа **очень пришел* (vs *не пришел*) можно исключить на семантических основаниях. Собственно говоря, анализ отрицания как наречия достаточно популярен в случае германских языков (см. Naegeman 1995; Zeijlstra 2004, 2008 и обсуждение далее).

Во-вторых, как уже упоминалось во введении, (стандартное) отрицание с трудом соот-

¹⁹ Авторы специализированных исследований (Forest 1993:59-64, Miestamo 2005:5,169) не обнаружили полноценных контрпримеров.

ветствует известным критериям грамматического значения/статуса²⁰. В (62) приводятся два традиционных критерия (Voas 1938), в (63) – два новых, предложенных в Boye (2010) и Boye and Harder (2012) соответственно.

- (62) Классические критерии грамматического значения/статуса
- a. Обязательность – значение *g* входит во множество (грамматическую категорию) *G*, такое, что в составе словоформы должно быть выражено одно из значений из множества *G*. (Плунгян 2010:21)
 - b. Единственность – в составе словоформы не могут быть выражены одновременно два значения из множества. *G* (Плунгян 2010:21)
- (63) Дополнительные критерии грамматического значения/статуса
- a. Непрерывность семантической зоны – значения *g*, формирующие грамматическую категорию *G*, занимают непрерывную область на соответствующей семантической карте. (Boye 2010:8)
 - b. Дискурсивная вторичность – в частности, показатель грамматического значения не может вводить референта или быть в фокусе. (Boye and Harder 2012:13-15)

Применение всех четырех критериев приводит к неоднозначным результатам.

Оппозиция значений в случае отрицания представляется привативной (отрицание – нет отрицания), а не эквиолентной (например, совершенный – несовершенный вид). Критерий обязательности (62-а), таким образом, соблюдается, если предположить, что в утвердительных предложениях присутствует скрытый показатель утвердительности – пустой и фонологически, и семантически, см. обсуждение в Cinque (1999:121-126). Вариант такого анализа предлагается в Laka (1990). В этой теории показатель отрицания занимает функциональную вершину Σ , в которой кодируется истинностное значение предложения или пресуппозиции говорящего. Отрицание находится в дополнительном распределении с двумя другими показателями, способными занимать соответствующую вершину – фонологически пустым утвердительным показателем и показателем эмфатического/контрастивного утверждения (*so* в английском, *ba* в бакском).

- (64) a. A: Peter left early ‘Питер ушел рано.’
 b. B: Peter didn’t left early ‘Питер не ушел рано.’
 c. C: Peter did so left early ‘(Нет,) Питер УШЕЛ рано.’ (Laka 1990:103)

Как было замечено еще в Klima (1964:257) *not* и эмфатическое *so* обладают некоторыми общими свойствами. В частности, они вызывают *do*-support (64-с) и не сочетаются друг с другом (65).

- (65) *The writers didn’t so believe the boy. (Laka 1990:103)

²⁰ В. А. Плунгян (2010:17-44) рассматривает различия между грамматическими и лексическими значениями, множество грамматических значений формирует грамматическую категорию. Boye (2010) использует понятие “cross-linguistic generic category”, Boye and Harder (2012) используют понятие “grammatical status”.

Другой кандидат на звание множества обязательных значений, частью которого может быть отрицание – иллюкутивная сила. В Givón (2018) (в оригинале 1979) предлагается рассматривать отрицание в качестве разновидности речевого акта, что (хотя Гивон и не преследует такую цель) обеспечивает соблюдение критерия обязательности. Обсуждение, а точнее критику этой теории, в том числе и ее генеративной формализации (Moscati 2006, 2010), я откладываю до раздела 2.1.6.

Что касается критерия единственности (62-b), то он соблюдается тривиальным образом. Во-первых, один из участников оппозиции (утверждение) не маркируется, соответственно, нет морфонологической возможности построить словоформу, в которой одновременно были бы выражены утверждение и отрицание²¹. Во-вторых, утверждение и отрицание сами по себе противоречивы, что автоматически обеспечивает соблюдение критерия единственности. Однако, в отличие от других грамматических категорий, отрицание может быть выражено в одной и той же клаузе несколько раз, причем не как “конкорд” (1), (66).

(66) Я больше не буду не спать по ночам!!!²²

Это, однако, не является аргументом против единственности отрицания, поскольку помимо грамматического SN существует и омонимичное ему в русском языке CN (отрицание составляющих). В языках типа бурятского использование двух разных типов отрицания эксплицитно маркируется двумя разными частицами. В (67) я привожу пример из близкородственного бурятскому монгольского (халха), в котором используются показатели *güi* и *biš* (когнаты бурятских *-gni* и *=bəfə* соответственно).

(67) а. Контекст: когда я включаю свет, похоже, что лампочку еще не поставили
 б. *güi=ee, ċi:deng-gii=n xii-gee=güi biš=ee, en-ċen*
 нет=EMPH, лампочка-ACC=3POSS делать-RES=NEG NOT=EMPH, этот-STC
šat-c=iin (халха)
 гореть-PST=PTCL
 ‘Нет, не лампочку не вкрутили, а она (уже) перегорела.’²³

Таким образом, возможность двойного отрицания не противоречит предположению о единственности SN. Обсуждение различных вариантов анализа примеров типа (66), (67), см. в следующих разделах этой главы.

Критерий непрерывности семантической зоны (63-b), как и предыдущие, едва ли применим в случае отрицания/полярности по той же причине “ущербности” парадигмы значений в этой категории. Для того, чтобы показать разрывность семантической зоны отрицания/полярности, необходимо прежде всего найти показатель, который мог бы выражать как утверждение, так

²¹ Если принять теорию Laka (1990), в которой отрицание и эмфатическое утверждение входят в одну грамматическую категорию, то пример (65) можно рассматривать как попытку нарушить критерий единственности.

²² Надежда Решетникова. я больше не буду... (2020). URL: <https://proza.ru/2020/03/13/449>

²³ Интернет-корпус монгольского языка (Östling and Brosig 2011).

и отрицание (и не мог выражать какое-то промежуточное значение). Единственным известным мне осмысленным кандидатом на эту роль представляются показатели, использующиеся во фрагментарных ответах на вопросы. Например, русская частица *нет* в определенных контекстах может выражать противоположные значения (68), см. недавнее обсуждение в Панченко (2021). Очевидно, однако, что эта частица (и ей подобные) не является показателем SN, поэтому для настоящего обсуждения этот случай нерелевантен.

(68) А: Петя ведь не был на Камчатке?

В: Нет (, { был / не был })

Наконец, истинностное значение необязательно дискурсивно вторично (63-b). Как уже было показано выше (64), оно может оказываться в фокусе, в частности, показатель, выражающий полярность, может принимать ударение (64-c), (69). Показатель *so* в (64-c) также можно анализировать как реферирующий к истинностному значению, введенному в предшествующем дискурсе. И то, и другое свидетельствует против грамматического статуса отрицания по Boye and Harder (2012:14).

(69) – I don't think Peter wrote a novel.

a. – Peter DID wrote a novel!

b. – Peter WROTE a novel!

(Matić and Nikolaeva 2018)

В качестве еще одного подкритерия (63-b) в (Boye and Harder 2012) предлагается невозможность задать частный или общий вопрос к грамматическому показателю, однако, можно предположить, что в фокусе общего или эхо-вопроса находится как раз истинностное значение (70). В целом, возможность фокусирования полярности – достаточно известный факт, см. (Breitbarth et al. 2013; Dimroth and Sudhoff 2018)

(70) А: Петя пришел.

В: Да? / Разве?

Рассмотренные примеры нарушения критерия (63-b) не составляют, однако, сильный аргумент против грамматического статуса отрицания. Как было показано в разделе 1.2 функция (стандартного) отрицания не сводится к смене истинностного значения предложения на противоположное (см. также раздел 2.3). Утвердительное и отрицательное предположения могут быть одновременно ложными, а иногда и одновременно истинными (54), а в некоторых случаях отрицается лишь часть структуры события. Таким образом, всякий раз, когда наблюдаемые свойства (например, фокусируемость) связываются с такой чисто логико-семантической характеристикой языкового выражения, как его истинностное значение, возникает сомнение в том, что эти свойства напрямую релевантны для стандартного отрицания.

Итак, предложенные в (62) и (63) критерии с трудом применимы к отрицанию/полярности,

а попытки их применения дают неоднозначные результаты – данные можно трактовать и в пользу соответствия им, и против него. Это связано, в первую очередь, с тем, что эти критерии опираются на существование множества/категории G , состоящего из нескольких значений g . Однако в случае отрицания множество G включает всего два²⁴ значения, одно из которых к тому же имеет тривиальную семантику и обычно не имеет фонологического выражения. Иными словами, подходящего множества для применения критериев просто нет. Можно заключить лишь, что отрицание не является прототипическим грамматическим значением (таким, исходя из которых и создавались критерии грамматического статуса). Кроме того, сами эти критерии нельзя принимать на веру – как отмечает Плунгян (2010:17) “проблема определения грамматического значения [...] является одной из самых запутанных в лингвистике”.

Я буду рассматривать SN в качестве одной из грамматических категорий глагола (вербантов в терминологии Плунгян 2010:127). Хотя это соответствие нечасто утверждается эксплицитно, в моем понимании в генеративной теории им соответствуют вершины клаузуальной функциональной последовательности/иерархии, один из вариантов которой представлен в (71). Грамматическим категориям имени соответствует другая функциональная последовательность, см. вариант в (72). Постулируемое соответствие не создает очевидных проблем (по крайней мере, в пределах этого исследования) и дает неформальные интерпретации генеративистским обобщениям, и наоборот. О связи между грамматическими значениями/категориями и функциональными категориями в генеративизме см. Rizzi and Cinque (2016).

(71) Клаузуальная функциональная последовательность (Rizzi and Cinque 2016:149)
Mood [Tense [Aspect [Verb]]]

(72) Именная функциональная последовательность (Cinque 2005:315)
Determiner [Number [Adjective [Noun]]]

Таким образом, SN получает эксплицитное материальное воплощение. Это не показатель, выполняющий функцию пропозиционального отрицания $\neg p$, и не просто “базовый способ отрицания простых декларативных глагольных клауз”, а конкретная вершина в структуре клаузы (Neg)²⁵. Локализации Neg в структуре посвящена глава 2, в оставшейся части этого раздела и этой главы я рассмотрю дополнительные аргументы в пользу грамматического статуса SN.

Я предлагаю использовать более специфические (= менее универсальные) по сравнению с (62) и (63) признаки грамматического статуса SN (или полярности, или Neg, что в принятой терминологии то же), перечисленные в (73).

²⁴ Если не принимать теорию Laka (1990), включающую в соответствующую парадигму эмфатическое/контрастивное утверждение, теорию Givón (2018), рассматривающую отрицание как разновидность речевого акта, и т. п.

²⁵ Идея отождествления того, что в функционалистских работах называется “стандартным отрицанием”, с функциональной вершиной Neg (или Pol) не нова. Насколько я могу судить, это соответствие подразумевается многими авторами, которые не обсуждают эти понятия эксплицитно.

(73) Признаки грамматического отрицания

- a. Может выражаться с помощью вспомогательного глагола или аффикса в составе глагольной словоформы (в том числе, располагаться между словоизменительными показателями и/или формировать одно просодическое слово с глаголом);
- b. Может быть синтаксической вершиной;
- c. Семантически и синтаксически неавтономно;
- d. Взаимодействует с другими грамматическими категориями;
- e. (Специфические критерии в конкретных языках).

Первые два признака, строго говоря, почти эквивалентны, поскольку вспомогательные глаголы и аффиксы обычно рассматриваются как вершины. Недостаток (73-b) состоит в том, что он зависит от конкретной синтаксической теории, но он позволяет охватить некоторые случаи, когда, например, частицы (не подпадающие под (73-a)) проявляют характерные свойства синтаксических вершин и отличаются тем самым от, например, наречий и других адъюнктов.

Признак (73-c) напоминает обсуждавшийся выше критерий дискурсивной вторичности (Boye and Harder 2012). Его можно переформулировать следующим образом: показатель X неавтономен, если высказывание не может состоять только из X.

Наконец, признак (73-d) покрывает многочисленные случаи грамматических асимметрий, провоцируемых отрицанием и обсуждаемых в Aikhenvald and Dixon (1998) и особенно подробно в Miestamo (2005). Остановимся на каждом из признаков подробнее.

1.3.3. Способы выражения отрицания

Способам выражения отрицания в целом и стандартного/сентенциального в частности посвящено несколько типологических исследований (Dahl 1979; Payne 1985; Honda 1996; Miestamo 2005; Dryer 2013c). В работе Dryer (2013c), обобщающей данные 1157 языков, используется следующая классификация способов выражения отрицания: отрицательная частица (502 языка), аффикс (395), двойное маркирование (119), вспомогательный глагол (47)²⁶.

Отличить отрицательный аффикс от частицы не всегда просто (De Naan 1997:194-202). Например, русский показатель *не* считается частицей, а в польском и чешском когнаты *ne* рассматриваются как частица и префикс соответственно (Miestamo 2005:20). Более однозначный пример отрицательной частицы – немецкая *nicht*. Она занимает несвободную линейную позицию на правой периферии клаузы, однако не примыкает ни к какой словоформе – в зависимости от формы глагола и передвижений составляющих линейно она оказывается в разном окружении (74).

(74) отрицательная частица

²⁶ Еще в 73 языках используется отрицательное слово, синтаксический статус которого неясен, и в 21 языке наблюдается варьирование.

- a. Sie sah den Film nicht (немецкий)
она видела DEF.MASC.ACC фильм NEG
'Она не видела/смотрела (этот) фильм.'
- b. Sie hat den Film nicht gesehen
она AUX.3SG DEF.MASC.ACC фильм NEG видеть.PST.PTCP
'Она не видела/смотрела (этот) фильм.'
- c. Den Film sah sie nicht
DEF.MASC.ACC фильм видела она NEG
'(Этот) фильм она не видела/смотрела.'
- d. Den Film hat sie nicht gesehen
DEF.MASC.ACC фильм AUX.3SG она NEG видеть.PST.PTCP
'(Этот) фильм она не видела/смотрела.'

На первый взгляд, отрицательные частицы типа русской *не* и немецкой *nicht* наименее уязвимы для критериев грамматического статуса. *Ne* может появляться в разных линейных позициях, не вызывая никаких побочных эффектов, за редкими исключениями типа генитива отрицания. Частицы типа *nicht* похожи на наречия, как они собственно иногда и анализируются (Zeijlstra 2004:169–175; Murakami 2007). Я возвращаюсь к вопросу о грамматическом статусе различных отрицательных частиц в разделах 1.3.4 и 1.3.7.

Второй по частотности способ выражения отрицания – отрицательные аффиксы. В бурятском негармонирующий суффикс *-gni* присоединяется после покзатаея ТАМ (75-а). В тюркских языках гармонирующий отрицательный суффикс *-ta/-te* располагается достаточно близко к основе – например, после показателей актантных дериваций и “корневой” модальности, но до показателей ТАМ в карачаево-балкарском (75-б). Насколько я знаю, столь близкое расположение отрицания к основе нетипично, хотя типологические исследования посвященные конкретно этому вопросу мне неизвестны. Отрицательные аффиксы можно рассматривать как деривационные или словоизменительные. В пользу второго анализа свидетельствует их абсолютная продуктивность – в частности, и в бурятском, и в карачаево-балкарском, насколько мне известно, они могут присоединяться к любому глагольному корню, хотя и не к любой форме глагола (см. раздел 1.3.6). Таким образом, синтетическое выражение отрицания само по себе свидетельствует в пользу его грамматического статуса в соответствующих языках.

(75) отрицательный аффикс

- a. bair unta-na-gni (бурятский)
Баир спать-PRS-NEG
'Баир не спит.'
- b. fatima kerim-ni kör-me-j-di (карачаево-балкарский)
Фатима Керим-ACC видеть-NEG-IPFV-3SG
'Фатима не видит Керима.'

Наиболее известный пример двойного выражения отрицания – французский язык (76-а), этот способ выражения отрицания также используется или использовался в некоторых германских

языках (Zeijlstra 2004) и итальянских диалектах (Zanuttini 1997; Poletto 2008, 2017), см. также бирманский пример (86-d) ниже. В разговорном французском более старый показатель *ne* утрачивает обязательность (76-b). Опять же, такой способ выражения отрицания сам по себе свидетельствует о его грамматикализации, поскольку в случае наречий или, например, дискурсивных частиц обязательное использование двух показателей с фиксированной линейной/структурной позицией нехарактерно.

(76) двойное отрицание

a. je ne vois pas la lune (стандартный французский)
я NEG вижу NEG DEF луна
'Я не вижу луну.'
(Dryer 2013c)

b. jean (ne) mange pas (разговорный французский)
Жан NEG ест NEG
'Жан не ест.'
(Zeijlstra 2004:137)

Последняя основная разновидность стандартного отрицания – вспомогательные глаголы. К ней с оговорками можно отнести английский показатель *don't* – глагол *do* появляется не только в отрицательных формах и имеет лексический вариант, кроме того, в некоторых формах используются другие вспомогательные глаголы. Более каноничные примеры представлены в уральских языках, где такая стратегия распространена достаточно широко (Kahrel 1996:115; Dryer 2013c). Как и в предыдущих двух случаях, использование вспомогательного глагола, перетягивающего на себя показатели ТАМ и согласования и вызывающего изменение формы лексического глагола на нефинитную, само по себе указывает на грамматикализацию. К сожалению, среди языков, которые я далее буду рассматривать подробнее (8), языков такого типа нет.

(77) отрицательный вспомогательный глагол

a. śerta-dmʔ (ненецкий)
делать-1SG
'Я делаю.'

b. śerta-damś
делать-1SG
'Я сделал.'

c. nī-dmʔ śertaʔ
NEG-1SG делать.CNG
'Я не делаю.'

d. nī-damś śertaʔ
NEG-1SG.PST делать.CNG
'Я не сделал.'

(Hajdú 1988:19)²⁷

Итак большинство способов выражения отрицания трудносовместимы с лексическим анализом.

Даже в языках с отрицательными частицами обнаруживаются формальные свойства грам-

²⁷ Цитата по Miestamo (2005:82).

матикализации, такие как морфологизация и фонологическая редукция (Boye and Harder 2012:29). Например, бурятский показатель SN *-gɳi* восходит к среднемонгольскому показателю именного и экзистенциального отрицания *ügei*, который вытеснил старые показатели SN в монгольских языках центральной группы (Brosig 2015)²⁸. В бурятском показатель *=ɳgi:* распространился с причастий на строго финитные формы типа настоящего времени *-na/-nə* (75-а) и разделился на собственно *=ɳgi:*, который продолжает использоваться для экзистенциального отрицания (13-b), и показатель SN *-gɳi*. Последний находится в промежуточном положении между частицей и аффиксом, в частности, в отличие от исходного *=ɳgi:*, не может выступать автономно в качестве отрицательного ответа на вопрос (78). И в баргузинском диалекте бурятского (данные которого я использую), и в халха показатель *-gɳi* формирует стяженные формы (79), а в халха иногда гармонирует (Brosig 2015:74-75).

(78) *tanaɟ bagʃa gɳ-t? – ɳgi: / ??gɳi* (бурятский)
 вы учитель Q-2PL? – нет / NEG
 ‘Вы учитель? – Нет.’

(79) а. *bi mʲaxa ʃaga-xa-gɳi-b*
 я мясо жарить-FUT-NEG-1SG
 ‘Я не буду жарить мясо.’
 б. *bi mʲaxa ʃaga-xoj-b*
 я мясо жарить-FUT.NEG-1SG
 ‘Я не буду жарить мясо.’

В польском языке показатель *nie*, который в орфографии рассматривается как частица, формирует одно просодическое слово с глаголом. Ударение, обозначаемое в (80)-(81) подчеркиванием, в польском падает на предпоследний слог, если их больше одного (80). При отрицании односложных глаголов ударение смещается на показатель отрицания, т. е. предпоследний слог в едином просодическом слове (81-а) (Ozga 1976:137). При отрицании составляющих ударение не перемещается: *nie ja* ‘не я’, **nie ja* (Błaszczak 2009:445).

(80) а. wiem (польский)
 знаю
 ‘Знаю.’

б. zaczynaj!
 начинай
 ‘Начинай!’.

(Błaszczak 2009:440)

(81) а. nie wiem
 NEG знаю
 ‘Не знаю.’

б. nie zaczynaj!
 NEG начинай

²⁸ Такое направление грамматикализации широко засвидетельствовано в языках мира и известно как negative existential cycle или цикл Крофта (Croft 1991), см. также Veselinova and Hamari (Forthcoming).

‘Не начинай!’.

(Błaszczak 2009:440)

Таким образом, в большинстве случаев (по крайней мере, из рассмотренных) способ выражения SN свидетельствует в пользу его грамматического статуса.

1.3.4. Синтаксический категориальный статус

Рассмотренные выше отрицательные показатели, кроме немецкой *nicht*, проявляют признаки вершин – они инкорпорируются в глагольный комплекс и/или занимают фиксированную позицию в клаузе. В некоторых случаях, когда поверхностные морфонологические признаки не указывают на морфологизацию, существуют свидетельства в пользу того, что рассматриваемый показатель является вершиной, связанные с блокированием передвижений других вершин.

Во французском и итальянском в предложениях с предглагольными отрицательными частицами *ne* и *non* неграмматичен подъем клитик (82).

(82) подъем клитики

a. Gianni vuole veder-li (итальянский)

Джанни хочет видеть-их
‘Джанни хочет увидеть их.’

b. Gianni li vuole veder

Джанни их хочет видеть
‘Джанни хочет увидеть их.’

c. Gianni vuole non veder-li

Джанни хочет не видеть-их
‘Джанни хочет не видеть их.’

d. *Gianni li vuole non veder

Джанни их хочет не видеть
‘Джанни хочет не видеть их.’

(Zanuttini 2001:524-525)

В падуанском диалекте итальянского в вопросительных предложениях глагол оказывается в позиции перед субъектной клитикой (83), что обычно анализируется как передвижение глагола в вершину C (Zanuttini 2001:525-526). В присутствии отрицательного показателя *no* передвижение глагола запрещено – в вопросах он остается перед субъектной клитикой, а в позицию перед ней (вершину C) передвигается отрицание (84). В других языках, например, французском и русском (см. интерпретацию (84-с)) глагол передвигается вместе с отрицательной клитикой (но не “перескакивает” ее).

(83) вопросительное передвижение глагола

a. el vien (итальянский, падуанский диалект)

он приходит
‘Он подходит.’

b. vien-lo?

приходит-он

‘Он придет/подходит?’

(Zanuttini 2001:525)

- (84) a. *el no vien*
он NEG приходит
‘Он не придет.’
- b. **no vien-lo?*
NEG приходит-он
Ожид.: ‘Не придет/подходит ли он?’
- c. *no vien?*
NEG.он приходит
‘Не придет/подходит ли он?’

(Zanuttini 2001:526)

Наконец, в некоторых работах предлагается анализировать *do-support* в английском как следствие блокирования частицей *not* передвижения лексического глагола (Laka 1990; Pollock 1997).

Возможен разный анализ рассмотренных явлений (Кауне 1989; Zanuttini 2001), например, использующий независимо мотивированное ограничение передвижения вершин (Head Movement Constraint, НМС; Travis 1984; Matushansky 2006), запрещающее одним вершинам “перескакивать” другие при передвижении. В целом, все анализы опираются на предположение о том, что наблюдаемые эффекты блокирования связаны с тем, что и передвигающиеся показатели, и блокирующие их отрицательные показатели – вершины, а не фразовые составляющие (группы). В принципе, это еще не означает, что рассматриваемый отрицательный показатель – грамматический, однако, по меньшей мере, исключает его анализ как наречия/адъюнкта. Если, помимо этого, рассматриваемый показатель (i) не является кросс-категориальным²⁹ и (ii) продуктивен (т. е. не является словообразовательным) его можно рассматривать как часть функциональной последовательности, т. е. грамматический показатель в принятой терминологии.

1.3.5. Неавтономность

Допустимость автономного использования отрицательного показателя сама по себе не говорит об отсутствии грамматикализации, поскольку в таком случае возможен полисемичный анализ – рассматриваемый показатель может иметь функцию отрицательного ответа на вопрос. В выборке Veselinova (2013:118) из 63 показателей экзистенциального отрицания 16 могут употребляться в качестве отрицательного ответа, аналогичных данных для показателей SN у меня нет.

Эта функция есть у частицы *не* в разговорном русском (85-а). При этом в предложениях с эллипсисом глагола зависание *не* запрещено даже в разговорной речи (85-б). Таким образом, ограничения на автономное, не проклитическое использование *не* в разных функциях различны, что, на мой взгляд, свидетельствует о том, что использование в качестве отрицательного

²⁹ Например, показатель SN *не* или аддитивная частица *и* могут присоединяться к составляющим различных типов. Несмотря на то, что возможен анализ, рассматривающий их как вершины, кросс-категориальность свидетельствует против грамматического статуса.

ответа действительно является независимой от SN функцией.

- (85) а. Это Петя? – Не. (разговорный русский)
 б. Кто пришел? – Петя не ??(пришел) (разговорный русский)

В остальных рассматриваемых языках (8) показатели SN в качестве ответов не используются. При этом, насколько мне известно, они в принципе не могут использоваться автономно. Это может быть следствием одного из двух обсуждавшихся выше признаков грамматикализации – морфологизации и/или дискурсивной вторичности стандартного отрицания (Boye and Harder 2012). В бурятском, карачаево-балкарском (75) и стандартном русском показатели SN – аффиксы или клитики, т. е., морфонологически неавтономны. В английском и немецком, однако, показатели *don't*, *not*, *nicht*, видимо, клитиками не являются (в частности, принимают ударение), однако придумать неэллиптический контекст, в котором какой-либо из них появился бы автономно, затруднительно. Хотя в отсутствии анализа из этого факта нельзя сделать однозначные выводы, я рассматриваю систематическую невозможность автономного употребления отрицательных показателей (в отличие от, например, наречий) в качестве еще одного признака грамматикализации.

1.3.6. Грамматические асимметрии

В исследовании зависимостей между грамматическими системами Aikhenvald and Dixon (1998) приходят к выводу, что полярность (которую я в этой работе называю стандартным отрицанием) находится на вершине иерархии зависимостей – другие грамматические категории могут зависеть от полярности, но не наоборот. Если набор возможных показателей в системе Y зависит от выбора показателя в системе X, то Y называется зависимой от X. Как правило, выбор более маркированного значения в X приводит к сужению выбора в Y.

Например, в бирманском (86) в отрицательной форме нейтрализуются временные/аспектуальные различия – вместо трех форм используется одна (86-d). В рамках неграмматической теории отрицания можно было бы предложить семантическое объяснение нейтрализацию типа (86), однако возможность такого анализа сомнительна, поскольку во многих других языках между формами ТАМ с семантикой (86-a)-(86-c) и отрицанием не возникает никакого семантического конфликта, который приводил бы к их неотрицаемости.

- (86) а. *θwâ-dé* (бирманский)
 идти-АСТ
 ‘Идет / шел.’
 б. *θwâ-mé*
 идти-РОТ
 ‘Будет идти / пойдет.’
 в. *θwâ-bí*
 идти-PERF

- ‘Пришел.’
 d. ma-θwâ-bû
 NEG-идти-NEG
 ‘Не (при)шел / (при)идет.’ (Cornyn 1944:12-13)³⁰

В уже упоминавшемся среднемонгольском существовал другой тип асимметрии. Форма отрицательного показателя зависела от показателя TAM глагола – формы с семантикой прошедшего времени или перфектива отрицались показателем *ese*; формы с семантикой непрошедшего времени или имперфектива – показателем *ülü* (Brosig 2015:71). Если не рассматривать эти показатели как портманто (отрицание + TAM, что само по себе подразумевает их грамматический статус), неясно, каким образом лексические показатели с одинаковой семантикой могут находиться в строгой дополнительной дистрибуции.

- (87) a. qubi ese ög-be (среднемонгольский)
 доля PFV.NEG давать-PST
 ‘Они не дали (ему его) доли.’
 b. ülü jaa-qu bi
 IPFV.NEG показать-FUT я
 ‘Я не покажу.’ (Brosig 2015:71)

Полярность может вызывать асимметрию во всех 7 других грамматических системах, рассматриваемых в Aikhenvald and Dixon (1998:72), включая именные. В выборке Miestamo (2013) полностью симметричное отрицание наблюдается только в 114 из 297 языков. Очень подробное обсуждение асимметрии SN см. в Miestamo (2005).

Сами по себе грамматические асимметрии свидетельствуют в пользу грамматикализации отрицания только в тех языках, где они есть. Однако в свете того, что (а) асимметрия отрицания, видимо, присутствует в большинстве языков и (б) стандартное/глагольное отрицание предположительно есть во всех языках, теория, в которой отрицание грамматикализовано и в симметричных, и в асимметричных языках, более экономна.

1.3.7. Специфические критерии в конкретных языках

В завершение этого раздела остановимся на специфических критериях грамматического статуса, которые могут быть даже более убедительными, чем (около-)универсальные. Я буду рассматривать отрицание в русском, английском и немецком, поскольку бурятское и карачаево-балкарское отрицание более очевидно грамматикализованы по критериям, обсуждавшимся выше³¹.

В известной работе Klima (1964) предлагается синтаксический подход к сентенциальному отрицанию в английском языке – в качестве отрицательных рассматриваются предложе-

³⁰ Цитата по Miestamo (2005:123).

³¹ К слову, и там, и там присутствует и парадигматическая, и конструкционная асимметрия отрицания, а в бурятском она чрезвычайно разнообразна (Подобряев 2002; Skribnik 2003; Зеленский и Россыйкин 2018).

ния, проходящие четыре синтаксических теста (88)-(91), а не имеющие семантику $\neg p$, как в Jackendoff (1969, 1972). Схожие тесты могут применяться и в других языках, например, тест с отрицательной конъюнкцией типа (91) в турецком Jeretić (2019).

- (88) лицензирование аддитивного показателя *either*
 a. Bill drives a car and John did too/*either
 b. Bill doesn't drive a car and John *too/either (Zeijlstra 2004:48)
- (89) лицензирование *not even*
 a. *Bill drives a car, not even a Fiat 500
 b. Bill doesn't drive a car, not even a Fiat 500 (Zeijlstra 2004:48)
- (90) positive question tag
 a. *Bill drives a car, does he?
 b. Bill doesn't drive a car, does he? (Zeijlstra 2004:48)
- (91) конъюнкция с *neither*
 a. *Bill will seldom/rarely drive a car and neither will John
 b. Bill will not/never drive a car and neither will John (Zeijlstra 2004:48)

Проблема тестов Климы в том, что, во-первых, неясно, что конкретно они показывают, и, во-вторых, в некоторых случаях они дают разные результаты. Например, утвердительное предложение с наречием *seldom* 'редко' не может сочиняться с *neither*-клаузой (91-а), однако это же наречие лицензирует *not even* (92). Показатель *either* обычно анализируется как сильный NPI (Rullmann 2003; Gajewski 2005, 2011; Homer 2008; Chierchia 2013) и, как показано в Rullmann (2003), может лицензироваться в неотрицательных подчиненных клаузах при отрицании матричных предикатов со свойством подъема отрицания (93) и даже в вопросах (94)³².

- (92) Mary seldom dates a guy, not even John (Zeijlstra 2004:48)
- (93) (Mary won't come and) I don't think that John will come either (Rullmann 2003:363)
- (94) Would the Democrats really have given Clinton an unbiased trial either?
 (Rullmann 2003:347)

Более прозрачный (по крайней мере, на первый взгляд) тест для английского предлагается в Potsdam (1997). В английском эллипсис глагольной группы, обозначаемый в примерах ниже знаком пустого множества, лицензируется вспомогательными глаголами (95) и невозможен в их отсутствии (96).

- (95) a. Boxer auditioned for the choir and his roommate did \emptyset too.

³² Об NPI см. разделы 3.4 и 4.1.1; обсуждение тестов Klima (1964) см. также в McCawley (1998:604-612).

- b. A baby llama will go anywhere its mother has \emptyset . (Potsdam 1997:534)
- (96) *John didn't leave but Mary \emptyset . (Potsdam 1997:534)

Показатель *not* лицензирует эллипсис глагольной группы (98-с), причем, даже в субьюнктивных подчиненных клаузах (97), в которых вспомогательные глаголы либо неграмматичны, либо не могут выдвигаться из глагольной группы (Potsdam 1997:535-538).

- (97) a. *Kim needn't be there but it is imperative that the other organizers \emptyset .
(Potsdam 1997:538)
- b. Kim needs to be there but it is better that the other organizers not \emptyset .
(Potsdam 1997:538)

Ни наречия (98-а), ни отрицание составляющих (98-б) не могут непосредственно предшествовать позиции эллипсиса.

- (98) a. *Kit didn't buy milk, so I will simply \emptyset on my way home.
- b. *Some of the students have been studying but some have been not \emptyset .
- c. Some of the students have been studying but some have not \emptyset . (Potsdam 1997:539)

Из этого Потсдам делает выводы, что (а) эллипсис глагольной группы лицензируется, если она является компонентом фонологически выраженной вершины (95); (б) показатель сентенциального отрицания, в отличие от наречий (98), является вершиной³³.

Различия между SN и CN наблюдаются и в немецком, хотя выражаются они одинаково – частицей *nicht*. Как уже было показано выше (74), при SN *nicht* занимает несвободную линейную позицию на левой периферии, но не примыкает ни к какой составляющей, в том числе может зависать в крайне правой позиции. С другой стороны, при CN эта частица располагается непосредственно слева от отрицаемой составляющей (99).

- (99) a. Nicht der Vater hat das gesagt (немецкий)
NOT DEF.MASC.NOM отец AUX.3SG это говорить.PST.PTCP
'Это сказал не отец'
- b. Er soll den Lastwagen entladen, nicht beladen
он должен DEF.MASC.ACC грузовик разгружать не нагружать
'Он должен разгружать грузовик, не нагружать.' (Vikner 2001:47)

Русский и некоторые другие славянские языки также относятся к языкам, в которых отрицание не проявляет явных признаков грамматикализации. Два наиболее очевидных случая взаимодействия отрицания с другими грамматическими системами – генитив отрицания и лицензирование отрицательных местоимений.

Генитив отрицания можно было бы рассматривать как чисто семантический эффект, од-

³³ Отрицание составляющих анализируется как адьюнкция (Potsdam 1997:538).

нако в большинстве известных мне анализов его лицензирование отражается в синтаксической структуре, см. Abels (2002, 2005); Bailyn (2012); Harves (2013) и ссылки там. Все эти анализы опираются на тот факт, что генитив отрицания допустим только у прямого объекта или субъекта неаккузативного глагола, т. е. только у именных групп, начинающих свой деривационный путь в позиции прямого объекта. Дальнейшее обсуждение генитива отрицания в русском см. в разделе 5.3.

В польском генитив отрицания обязателен у прямого объекта и недопустим в других случаях (Błaszczak 2009:451). Выше было показано, что при SN частица *nie* в польском инкорпорируется в глагол (81). При отрицании конъюнкции, когда ни один из глаголов-конъюнктов не может выдвинуться из острова сочиненной конструкции, частица *nie* не может инкорпорироваться в глагол (100-а). Таким образом, в этом случае *nie* может быть только отрицанием составляющих, которое не инкорпорируется в глагол (см. выше). Генитив отрицания при этом неграмматичен. С другой стороны, предложения с отрицательным маркированием обоих конъюнктов (100-b) или отрицанием вспомогательного глагола, доминирующего над сочиненной конструкцией (100-с), грамматичны с генитивом отрицания. Таким образом, только инкорпорирующееся в глагол SN, но не CN, лицензирует генитив отрицания (и делает его обязательным), а значит, генитив отрицания нельзя рассматривать как чисто семантическое явление. Соответственно можно предположить, что отрицание грамматикализовано и представлено в синтаксической структуре как вершина Neg, что и делает Błaszczak (2009), используя и другие аргументы.

- (100) а. **nie czytam i rozumiem książek* (польский)
 NEG читаю и понимаю книгу
 Ожид.: ‘Я не читаю и не понимаю книгу.’
- б. *nie czytam i nie rozumiem książek*
 NEG читаю и NEG понимаю книгу
 ‘Я не читаю и не понимаю книгу.’
- в. *nie będę pisać listów i czytać książek*
 NEG буду писать писем и читать книгу
 ‘Я не буду писать писем и читать книгу.’ (Błaszczak 2009:441-442)

Что касается отрицательных местоимений, то их лицензирование в большинстве известных мне генеративных исследований анализируется как согласование (Brown 1999; Watanabe 2004; Zeijlstra 2004, 2008; Bošković 2008, 2009; Penka 2011; Chierchia 2013; Szabolcsi 2018a; Россаякин 2021). Этот анализ подразумевает грамматический статус отрицания, поскольку согласование обычно рассматривается как множественное маркирование грамматического значения, см., например Плуныян (2010:128-129)³⁴. В генеративизме согласование формализуется в виде операции Agree или ее аналогов, которая содержательно представляет собой провер-

³⁴ Хотя существуют и случаи множественного маркирования неграмматических значений (например “дистрибутивный конкорд”), см. Yip (2021); Kuhn (2022). Эти явления, впрочем, возможно, не задействуют согласование в строгом смысле.

ку/означивание/распространение синтаксических признаков, которые, опять же, примерно соответствуют грамматическим показателям/значениям. В частности, в Zeijlstra (2004, 2008) эксплицитно выдвигается предположение, что отрицательное согласование возможно (и обязательно) только в языках с грамматикализованным отрицанием, обсуждение этой теории см. в разделе 2.1.3.

В качестве предположительного контрпримера этому обобщению можно рассматривать случаи, когда отрицательное согласование лицензируется отрицанием составляющих (101).

(101) Петя купил никакой не мотоцикл, а велосипед.

В данном случае, я не вижу иного выхода, кроме как предположить, что показатель CN *не*, как и омонимичный ему показатель SN, имеет синтаксический признак [Neg], что свидетельствует о грамматическом статусе отрицания составляющих. Подробное обсуждение отрицательного согласования см. в главе 4.

1.3.8. Выводы

Как отмечает Э. Даль, несмотря на “прямолинейнейность” значения, практически не меняющегося от языка к языку, отрицание в то же время обладает рядом уникальных свойств, отличающих его от других грамматических и лексических объектов и явлений (Dahl 2010:9). Эти свойства, частично обсуждавшиеся выше и частично обсуждаемые далее (102-d), просуммированы в (102).

- (102) а. Отрицание находится наверху иерархии грамматических отношений (Aikhenvald and Dixon 1998; Miestamo 2005);
- б. Отрицание – не только глагольная категория (поскольку существует отрицание составляющих и т. д.);
- в. Если рассматривать отрицание как грамматическую категорию, то одно из двух значений в ней (утвердительность) предположительно семантически пустое и, как правило, фонологически пустое;
- д. Отрицание может быть выражено не только вершиной (см. следующий раздел).

Несмотря на отличия отрицания от прототипических грамматических категорий, его лексический анализ, как было показано в этом разделе, едва ли возможен. Трудно найти язык, в котором отрицание не проявляло бы никаких признаков грамматикализации и никак не взаимодействовало бы с остальной грамматикой. Даже в языках, где SN не вызывает никаких парадигматические или конструкционные асимметрии и фонологически трудноотлично от CN (типа польского или русского), существуют явления, анализ которых подразумевает грамматический статус отрицания.

Таким образом, объединяя выводы раздела 1.2 и этого раздела, можно предположить,

что (стандартное/клаузуальное) отрицание – грамматическая категория, выражаемая где-то в центральной части клаузуальной функциональной последовательности (71). Если так, то в какой конкретно позиции локализовано отрицание и почему именно там³⁵? Первый из этих вопросов печально известен противоречивостью данных и разнообразием мнений, а второй, насколько я могу судить, наоборот редко попадает в центр внимания исследователей. Ответам на эти вопросы посвящена следующая глава.

³⁵ Наиболее прямолинейный ответ на вопрос о том, **почему** отрицание находится там, где оно находится (а именно: “отрицание присоединяется к семантической вершине предложения, потому что его функция – отрицание пропозиции”), был подвергнут развернутой критике в разделе 1.2.

2. Формальная типология отрицания

В этой главе я предлагаю генеративную формализацию стандартного/клаузуального отрицания. Эта задача в целом разделяется на две подзадачи: (i) определить позицию проекции стандартного/клаузуального отрицания в структуре клаузы и (ii) предложить формальную семантику (денотат) стандартного/клаузуального отрицания, по возможности объясняющую, почему оно находится именно в своей позиции. В каком-то смысле эти две подзадачи были сформулированы другими словами в завершении прошлой главы.

Раздел 2.1 представляет собой критическое обсуждение некоторых из существующих формальных теорий клаузуального отрицания. В основном, эти теории ставят своей задачей ответ на вопрос (i), т. е. где локализовано отрицание. Я показываю, что, вопреки предположениям многих авторов, не существует убедительных свидетельств в пользу постулирования более чем одной позиции клаузуального отрицания.

Таким образом, формальная теория SN сохраняется в предельно минималистичном виде: существует только одна, неизменная от языка к языку позиция SN. В разделе 2.2 я предлагаю вариант функциональной иерархии, включающей SN, а также коротко затрагиваю вопросы формализации связанных видов отрицания – CN и (в меньшей степени) именного отрицания. В этом же разделе приводится небольшое обоснование предлагаемого структурного анализа и рассматриваются потенциально проблематичные примеры с множественным маркированием отрицания.

В разделе 2.3 я сравниваю семантику SN и CN и обсуждаю семантическую мотивацию нахождения SN в предлагаемой позиции.

2.1. Формальные теории клаузуального отрицания

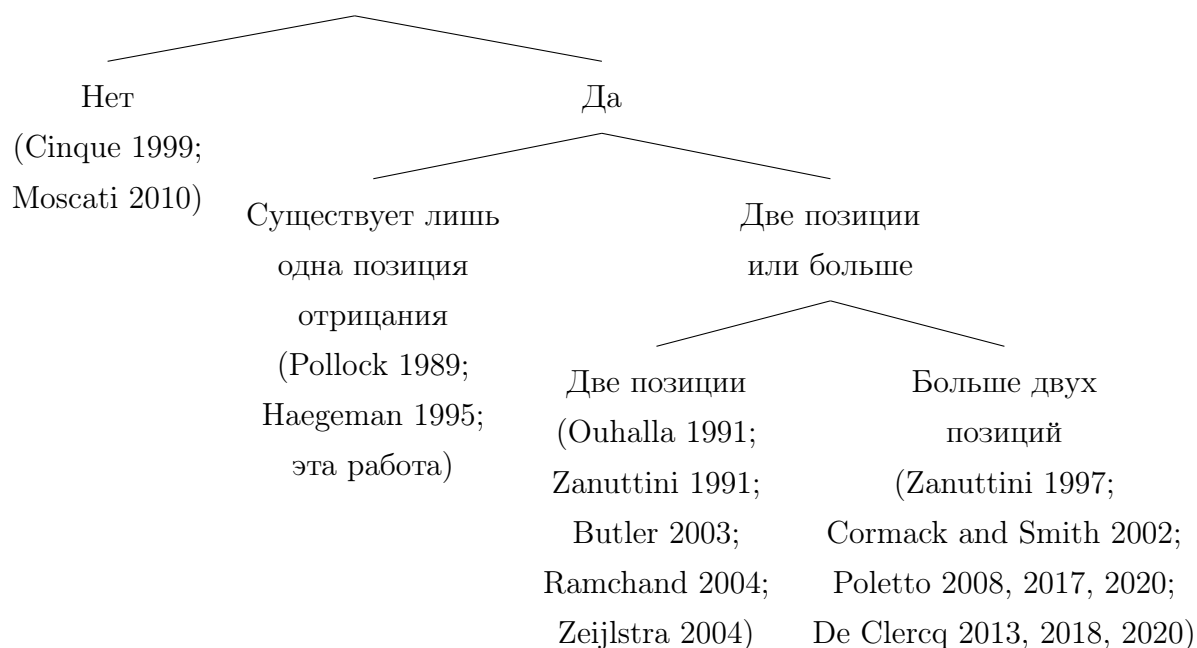
2.1.1. Обзор

Позиции отрицания в структуре клаузы посвящено множество работ, начиная с Pollock (1989), в частности Laka (1990); Ouhalla (1991); Zanuttini (1991, 1997); Haegeman (1995); Cormack and Smith (2002); Butler (2003); Zeijlstra (2004); Moscati (2006, 2010, 2012); Poletto (2008, 2017, 2020); De Clercq (2013, 2018, 2020) и многие другие, краткий обзор ранних теорий см. в Murakami (2007). В этой разделе я ограничусь обзором нескольких основных и наиболее отличающихся друг от друга подходов.

Множество возможных анализов стандартного отрицания в генеративизме представлено в дереве (103). Это дерево игнорирует вопрос обязательности присутствия проекции NegP в клаузе, обсуждавшийся в предыдущем разделе в связи с грамматическим свойством обязательности. Например, в (Cinque 1999:120-126) предлагается, что если в предложении нет отрицания, то нет и соответствующей проекции. В (Zeijlstra 2004) предлагается, что в некоторых языках, например, английском, проекции NegP вообще не может быть в структуре. Поскольку вопрос о том, есть ли NegP в утвердительных предложениях, во многом схоластический, в дальнейшем я

не буду его обсуждать. Что касается теории (Zeijlstra 2004), то она обсуждается ниже в разделе 2.1.3.

(103) Позиция отрицания в структуре клаузы фиксирована

Наименее ограничительный анализ (левая ветка дерева) предполагает возможность присоединения отрицания в любой позиции в определенных пределах, например, между VP и CP (Cinque 1999:120-126; Moscati 2010, 2012). Этот анализ опирается на следующие три факта:

- (104) а. В разных языках отрицание фонологически выражается в разных позициях относительно наречий и имеет разную сферу действия относительно них (Cinque 1999:122-124);
- б. В разных языках отрицание фонологически выражается в разных позициях относительно других показателей, например ТАМ (Cinque 1999:125);
- с. Возможно множественное маркирование отрицания (Cinque 1999:126)

Вопреки предположениям (Cinque 1999) наречия не предоставляют надежный способ определения структурной позиции отрицания, в первую очередь, поскольку структурная позиция самих наречий не фиксирована. Сфера действия наречий и отрицания обсуждается в разделе 2.1.4.

Из возможности различного линейного расположения показателей SN и ТАМ необязательно следует возможность варьирования их взаимного расположения в синтаксической структуре. Например, как уже было видно из сравнения бурятского и карачаево-балкарского (75), отрицание может занимать разную линейную позицию относительно показателя ТАМ, однако неочевидно, что это имеет какие-то интерпретационные последствия. Если различное линейное расположение не отражается на интерпретации, то нельзя исключить, что оно не обусловлено структурными различиями, а является результатом чисто фонологических процессов (Embick

and Noyer 2001, 2007). Дальнейшее обсуждение относительной сферы действия отрицания и ТАМ см. в разделах 2.1.3, 2.1.4 и особенно 2.2-2.3.

Наконец, в языках со специализированными показателями SN (аффиксами и вспомогательными глаголами) множественное маркирование отрицания, как правило, невозможно³⁶. Известные мне случаи интерпретируемого множественного маркирования можно рассматривать как одновременное появление SN и CN (1), (66), (67).

Большая проблема теории свободной позиции отрицания состоит в том, что в языках со специализированными показателями отрицания она несвободна. Например, в (105) показаны неудачные попытки породить словоформу с неверным порядком показателей SN *-ma/-me* и “корневой” модальности *-al* в карачаево-балкарском языке. В целом, мне неизвестны примеры языков, в которых отрицательный аффикс мог бы свободно передвигаться по словоформе. Даже в английском, где линейное расположение частицы *not* относительно свободно, ее появление в нестандартной позиции имеет последствия, например, в виде невозможности лицензирования эллипсиса глагольной группы, см. пример (98), частично повторенный ниже как (106).³⁷

- (105) a. *alima kel-al-ma-j-di* (карачаево-балкарский)
Алима приходить-POS-NEG-IPFV-3SG
'Алима не сможет прийти.'
- b. **alima kel-me-l-a-di*
Алима приходить-NEG-POS-IPFV-3SG
Ожид.: 'Алима не сможет прийти.'
- c. **alima kel-me-j-al-a-di*
alima приходить-NEG-ST-POS-IPFV-3SG
Ожид.: 'Алима не сможет прийти.'

- (106) a. *Some of the students have been studying but some have been not \emptyset
b. Some of the students have been studying but some have not \emptyset (Potsdam 1997:539)

Таким образом, теория свободной позиции (стандартного) отрицания выглядит правдоподобной только в более сильной, параметрической формулировке:

- (107) Позиция Neg может различаться от языка к языку, но в каждом конкретном языке она фиксирована.

Одна из основных задач этой работы, о чем подробно говорилось во введении, состоит в том, чтобы показать, что эту формулировку можно усилить и дальше и анализировать позицию отрицания как одинаковую во всех языках. В дальнейшем, однако, я не буду целенаправленно

³⁶ Пюрбеев (2015) сообщает, что в монгольском возможны формы типа *med-ex=güi=güi* знать-NPST=NEG=NEG 'Неверно, что я не знаю'. Однако подобные формы настолько редки, что не засвидетельствованы в корпусе (Östling and Brosig 2011).

³⁷ Как уже говорилось выше, я предполагаю, что в примерах типа *Петя не мог не быть не уведомлен о проблеме* только один показатель *не* (в данном случае, предположительно, второй) является показателем SN и соответственно занимает вершину Neg. Остальные частицы *не* – показатели CN, число которых в клаузе в принципе неограничено. См. обсуждение в разделе 2.2.

останавливаться на критике теории (107). Поскольку она допускает свободное варьирование позиции Neg от языка к языку, она является наиболее либеральной из возможных теорий позиции Neg. В следующих разделах я постараюсь показать, что даже более ограничительные теории недостаточно ограничительны. Таким образом, их критика будет распространяться и на (107).

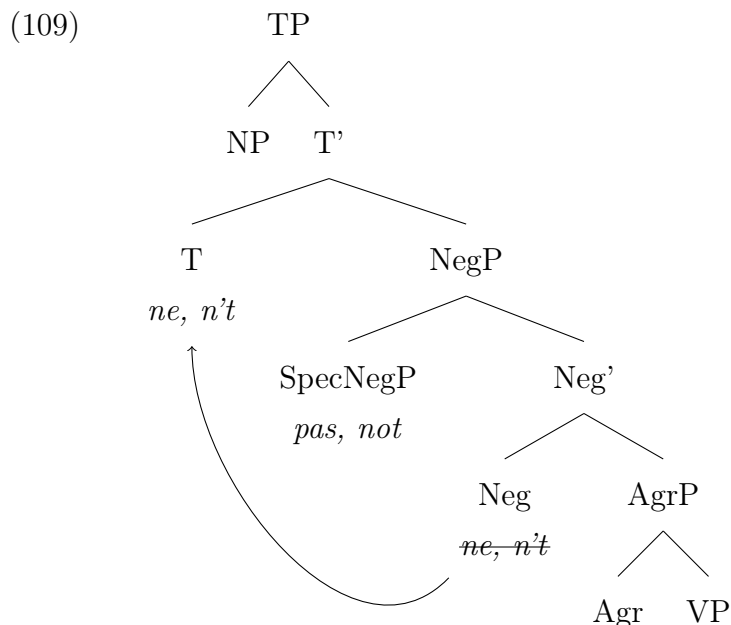
Теории, которым посвящены последующие разделы, относятся к правой ветке дерева (103). Они перечислены ниже – от наиболее ограничительной (108-a) к менее ограничительным. Я покажу, что теории (108-b)-(108-e) делают неверные предсказания или, по меньшей мере, недостаточно обоснованы, и теории (108-a) достаточно для объяснения данных языков мира.

- (108) a. Теория единой фиксированной позиции отрицания (Pollock 1989);
 b. Теория опциональной NegP (Zeijlstra 2004, 2008);
 c. Теория четырех фиксированных позиций отрицания (Zanuttini 1997; Poletto 2008, 2017);
 d. Наносинтаксическая теория четырех позиций отрицания (De Clercq 2013, 2018, 2020);
 e. Теория отрицания как разновидности типа клаузы или речевого акта (Moscati 2006, 2010, 2012).

2.1.2. Одна NegP

Наиболее простая и в то же время наименее либеральная теория предполагает единственную и фиксированную позицию отрицания, т. е. анализирует отрицание так же как время или аспект (хотя, конечно, существует картографический анализ (Cinque 1999; Rizzi and Cinque 2016), постулирующий многочисленные проекции времени и аспекта). Эта теория, насколько мне известно – хронологически первая, предусматривающая отдельную проекцию отрицания NegP (Pollock 1989). Предложенный в этой работе анализ структуры клаузы во французском показан в (109) с добавлением английских показателей SN³⁸. Показатели, присоединяющиеся в вершине Neg (*ne*, *n't*), передвигаются вверх (например, в T) либо самостоятельно, либо инкорпорируясь в глагол. Немного забегаю вперед отмечу, что вопреки всем новведениям в теории сентенциального/клаузального отрицания в этой работе я буду отстаивать структурный анализ, почти в точности (за исключением проекций согласования, которые я игнорирую в этой работе) повторяющий простую теорию Pollock (1989), см. раздел 2.2.

³⁸ В графических представлениях синтаксических структур я использую X¹-теорию, в частности эксплицитно указываю промежуточные проекции X' и спецификаторы SpecXP. Однако представленные структуры однозначно отображаются в более современную минималистскую нотацию, см. приложение 1.

Поллок предложил поместить показатель *pas* в спецификатор, поскольку, как уже было показано выше (76), глагол может передвигаться через него. То же происходит и с показателем *not* в английском, который, в отличие от *n't* не инкорпорируется в глагол и остается на месте при передвижении глагола, например, в вопросах (110)³⁹ (*t* обозначает след от передвижения).

- (110) a. *Why are you *t* n't listening to me?
 b. Why aren't you *t* listening to me?
 c. *Why are not you *t* listening to me?
 d. Why are you *t* not listening to me? (Vikner 2001:203)

Как я отметил в конце главы 1, возможность появления отрицательного показателя в спецификаторе представляет проблему, поскольку, насколько мне известно, другие грамматические показатели обычно рассматриваются как вершины. Однако позиция SpecNegP играет важную роль в грамматикализации показателей SN (раздел 2.2.4) и лицензировании отрицательных местоимений (глава 4), поэтому отказ от ее использования создал бы много осложнений при анализе целого ряда явлений, связанных с грамматическим выражением отрицания.

Известный тест, позволяющий определить является ли отрицательный показатель вершиной X или максимальной проекцией (группой) XP – *why-not*-тест, предложенный в Merchant (2001a). Исходя из стандартных предположений, что (a) вопросительные слова, в т. ч. *why*, *почему* и т. д. являются группами (в частности, они совершают A'-передвижения); (b) адъюнкция возможна только в случаях 'группа к группе' и 'вершина к вершине'; (c) конструкции типа *why not* образуются посредством адъюнкции (направление адъюнкции неважно), можно сделать вывод, что если отрицательный показатель появляется в конструкции типа *why not*,

³⁹ С другой стороны, существуют аргументы в пользу анализа *not* как вершины, см. раздел 1.3.7.

то он является группой (фразовой составляющей). Этот тест дает ожидаемый результат в случае с английской *not*, французской *pas* и другими, преимущественно европейскими языками в выборке (Merchant 2001a), часть из которых представлена в (111). С другой стороны, не исключено, что контрасты в (111) обусловлены фонологией: если отрицательный показатель является проклитикой/аффиксом, невозможность его появления в конструкции типа *why not* ожидается независимо от синтаксического статуса и ничего не сообщает о нем.

- (111) a. *why not?*
 b. *warum nicht?* (немецкий)
 c. *pourquoi pas?* (французский)
 d. **giati dhen? / giati oxi?* (греческий)
 e. **perche non? / perche no?* (итальянский)
 f. **почему не? / почему нет?*

Вскоре после Pollock (1989) появилось множество работ, в которых предлагалась разная структурная позиция отрицания, в основном, варьируемые касались относительного расположения отрицания и проекции времени TP, см. Murakami (2007) или Puskás (2018:6). Я подробнее останавливаюсь на этом вопросе в следующем разделе.

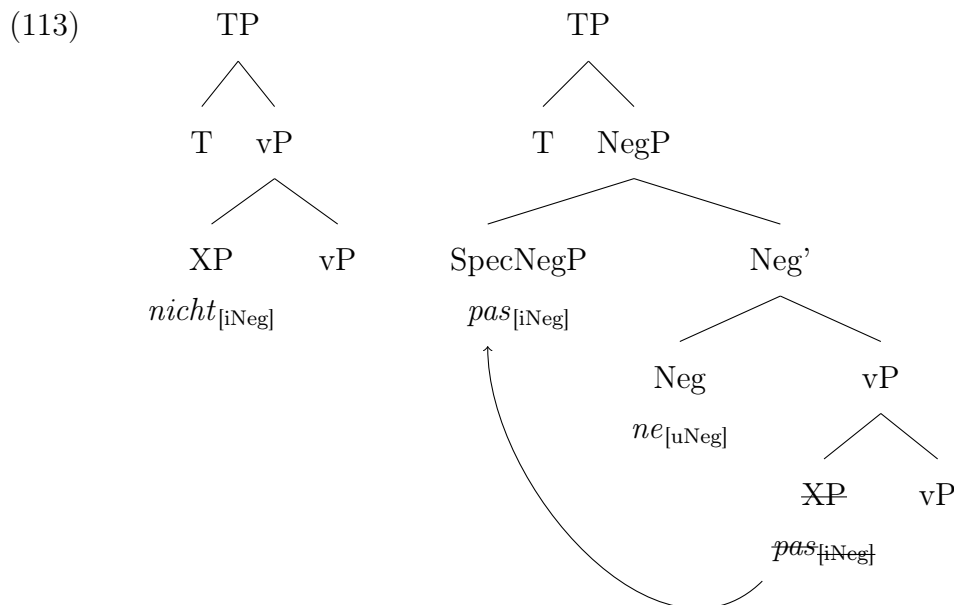
2.1.3. Опциональная NegP

Теория

Влиятельная теория Zeijlstra (2004, 2008) отличается от Pollock (1989) и ей подобных следующими двумя (независимыми друг от друга) положениями:

- (112) a. Существуют языки в которых отрицание неграмматизировано. В них не бывает проекции NegP, показатель (стандартного) отрицания – наречие (структурно – адьюнкт vP);
 b. Там, где есть NegP, она, в зависимости от языка, может быть фиксирована над VP или TP (Ouhalla 1991).

Очевидно, оба эти положения усложняют теорию в сравнении с Pollock (1989) и т. п. Как отмечает сам Zeijlstra (2004:172) по поводу (112-а), достаточно трудно понять, является ли отрицательный показатель адьюнктом или спецификатором (в случае, если он не является вершиной). В (113) представлены возможные структуры предложений с отрицательными наречиями по Zeijlstra (2004, 2008) – в немецком (нидерландском в оригинале) проекции NegP нет, и отрицательная частица просто адьюнгируется к vP. Во французском NegP может проецироваться, и в таком случае наречие *pas* передвигается в его спецификатор. [iNeg] и [uNeg] обозначают интерпретируемый и неинтерпретируемый (согласовательный) признаки отрицания соответственно.

Положение (112-а) и его критика

Зейлстра предлагает ряд аргументов в пользу того, что в некоторых языках отрицательные частицы – адьюнкты vP, а проекции NegP может не быть:

- (114)
- Эмпирический аргумент: иногда, например в случае французской *pas*, порядок слов свидетельствует о порождении в позиции адьюнкта vP и последующем опциональном передвижении в SpecNegP (Rowlett 1998; Zeijlstra 2004:169-172);
 - Концептуальный аргумент: не нужно постулировать проекцию NegP, если нет свидетельств в пользу ее существования (Zeijlstra 2004:173-175);
 - Теоретический аргумент: в языках с отрицательными вершинами (типа русского, итальянского) всегда присутствует отрицательный конкорд. Если в языке нет отрицательного конкорда, то в нем нет проекции NegP и вообще синтаксического признака [Neg] (Zeijlstra 2004:174-175,188).

Я не буду останавливаться на аргументе (114-а) здесь – французская *pas* и подобные ей частицы еще будут обсуждаться в следующих разделах. Концептуальный аргумент (114-б) не представляется убедительным – хотя структура без NegP выглядит проще, она сосуществует с более сложной структурой с NegP (113). Более минималистична та теория, которая допускает только один вариант структуры. Как было показано в разделе 1.3, даже в случае языков с абсолютно симметричным отрицанием есть причины считать его грамматикализованным. Таким образом, отсутствие релевантных свидетельств по умолчанию я трактую в пользу присутствия NegP.

Обобщение (114-с), более сильный и менее формальный вариант которого был предложен еще в Jespersen (1917), представляет собой основу теории Zeijlstra (2004, 2008). Его авторская формулировка представлена в (115-а).

- (115) а. Каждый язык, в котором есть отрицательный маркер X^o – язык с отрицательным согласованием (если в нем есть n-слова). (Zeijlstra 2008:17, перевод мой)
- б. Есть вершина Neg \Rightarrow есть отрицательное согласование.

Из истинности положения (115) следует существование языков с неграмматикализованным отрицанием (116).

- (116) следствие из (115):
- а. Если в языке нет отрицательного согласования, то в нем нет и вершины Neg, т. е. грамматикализованного отрицания.
- б. Нет отрицательного согласования \Rightarrow нет Neg (контрапозиция (115-б)).

Не вполне ясно, что понимается под “n-словами” в (115). Если это слова, грамматичные только в присутствии отрицания (типа русского *никто*), то (115-а) тавтологично, поскольку буквально утверждает: “каждый язык, в котором есть вершина Neg и слова, требующие отрицательного согласования – язык с отрицательным согласованием”. По всей видимости под “n-словами” понимаются любые местоимения с отрицательной морфологией (Zeijlstra 2008:15-16). В таком случае, для того, чтобы фальсифицировать (115), необходимо найти язык, в котором (i) отрицание было бы вершиной; (ii) были бы местоимения с отрицательной морфологией; (iii) не было бы отрицательного согласования. Такие языки, вопреки предположениям Zeijlstra (2004, 2008), существуют.

Один из контрпримеров (115) – как ни странно, стандартный английский. Выше было показано (110), что показатель *n't* – вершина⁴⁰. Несмотря на это в стандартном английском нет отрицательного согласования (хотя оно есть во многих его диалектах (Labov 1972)). Чтобы избавиться от этого контрпримера, Зейлстра предполагает, что *n't* – не вершина и вообще не отдельный элемент лексикона. Этот показатель существует только как часть вспомогательных глаголов *don't*, *can't*, *ain't* и т. д. (Zeijlstra 2008:17). Иными словами, предлагается существование в английском около десятка показателей ТАМ, синкретически выражающих отрицание.

Во-первых, этот анализ не представляется мотивированным. Сочетаемость *-n't* с ограниченным множеством вспомогательных глаголов может быть объяснена (а) утратой передвижения V-to-T в современном английском (Roberts and Roussou 2003:205-206); (б) морфонологическими особенностями *-n't*, которые требуют вставления в верхней вершине какого-либо выраженного показателя, в который *-n't* (будучи суффиксом) мог бы инкорпорироваться. Во-вторых, что более важно, в английских диалектах с отрицательным согласованием представлен примерно тот же набор вспомогательных глаголов. Получается, что аргументы Zeijlstra (2008:17) работают *ad hoc*: один и тот же показатель *-n't* при прочих равных свойствах может быть или не быть вершиной в зависимости от того, есть ли в рассматриваемом диалекте отрицательное согласование.

⁴⁰ Более того, некоторые теории рассматривают и *not* как вершину, о чем уже говорилось выше.

Кроме того, вопреки анализу Zeijlstra (2004, 2008) и многих других авторов (Watanabe 2004; Giannakidou 2006; Penka 2011; Chierchia 2013; Kuhn 2022) отрицательного согласования нет и во многих романских языках, например, итальянском, где статус показателя *non* как вершины не оспаривается. Я возвращаюсь к данным итальянского и отрицательному согласованию в целом в разделе 4.1.2.

Итак, аргументы Zeijlstra (2004, 2008) в пользу опциональности NegP и анализа показателей SN в некоторых языках как наречий-адьюнктов необоснованы. В отсутствии независимых аргументов эта теория непривлекательна, поскольку, во-первых, сложнее теории универсальности NegP и, во-вторых, порождает дополнительные проблемы. Трудности, с которыми сталкивается анализ отрицательных частиц как наречий в случае нескольких конкретных языков, уже были показаны в разделе 1.3. Более общая проблема этой теории состоит в том, что она предполагает деграмматикализацию отрицания ровно на одном этапе цикла Есперсена (Jespersen 1917), обозначенном в (117) как Фаза 5 и выделенном полужирным. Такое следствие из теории Zeijlstra (2004, 2008) (осознаваемое им самим) представляется мне нежелательным. В дальнейшем я буду предполагать, что во всех языках стандартному отрицанию соответствует проекция NegP.

(117) Цикл Есперсена (Zeijlstra 2004:56)

a.	Фаза 1: Neg V	(русский, итальянский)
b.	Фаза 2: Neg V (Neg.Adv)	(каталанский)
c.	Фаза 3: Neg V Neg.Adv	(французский)
d.	Фаза 4: (Neg) V Neg.Adv	(разговорный французский)
e.	Фаза 5: V Neg.Adv	(немецкий, нидерландский)
f.	Фаза 6: Neg V / V Neg.Adv	(английский)

Положение (112-b) и его критика

Второе предположение Zeijlstra (2004) – Neg может присоединяться к VP или TP (112-b). Изначально эта гипотеза была выдвинута Ouhalla (1991) на основании разного относительного порядка показателей отрицания и ТАМ в языках мира. Однако, как справедливо замечает Zeijlstra (2004:177-178), без соответствующего анализа поверхностные морфологические данные не очень показательны. Зейлстра предлагает два других аргумента в пользу (112-b), т. е. параметрического варьирования позиции NegP:

- (118) a. В некоторых языках существуют два разных отрицательных показателя со сферой действия ниже и выше TP соответственно;
- b. В некоторых языках чувствительные к отрицанию элементы лицензируются в позиции субъекта (предположительно SpesTP), а в некоторых – нет. Таким образом, в языках первой группы отрицание располагается выше TP, а в языках второй группы – ниже TP.

Оба эти аргумента, однако, опровержимы. Рассмотрим их по отдельности.

Первый аргумент подкрепляется данными бенгальского языка, в котором существуют два отдельных показателя *na* и *ni*, первый из которых, в соответствии с анализом Ramchand (2004), интерпретируется под временем и отрицает экзистенциальный квантор, связывающий событийную переменную (119), а второй интерпретируется над временем и отрицает экзистенциальный квантор, связывающий временную переменную (120).

- (119) a. kalke gaRi ‘start’ holo na (бенгальский)
 вчера машина стартовать становиться.PST.3 NEG
 ‘Вчера машина не заводилась
 (какое-то время; а потом пришел сосед и починил ее).’ (Ramchand 2004)
- b. = ‘Вчера был такой промежуток времени *t*, когда не было события *e*, состоящего в том, что машина завелась.’
- c. = LF: $\exists t [t \subseteq \text{вчера}]: \neg \exists e [\text{заводиться}(e) \ \& \ e \subseteq t \ \& \ \text{пациенс}(e, \text{машина})]$
- (120) a. kalke gaRi ‘start’ hoi ni
 вчера машина стартовать становиться.3 PERF/PST.NEG
 ‘Вчера машина не заводилась (вообще; так и не завелась).’ (Ramchand 2004)
- b. = ‘Вчера (вообще) не было такого промежутка времени *t*, когда было событие *e*, состоящее в том, что машина завелась.’
- c. = LF: $\neg \exists t [t \subseteq \text{вчера}]: \exists e [\text{заводиться}(e) \ \& \ e \subseteq t \ \& \ \text{пациенс}(e, \text{машина})]$

Бенгальские данные, однако, не очень показательны, поскольку показатель *ni* присоединяется к особой форме глагола без показателя TAM (120), и интерпретационные различия между отрицанием через *na* и *ni* можно свести к различиям в семантике соответствующих форм глагола.

Более того, симметричный показатель отрицания *na* в анализе Ramchand (2004) присоединяется ниже времени (119), как и большинство отрицательных показателей, рассматриваемых Zeijlstra (2004). Таким образом, бенгальский пример не очень удачен – для того, чтобы показать, что в данном языке Neg присоединяется над T, нужно, чтобы **стандартное** (а не специфическое для какой-то конструкции) отрицание в нем имело интерпретационные или лицензирующие свойства, отличные от наблюдаемых в английском и т. д. и похожие на наблюдаемые у бенгальской *ni*. В этой работе я не буду подробнее останавливаться на относительной сфере действия отрицания и времени, и буду обсуждать взаимное расположение Neg и T только в связи со сферой действия отрицания относительно субъекта.

Грамматичность чувствительных к отрицанию элементов в позиции субъекта различается от языка к языку (и это второй аргумент (118-b) в пользу варьирования позиции отрицания). Например, в хинди (121-b) NPI *koi bhii* ‘кто-либо’ (дословно: ‘кто-то даже/тоже/и’) лицензируется в позиции субъекта, а в английском NPI *anyone* – нет (121-a). В соответствии со стандартными предположениями субъект передвигается в позицию SpеcTP для проверки/означивания падежного признака. Соответственно, контраст в (121) можно объяснить разной позицией от-

рицания: в хинди оно доминирует над TP, а в английском нет (Zeijlstra 2004:178-179).

- (121) a. *Anyone didn't come. (Lahiri 1998:78)
 b. *koiī bhīī *(nahīīN) aayāā* (хинди)
 кто-то даже/тоже NEG пришел
 'Никто не пришел.' (Lahiri 1998:60)

У этого аргумента есть две пробелы. Во-первых, не исключено, что субъект в (121-a) и (121-b) занимает разную структурную позицию (см. раздел 3.4.3). Во-вторых, даже в одном языке грамматичность в позиции субъекта может варьировать в зависимости от конкретного чувствительного к полярности элемента (122). Поскольку контрасты в (122) не могут объясняться различной позицией Neg в одном и том же языке, должно существовать альтернативное объяснение, опирающееся на собственные свойства рассматриваемых ИГ. Если это объяснение распространяется и на (121), постулирование варьирующейся (от языка к языку) позиции отрицания в целом лишается смысла. Контрастам (121), (122) и в целом лицензированию NP1 в позиции субъекта посвящен раздел 3.4.

- (122) a. *Кто-либо не пришел (ср. **anyone didn't come*)
 b. %Даже ОДИН(↗) человек *(не) пришел⁴¹ (ср. *koiī bhīī *(nahīīN) aayāā*)
 c. Никто не пришел.

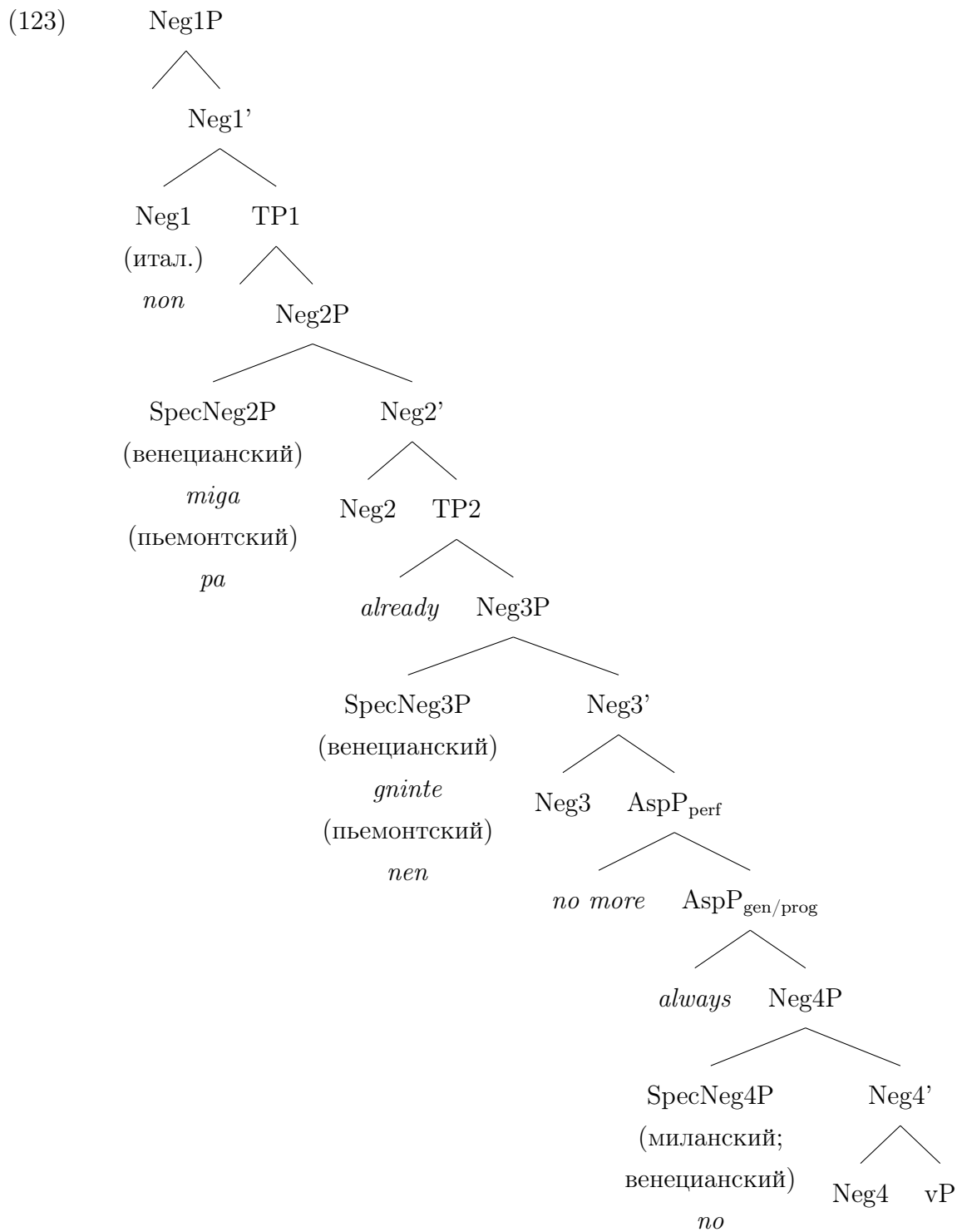
Итак, как положение (112-a) о существовании языков без грамматикализованного отрицания, так и положение (112-a) о двух возможных позициях Neg не представляются достаточно обоснованными. В следующем разделе я постараюсь показать необоснованность еще более сложной теории клаузуального отрицания.

2.1.4. Четыре позиции NegP

Исходный вариант теории (Zanuttini 1997)

На основе данных романских языков и в особенности северных итальянских диалектов Zanuttini (1997) приходит к выводу, что существуют четыре позиции отрицательных показателей. Структура, предложенная Zanuttini (1997:99,101), полностью указана в виде дерева в (123) и упрощенно в скобочном виде в (124).

⁴¹ Не все носители признают подобные предложения грамматичными, однако соответствующие примеры можно найти в корпусах. Я привожу их в разделе 3.4.2.

(124) [Neg_{1P} non [Neg_{2P} pa [already [Neg_{3P} nen [no more [always [Neg_{4P} no]]]]]]]

Примеры с двойным (125) и даже тройным (126) отрицанием в венецианском диалекте показаны ниже.

(125) а. no-l me piaze (венецианский диалект итальянского)
 NEG1-это мне нравится
 'Мне это не нравится.'

- b. no-l me piaze miga
NEG1-это мне нравится NEG2
'Мне это не нравится.'
- c. no-l me piaze gninte
NEG1-это мне нравится NEG3
'Мне это не нравится.'
- d. no-l me piaze NO
NEG1-это мне нравится NEG4
'Мне это не нравится.'

(Poletto 2017)

- (126) no la go miga magnada NO!
NEG1 это AUX NEG2 съел NEG4
'Я это не ел!'

(Poletto 2017)

Структура (123), которая может показаться избыточной и перегруженной, основана на следующем наблюдении: этимология и семантика отрицательных показателей определяет их позицию в структуре клаузы и связанные с ней свойства. Иными словами, отрицательные показатели распределяются по четырем позициям не случайным образом, например, грамматикализованные минимизаторы⁴² типа *pa* 'шаг' или *miga* 'крошка' систематически располагаются выше грамматикализованных отрицательных кванторов/местоимений типа *nen*, *gninte* 'ничего'.

Для определения структурной позиции соответствующего показателя Zanuttini (1997) рассматривает линейный порядок и сферу действия относительно наречий и некоторые другие диагностики, указанные в таблице 2 (таблица взята из Poletto 2017).

Table 2: Свойства отрицательных показателей в северных итальянских диалектах

	NegP1	NegP2	NegP3	NegP4
влияет на передвижение V-to-C	+	-	-	-
предшествует клитикам	+	-/+	-	-
сосуществует с отрицательным конкордом	+	+/-	-/+	-
появляется в симметричном прохибитиве	-	+/-	+	+

Критика

В дереве (123) видна простая закономерность, которая отражается и в таблице 2. Показатель в верхней проекции NegP1 выражен в вершине, а во всех остальных проекциях – в спецификаторе. Именно о вершинном статусе, а не о структурной позиции свидетельствует и первая диагностика в таблице 2 (вершины либо инкорпорируются в глагол при передвижении V-to-C, либо блокируют его, см. раздел 1.3.4; спецификаторы/адьюнкты на это передвижение не влияют). Если вершина, в отличие от спецификаторов, передвигается вверх по структуре (вместе с глаголом или сама по себе), то неудивительно и предшествование клитикам. Возможность сосуществования с отрицательным конкордом, как видно из таблицы, также коррелирует

⁴² Англ. *minimizer*. В литературе также можно встретить вариант перевода "минимайзер". Под минимизаторами понимаются выражения, обозначающие минимальное количество. Часто они грамматикализируются в NPI или вторичные отрицательные показатели, см. многочисленные примеры ниже.

с синтаксическим статусом (что было замечено еще в Zeijlstra 2004, 2008; см. обсуждение в прошлом разделе), и едва ли сообщает что-то о структурной позиции соответствующих показателей. То же можно сказать и о возможности появления в симметричном прохибитиве.

Получается, что структура (123) отличается от простой (109) тем, что (помимо вершины) в ней предусмотрены 3 позиции для отрицательных спецификаторов вместо одной. О трех разных позициях, как показано в (123) и (124), свидетельствует линейный порядок и сфера действия относительно наречий, однако, вопреки предположениям Zanuttini (1997); Cinque (1999) наречия – не очень надежный ориентир в структуре клаузы.

Во-первых, одно и то же наречие может присоединяться в разных позициях и интерпретироваться с разной сферой действия относительно отрицания (127).

- (127) a. Jean ne se comporte pas toujours bien. (французский)
 Жан NEG себя ведет NEG всегда хорошо
 $\neg >$ всегда: ‘Жан не всегда ведет себя хорошо.’
- b. Jean ne se comporte toujours pas bien.
 Жан NEG себя ведет всегда NEG хорошо
 всегда $> \neg$: ‘Жан все еще ведет себя нехорошо.’ (Haegeman 1995:29)

Во-вторых, одни и те же наречия могут иметь разное линейное расположение и сферу действия относительно друг друга – например, в подходящем контексте темпоральное *всегда* может интерпретироваться над эпистемическим *возможно* (128).

- (128) This is a fun free game where you’re always possibly a click away from winning \$1000.
 ‘Это веселая бесплатная игра, в которой вы всегда возможно в одном клике от того, чтобы выиграть \$1000.’ (Nilsen 2003:11)

В-третьих, наречия могут совершать передвижения, в т. ч. скрытые (например, реконструкцию, как в примере ниже), в результате чего утрачивается соответствие линейного порядка сфере действия (129).

- (129) БЫСТРО Петя, наверное, не решит эту задачу. (наверное $>$ не $>$ быстро)

Наконец, на относительную сферу действия наречий и отрицания может влиять семантика наречий (см. раздел 1.2.4).

Неудивительно, что в романских языках быстро обнаружили контрпримеры иерархии (123), (124). Например, в диалекте Кастильоне-д’Адда “низкий” показатель *нэ*, вопреки ожиданиям, может предшествовать наречиям *ben* ‘хорошо’, *semper* ‘всегда’ (130-а) и даже располагаться в различных позициях относительно причастия в аналитических формах (130-б), (130-с).

- (130) a. el dǝgm nǝ ben / semper (диалект Кастильоне-д’Адда, Ломбардия)
 он спит NEG4 хорошо / всегда

- ‘Он не всегда спит / не спит хорошо.’
- b. *i an dur'mi:d nɔ (ben)*
они AUX спавший NEG4 хорошо
‘Они не спали (хорошо).’
- c. *i an nɔ (semper) dur'mi:d*
они AUX NEG4 (всегда) спавший
‘Они не (всегда) спали.’ (Manzini and Savoia 2011:101)

Локализуемый в NegP2 показатель *mica* может оказываться в предглагольной позиции (131-b), что было показано еще в Cinque (1976).

- (131) a. *non ti ho mica detto di telefonargli* (разговорный северный итал.)
NEG1 тебе AUX NEG2 сказал PREP позвонить.ему
‘Я НЕ говорил тебе позвонить ему.’
- b. *mica ti ho detto di telefonargli*
NEG2 тебе AUX сказал PREP позвонить.ему
‘Я НЕ говорил тебе позвонить ему.’ (Poletto 2017)

Показатели NegP1 *non*, NegP2 *mica* и NegP3 *nen* также могут оказываться перед союзом *che* ‘что’, как показано в (132) для *nen*.

- (132) *par nen ch'a s stofeissa* (пьемонтский диалект)
так NEG3 что.он себя устать
‘Так, чтобы он не устал.’ (Poletto 2017)

В некоторых случаях отрицательные показатели, наоборот, оказываются правее ожидаемой линейной позиции. Например, в диалекте Пампарато (Пьемонт) отрицание типа NegP2 *pv* располагается слева от наречия *nku* ‘еще’ (133-a), как и ожидается Zanuttini (1997), а в муштерском диалекте романшского языка показатель NegP2 *bo*⁴³ следует за *aun* ‘еще’ (133-b).

- (133) a. *i dɔŋti pv nku* (диалект Пампарато, Пьемонт)
они спят NEG2 еще
‘Они еще не спят.’ (Manzini and Savoia 2011:103)
- b. *jau dɔŋmɛl aun bo* (муштерский диалект романшского, Гризон/Граубюнден)
я сплю еще NEG2
‘Я еще не сплю.’ (Manzini and Savoia 2011:104)

Другие контрпримеры иерархии (123) см. в Garzonio (2008); Manzini and Savoia (2011).

Модификация теории четырех NegP (Poletto 2008, 2017)

В свете контрпримеров с линейным порядком, несоответствующим иерархии (123), в Poletto (2008, 2017) предлагаются два уточнения, позволяющих сохранить теорию четырех упорядоченных NegP (Zanuttini 1997). Все отрицательные показатели порождаются в одной проекции – “большой NegP”, находящейся низко в структуре клаузы – внутри VP (134), что объясняет

⁴³ Не когнат *pv*.

наблюдаемые иногда нестандартно низкие позиции. Из “большой NegP” показатели передвигаются в соответствующие проекции в структуре (123), но могут передвигаться и выше, что объясняет нестандартно высокие позиции. В развернутом виде один из вариантов внутренней структуры NegP (Poletto 2017) представлен в (135).

(134) ... [*sempre* ‘всегда’]_{Neg4P} *NO* [_{vP} [_{VP} [_{NegP} [*NE* [*mica* [*non* [*niente*]]]]]]]]]

(135) [_{NegP} [_{FocusP} *NO* [_{MinimizerP} *mica* [_{ScalarP} *non* [_{ExistentialP} *niente*]]]]]

Мотивация этого подхода состоит в том, что некоторые свойства дублирования отрицательных показателей аналогичны свойствам дублирования клитик, для которых был ранее предложен анализ с “большой DP” (Belletti 2005). В сущности анализ Poletto (2008, 2017) сводится к созданию еще одной специализированной функциональной последовательности (третьей после клаузуальной и именной).

Критика

Как это часто бывает с громоздкими анализами в стиле *brute force*, подход Zanuttini (1997) и его обновленная версия Poletto (2008, 2017) создают больше проблем, чем решений. Во-первых, как справедливо замечают Cinque (1999) и Zeijlstra (2004), четыре фиксированные проекции с примерно одной и той же семантикой – это настолько много, что начинает напоминать теорию свободного варьирования позиции Neg. Во-вторых, возникает вопрос, почему в предложениях с несколькими отрицательными показателями интерпретируется всегда только один. Если существуют четыре проекции отрицания, то почему нет языка, который заполнял бы больше одной из них интерпретируемым отрицанием? Идеальным примером в пользу теории Zanuttini (1997); Poletto (2008, 2017) был бы агглютинативный язык с четырьмя отрицательными аффиксами с различной фонологической формой, каждый из которых занимал бы фиксированную позицию и интерпретировался. Однако в очень немногочисленных языках с двойным, тройным или даже четверным маркированием отрицания (Van der Auwera and Vossen 2017), интерпретируется всегда только одно из них (136)⁴⁴.

(136) ra-t-un-sā-i (чхамлинг < киранти < сино-тибетские)
 NEG-приходить-NEG-3NS-NEG
 ‘Они не пришли.’ (Van der Auwera and Vossen 2017:41)

В-третьих, даже в некоторых итальянских диалектах в дублировании участвуют не показатели с разной семантикой и этимологией, а один и тот же показатель (137), что противоречит идее Poletto (2008, 2017) о структурированной NegP, включающей несколько проекций с различной семантикой (135).

⁴⁴ Кроме случаев с CN, которое легко обнаружить, поскольку оно никак не фиксировано и может присоединяться практически к любой составляющей.

- (137) $\varepsilon n \ t \ \varepsilon n \ t \ \varepsilon n \ l\ddot{o}vi \ n\acute{e}:nt$ (диалект Каркаре, Лигурия)
 NEG ты NEG себя NEG моешь NEG
 ‘Ты себя не моешь.’ (Van der Auwera and Vossen 2017:42)

В-четвертых, для того, чтобы объяснить тяготение отрицательных наречий к правой периферии клаузы, не нужно постулировать низкую проекцию NegP внутри VP. Новые отрицательные показатели обычно грамматикализуются из минимизаторов или неопределенных местоимений (Roberts and Roussou 2003:155). Таким образом, низкую NegP можно заменить на DP в позиции прямого объекта, получив тот же структурный анализ без привлечения дополнительной, не имеющей независимой мотивации сущности. Я вернусь к обсуждению дублирования отрицательных показателей и грамматикализации в разделе 2.2.4.

В-пятых, просто неясно, что структурированная NegP делает внутри VP. В этой позиции отрицание будет иметь максимально низкую сферу действия – ниже аспекта, всех видов модальности и экзистенциального закрытия. Столь узкая сфера действия, видимо, наблюдается только в небольшом классе примеров с очень специфическими интерпретациями типа (138).

- (138) a. $han \ sat \ og \ stirde \ tungt \ inn \ i \ ingenting$ (норвежский)
 он сидел и смотрел тяжело в в никуда
 ‘Он сидел и тяжело смотрел в никуда.’ (Svenonius 2002:131)
- b. $el \ beb\acute{e} \ este \ mirando \ a \ nadie$ (испанский)
 DEF ребенок есть смотрящий на никто
 ‘Ребенок смотрит в никуда.’ (Zeijlstra 2004:213)

Наконец, линейная позиция не обязана совпадать со сферой действия. В (139) отрицательный показатель *no*, несмотря на свою крайне правую линейную позицию, может интерпретироваться над модальным глаголом. Непонятно, каким образом наивный анализ с низкой проекцией Neg4P для этого показателя может объяснить эти данные. В свете (139) возникает подозрение, что линеаризация отдельных отрицательных показателей на правой периферии – результат (не влияющих на интерпретацию) передвижений других составляющих, лишь создающих видимость низкой структурной позиции отрицания. В частности, можно предположить, что исходная (до передвижения вершин) структурная позиция модального показателя *gá* в (139) – ниже, чем позиция отрицания *no*. Я возвращаюсь к обсуждению этого примера в разделе 2.1.6.

- (139) $el \ g\acute{a} \ de \ studi\acute{a} \ no$ (миланский диалект итальянского)
 он должен PREP учиться NEG
 1. $\square > \neg$: ‘Он должен не учиться.’
 2. $\neg > \square$: ‘Он не обязан учиться.’ (Moscati 2010:42)

Итак, сложность теории Zanuttini (1997); Poletto (2008, 2017) не окупается – она, с одной стороны, предсказывает существование данных, которых нет (существование языков с множественным интерпретируемым отрицанием – Neg1, Neg2 и т. д.), а, с другой стороны, ее гибкости недостаточно для того, чтобы объяснить данные даже тех языков, на материале которых она

изначально создавалась (например, (139) и многочисленные примеры с наречиями).

2.1.5. Наносинтаксическая теория четырех NegP

Теория

В серии работ De Clercq (2013, 2018, 2020) предлагается общий анализ различных типов отрицания в рамках теории наносинтаксиса (Starke 2009; Caha 2009; Baunaz et al. 2018). Этот анализ идентифицирует и формализует четыре типа отрицания, указанные в (140) с выделением отрицательных показателей полужирным (совпадение с числом отрицательных проекций в теории, рассмотренной в предыдущем разделе, случайно)⁴⁵.

- (140) a. Negative tense markers T_{neg} : *Kim isn't happy (, is she?)*
 b. Negative focus markers Foc_{neg} : *Kim is **NOT** happy (, isn't she?)*
 c. Negative classifier markers $\text{Class}_{\text{neg}}$: *Kim is very **non**professional*
 d. Negative scalar quantity markers Q_{neg} : *Kim is very **un**happy*

В разделе 1.3 я обсуждал синтаксические тесты сентенциального отрицания в английском (Klima 1964) и в частности тест с вопросительным тегом. Поскольку в английском фокусное отрицание в сегментной фонологии совпадает с нестяженным вариантом стандартного (*not*), в (140-a) и (140-b) приведены вопросительные теги, указывающие на синтаксическое различие между двумя этими типами отрицания. Фокусное отрицание, в отличие от стандартного, сочетается с отрицательным тегом, т. е. предложение (140-b) по этому критерию является утвердительным, что, по мнению De Clercq (2018:185–189), свидетельствует о более низком расположении фокусного отрицания в синтаксической структуре.

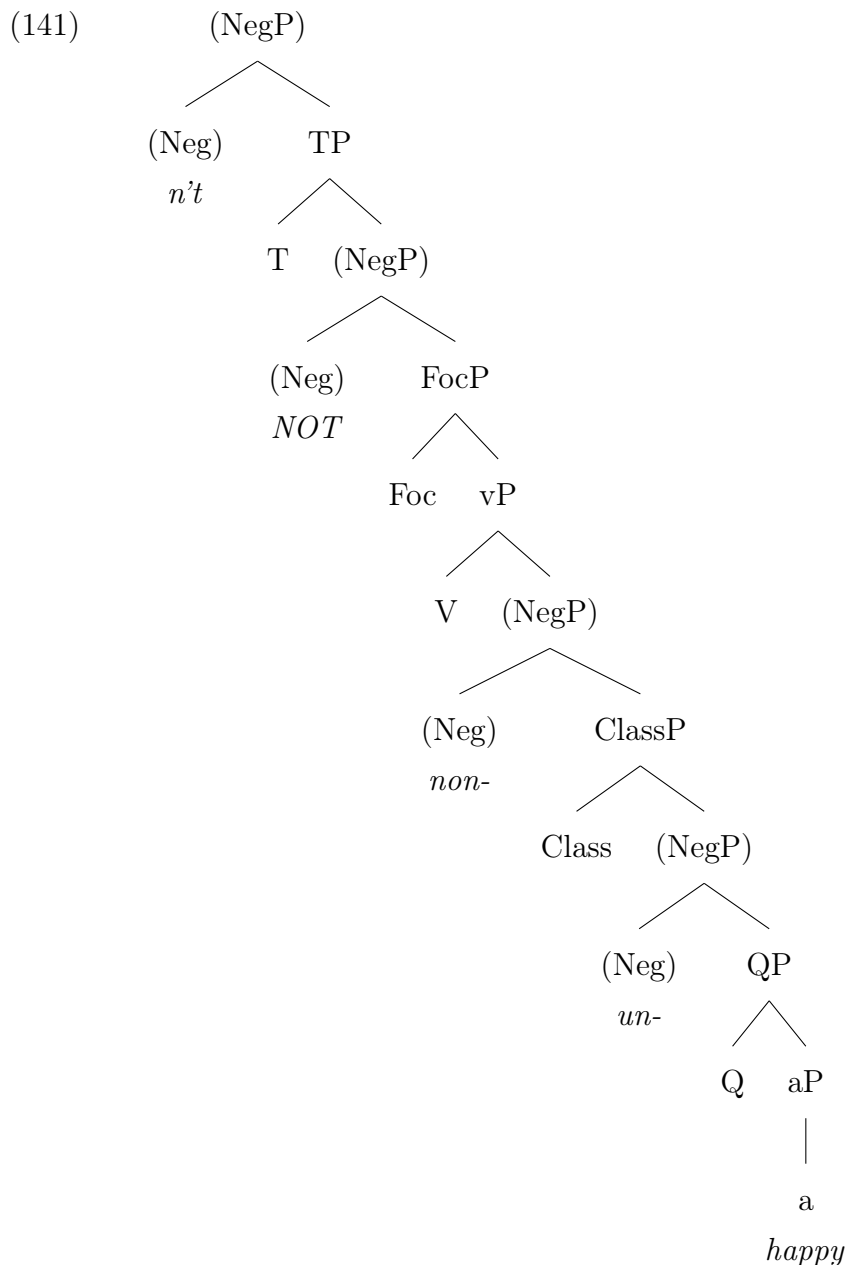
Свойства отрицательных показателей обобщены в таблице 3 с указанием примеров из английского языка в заглавной строке.

Table 3: Свойства отрицательных показателей различных типов (De Clercq 2018:194)

	T_{neg} (<i>not/n't</i>)	Foc_{neg} (<i>not</i>)	$\text{Class}_{\text{neg}}$ (<i>non</i>)	Q_{neg} (<i>un-/iN-/dis-</i>)
семантика	сентенциальное отрицание	предикатное отрицание	термовое отрицание	
сфера действия	предикат+время	предикат	терм	
присоединяется к	Foc_{neg} , $\text{Class}_{\text{neg}}$, Q_{neg}	$\text{Class}_{\text{neg}}$, Q_{neg}	Q_{neg}	–
функция	отрицание	контраст/ модификация	классификация	характеризация

В рамках этой работы основной интерес представляют сфера действия и возможность присоединения показателей друг к другу. Эти свойства следуют из синтаксической структуры, которая в теории De Clercq (2018:184) выглядит как (141).

⁴⁵ В дальнейшем я буду описывать вариант теории, представленный в De Clercq (2018).

В (142) показан пример с тремя отрицательными показателями, иллюстрирующий иерархию.

(142) She isn't NOT unhappy (De Clercq 2018:186)

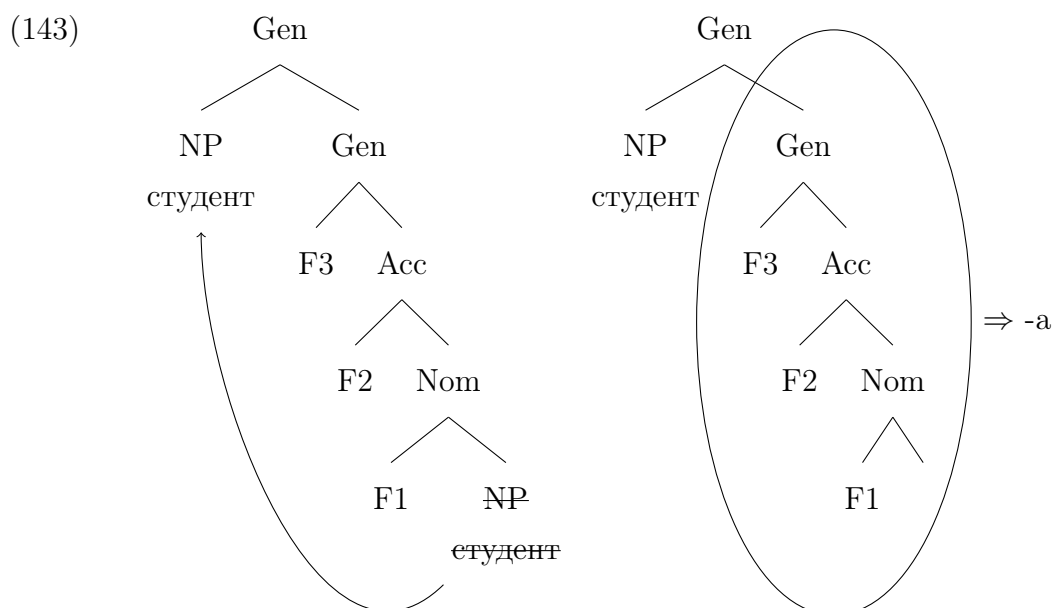
Помимо свойств, перечисленных в таблице 3, разделение показателей на 4 типа (140) позволяет обнаружить типологически устойчивую⁴⁶ закономерность, связанную с синкретизмом: отрицательный показатель может выполнять несколько функций, но эти функции/значения должны быть смежными. Например, как видно из таблицы 4, отрицательный показатель не может использоваться как T_{neg} и $Class_{neg}$, не имея функции Foc_{neg} , т. е., не встречается шаблон АВА.

⁴⁶ В выборку De Clercq (2018) входят 9 языков, в выборку De Clercq (2020) – 22.

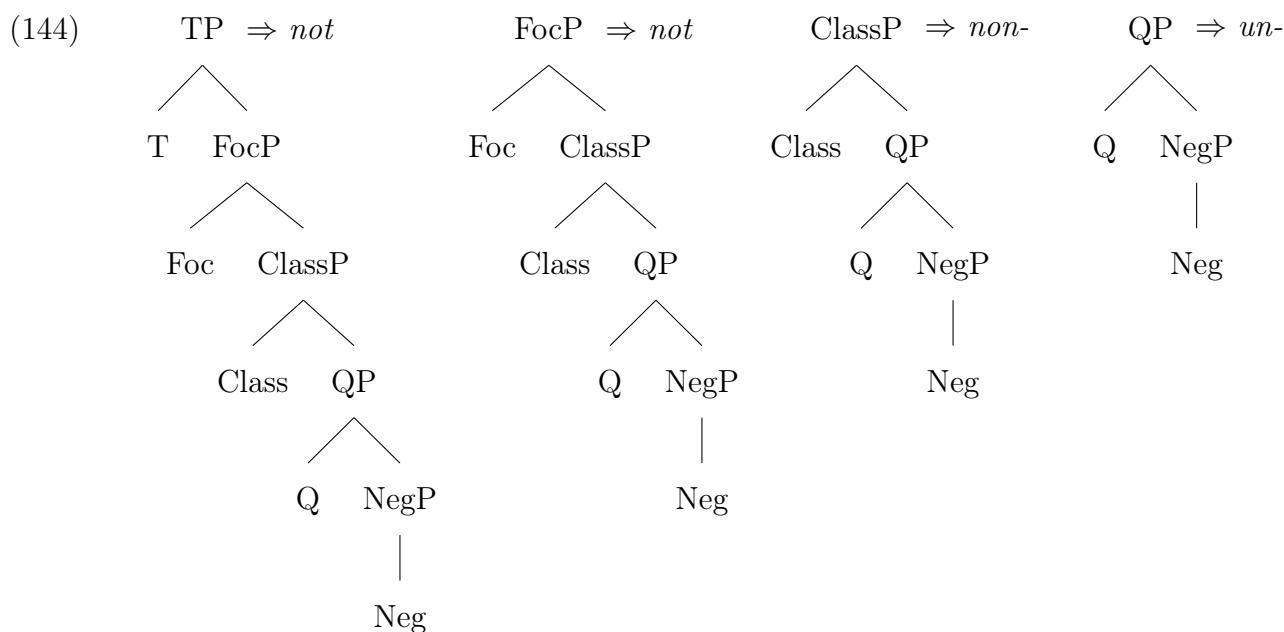
Table 4: Синкретизм показателей отрицания (De Clercq 2018:195)

		T _{neg}	Foc _{neg}	Class _{neg}	Q _{neg}
Шаблон 1 (ABCD)	современный греческий	<i>dhen</i>	<i>oxi</i>	<i>mi</i>	<i>a-</i>
	разговорный английский	<i>-n't</i>	<i>not</i>	<i>non-</i>	<i>un-</i>
	стандартный французский	<i>ne ... pas</i>	<i>pas</i>	<i>non</i>	<i>iN-</i>
Шаблон 2 (AACD)	формальный английский	<i>not</i>	<i>not</i>	<i>non-</i>	<i>un-</i>
	разговорный французский	<i>pas</i>	<i>pas</i>	<i>non</i>	<i>iN-</i>
Шаблон 3 (AACC)	китайский	<i>bù</i>	<i>bù</i>	<i>fei</i>	<i>fei</i>
	стандартный арабский	<i>laa</i>	<i>laa</i>	<i>ghayr-</i>	<i>ghayr-</i>
	персидский	<i>na</i>	<i>na</i>	<i>qheyr-</i>	<i>qheyr-</i>
Шаблон 4 (ABBB)	марокканский арабский	<i>ma (ši)</i>	<i>muši</i>	<i>muši</i>	<i>muši</i>
Шаблон 5 (AAAD)	нидерландский	<i>niet</i>	<i>niet</i>	<i>niet-</i>	<i>on-</i>
	венгерский	<i>nem</i>	<i>nem</i>	<i>nem</i>	<i>-tAlAn</i>
Шаблон 6 (AAAA)	чешский	<i>ne-</i>	<i>ne</i>	<i>ne-</i>	<i>ne-</i>

De Clercq (2018) предлагает наносинтаксический анализ, позволяющий объяснить “неразрывность” синкретизма и в то же время подтверждающий иерархию (141). В наносинтаксисе морфемы являются фонологическими реализациями поддеревьев: **непрерывная** часть дерева может быть фонологически реализована как морфема X с соответствующими признаками, если таковая имеется в лексиконе. Например, в (143) предполагается, что проекции падежей наслаиваются одна на другую. Содержащиеся в русском лексиконе морфема *-a* обладает признаками { F1, F2, F3 } и может озвучивать поддерево, включающее соответствующие признаки-вершины. Если бы в дереве (143) были только признаки F1 и F2, что соответствует аккузативу, то морфема *-a* все равно могла бы озвучить такое поддерево по принципу надмножества $\{ F1, F2 \} \subseteq \{ F1, F2, F3 \}$ (что объясняет синкретизм генитива и аккузатива в этом склонении). Подробнее о падежном синкретизме и деривациях типа (143) см. Сага (2009, 2019).

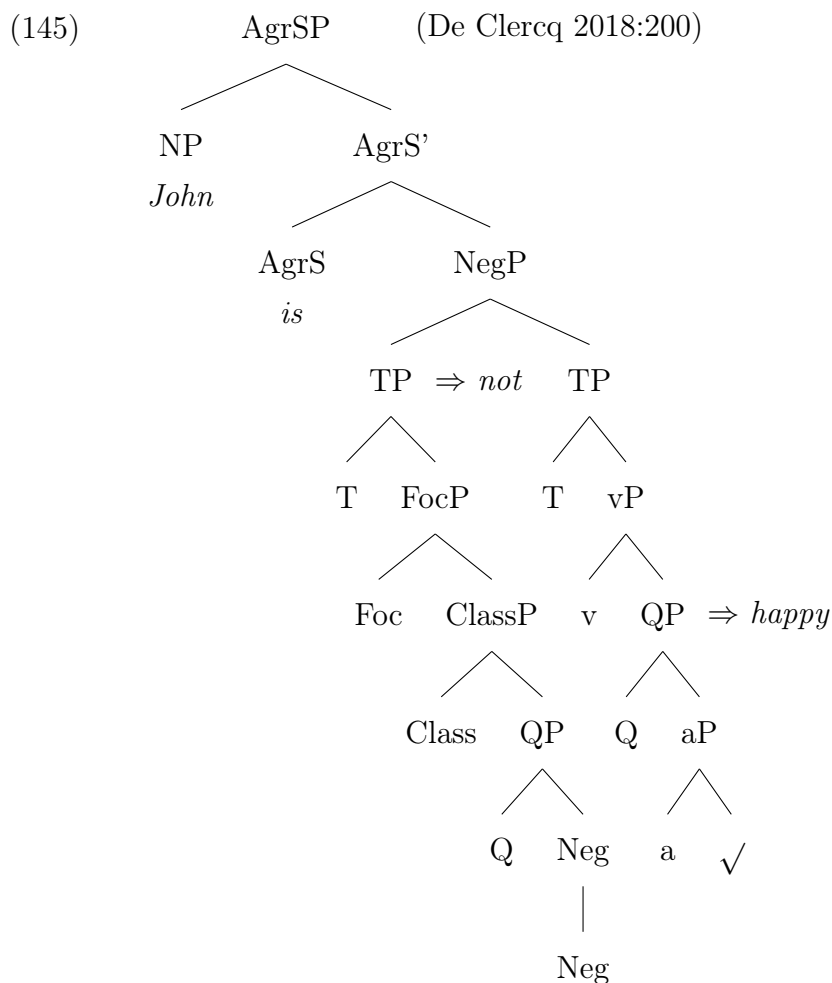
Эту теорию, зарекомендовавшую себя в исследованиях падежного синкретизма, De Clercq (2018) применяет для объяснения данных из таблицы 4. Предполагается декомпозиция отрицательных показателей на пять признаков – собственно отрицательный и четыре признака, соответствующие вершинам, к которым может присоединяться отрицание (141). Как и в случае с падежными признаками F1, F2 и т. д., эти признаки “наслаиваются” друг на друга в соответствии со строгой иерархией. Максимальная возможная структура, которая может соответствовать отрицательному показателю, указана в первом дереве в (144). В формальном английском эта структура реализуется показателем *not*. Для структуры во втором дереве (144) специализированного показателя в английском лексиконе нет, поэтому фокусное отрицание реализуется тем же показателем *not* по принципу надмножества (*not* содержит все необходимые признаки и немного больше). Еще более маленькая, третья структура (144) не может быть реализована показателем *not*, поскольку существует более специализированный показатель *non* (принцип умолчания⁴⁷). Самой маленькой, четвертой структуре в английском лексиконе соответствуют разные префиксы, например *un-*.

Принципы надмножества и умолчания гарантируют, что синкретизм не может “перескакивать” через структуры/функции. Например, даже если бы в английском не было префикса *un-* и т. п., самая правая структура в (145) не могла бы быть выражена показателем *not* в обход *non-*, поскольку у последнего меньше лишних признаков (принцип умолчания).

Наконец, в том, что касается внешнего синтаксиса, поддерево, соответствующее отрицательному показателю, вставляется в общую структуру клаузы в позиции, соответствующей верхней вершине в поддереве (145). Подробнее о том, как и почему это происходит см. De Clercq (2013, 2018).

⁴⁷ Elsewhere Principle в оригинале. Существует ли общепринятый вариант перевода этого термина, мне неизвестно.

Проблема 1: разрывный синкретизм АВА

В этой работе я не ставлю цель критиковать наносинтаксис в целом – мои предыдущие и последующие формализации в целом совместимы с ним. Однако есть несколько проблем разной степени серьезности (146), ставящих под сомнение непосредственно анализ отрицательных показателей De Clercq (2018), описанный в этом разделе.

- (146) а. Существует примеры нарушения неразрывности синкретизма отрицательных показателей, т. е. в языках мира встречается шаблон АВА;
- б. В структуре не предусмотрено место для отрицания составляющих; а если бы оно было, то не было бы причин постулировать фокусную проекцию Neg (между TP и FocP);
- с. Нет семантической мотивации расположения Neg над T.

Третья проблема не очень релевантна для настоящего обсуждения. Как видно, из дерева (145) De Clercq (2018) предполагает, что субъект находится над отрицанием, но не в SpecTP, а в SpecAgrSP. Действительно ли отрицание находится над TP и интерпретируется над временем – отдельный вопрос, на котором, как я говорил во введении и разделе 2.1.3, я не буду останавливаться целенаправленно (впрочем см. раздел 2.2).

Более серьезная проблема для теории De Clercq (2018) состоит в нарушении обобщения о синкретизме показателей отрицания. В бурятском и некоторых других монгольских языках (например, халха) имеет место именно шаблон АВА (147).

- (147) бурятское отрицание
 $-g\ddot{n}i$ (T_{neg}) > = $b\ddot{a}f\ddot{a}$ (Foc_{neg}) > $-g\ddot{n}i$ ($Class/Q_{neg}$)

В бурятском в именной морфологии суффикс $-g\ddot{n}i$ используется как показатель каритивного падежа (13-а), (148) и в большинстве случаев его наиболее близкие переводные эквиваленты в русском и английском, на мой взгляд, – деривационные показатели *без-* и *-less* соответственно. Однако он может иметь и семантику, близкую к английскому *un-* (149). В данном случае неважно, какому из двух типов именного отрицания – $Class_{neg}$, Q_{neg} или обоим – соответствует $-g\ddot{n}i$, поскольку неразрывность синкретизма нарушается в любом случае.

- (148) $bi\ ula:n\ s\ddot{a}s\ddot{e}g\text{-}\ddot{u}:\ddot{d}\text{-}g\ddot{n}i\text{-}b$
 я красный цветок-PL-NEG-1SG
 ‘У меня нет красных цветов.’ (букв.: ‘Я бескрасноцветочный.’)

- (149) $\ddot{f}\ddot{u}l\ddot{a}n\ am\ddot{t}a\text{-}g\ddot{n}i$
 суп вкус-NEG
 ‘Суп невкусный.’

Причина нестандартного монгольского синкретизма кроется в диахронии. Показатель SN $-g\ddot{n}i$ изначально использовался для отрицания именных форм, в том числе и причастий, которые в монгольских языках используются и финитно. В ходе эволюции системы ТАМ $-g\ddot{n}i$ вытеснил старые показатели SN, что и привело к ситуации (147) (обсуждение диахронии монгольского отрицания см. также в разделе 1.3.6).

В принципе, нарушение неразрывности синкретизма (147) можно рассматривать как омофонию $-g\ddot{n}i$ – фонологическая форма $-g\ddot{n}i$ на самом деле соответствует двум разным лексемам (= наборам признаков = синтаксическим структурам). Подобные совпадения, влекущие поверхностный разрывный синкретизм, естественно не исключены, а иногда и ожидаемы – например, в русском многие падежи выражаются одной гласной, и, учитывая, что множество гласных в русском языке очень невелико, был бы странно, если бы в падежных парадигмах не встречалась случайная омофония. Тот факт, что разрывный синкретизм в русской падежной морфологии встречается очень редко – например, только в 1 случае из 42 возможных в числительных – подтверждает неслучайность смежного синкретизма, который встречается в 8 из 15 возможных случаев (Саха 2009:14).

Таким образом, можно сказать, что в бурятском на самом деле имеет место шаблон АВС: три разных показателя, три разные структуры, но фонологическая форма А и С совпадает. Однако, в данном случае, очевидно, нельзя говорить о случайном совпадении – диахрония глагольного и именного $-g\ddot{n}i$ абсолютно прозрачна. Само по себе это не компрометирует анализ

De Clercq (2018) – ничто не мешает предположить, что *-gni* действительно разделился на две разные лексемы с одинаковой фонологической формой, но разными наборами синтаксических признаков.

Однако возникают два вопроса: во-первых, почему, разделившись, *-gni* “перескочил” одну из возможных структур (которой соответствует $=b\acute{a}f\acute{e}$ в бурятском и нестяженный *not* в разговорном английском)? Диахроническая мотивация именно такого раздвоения *-gni* известна, однако в формальной теории ожидается, что при грамматикализации показатель перемещается вверх по структуре, не пропуская возможные позиции (см. разделы 2.2.4, 6.2.5). Вторая проблема – если появление полисемии в лексиконе разрешено, то случаи смежного синкретизма можно также анализировать как разделение одной лексемы на *N* лексем, что в принципе устраняет необходимость наносинтаксического анализа, в котором одна и та же лексема может “озвучивать” несколько вариантов структуры.

Проблема 2: “фокусное” отрицание = отрицание составляющих?

Обнаружение шаблона АВА ставит под сомнение предлагаемую De Clercq (2018) иерархию синкретизма и, соответственно, иерархию отрицательных вершин. В приведенном мной контр-примере из монгольских языков “нарушитель” иерархии (т. е. элемент В в шаблоне АВА) – фокусное отрицание Foc_{neg} (показатель $=b\acute{a}f\acute{e}$). Я предполагаю, что это не случайно: эта разновидность отрицания (и соответствующая ей фокусная проекция Foc) вообще является наиболее сомнительной частью иерархии (141), (144).

Сама по себе идея наличия в синтаксической структуре специализированных проекций $FocP$, $TopP$ и т. д. с чисто дискурсивными функциями (Rizzi 1997), а тем более дублирования этих проекций на правой периферии клаузы, в районе vP (Belletti 2004), не является общепринятой, см., например, Abels (2012a) и Neeleman and Vermeulen (2012b), где предлагается рассматривать синтаксическую и информационную структуры отдельно. Даже если низкая фокусная проекция действительно существует, неясно, почему отрицание в этой позиции выделяется в качестве отдельной функции. По сути “фокусное отрицание” в терминологии De Clercq (2018) эквивалентно CN в терминологии, используемой в этой работе. Позиция CN в клаузе относительно свободна; например, оно может появляться дважды в одной клаузе (150). Разумеется, CN может появляться и в позиции, выделяемой De Clercq (2018) для фокусного отрицания (151-b)⁴⁸, однако это лишь одна из возможных позиций CN . В отсутствии аргументов в пользу того, что CN в этой позиции обладает какими-то особыми свойствами, нет причин выделять ее отдельно и включать в иерархию.

(150) Not MARY but JOHN invited not BILL but PIA. (Neeleman and Vermeulen 2012a:236)

(151) a. He [_{TP} has [_{NegP} not [_{vP} succeeded]]] and neither has she.
 b. He [_{TP} has [_{NegP} (often) [_{NotP} not [_{vP} succeeded]]]] and so has she. (Horn 2001:482)

⁴⁸ Как показывает один из тестов (Klima 1964), в первом примере в (151) имеет место SN , а во втором – CN с узкой сферой действия, т. е. “фокусное отрицание”.

При этом анализ с фокусным отрицанием Foc_{neg} между T и Foc (141) не охватывает другие случаи использования CN. Как замечает сама De Clercq (2018:189), показатель *not* в английском может использоваться как “модификатор составляющих” (152) или в малых клаузах (153). Не очень понятно, как структурный анализ с низкой проекцией Foc_{neg} распространяется на эти примеры, особенно (152). С другой стороны, эти примеры можно анализировать как частные случаи отрицания составляющих⁴⁹.

(152) not long ago, not everybody, not very often (De Clercq 2018:189)

(153) He considers it not pleasant. (De Clercq 2018:189)

В монгольском примере (67), повторенном ниже как (154), вопреки ожиданиям De Clercq (2018), показатель CN (или фокусного отрицания) =*bəʃə* появляется **над** показателем SN -*gni*.

(154) а. Контекст: когда я включаю свет, похоже, что лампочку еще не поставили
 б. *güi=ee, ċi:deng-gii=n xii-gee=güi biš=ee, en-ċen*
 нет=EMPH, лампочка-ACC=3POSS делать-RES=NEG NOT=EMPH, этот-STC
šat-c=iin (халха)
 гореть-PST=PTCL
 ‘Нет, не лампочку не вкрутили, а она (уже) перегорела.’

Более того, обратный порядок в (154) в принципе невозможен. Тот факт, что в английском *not* может появляться ниже *n't* (142) не связан с иерархией (141), а тривиально следует из аналитизма английской глагольной морфологии. CN может присоединяться (почти) к любой словоформе; если *vP* или иная составляющая в фонологии является отдельной словоформой, то ничто не мешает отрицать ее. Если же *vP* не выражается отдельной словоформой (как в (154)), то нет и никакого способа реализации низкого “фокусного отрицания” Foc_{neg} .

“Фокусное отрицание” может доминировать над стандартным и в русском языке. Последнее, как правило, имеет сферу действия ниже модальных глаголов с эпистемическим значением (155). Однако в русском отрицание эпистемических модальных глаголов вполне допустимо (156). Как будет показано в разделе 6.4, в примерах типа (156) именно нижнее отрицание – стандартное (такое, которое было бы выражено специализированным показателем в языках типа халха).

(155) Mary may not move to London. (Fălăuş and Laca 2020:8)

1. $\diamond > \neg$: ‘Возможно, Мэри не поедет в Лондон.’ (эпистемическая интерпретация)

2. $\neg > \diamond$: ‘Мэри не разрешено ехать в Лондон.’ (деонтическая интерпретация)

(156) Петя не мог (не) догадаться о нашем приезде.

⁴⁹ Хотя, возможно, не все. Например, в *not everybody* может иметь место SN или отрицание в структуре DP/QP. Ср. *Not everybody came vs *I met not every student vs *Not each student came* (Acquaviva 1996a:8). См. также аргументы Номер (2015:25-26) в пользу того, что *not* в *not everyone* – клаузальное отрицание, а не отрицание составляющей.

В целом, нет никаких оснований для выделения специализированной позиции низкого фокусного отрицания Foc_{neg} – оно просто является частным случаем отрицания составляющих. Контрастивная семантика, обнаруженная De Clercq (2018) у фокусного отрицания (табл. 4), также абсолютно естественна для отрицания составляющих, см. разделы 1.1, 1.3.1 и примеры (150), (154) выше. Разумеется, дистрибуция CN не ограничивается позицией над vP или PredP (141), а в языках с синтетической глагольной морфологией типа монгольских или тюркских оно не может появляться в позиции над vP , постулируемой De Clercq (2018).

Итоги

Итак, попытка использовать CN в качестве промежуточного звена в иерархии (141) между глагольным и именным отрицанием необоснована и закономерно приводит к появлению случаев нарушения иерархии синкретизма (шаблон АВА в монгольских языках). Отказ от фокусного отрицания с фиксированной позицией в структуре клаузы (141) и в наноструктуре отрицания (144) лишает смысла всю теорию De Clercq (2018), поскольку она перестает быть полезной в анализе обоих основных явлений, которые стремится объяснить и увязать друг с другом – сферы действия и синкретизма. В том, что касается синкретизма, наноструктура отрицания (144) упрощается до трех проекций, из которых две именные и одна – глагольная. Хотя бы частичный синкретизм между именным и глагольным отрицанием наблюдается достаточно редко – например только в 2 шаблонах из 6 и 3 языках из 9 в небольшой выборке De Clercq (2018), соответствующие данные с исключением фокусного отрицания повторены в таблице 5.

Table 5: Синкретизм глагольного и именного отрицания (De Clercq 2018:195)

		T_{neg}	$\text{Class}_{\text{neg}}$	Q_{neg}
Паттерн 5 (ААВ)	нидерландский	<i>niet</i>	<i>niet</i>	<i>on-</i>
	венгерский	<i>nem</i>	<i>nem</i>	<i>-tAlAn</i>
Паттерн 6 (ААА)	чешский	<i>ne-</i>	<i>ne-</i>	<i>ne-</i>

В обновленном виде данные синкретизма смотрятся гораздо более тривиально. Во-первых, данных мало, во-вторых, то, что (а) глагольное отрицание может использоваться в именной морфологии и (b) при этом может существовать более лексикализованное именование отрицание, отличающееся от глагольного, вполне ожидаемо и может быть объяснено и без наносинтаксиса. Например, в русском глагольное отрицание *ne* продуктивно используется для отрицания прилагательных. Оно может присоединяться и к чисто именному отрицательному показателю *без-* (157-а), примерно синонимичному венгерскому *-tAlAn* (табл. 5), но для анализа подобных дериваций нет необходимости в наносинтаксических структурах типа (144), поскольку *ne* в целом занимает внешнюю позицию в именной морфологии и присоединяется и поверх других деривационных префиксов, ср. (157-б) и (157-с).

(157) а. небезынтересный, небезнадежный, небезопасный, небесполезный

- b. непредпоследний, ненаименный, незаграничный⁵⁰, ?неразвеселый⁵¹
 c. *преднепоследний, *наименный, *заграничный, *развеселый

Обобщение относительно сферы действия также не представляется полезным. Рассматриваемые показатели относятся к двум разным функциональным последовательностям – глагольной и именной – что и обуславливает их сферу действия. Примеры типа (142), повторенного ниже как (158), лишь создают видимость единой иерархии (141), однако именные и глагольные отрицательные показатели могут вообще не с-командовать друг другом в синтаксической структуре (159).

(158) She [TP isn't [FocP NOT [vP [QP unhappy]]]] (De Clercq 2018:186)

(159) [Адепты [бесконтактного боя]] [на встречу **не** пришли].

Возможно, наносинтаксическая теория может дать интересные результаты, если ограничиться анализом именной морфологии (De Clercq and Wyngaerd 2019), но попытка объединить три типа отрицания (глагольное SN, кросс-категориальное CN и именное) в одну иерархию на данный момент сводится к необоснованным и эмпирически неадекватным утверждениям о структуре клаузы и наноструктуре отрицания.

2.1.6. Отрицание как тип клаузы

Последняя теория, которую я рассмотрю в этом разделе, формализует идею о том, что отрицание представляет собой отдельный тип клаузы (Moscatti 2006, 2010). Критика этой идеи и ее формализации распространяется и на идею об отрицании как отдельном типе речевого акта (Givón 2018), поскольку, как станет видно из нижеследующего повествования, они очень похожи.

Теория

В работе Rizzi (1997) предлагается, что на левой периферии структуры клаузы существует проекция ForceP в которой кодируется тип клаузы – декларативная или вопросительная. При подчинении тип подчиняемой клаузы может эксплицитно маркироваться союзом. Например, глагол *believe* ‘верить’ “выбирает” утвердительные подчиненные клаузы, возглавляемые союзом *that* (160), а глагол *wonder* ‘интересоваться’ – вопросительные клаузы, возглавляемые союзом *whether* (161)⁵².

- (160) a. Mary believes that he will come
 b. *Mary believes whether he will come (Moscatti 2010:64)

⁵⁰ А в штатах бывает и незаграничный паспорт? (URL: <http://nelegal.ru/forum/viewtopic.php?t=3619>)

⁵¹ Молниеносный! Самый неразвеселый из всех неразвеселых! (URL: <http://gray-coven.clan.su/forum/12-2-159#97635>)

⁵² В ряде недавних работ ограничения сочетаемости матричных предикатов с различными типами компонентов выводятся из семантики без обращения к синтаксическим селективным ограничениям (Mayr 2019; Theiler et al. 2019; Uegaki and Sudo 2019).

- (161) a. Mary wonders whether he will come
 b. *Mary wonders that he will come (Moscatti 2010:64)

В Moscati (2006, 2010) предлагается расширить эту теорию на отрицание и рассматривать его в качестве еще одного возможного типа клаузы. Эта теория, таким образом, близка к неформальной теории (Givón 2018), в которой отрицание анализируется как отдельный тип речевого акта, хотя понятия тип клаузы (Cheng 1991; Rizzi 1997) и речевой акт могут содержательно различаться.

Два варианта структуры отрицательной клаузы по (Moscatti 2006, 2010) частично представлены в (162). Отрицательный признак может оказываться в проекции ForceP либо путем согласования с отрицательным признаком в NegP (162-a), либо путем непосредственного вставления (или передвижения) показателя с отрицательной семантикой в ForceP (162-b).

- (162) a. [ForceP \emptyset _[neg] [TopicP ... [NegP non_[neg]]]]
 b. [ForceP mai_[neg] [TopicP ...]]

Предложения, которым могут соответствовать структуры в (162), показаны в (163-a) и (163-b) соответственно (структурный анализ немного отличается от оригинала).

- (163) a. [ForceP \emptyset _[neg] [CP Gianni non_[neg] vede Piero]]
 Джанни NEG видит Пьеро
 ‘Джанни не видит Пьеро.’ (Moscatti 2010:70)
 b. [ForceP mai_[neg] [CP che ci vedesse nessuno]]
 никогда что нас видел кто-либо
 ‘Никто никогда нас не видел.’ (Moscatti 2010:67)

В английском в качестве примера вставления/передвижения отрицательного элемента в ForceP, предположительно, можно рассматривать обсуждавшиеся еще в (Klima 1964) конструкции с инверсией субъекта и вспомогательного глагола, которая лицензируется отрицательными составляющими (164) (и только ими, что не засвидетельствовано ни в одном другом языке⁵³).

- (164) Never has he visited Madrid. (Collins and Postal 2014:125)

Анализ, локализующий отрицание в ForceP, обосновывается двумя наблюдениями:

- (165) a. Помимо конструкций, указанных выше (163-b), (164), в некоторых языках существуют отрицательные подчинительные союзы (комплементаризеры), которые можно рассматривать в качестве специализированных фонологически непустых показателей Force_[neg], ср. вопросительный комплементаризер в (161);
 b. Отрицание иногда имеет необычно широкую сферу действия, что можно анали-

⁵³ <https://typo.uni-konstanz.de/rara/raritaetenkabinett/10081/>

зировать через согласование с ForceP, откуда отрицание и интерпретируется.

В оставшейся части этого раздела я покажу, что оба эти наблюдения подкреплены лишь немногочисленными эмпирическими данными, недопускающими к тому же однозначную трактовку в пользу того или иного анализа. Таким образом, эти наблюдения являются сомнительным подспорьем для теории локализации отрицания в ForceP⁵⁴.

Наблюдение (165-а) и его критика

Отрицательные комплементаризеры встречаются в языках мира нередко – например, английские *lest* ‘чтобы не’, *unless* ‘если не’, русский *несмотря на*. Однако для подтверждения теории (162) необходимо, чтобы союз не имел никакой дополнительной семантики – он просто должен выражать отрицание со сферой действия над всей клаузой в высокой позиции ForceP. Например, если бы в русском существовал комплементаризер с такой семантикой *нто*, то можно было бы сказать: *Я знаю, нто Петя спит* ‘Я знаю, что Петя не спит.’

В качестве подтверждения своей теории Moscati (2010:19-39) приводит примеры отрицательных комплементаризеров в четырех языках: ирландском, латинском, иврите и баскском. Рассмотрим эти случаи по отдельности.

В ирландском существует относительно богатая система отрицательных комплементаризеров (McCloskey 2001), и они в наибольшей степени соответствуют анализу (162). Они вводят подчиненную клаузу с отрицательной полярностью без всяких побочных эффектов (166).

(166) ирландский

a. deir siad gu-r ól siad an t-uisce
говорят они что-PAST пили они DEF воду
‘Они говорят, что они пили воду.’

b. deir siad ná-r ól siad an t-uisce
говорят они что.NEG-PAST пили они DEF воду
‘Они говорят, что они не пили воду.’

(Moscati 2010:21)

Однако, как известно и как видно из (166), (167), базовый порядок слов в ирландском – VSO. Учитывая, что отрицательный показатель располагается перед глаголом и присоединяет к себе показатель прошедшего времени (167-b), в подчиненных клаузах он линейно должен оказываться непосредственно за союзом. Таким образом, появление стяженной формы, синкретически выражающей подчинение и отрицание неудивительно. Тот факт, что в европейских не-VSO языках подобных комплементаризеров, насколько мне известно, не существует, только подтверждает морфонологическую (а не чисто синтаксическую и универсальную) природу этого явления.

(167) a. éirigh sé
поднялся он

⁵⁴ Мои дальнейшие рассуждения будут почти полностью основываться на данных (Moscati 2006, 2010)

‘Он поднялся.’

- b. ní-or éirigh sé
NEG-PST поднялся он
‘Он не поднялся.’

(Nolan 2018:51)

В латинском существовали два отрицательных комплементаризера – *ne* ‘чтобы не’ и *quin*. Поскольку некоторые латинские авторы используют *quin* только в комплементе отрицательных матричных клауз, и ингерентная отрицательность этого союза неочевидна (Moscati 2006:44), я рассмотрю только *ne*. Этот союз вводит субьюнктивные отрицательные клаузы (168).

(168) латинский

- a. veni ut hominem videam
я.пришел чтобы человека видеть.1SG.SUBJ
‘Я пришел, чтобы увидеть человека.’
- b. veni ne hominem videam
я.пришел чтобы.NEG человека видеть.1SG.SUBJ
‘Я пришел, чтобы не увидеть человека.’

(Moscati 2010:25)

Он также вводит **утвердительный** комплемент глагола страха *timeō* (169).

(169) *timeo ne* ‘Я боюсь как бы...’

C. Verres propter hanc eximiam virtutem in re militari omnia quae fecit impune fecerit
‘... вследствие этой выдающейся военной доблести Гая Верреса, все его деяния не сошли ему безнаказанно.’⁵⁵

В русском переводе предложения (169) используется отрицание *не*, однако, оно “эксплетивное”. Не очень понятно, что отрицается в этом предложении, в частности, при замене союза на *что* оно вообще перефразируется без отрицания: ‘Я боюсь, что вследствие этой выдающейся военной доблести Гая Верреса, все его деяния сойдут ему безнаказанно’. В латинских предложениях и их русских переводах (168) отрицание интерпретируется, однако подчиненная клауза – тоже субьюнктивная. В целом, для эксплетивного отрицания характерно появление именно в субьюнктивных клаузах (170) и особенно в комплементах глаголов страха (Yoon 2011; Dobrushina 2021).

(170) Я едва удержался, чтобы его не ударить = ... от того, чтобы его ударить
(Падучева 2014:339)

Существуют теории, рассматривающие эксплетивное отрицание как отрицание, локализованное высоко в структуре клаузы (Abels 2002, 2005; Greco 2020), однако они не эквивалентны теории Moscati (2006, 2010), поскольку последняя не накладывает никакие ограничения на воз-

⁵⁵ Cicero: In Verrem II.5.3 (ACTIONIS IN C. VERREM SECVNDAE LIBER QVINTVS). Цицерон: речь против Гая Верреса, вторая сессия, книга V, «О казнях», параграф 3. 70 г. до н. э. Перевод В.О. Горенштейна.

возможность появления отрицания в высокой проекции ForcеP. Таким образом, латинские данные нельзя рассматривать в качестве подтверждения этой теории – (псевдо-)комплементаризер *ne* появляется только в субъективных контекстах, а в некоторых случаях вообще не интерпретируется (169), т. е. не является семантически нейтральным показателем Forcе (на что претендуют, например, ирландские комплементаризеры).

Иврит объединяет ирландский и латинский случаи, а значит, еще меньше подходит для подтверждения теории Moscati (2006, 2010). Отрицательный комплементаризер *te* находится в начальной позиции, однако, как и в ирландском, в этой же позиции находится и стандартное отрицание *lo* (171-с). Собственно говоря, учитывая, что подчиняемая клауза – нефинитная, это единственная возможная позиция для предглагольных показателей. Что касается синтаксической дистрибуции, (в числе прочего) *te* обязательно появляется в комплементе предиката *nimna* ‘отказываться’ (171-а) и опционально – в комплементе *nizhar* ‘быть осторожным (чтобы не)’ (171-б) (Moscati 2010:27).

(171) иврит

a. gil nimna me-leha'aliv et rina
Гиль удержался от.NEG-оскорбить ACC Рину
‘Гиль удержался от того, чтобы оскорбить Рину.’

b. gil nizhar me-leha'aliv et rina
Гиль был.осторожен от.NEG-оскорбить ACC Рину
‘Гиль был осторожен, чтобы не оскорбить Рину.’

c. gil nizhar lo leha'aliv et rina
Гиль был.осторожен NEG оскорбить ACC Рину
‘Гиль был осторожен, чтобы не оскорбить Рину.’

(Moscati 2010:28)

Как видно из перевода (171-а), в случае *nimna* отрицание в подчиненной клаузе – эксплетивное. В комплементе предиката *nizhar* отрицание интерпретируется, но и здесь есть своя особенность – подчиненная клауза может быть только отрицательной, что выражается либо комплементаризером *te*, либо показателем SN *lo* (Moscati 2010:28). В общем, как и латинские *ne* и *quin*, *te* далек от эталонного отрицательного комплементаризера со свободной дистрибуцией и отсутствием побочных семантических эффектов.

Последний язык в выборке (Moscati 2010:19-39) – баскский. В нем, как и в иврите, появление отрицательного комплементаризера зависит от матричного глагола. Отрицательный комплементаризер *-nik* ‘выбирается’, если в матричной клаузе присутствует отрицание (172-б) или матричный предикат – адверсативный (172-с), т. е. ‘ингерентно отрицательный’.

(172) баскский

a. [CP₁ [CP₂ Galapgoak muskerrez beterik daude-la] diote]
Галапагосы ящерицами полны есть-что говорят
‘Говорят, Галапагосы полны ящерицами.’

- b. [CP₁ ez du zuriñek [CP₂ inor etorriko de-nik] esan]
 NEG AUX Суринек кто-либо приходить FUT-COMP.NEG сказал
 ‘Суринек не говорил, что кто-либо придет.’
- c. [CP₁ amaiak [CP₂ inork gorrotoa dio-nik] ukatu du]
 Амайак кто-либо ненавидел AUX-COMP.NEG отрицала AUX
 ‘Амайак отрицала, что кто-либо ненавидел ее.’ (Moscatti 2010:26)

При этом, как видно из (172), сам отрицательный комплементаризер не интерпретируется. Например, в логической форме (172-b) присутствует только одно отрицание. Таким образом, баскский *-nik* также не является искомым примером фонологически выраженного, интерпретируемого отрицания в ForceP (162).

Итак, среди предложенных Moscati (2010) примеров не находится ни одного, несомненно подтверждающего его теорию. Либо рассмотренные отрицательные комплементаризеры можно анализировать как стяжение союза и отрицательного показателя, обусловленное линейным порядком (ирландский и иврит), либо они появляются в ограниченном круге контекстов, связанных с эксплетивным отрицанием или отрицательностью матричной клаузы (латинский, иврит и баскский). Хотя эти явления и интересны сами по себе, едва ли на их основании можно заключить, что в языках мира существует универсальная операция, позволяющая маркировать отрицательность предложения в высокой проекции ForceP – путем согласования с NegP или вставления специализированной лексемы. Повторюсь, что идеальным примером такой возможности были бы предложения типа *Я знаю, что Петя спит* ‘Я знаю, что Петя не спит’, в данном случае с вымышленным союзом *что*.

Наблюдение (165-b) и его критика

Именно возможность согласования ForceP с NegP призвана доказать вторая группа аргументов (165-b). Как замечает Moscati (2010), в некоторых предложениях отрицание имеет неожиданно широкую сферу действия, не соответствующую позиции его выражения в фонологической форме. Если предположить, что отрицательный признак, который вводится в деривацию в NegP, может благодаря согласованию оказываться в ForceP и интерпретироваться оттуда, эти случаи получают объяснение⁵⁶.

Например, в языках с отрицательными частицами, зависящими на правой периферии клаузы, отрицание может интерпретироваться над модальными глаголами. В (173) показан пример из миланского диалекта итальянского.

- (173) el gá de studiá no (миланский диалект итальянского)
 он должен PREP учиться NEG
 1. $\square > \neg$: ‘Он должен не учиться.’
 2. $\neg > \square$: ‘Он не обязан учиться.’ (Moscatti 2010:42)

То же происходит и в немецком. Направление ветвления в немецком и некоторых других гер-

⁵⁶ Конкретная формальная реализация согласования в данном случае не имеет значения, см. обсуждение в (Moscatti 2010:68-75).

манских языках не очень очевидно. Например, большинство предлогов располагаются слева, как в русском: *nach Osten* ‘на восток’. Однако, в подчиненных клаузах порядок слов напоминает онный в языках с левым ветвлением типа баскского (172) – лексический глагол располагается справа, а вспомогательный/спрягаемый глагол – еще правее (174-b). В главных же клаузах спрягаемый глагол обязательно занимает позицию V2, а остальная часть глагольного комплекса остается справа (174-a). Вне зависимости от анализа направления ветвления в немецком, если предположить, что линейный порядок отражает синтаксическую структуру, придется заключить, что в одном из двух случаев в (174) отрицание структурно находится ниже модальности. Соответственно возникает вопрос, каким образом, оно может интерпретироваться над модальностью⁵⁷.

- (174) a. Hans muss Julia nicht sehen
 Ханс должен Юлию NEG видеть (немецкий)
 1. ‘Ханс должен не видеть Юлию.’ ($\square > \neg$)
 2. ‘Ханс не обязан видеть Юлию.’ ($\neg > \square$)
- b. ... dass Hans Julia nicht sehen muss
 что Ханс Юлию NEG видеть должен
 1. ‘что Ханс должен не видеть Юлию.’ ($\square > \neg$)
 2. ‘что Ханс не обязан видеть Юлию.’ ($\neg > \square$) (Moscatti 2010:45)

Москати предполагает, что и в миланском, и в немецком случае отрицание изначально находится ниже модальности, что дает интерпретации ($\square > \neg$). Широкая сфера действия получается за счет согласования ForceP и NegP: интерпретируемый признак типа клаузы означает как отрицательный, и отрицание интерпретируется над всем остальным содержанием клаузы, как показано в (175) на примере миланского (структурный анализ немного упрощен по сравнению с оригиналом).

- (175) el gá de studiá no ‘Он не должен учиться.’ ($\neg > \square, \square > \neg$)
 $[_{\text{ForceP}} \emptyset_{[+\text{neg}]} [_{\text{AgrP}} \text{el} [_{\text{ModP}} \text{gá} [_{\text{TP}} \text{de studiá}_v [_{\text{NegP}} \text{no}_{[+\text{neg}]} [_{\text{VP}} \text{t}_v \text{ }]]]]]]]$ (Moscatti 2010:72)

Существование двух интерпретаций в (173) и (174) имеет, однако, и альтернативное объяснение. В русском предложения с отрицанием предикатива *должен* также имеют две интерпретации (176), хотя отрицание явно находится не под, а над модальным глаголом. Очевидно, анализ Москати в данном случае не подходит – расширение сферы действия отрицания до ForceP не может породить интерпретацию [$\square > \neg$]. С неизбежностью необходим какой-то механизм, расширяющий сферу действия модальности (а не отрицания) и дающий [$\square > \neg$]. В качестве такого механизма можно предложить эффект подъема отрицания или передвижение модального глагола в позицию над отрицанием (De Haan 1997; Iatridou and Zeijlstra 2013; Yanovich 2013;

⁵⁷ По данным (Iatridou and Zeijlstra 2013:530) возможна только одна интерпретация: $\neg > \square$. Поскольку в рамках текущего обсуждения именно она представляет интерес, допустимость $\square > \neg$ непринципиальна.

Homer 2015; Francis and Iatridou 2020; Jeretić 2021). Я предполагаю, что верен первый анализ, чему посвящено подробное обсуждение в разделе 7.2. Соответственно, интерпретация $[\neg > \square]$ соответствует исходной синтаксической структуре.

- (176) а. Кофе не должен быть горьким, горький кофе либо некачественный, либо просроченный, либо пережаренный⁵⁸. ($\square > \neg$)
 б. У него имелось немного бумаги, за которую он не должен был отчитываться⁵⁹. ($\neg > \square$)

Ничто не мешает распространить этот анализ на миланский и немецкий, если предположить, что линейная позиция не всегда соответствует позиции интерпретации.

Рассмотрим сначала английское предложение (177-а) с однозначной интерпретацией в деонтическом прочтении. В исходной структуре отрицание доминирует над модальностью. Наблюдаемый линейный порядок получается в результате V-to-T (или Mod-to-T) передвижения модального показателя, которое не влияет на интерпретацию. Это стандартный анализ предложений с модальными глаголами, например деонтическим *may* ‘мочь’ (177-а) в английском языке (Iatridou and Zeijlstra 2013). Этот же анализ применим не только к модальным, но и к другим вспомогательным глаголам, передвигающимся в T (177-б).

- (177) а. $[_{TP} \text{John } [_{T} \text{may } [_{NegP} \text{not } [_{Mod} \text{may } [_{VP} \text{leave }]]]]]$ ($\neg > \diamond$ деонтически)
 б. $[_{TP} \text{John } [_{T} \text{has } [_{NegP} \text{not } [_{Asp} \text{has } [_{VP} \text{left }]]]]]$

В (178), (179) показано применение этого анализа к миланским и немецким данным. Как и в русском и английском, интерпретация $\neg > \square$ соответствует исходной структуре. Эта исходная структура, однако, линейно реализуется с обратным порядком отрицания и модального глагола, вследствие передвижений – точно таких же, как в английском (177). В случае миланского я анализирую *gá de studiá* как сложную вершину, собирающуюся по ходу деривации и заканчивающую свой путь в T, однако, это необязательно – возможно модальный и лексический глагол двигаются отдельно, тем более, что показатель *no* в разных итальянских диалектах может оказываться по разную сторону от лексического глагола, см. раздел 2.1.4, например (130).

- (178) el gá de studiá no ‘Он не должен учиться.’ ($\neg > \square$, $\square > \neg$)
 $[_{TP} \text{el } [_{T} \text{gá de studiá}_{m,v} [_{NegP} \text{no } [_{ModP} t_m [_{VP} t_v]]]]]$
 (179) Hans muss Julia nicht sehen ‘Ханс не должен видеть Юлию.’ ($\neg > \square$, $\square > \neg$)
 $[_{TP} \text{Hans } [_{T} \text{muss}_m [_{XP} \text{Julia}_j [_{NegP} \text{nicht } [_{ModP} t_m [_{VP} t_j \text{sehen }]]]]]]]$

Интерпретация со сферой действия, совпадающей с линейным порядком, но **обратной структуре** ($\square > \neg$), получается благодаря подъему отрицания или иному эффекту, существование

⁵⁸ НКРЯ; Елена Николаева. Вкус к кофе // «Эксперт», 2015

⁵⁹ НКРЯ; Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)

которого требуется независимо в свете (176-а) и множества подобных ему примеров. Это же объясняет, и почему две сферы действия наблюдаются только с глаголами необходимости, ср. английский *may* в деонтическом значении (177-а) – глаголы возможности не порождают эффект подъема отрицания (см. главы 5 и 7) и не чувствительны к полярности, т. е. не избегают сферу действия отрицания в LF (Iatridou and Zeijlstra 2013). В чисто синтаксической теории Moscati (2006, 2010) остается загадкой, почему в английском примере (177) нет сферы действия, соответствующей линейному порядку ($\diamond > \neg$).

Еще один аргумент Москати опирается на интерпретации с разорванной сферой действия (split-score), которые бывают у германских отрицательных кванторов. В (180) показан пример из немецкого, озадачивающая интерпретация в нем – первая. В ней сфера действия отрицания и экзистенциального квантора, несмотря на то, что они вроде бы заключены в одном слове *keine* ‘никакой’, разорвана модальным глаголом (откуда и название этого явления). Понятно, как это явление объясняется в анализе Moscati (2006, 2010:53-55) – отрицательный признак, оказавшись в ForceP, получает сферу действия над модальным глаголом.

- (180) Du musst keine Krawatte anziehen
ты должен NEG.DET галстук носить
1. ‘Не требуется, чтобы ты носил галстук.’ ($\neg > \square > \exists$)
2. ‘Нет такого галстука, который ты должен носить.’ ($\neg > \exists > \square$)
3. ‘Требуется, чтобы ты не носил галстук.’ ($\square > \neg > \exists$) (Moscati 2010:55)

В рамках этой работы у меня, к сожалению, не будет возможности обсудить интерпретации с разорванной сферой действия подробнее. Я предполагаю, что объяснение этого явления зависит от анализа семантики именных/кванторных групп типа *keine Krawatte* и отсылаю читателя к многочисленным работам по этой теме (Abels and Martí 2010; Penka 2011; Crnić 2016; Blok et al. 2017).

Последний аргумент Moscati (2006, 2010:65) опирается на особенности лицензирующих свойств глагола *doubt* ‘сомневаться’ (и синонимичных ему в других языках). NPI типа *anybody* лицензируются в сентенциальном (181-а), но не в именном аргументе (181-б) этого глагола.

- (181) a. I doubt that anybody will come.
b. *I doubt of anybody. (Moscati 2010:65)

Москати предполагает, что в (181-а) NPI лицензируется не самим глаголом, а комплементаром *that* с отрицательным признаком [neg] (182). Этот анализ подтверждается и баскскими данными: баскский матричный предикат *ukatu* ‘отрицать’ не только лицензирует NPI в подчиненной клаузе, но и требует эксплицитного маркирования подчиняющего союза как отрицательного (172-с). Поскольку в (181-б) нет союза, то нет и лицензора NPI.

- (182) I doubt [_{Force} that_[neg] [_{TP} anybody will come]]
- (Moscati 2010:65)

Проблема этого анализа в том, что он предполагает, что NPI лицензируются в синтаксисе. Большинство современных теорий, однако, сходятся на том, что для лицензирования NPI релевантны семантические/логические свойства контекста (Zwarts 1993; Krifka 1995; Von Stechow 1999; Homer 2008; Gajewski 2011; Giannakidou 2011; Chierchia 2013; Crnič 2014; Barker 2018), что я обсуждаю в разделах 3.4.1 и 4.1.1.

Итак, аргументы в пользу анализа отрицания как типа клаузы несостоятельны. Рассмотренные отрицательные комплементаризеры имеют ограниченную дистрибуцию и не могут рассматриваться в качестве лексем, универсально маркирующих отрицательность подчиненной клаузы. Более того, в большинстве языков, по всей видимости, нет даже кандидатов на роль таких комплементаризеров. Аргументы в пользу согласования ForceP и NegP, опирающиеся на широкую сферу действия отрицания также не имеют силы – для всех рассмотренных случаев существует более стандартный, хорошо обоснованный и эмпирически адекватный анализ (о сфере действия отрицания и модальности см. раздел 2.2.3 и главы 6-7; об NPI см. раздел 3.4).

Аргументы против анализа отрицания как типа клаузы или речевого акта

Еще бóльшая проблема для теории Moscati (2006, 2010) состоит в том, что при отступлении от данных, на материале которых она была создана, она систематически делает неверные предсказания. Если отрицательный признак может оказываться в ForceP, то следует ожидать, что широкая сфера действия должна быть доступна во всех отрицательных клаузах, а не только с отдельными модальными глаголами. Однако, как было подробно показано в разделе 1.2, отрицание интерпретируется ниже многих других составляющих, имеющих сферу действия. Примеры из 1.2, частично повторенные ниже (183), если и имеют интерпретации с широкой сферой действия отрицания, то только с маркированной интонацией.

- (183) a. Каждый студент не решил хотя бы одну задачу. ($\forall > \exists > \neg$)
 \neq Неверно, что каждый студент решил хотя бы одну задачу. ($\neg > \forall > \exists$)
- b. *Кто-либо не пришел.
 \neq Неверно, что кто-либо пришел.
- c. Петя очень не любит шпинат.
 \neq Неверно, что Петя очень любит шпинат.
- d. Петя упорно не соглашался со мной.
 \neq #Неверно, что Петя упорно соглашался со мной.
- e. Петя мог не услышать твой вопрос.
 \neq Петя не мог услышать твой вопрос.⁶⁰

Кроме того, сама идея того, что отрицание является отдельным типом клаузы или речевым актом (Givón 2018) сомнительна. Во-первых, в отличие от вопросительных, императивных и других недеklarативных предложений, простые предложения с отрицанием очевидно имеют

⁶⁰ О том, что предложения типа (183-е) моно-, а не биклаузальны см. раздел 6.4.3-6.4.4.

истинностное значение, и в этом плане ничем не отличаются от утвердительных предложений. Во-вторых, отрицание может появляться в контекстах, недоступных недеklarативным речевым актам, например, в протасисе условного предложения (184) или в сочиненной конструкции с утвердительным предложением (185).

(184) Если Петя не придет, я буду очень рад.

(185) Петя не пришел, и я очень рад.

В-третьих, отрицание сочетается с другими (любыми?) типами речевых актов (186), (187) и, таким образом, само не является отдельным типом речевого акта. Примеры ниже еще раз убеждают в том, что отрицание – не более чем еще одна грамматическая категория глагола.

(186) Не приходи!

(187) Кто из вас не придет?

Итак, анализ отрицания как отдельного типа клаузы (или речевого акта), как и все предыдущие кроме наиболее простого 2.2, одновременно и концептуально непривлекателен, и эмпирически неадекватен.

На этом я заканчиваю обзор формальных теорий отрицания. По соображениям объема я не могу отдать уважения и долю критики многочисленным формальным теориям синтаксиса отрицания, оставшимся за бортом этого обсуждения, особенно не минималистским, например (Horn 2001).

2.1.7. Выводы

Выводы этого раздела обобщены в (188).

- (188) а. Предположение о свободном варьировании позиции NegP необосновано – в языках с отрицательными аффиксами или вспомогательными глаголами NegP занимает фиксированную позицию. В лучшем случае можно предположить, что позиция NegP варьируется кросс-лингвистически, но фиксирована в конкретных языках, хотя и эта гипотеза не представляется достаточно обоснованной (раздел 2.1.1).
- б. Опциональность NegP необоснована⁶¹. Во-первых, практически во всех языках обнаруживаются признаки грамматикализации отрицания. Во-вторых, даже если этих признаков нет, нет и свидетельств в пользу того, что отрицательный показатель является наречием-адьюнктом, а не спецификатором при нулевой вершине Neg. В-третьих, опциональность NegP эквивалентна непривлекательному предположению о том, что в цикле Есперсена есть один и только один этап, на котором

⁶¹ В данном случае речь идет об опциональности NegP в языке (“существуют ли языки без NegP?”), а не в конкретном предложении (“может ли в предложении не быть NegP?”).

отрицание деграмматикализуется (но даже в языках на этом этапе обнаруживаются признаки грамматикализации отрицания) (раздел 2.1.3).

- c. Нет реальных причин предполагать множественные фиксированные проекции отрицания. Во-первых, эти проекции не удается локализовать – варьирование линейных позиций очень велико, а сфера действия значительно более ограничена. Во-вторых, в языках с множественным маркированием отрицания оно все равно интерпретируется однократно (раздел 2.1.4).
- d. Общий анализ различных типов отрицания (глагольного/клаузного, именного, “фокусного”), объединяющий их в одну иерархию, не имеет смысла, поскольку не делает никаких обоснованных аналитических обобщений (раздел 2.1.5).
- e. Нет оснований предполагать, что отрицание может интерпретироваться очень высоко – над остальным материалом клаузы. Тем более нет оснований рассматривать отрицание в качестве отдельного типа клаузы или речевого акта (раздел 2.1.6).

Обобщая (188), можно сказать, что (i) во всех языках обнаруживается показатель, который можно идентифицировать как грамматикализованное отрицание, т. е. вершину Neg или ее спецификатор и (ii) ни в одном языке не обнаруживается более одной фиксированной и интерпретируемой Neg. Например, бенгальские показатели *-ni* и *-na* (Ramchand 2004) находятся в дополнительном распределении в зависимости от глагольного показателя TAM (раздел 2.1.3), карачаево-балкарские показатели *-ma/-me* и *tüjül* находятся в дополнительном распределении в зависимости от типа клаузы (глагольная vs именная предикация), русские предложения с несколькими *не* можно анализировать как одновременное появление SN и CN. Более того, нет и причин предполагать, что в разных языках Neg занимает разную структурную позицию, имея соответственно разную сферу действия (раздел 2.1.3).

В следующих разделах я предлагаю формальную типологию отрицания, которая является небольшим расширением Pollock (1989) и ей подобных теорий с одной позицией отрицания (раздел 2.1.2).

2.2. Формальная типология отрицания: синтаксис

Я предполагаю, что существуют как минимум три несводимых друг к другу типа отрицания – стандартное отрицание, отрицание составляющих и именное отрицание⁶². Тот факт, что это действительно разные типы отрицания, подтверждается в первую очередь существованием разных экспонентов для них во многих языках – см. раздел 1.1 и таблицы 1, 4. Более того, эти разные экспоненты, даже находясь в одной (линейной) позиции, по-разному влияют на син-

⁶² Как было показано в разделе 1.1 предикативное отрицание в предложениях характеристики и идентификации можно рассматривать как частный случай CN (11). С другой стороны, в некоторых языках, например карачаево-балкарском, существует специализированный показатель для отрицания в именной предикации (12). Прохитив (10) возможно является разновидностью SN, иными словами в синтаксической структуре его можно ассоциировать с той же вершиной Neg. Не столь очевидны, сводится ли отрицание в экзистенциальных предикациях (13) к какому-то из других видов отрицания. Все эти вопросы выходят за рамки данного исследования.

таксис и семантику предложения, что было показано в разделе 1.3 и еще будет обсуждаться в разделе 2.3.1. Например, в английском только SN *not* лицензирует эллипсис глагольной группы, в бурятском только SN *-gni* не сочетается с некоторыми формами глагола, а в польском только SN *ne* формирует одно фонологическое слово с глаголом.

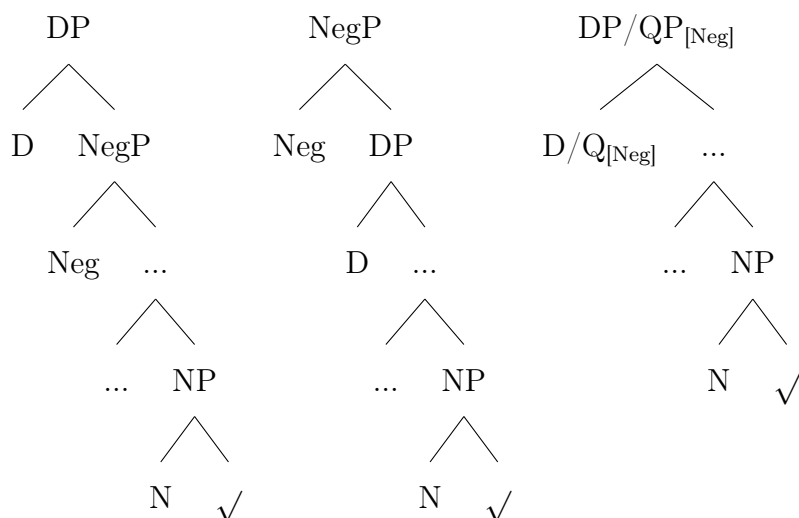
Предлагаемый анализ также ожидаем исходя из стандартного предположения о том, что грамматические категории делятся на глагольные и именные (хотя эту бинарную оппозицию иногда предлагается пересмотреть как континуум) и принятой формальной теории, в которой существуют как минимум две отдельные функциональные последовательности, инициируемые вершинами V (глагол) и N (имя) соответственно. Рассмотрим три типа отрицания по отдельности, от менее релевантного именного к наиболее релевантному стандартному (глагольному).

2.2.1. Именное отрицание

Грамматический статус именного отрицания неоднозначен. Во многих языках, например, бурятском, есть каритивный/абессивный падеж (13-а), (148) (и есть причины рассматривать его именно как падеж), с другой стороны, в языках типа английского или русского есть только многочисленные деривационные отрицательные показатели – *non-*, *in-*, *iN-*, *-less*, *без-*, *a-* и т. д.

В английском и русском более правдоподобными претендентами на грамматический статус выглядят отрицательные кванторы и местоимения *nothing*, *nikto* и т. д. Например, уже упоминавшийся распространенный анализ отрицательных местоимений в языках со строгим отрицательным согласованием типа славянских предполагает, что они обладают неинтерпретируемым признаком [uNeg], см. раздел 4.2.1. В теории, где признакам соответствуют вершины (Kayne 2005; Cinque and Rizzi 2010; Baunaz and Lander 2018), это означает, что в структуре этих местоимений присутствует вершина, занимаемая признаком [uNeg]. Неочевидно, что это за вершина – собственно Neg, D(eterminer), Q(uantifier) или какая-то еще. Разумеется, в данном случае важно не название, а структурное расположение соответствующего признака. В левой структуре в (189) над Neg доминируют другие именные проекции, и соответственно признак [(u)Neg] с-командует только частью именной группы. Таким образом он не может выступать в качестве зонда относительно признаков, находящихся за пределами этой именной группы. Такая возможность есть у [(u)Neg], только если он доминирует над всей ИГ, как в центральной и правой структуре. Следовательно для согласующихся отрицательных местоимений необходимо предполагать центральный или правый вариант структуры, что и будет сделано в главе 4 при анализе местоимений типа *никто*.

(189) именное отрицание

Вполне возможно, что в именной группе могут находиться и другие, более вложенные отрицательные проекции с разной семантикой и синтаксисом, например проекция каритивного падежа. Однако они нерелевантны для этого исследования. Обсуждение именного отрицания в генеративизме см. в De Clercq (2013, 2018); De Clercq and Wyngaerd (2019).

2.2.2. Отрицание составляющих (CN)

В предлагаемой типологии CN занимает наиболее неоднозначное положение. Я предполагаю, что оно не относится ни к одной из функциональных последовательностей и характеризуется двумя свойствами: (i) кросс-категориальность, т. е. способность присоединяться практически к любым составляющим (что не исключает существования специфических ограничений в конкретных языках, см. ниже); (ii) требование эксплицитного или имплицитного противопоставления отрицаемой составляющей. Хотя это исследование не посвящено непосредственно CN, свойства (i) обуславливают пересечение его дистрибуции с SN, поэтому необходимо включить его в анализ. Рассмотрим два свойства CN немного подробнее.

CN может появляться в клаузе не один раз (190), см. также (150), и даже итерироваться (191).

(190) Не Петя, а Вася купил не мотоцикл, а велосипед.

(191) А: [...] хоть он по сути и не совсем умер. В: Не не совсем, а вообще не умер. Живёхонек.⁶³

По всей видимости, дистрибуция CN определяется в первую очередь фонологией: если объект X – автономная словоформа, то его можно отрицать. Соответственно, дистрибуция CN в языках мира может немного различаться – например, в языках с аналитической глагольной морфологией можно отрицать отдельные, автономные части глагольного комплекса, а в языках с синтетической – только весь глагол, но это не следует из каких-либо структурных

⁶³ https://vk.com/wall-13818_1140279

ограничений.

Не могут отрицаться некоторые слабоавтономные словоформы типа *же* (192). Это может быть связано как с их морфонологическим статусом, так и с семантической нефокусируемостью, см. раздел 1.2.2. Анализ этих случаев не влияет на дальнейшее обсуждение.

(192) Петя { же / вчера } пришел – (Нет,) Петя не { *же / вчера } пришел

Наконец, в конкретных языках могут существовать специфические ограничения. Например, в английском многие субъектные ИГ не допускают CN (193-a). По крайней мере в некоторых случаях предложение становится грамматичным при добавлении выраженной утвердительной альтернативы (193-b). В русском имеет место немного другая ситуация. Неопределенные ИГ с местоимением *какой-то* могут отрицаться только при выраженном противопоставлении (194-a), а референтные ИГ типа *Петя* – и без него (194-b).

(193) a. *Not { John / the man / some man / each man } left. (Barwise and Cooper 1981:197)
b. Not John but Bill left. (Wagner 2006:318)

(194) a. Пришел не какой-то человек *(, а Петя).
b. Пришел не Петя (, а Вася).

В целом дистрибуция русского CN немного более свободна по сравнению с английским, что будет использовано мной при анализе отрицания модальных глаголов в 6.4. Сам по себе анализ особенностей дистрибуции CN выходят за рамки данного исследования.

В завершение обсуждения дистрибуции CN рассмотрим парадигму с бурятским показателем =bəfə, который можно назвать эталонным показателем CN. В отличие от русского *не* или английского *not* он употребляется только в этой функции. В случае глагольного отрицания, в отличие от SN -*gni*, =bəfə требует противопоставления, см. раздел 1.1. В парадигме ниже, частично взятой из Аксенова (2015:45-46), показано отрицание субъектной NP/DP (195-a), предложной группы (195-b), прилагательного (195-c), относительной клаузы (группы причастия) (195-d), группы деепричастия (195-e) и целой клаузы (195-f).

(195) a. хѳвн:n=bəfə харин басаган флѳйтѳ дѳѳрѳ нa:d-a:
мальчик=NOT но девочка флейта на играть-PST
'Не мальчик, а девушка играла на флейте.'
b. ном [[stol dѳѳрѳ]=bəfə] харин дого хѳbtѳ-nѳ
книга стол на=NOT но под лежать-PRS
'Книга лежит не на столе, а под (ним).'
c. ѳsѳgѳldѳr му:=bəfѳ харин хain bai-ga:
вчера плохой=NOT но хороший быть-PST
'Вчера было не плохо, а хорошо.'
d. [[хѳвн:n-ѳj fага-han]=bəfѳ] харин минii fаna-han zagаhаn stol
мальчик-GEN жарить-PFCT=NOT но я.GEN варить-PFCT рыба стол

- dəэгə хэбтэ-нэ
на лежать-PRS
'Не пожаренная мальчиком, а сваренная мной рыба лежит на столе.'
- e. baír [[nom uɲʃa-ʒa]=bəʃə] xarín radio ʃagna-ʒa ʃɯlə
Баир книга читать-CONV=NOT но радио слушать-CONV суп.АСС
ʃan-a:
варить-PST
'Баир варил суп не читая книгу, а слушая радио.'
- f. [хэбү:n gitara də:rə na:d-a:]=bəʃə] xarín basagan tango xatar-a:
мальчик гитара на играть-PST=NOT но девушка танго танцевать-PST
'Не мальчик играл на гитаре, а девушка танцевала танго.'

Вторая, семантическая особенность CN – требование противопоставления. В качестве утвердительной альтернативы может выступать либо составляющая с той же синтаксической дистрибуцией, что и отрицаемая (195), либо высказывание в предыдущем дискурсе. Например, комментируя предложения, в которых по каким-либо причинам =bəʃə используется без эксплицитного противопоставления, носители бурятского часто отмечают, что предложение звучит хорошо в качестве реакции на предшествующую утвердительную реплику или вопрос, как, например, в (196). Контрастивную семантику отмечает у показателей “фокусного отрицания” в языках мира и (De Clercq 2018). Впрочем, во многих случаях в примерах с CN нет явного противопоставления, см. обсуждение примера (68) ниже.

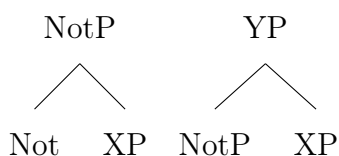
- (196) tanaɟ bagʃa gɯ-t? – ɯgi: / bi bagʃa=bəʃə-b
вы учитель Q-2PL? – нет / я учитель=NOT-1SG
'Вы учитель? – Нет / Я не учитель.'

Синтаксис CN нетривиален. Анализ через эллипсис сомнителен в свете предложений с двойным CN (190), а также того, что во многих случаях источник эллипсиса неграмматичен (197).

- (197) a. He invited not BILL, but PIA
b. *He invited not BILL, but he invited PIA
c. *He invited not BILL, but PIA he invited (Neeleman and Vermeulen 2012a:236)

Таким образом, два очевидных вопроса по поводу предложений выше: (a) отрицательный показатель – вершина или фразовая составляющая? (b) каков синтаксис утвердительной альтернативы (.. *a* Вася, ... *but* PIA и т. п.)? К сожалению, я не знаком с исследованиями по этой теме, а известные мне аргументы противоречивы. В (198) представлены два варианта анализа показателей CN – как вершины или как адьюнкта. В сущности, как нетрудно заметить, единственное релевантное для внешнего синтаксиса различие между этими структурами состоит в категоризации получающейся структуры, или, говоря более формально, в том, чей лейбл проецируется – Not или X.

(198) отрицание составляющих

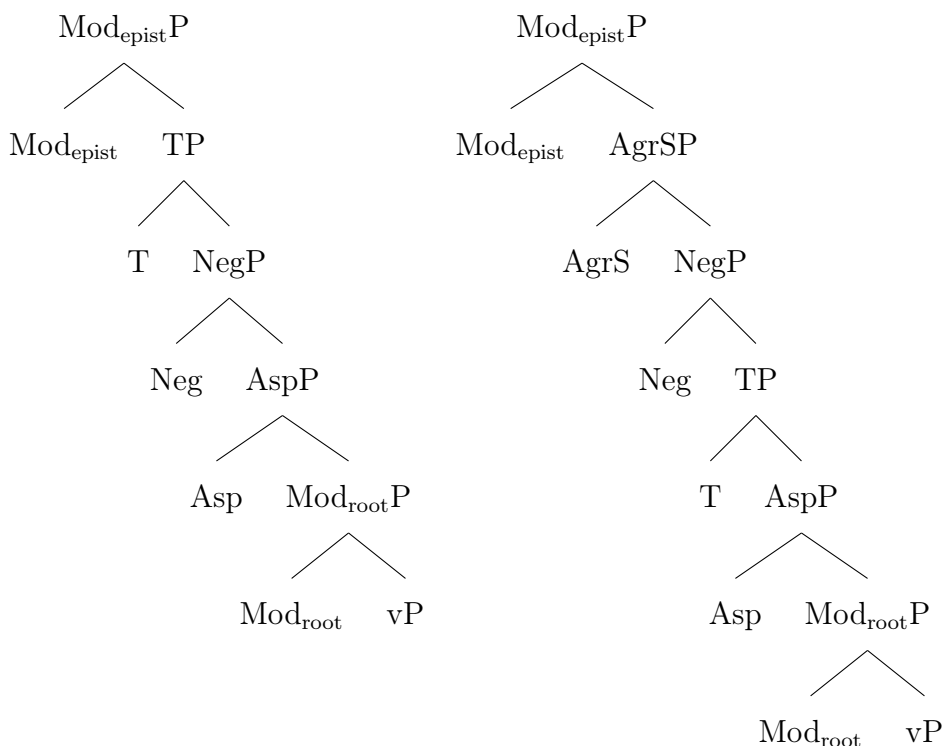

Не исключено, что в зависимости от конкретного языка и показателя возможны обе структуры. В дальнейшем при эксплицитных формализациях я буду использовать левую структуру, что, насколько я могу судить, не влияет на анализ рассматриваемых явлений.

2.2.3. Стандартное отрицание (SN)

Глава 1 была посвящена демонстрации того, что стандартное отрицание является грамматической категорией глагола, которая имеет **не** сентенциальную сферу действия и которую следует отличать от CN. Два варианта структуры клаузы с разными позициями SN указаны в (199). В обоих случаях субъект перемещается в позицию над отрицанием (SpecTP или SpecAgrSP) и интерпретируется в ней. Структуры различаются взаимным расположением (и соответственно сферой действия) отрицания и времени. В этой работе я буду использовать более простую, левую структуру, не исключая, что правильной может быть и правая структура⁶⁴. Так или иначе, в этой работе я принимаю следующее предположение – одна из двух структур (199) универсальна (имеет место во всех языках).

(199) стандартное отрицание

⁶⁴ Впрочем, существует и ряд эмпирических аргументов в пользу левой структуры, см. подраздел T > Neg в этом разделе.

В большинстве работ используется более минималистичная версия иерархии (199): $T > Asp > v$. Этот порядок вершин, насколько мне известно, на данный момент не оспаривается. Предлагаемые мной добавления достаточно стандартны, хотя и не общеприняты (обзор теорий расположения отрицания в структуре см. выше в разделе 2.1, обзор теорий расположения модальных вершин см. в разделе 6.2). Я оставляю без ответа известный вопрос о том, чем обусловлена иерархия вершин: строгими селективными ограничениями, предопределяющими иерархию на уровне синтаксиса, или семантикой, см. обсуждение, например, в McFadden et al. (2021).

Оставшаяся часть этого раздела посвящена краткому обоснованию предлагаемой иерархии, а именно попарному рассмотрению вершин.

Neg > Mod_{root}

Модальные показатели необходимости взаимодействуют с отрицанием нетривиальным образом и часто интерпретируются **не** в своей структурной позиции (по крайней мере, исходной). Причиной этому может быть эффект подъема отрицания, чувствительность к полярности или что-то иное – см. раздел 7.2.

В этом разделе я буду рассматривать только модальные показатели возможности, которые не подвержены этим явлениям, а потому могут использоваться для определения структурной позиции модальных вершин. В английском показатели “корневой” модальности, в частности, деонтической⁶⁵ интерпретируются под отрицанием (200). По данным Iatridou and Zeijlstra (2013:529), то же самое происходит “во всех языках”.

- (200) a. $\neg > \diamond$: John cannot leave.
 b. $\neg > \diamond$: John may not leave. (Iatridou and Zeijlstra 2013:529)

Следует отметить, что отрицание может интерпретироваться и под деонтической модальностью, но с маркированной интонацией. Iatridou and Zeijlstra (2013:529) предлагают анализировать такие случаи как отрицание составляющих, и я разделяю это мнение (см. раздел 6.3.5, в частности примеры (577), (578)).

Аффиксальные показатели корневой модальности имеются в карачаево-балкарском и бурятском языках. В этом разделе я ограничусь обсуждением карачаево-балкарского, поскольку в бурятском отрицание не присоединяется к соответствующим показателям по независимым причинам, см. (Зеленский и Россыйкин 2018) и раздел 6.3.5. Как и в английском, карачаево-балкарский суффикс возможности *-al*, грамматикализовавшийся из глагола *al-* ‘стоять’⁶⁶, присоединяется и интерпретируется ниже отрицания (201), что уже было показано в разделе 2.1.1.

- (201) a. *alima kel-al-ma-j-di* (карачаево-балкарский)
 Алима приходит-POS-NEG-IPFV-3SG

⁶⁵ О классификации модальности см. раздел 6.1.2.

⁶⁶ *al-* относится к наиболее подверженным грамматикализации глаголам в тюркских языках, однако в модальный показатель он грамматикализуется нечасто. В большинстве случаев он передает значение аппликатива, вводя в аргументную структуру бенефактивного участника, или аспектуальное значение делимитатива (Гращенко 2015:65-67).

‘Алима не сможет прийти.’

- b. *alima kel-me-l-a-di
Алима приходить-NEG-POS-IPFV-3SG
Ожид.: ‘Алима не сможет прийти.’
- c. *alima kel-me-j-al-a-di
alima приходить-NEG-ST-POS-IPFV-3SG
Ожид.: ‘Алима не сможет прийти.’

Суффикс *-al* предположительно грамматикализовался из сочетания формы имперфектива на *-A/-j* и собственно глагола *al-*: $V-A/-j\ al- > V-al$ (Урусбиев 1976:213). Учитывая, что показатель *-al* не подвержен гармонии гласных (201-а), можно предположить, что даже в модальном значении он все еще является не грамматическим показателем, а автономным глаголом. Таким образом, в примерах типа (201-а) *-al* присоединяется к имперфективной форме глагола на *-A/-j* с последующим стяжением: $V-e\ al-$ в $V-al-$. Однако такой анализ не может объяснить почему возможен порядок морфем $IPFV < -al$ (201-а) и $NEG < IPFV$ (202), но не возможен порядок $NEG < IPFV < -AL$ (201-с).

- (202) axmat saulaj kün-nü aša-j-al-ma-j e-di
Ахмат целый день-ACC есть-ST-MOD-NEG-IPFV AUX-PST.3SG
‘Ахмат целый день не мог есть.’

Таким образом, есть причины анализировать *-al* как грамматикализованный показатель динамической (или корневой в целом) модальности, располагающийся в вершине Mod_{root} . Он не может присоединяться поверх отрицания в нарушение иерархии (199). Что касается левого вхождения показателя *-j* (омонимичного имперфективу) в (202), то он выполняет чисто фонологическую функцию – устраняет зияние.

Asp > Mod_{root}

То, что вершина Mod_{root} располагается ниже аспекта подтверждается не только линейным порядком, но и интерпретацией. При сочетании с перфективными аспектуальными показателями у динамической возможности может появляться фактивное следствие (actuality entailment) (Шатуновский 1996; Bhatt 1999; Hacquard 2006, 2010)⁶⁷. Оно не является импликатурой, поскольку его нельзя отменить в последующем контексте, ср. русское *#Петя смог забратъся на гору, но не сделал этого*. То же самое происходит и в карачаево-балкарском, ср. (203-а) и (203-б). Таким образом, *-al* находится в сфере действия аспектуальных показателей (более подробное обсуждение фактивных следствий см. в разделе 6.3.3).

- (203) а. kerim kel-al-vaп-di (#alaj kel-me-di)
Керим приходить-POS-PFCT-3SG но приходить-NEG-PST.3SG
‘Керим смог прийти (#но не пришел).’

⁶⁷ Шатуновский (1996:211-212) рассматривает этот компонент значения как часть ассерции.

- b. kerim kel-al-a e-di (alaj kel-me-di)
 Керим приходить-POS-IPFV AUX-PST.3SG но приходить-NEG-PST.3SG
 ‘Керим мог прийти (но не пришел).’

Neg > Asp

Расположение отрицания над аспектом может показаться неоправданным в свете карачаево-балкарских данных – линейный порядок морфем свидетельствует об обратном. В бурятском, однако, отрицание, наоборот, присоединяется после показателей ТАМ (204).

- (204) aldar ɛrtə-gɛ:r gɯi-dəg(-gɯi) (бурятский)
 Алдар рано-PROL бегать-НАВ-NEG
 ‘Алдар (не) бегаёт по утрам.’

Из этого, следуя Ouhalla (1991), рассматривавшего похожие данные, можно сделать вывод, что порядок отрицания и ТАМ не фиксирован. С другой стороны, как уже говорилось в разделе 2.1.3, нельзя принять на веру, что линейный порядок полностью соответствует структуре клаузы. Например, в английском временной показатель *-ed* может маркироваться на лексическом глаголе “в обход” аспектуального показателя *has: has smoked*. В тюркских языках интерпретация нередко не совпадает с линейным порядком. В (205) и (206)⁶⁸ не *in-situ* интерпретируется каузатив, а в (207) – отрицание. Существуют и случаи, обратные (205), когда возможность интерпретируется выше своей линейной позиции.

- (205) lejla fatima-va kitap-ni stol-va sal-dır-al-di (к.-б.)
 Лейля Фатима-DAT книга-ACC стол-DAT класть-CAUS-POS-PST.3SG
 1. $\diamond > \text{CAUS}$: ‘Лейля смогла сделать так, чтобы Фатима положила книгу на стол.’
 2. $\text{CAUS} > \diamond$: ‘Лейля сделала так, чтобы Фатима смогла положить книгу на стол.’
- (206) ruslan alaşa-ni siker-t-e-p tır-di (мишарский татарский)
 Руслан лошадь-ACC прыгать-CAUS-ST-CONV стоять-PST
 1. $\text{CAUS} > \text{PROG}$: ‘Руслан (быстро) сделал так, что лошадь потом долго прыгала.’
 2. $\text{PROG} > \text{CAUS}$: ‘Руслан все время заставлял, и лошадь от этого прыгала.’ (Гращенко 2015:163)
- (207) sadece ali hastalan-ma-mali (турецкий)
 только Али заболеть-NEG-должен
 $\neg > \square$: ‘Только Али не должен заболеть.’ (Jeretić 2019)

Причины обратной сферы действия могут быть разными. Можно предположить, что на линейную организацию влияют фонологические операции, устраняющие соответствие между линейным порядком и структурой (Embick and Noyer 2001, 2007). С другой стороны, например, каузатив получает расширенную сферу действия при взаимодействии с различными операторами и, видимо, для него *ad hoc* анализ с изменением порядка морфем в постсинтаксическом компоненте

⁶⁸ Глагол *tır* ‘стоять’ в татарском, как и во многих других тюркских языках, грамматикализовался в показатель прогрессива.

не подходит, см. обсуждение в (Гращенко 2015). Так или иначе, предположение о том, что линейный порядок отрицания и аспекта в тюркских языках может не соответствовать структуре и интерпретации, в свете данных выше не выглядит полностью произвольным.

Основная же причина анализировать структуру клаузы как V-Asp-Neg (или Neg-Asp-V в зависимости от направления ветвления) состоит в интерпретации отрицания и аспекта. Хотя теория аспекта огромна, и представить здесь хоть сколько-нибудь глубокий анализ не представляется возможным, проблемы, возникающие при анализе SN в сфере действия аспекта представляются мне очевидными.

Перфект(ив)ное предложение (208-a) (и его русский перевод) интерпретируется так, что в фокусное время попадает кульминация ситуации преследования и переход в результирующее состояние – ‘собака настигнута’. В (208-b) наступление кульминации и переход в результирующее состояние отрицаются – преследование имело место, но собака не была настигнута. Если анализировать отрицание под аспектом, то (208-b), как и утвердительное (208-a), должно утверждать, что в пределах фокусного времени наступила кульминация некой ситуации и случился переход в результирующее состояние ‘собака не настигнута’. Однако, очевидно, она не была настигнута и до этого, так что такая интерпретация не представляется осмысленной. Более формальный анализ перфективных предложений с отрицанием представлен в разделе 2.3.2.

- (208) a. a:jɯ itni žet-gen-di (карачаево-балкарский)
 медведь собаку догонять-PFCT-3SG
 ‘Медведь догнал собаку.’
- b. a:jɯ itni žet-me-gen-di
 медведь собаку догонять-NEG-PFCT-3SG
 ‘Медведь не догнал собаку.’

То же можно сказать и о хабитуальных предложениях (204). Допустим, Алдар бежит каждое второе утро. В таком случае, если анализировать отрицание под хабитуалисом, оба предложения *Алдар бежит по утрам* и *Алдар не бежит по утрам* должны быть истинны. В самом деле, ситуации бега и не-бега случаются с одинаковой частотой. И если каждое второе утро – достаточная частотность ситуации бега, чтобы утверждать ‘Алдар бежит по утрам’, то этой же частотности ситуации не-бега должно быть достаточно, чтобы утверждать ‘Алдар не бежит по утрам’. В действительности, едва ли можно сказать, что Алдар не бежит по утрам, если он выходит бегать каждое второе утро.

Желаемую семантику можно получить, если интерпретировать отрицание над хабитуалисом. Допустим, *Алдар бежит по утрам* означает, что как минимум 10% из релевантных ситуаций – ситуации бега. В таком случае, отрицание хабитуалиса означает, что меньше 10% релевантных ситуаций – ситуации бега, т. е. Алдар бежит слишком редко, чтобы охарактеризовать это хабитуально. Естественно, описанная здесь семантика абсолютно “игрушечна”, но, на мой взгляд, этого достаточно, чтобы показать, что отрицание интерпретируется над аспектом.

Наконец, если различный линейный порядок (например, в бурятском и караево-

- b. jan będzie nie czytać { tę książkę / *tej książki }, ale ją oglądać
 Ян будет не читать ту книжку / той книжки но ее смотреть.на
 ‘Ян будет не читать ту книжку (а смотреть на нее.)’ (Błaszczak 2009:30)

Однако в случае со вспомогательным глаголом прошедшего времени в конструкции прошедшего условного отрицание, наоборот, следует за ним (211).

- (211) a. byłbym nie kochał
 был.COND.1SG не любил
 ‘Я бы не любил.’
 b. ?bym był nie kochał
 COND.1SG был не любил
 ‘Я бы не любил.’
 c. ?*bym nie był kochał
 COND.1SG не был любил
 ‘Я бы не любил.’ (Błaszczak 2009:32)

Błaszczak (2009:32) предполагает, что *był* порождается в Т (Dornisch 1997) и (211) таким образом свидетельствует о нахождении SN в более низкой позиции. Вспомогательный глагол *będzie* находится в Asp или ниже, см. также анализ польского, чешского и русского (*будет*) в Pitsch (2015).

Mod_{epist} > Neg

В английском эпистемические *may* и *must* интерпретируются над отрицанием. *Have to* интерпретируется под отрицанием, однако он слабо грамматикализован и может рассматриваться как лексический или “полувспомогательный” глагол (только в его случае при отрицании используется do-support). Наконец, *can't* также интерпретируется под отрицанием – однако, это, видимо, единая лексическая единица, поскольку без отрицания у *can* просто нет эпистемической интерпретации (Coates 1983:19).

- (212) a. He may not have left earlier in the day ($\diamond > \neg$)
 b. (His car is not in the driveway.) He must not be home ($\square > \neg$)
 c. He doesn't have to have fallen. (Maybe somebody pushed him.) ($\neg > \square$)
 d. He can't be home yet ($\neg > \diamond$) (Iatridou and Zeijlstra 2013:562-563)

Таким образом, грамматикализованные, композиционно сочетающиеся с отрицанием эпистемические модальные показатели интерпретируются над ним. То же самое наблюдается и в балкарском: показатель $-(V)r$, грамматикализующийся из будущего времени в эпистемическую необходимость, интерпретируется над отрицанием (213).

- (213) a. kerim kel-ir (карачаево-балкарский)
 Керим приходить-FUT
 1. ‘Керим придет.’

2. ‘Керим, наверное, придет.’
 3. ‘Керим, может, придет.’
- b. kerim kel-me-z
Керим приходит-NEG-FUT
1. ‘Керим не придет.’
 2. ‘Керим, наверное, не придет.’

Примеры в (213), впрочем, не являются однозначным подтверждением рассматриваемой части иерархии. Во-первых, если показатель $-(V)r$ выражает необходимость или слабую необходимость (как в интерпретациях 2 в примерах), сфера действия над отрицанием может объясняться подъемом отрицания или положительной полярностью, о чем я говорил выше. Во-вторых, не вполне ясно, чем отличается эпистемическая необходимость от будущего времени, см. анализ и дебаты в (Von Stechow and Gillies 2010, 2021; Lassiter 2016; Goodhue 2017; Giannakidou and Mari 2018; Mandelkern 2019), и можно предположить, что показатель $-(V)r$ имеет только временное значение. Оба эти предположения, однако, представляются сомнительными. Во-первых, линейный порядок морфем все же говорит о присоединении $-(V)r$ над отрицанием. Во-вторых, носители регулярно переводят форму на $-(V)r$ с использованием русских модальных наречий.

Я обсуждаю дополнительные примеры с интерпретацией эпистемических модальных показателей из разных языков над отрицанием в разделе 6.3.

Mod_{epist} > T

Нахождение эпистемической модальности над временем в целом является стандартным (хотя и не общепринятым) предположением (Cinque 1999; Drubig 2001; Nacquard 2006, 2010). Независимые аргументы в пользу такого расположения обсуждаются в разделе 6.3.4.

В приложении 2 я привожу примеры деривации нескольких предложений из 3 языков – карачаево-балкарского, английского и русского – в соответствии со структурой (199). Конечно, минимальное количество данных, рассмотренных в этом разделе и в приложении 2, не может служить доказательством предлагаемой структуры и скорее служит иллюстративным целям. В последующих главах я подробнее останавливаюсь на отрицании и модальности. Сфере действия отрицания и различных ИГ в позиции субъекта и объекта посвящена глава 3. В главе 6 я обсуждаю многочисленные аргументы в пользу существования по меньшей мере двух модальных вершин и их расположения в соответствии с (199). Обсуждать взаимодействие отрицания со временем и аспектом я далее не буду. Даже если порядок $T > Neg > Asp$ в действительности должен быть другим, это не затрагивает основного обобщения $Mod_{epist} > Neg > Mod_{root}$.

В следующем разделе, завершая разбор синтаксиса отрицания, я рассмотрю потенциально проблематичные примеры с множественным маркированием (стандартного) отрицания. Я предлагаю анализировать эти случаи как стадию грамматикализации, на которой одновременно используются старый и новый отрицательный показатель.

2.2.4. Множественное маркирование отрицания и грамматикализация

Множественное маркирование (однократно интерпретируемого) отрицания встречается в языках мира сравнительно редко, например, в 119 языках из 1157 в выборке Dryer (2013c). Опциональное двойное отрицание встречается в 81 языке, а опциональное тройное отрицание – всего в 6 языках (Dryer 2013d). Возможно, частотность множественного маркирования отрицания на самом деле выше, например, хорошо описанные в литературе итальянские диалекты (раздел 2.1.4) в выборки Dryer (2013c,d) не входят. Так или иначе, редкость двойного и особенно тройного маркирования отрицания свидетельствует против анализа с множественными NegP (раздел 2.1.4) и в пользу того, что множественное маркирование – одна из фаз цикла грамматикализации отрицательных показателей, причем достаточно неустойчивая.

Существуют по меньшей мере два маршрута грамматикализации новых отрицательных показателей (Van Gelderen 2008): (i) из фразовых составляющих – минимизаторов, неопределенных местоимений, наречий (цикл Есперсена); (ii) из вершин – показателей экзистенциального отрицания (цикл Крофта), глаголов с отрицательной семантикой типа *отказываться* и т. п. Для европейского ареала, в частности для романских (раздел 2.1.4) и германских языков (Zeijlstra 2004), характерна грамматикализация по циклу Есперсена, многочисленные примеры которой были показаны в разделе 2.1.4. В дальнейшем я ограничусь обсуждением и формализацией этого маршрута грамматикализации.

В (214) показан пример из марокканского арабского, где во вторичный отрицательный показатель грамматикализовалось неопределенное местоимение *shi* ‘какой-то’ (из классического арабского *shany?* ‘вещь’).

- (214) а. ma qrat shi Nadia l-ktab (марокканский арабский)
 NEG читала NEG Надиа DEF-книгу
 ‘Надиа не читала книгу.’
- б. qrat Nadia shi ktab
 читала Надиа какую-то книгу
 ‘Надиа читала какую-то книгу.’ (Roberts and Roussou 2003:160)

Цикл Есперсена (как впрочем и цикл Крофта) естественным образом встраивается в общую формальную теории грамматикализации Roberts and Roussou (2003). В этой теории грамматикализация всегда направлена “вверх” – от лексических вершин к все более абстрактным функциональным. Один из основных механизмов грамматикализации – переинтерпретация Move > Merge (215). Передвинувшийся в XP элемент Y переинтерпретируется как изначально порожденный там, что приводит к (а) упрощению структуры; (б) превращению Y в функциональный показатель.

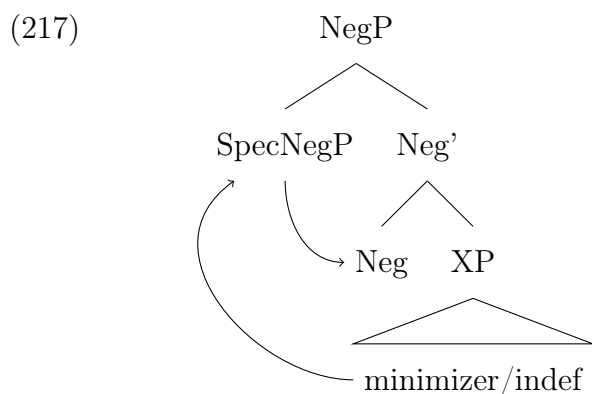
- (215) [XP Y+X [YP ... tY ...]] > [XP Y = X [YP ... Y ...]] (Roberts and Roussou 2003:198)

Поскольку в случае цикла Есперсена грамматикализируются не вершины, а фразовые составля-

ющие, грамматикализация состоит из двух шагов: Move > Merge (216-a) и переинтерпретации спецификатора в вершину (Spec > Head) (216-b). Как и Move > Merge, Spec > Head приводит к упрощению структуры.

- (216) a. $[_{XP} YP X [\dots t_{YP} \dots]] > [_{XP} YP X [\dots]]$
 b. $[_{XP} YP (X)] > [_{XP} YP = X]$

Два этапа (216) схематично представлены в дереве (217), взятом с небольшими изменениями из Van Gelderen (2008:198).

Этот анализ, принимаемый в Van Gelderen (2008); Moscati (2010), объясняет случаи двойного отрицания исходя из общих механизмов грамматикализации без добавления каких-либо вспомогательных структурных позиций.

В (218) показаны формализации цикла Есперсена в истории греческого, английского и французского, основанные на Roberts and Roussou (2003:154–159). Во всех случаях грамматикализуются начинают DP в сфере действия отрицания. Утрата будущими отрицательными показателями лексической семантики (например, ‘шаг’ в случае *pas*) сопровождается переинтерпретацией из существительного N в детерминатор D (218-b) (N-to-D > Merge в D). При этом они согласуются с Neg – для формализации этого (в отличие от Roberts and Roussou (2003)) я использую неинтерпретируемый признак [uNeg], который провоцирует передвижение в SpecNegP (Bošković 2007). На этом этапе (218-c) роль новых отрицательных частиц сводится к фонологическому усилению (reinforcement) отрицания. Появление [uNeg] необходимо, поскольку в противном случае у элементов типа *pas*, уже утративших свою лексическую семантику, останется только фонологическое содержание. На этапах (218-c)-(218-e) происходит упрощение структуры (Move > Merge) и переинтерпретация отрицательных частиц как новых показателей SN (Spec > Head).

- (218) ou de en ‘не и один, ни один’; nan wiht ‘no creature’; pas ‘шаг’
 a. $[_{NegP} ou(k) \dots [_{DP} ou [_{NumP} de [_{NP} en]]]]$
 $[_{NegP} ne \dots [_{DP} nan [_{NumP} [_{NP} wiht]]]]$ (ic ne secge ‘я не говорю’)

- [_{NegP} ne ... [_{DP} Ø [_{NumP} [_{NP} pas]]]] (jeo ne dis ‘я не говорю’)
- b. [_{NegP} ou(k) ... [_{DP} oudhen [_{NumP} [_{NP}]]]]
 [_{NegP} ne ... [_{DP} naht [_{NumP} [_{NP}]]]] (ic ne secge)
 [_{NegP} ne ... [_{DP} pas [_{NumP} [_{NP}]]]] (jeo ne dis)
- c. [_{NegP} [_{DP} oudhen_[uNeg]]_X Ø_[iNeg] [_{AspP} ... t_X ...]]
 [_{NegP} [_{DP} not_[uNeg]]_X ne_[iNeg] [_{AspP} ... t_X ...]] (I ne seye not)
 [_{NegP} [_{DP} pas_[uNeg]]_X ne_[iNeg] [_{AspP} ... t_X ...]] (je ne dis pas)
- d. [_{NegP} [oudhen_[iNeg]] [_{AspP} ...]]
 [_{NegP} [not_[iNeg]] [_{AspP} ...]] (I say not)
 [_{NegP} [pas_[iNeg]] (ne_[uNeg]) [_{AspP} ...]] (je (ne) dis pas)
- e. [_{NegP} dhen_[iNeg] [_{AspP} ...]]
 [_{NegP} -n't_[iNeg] [_{AspP} ...]] (I don't say)
 [_{NegP} [pas_[iNeg]] [_{AspP} ...]] (je dis pas)

Этот анализ оставляет определенные вопросы, и отдельные шаги, обозначенные мной в (218), могут быть неточными, однако, каждый этап в нем, как и идея в целом, имеет независимую мотивацию и подкреплен эмпирическими данными. Анализ, в котором отрицательные показатели передвигаются из структурированной NegP, расположенной в vP, в многочисленные отрицательные проекции в структуре клаузы (раздел 2.1.4) не дает никаких диахронических объяснений и, как уже было показано выше, плохо сочетается с типологическими данными (Dryer 2013c,d).

Тройное, четверное маркирование отрицания и т. д. также можно анализировать как промежуточные стадии грамматикализации, в которых одновременно несколько элементов могут использоваться для усиления отрицания (хотя возникает вопрос об их позиции в структуре, если оба новых отрицательных показателя грамматикализуются из позиции прямого объекта). Так или иначе, эти случаи типологически настолько редки, что представляется странным строить теорию стандартного/сентенциального отрицания на их основе. В некоторых маргинальных случаях типа множественного дублирования одного показателя (219), возможно, вообще имеют место какие-то иные синтаксические и фонологические процессы, не имеющие отношения к обсуждению выше, ср. (220).

- (219) en t en t en lvi ne:nt (диалект Каркаре, Лигурия)
 NEG ты NEG себя NEG моешь NEG
 ‘Ты себя не моешь.’ (Van der Auwera and Vossen 2017:42)

- (220) Я же сказал же, что не приду же

Я вернусь к обсуждению формального синтаксиса отрицания, в частности, отрицательных признаков и передвижений в SpecNegP, в разделе 4.2.1 в контексте *ни*-местоимений в русском языке, для которых я буду использовать анализ с передвижениями, очень близкий к представ-

ленному в (218).

2.3. Формальная типология отрицания: семантика

Предмет этого исследования – сфера действия, а не семантика отрицания. Тем не менее, представляется необходимым коротко рассмотреть и семантику. Во-первых, семантические различия подкрепляют выделение SN и CN в качестве отдельных функций. Во-вторых, если SN фиксировано в конкретной структурной позиции, как я заявляю выше, нахождение именно в этой позиции должно иметь какую-то мотивацию. С одной стороны, можно просто постулировать, что локализация Neg над, например, Asp обусловлена селективными свойствами этой вершины. Однако такой ответ не обладает объяснительной силой. С другой стороны, можно предположить, что существующее расположение вершин обусловлено семантикой.

В разделе 2.3.1 я обсуждаю и отвергаю распространенную точку зрения, в соответствии с которой отрицание выполняет “корректирующую” функцию, т. е. направлено на то, чтобы исправить неверные представления слушающего о положении вещей в актуальном мире. В разделе 2.3.2 я обсуждаю более релевантную (в свете предложенного выше синтаксиса SN) теорию, в соответствии с которой SN отрицает существование определенного (описываемого предикатом) события.

2.3.1. Отрицание и контраст

Некоторые авторы, например Horn (2001:203), De Clercq (2018:186), предполагают, что “прототипическое использование отрицания (...) в самом деле в качестве опровержения (denial) пропозиции, утвержденной ранее, или принятой, или считающейся правдоподобной, или по меньшей мере упомянутой кем-то релевантным в дискурсивном контексте. В то время как утверждение не только может, но и, как правило, используется для введения новой пропозиции в дискурсивную модель, отрицание – в его основном использовании (Есперсен) (...) – направлено на пропозицию, уже присутствующую в дискурсивной модели.” (Horn 2001:203; перевод мой). Похожего мнения придерживается и Givón (2018), считающий, что, делая отрицательную асерцию, говорящий намерен не сообщить новую информацию слушающему, а скорректировать его неверные убеждения.

Описанные интуиции, однако, скорее относятся к перифрастической конструкции *неверно, что p*, чем к SN. Независимо от наличия отрицания “предикаты правды” (*(не)верно, что ...*, *it is (not) true that ...* и т. п.) имеют анафорический эффект: пропозиция, выражаемая их компонентом, должна быть введена в предыдущем дискурсивном контексте или аккомодирована (Moltmann 2015). Например, из трех предложений в (221) первое (и только оно) недопустимо в отсутствии какого-либо предшествующего контекста (Romoli 2013). Тот же эффект наблюдается и в аналогичном русском предложении (222-а) в сравнении с (222-б) и (222-с) (без добавления *скоро* предложение (222-б) звучит не очень естественно в отсутствии контекста, что, возможно, связано с недостаточной информативностью).

(221) ситуация: профессор заходит в класс и говорит:

- a. #It's true that the alarm will go off.
- b. The alarm will go off.
- c. It is possible that the alarm will go off.

(222) ситуация: профессор заходит в класс и говорит:

- a. #Верно, что скоро сработает сигнализация.
- b. Скоро сработает сигнализация.
- c. Возможно, что скоро сработает сигнализация.

Можно сказать, что предикаты правды вводят следующую пресуппозицию: *верно, что p* определено, только если *p* было (эксплицитно или имплицитно) введено в предшествующем контексте. Эта пресуппозиция демонстрирует стандартное свойство проекции из отрицательного контекста (223-а), антецедента условного предложения (223-б), вопроса (223-с) (Romoli 2013). Таким образом, корректирующая функция отрицания в данном случае сводится к вышеупомянутой пресуппозиции.

- (223)
- a. It's not true that the alarm will go off.
 - b. If it's true that the alarm will go off, we should be prepared.
 - c. Is it true that the alarm will go off?
 - d. Пресуппозиция во всех случаях: 'сработает ли сигнализация' обсуждалось в предшествующем контексте.

Существует контраст, предположительно показывающий, что *неверно, что* в отличие от стандартного отрицания действительно вводит соответствующую пресуппозицию. Сильные NPI (в данном случае "пунктивный" *until*) лицензируются в простых отрицательных предложениях (224-а), но не лицензируются в комплементе *it's not true that* (224-б). Если предположить, что пресуппозиции нарушают лицензирование сильных NPI (Homer 2008; Gajewski 2011), то это объясняет контраст в (224). Я возвращаюсь к обсуждению сильных NPI в разделах 4.1.1 и 5.2.

- (224)
- a. Robin won't be here until six o'clock.
 - b. *It's not true that Robin will be here until six o'clock. (Romoli 2013)

Независимо от анализа контраста в (224), стандартное отрицание не вводит пресуппозиций и в общем случае не требует, чтобы отрицаемое утверждение было представлено в предшествующем дискурсе. Это подтверждается и тем, что отрицательные предложения могут появляться в повествовательном дискурсе, не требующем от слушателя каких-либо пресуппозиций, например (225). Скорее всего, индивид, воспринимающий дискурс (225), находится в одном из двух состояний: (а) уже знает, что депутаты Госдумы не поддержали внесение вакцинации против COVID в общенациональный календарь прививок; (б) еще не знает, какое решение было при-

нято по этому поводу, и узнает эту информацию из (225). В любом из двух случаев слушающий не нуждается в какой-либо корректировке.

- (225) Но депутаты Государственной Думы **не** поддержали, поэтому в этот раздел национального плана вакцинации вакцинация против COVID **не** попала и **не** является обязательной в общенациональном плане.

[В. В. Путин; Прямая линия с Владимиром Путиным 2021]

Отрицательные предложения также могут выступать в качестве ответов на вопрос без какого-либо контекста:

- (226) Что случилось? – Мне (не) дали визу в Канаду.

Я предполагаю, что функция предложений с показателем SN и без него одинакова – они вводят новую пропозицию в контекстное множество “общих убеждений” (далее я буду обозначать его сокращением CG от *common ground* (Stalnaker 2002)). Корректирующую функцию, выделяемую в Horn (2001); De Clercq (2018); Givón (2018), выполняет не отрицание как таковое, а контраст. Контрастивность, в числе прочего, может вводиться отрицанием составляющих. Это подтверждается и четкими интуициями носителей бурятского по поводу предложений в (227), только первое из которых звучит как нейтральное и самодостаточное без утвердительного продолжения.

- (227) а. *bair unta-na-gni*
Баир спать-PRS-NEG
'Баир не спит.'
- б. *bair unta-na=bəfə* ?(televizor xara-na)
Баир спать-PRS-NOT телевизор смотреть-PRS
'Баир не спит (, а смотрит телевизор).'

Функции контрастивного и неконтрастивного утверждения описаны в полужформальном виде в (228).

- (228) а. Утверждение (в т. ч. содержащее SN): добавляет новые пропозиции в CG
⇒ строго уменьшает множество миров, совместимых с CG.
- б. Контрастивное утверждение (в т. ч. содержащее CN): одновременно добавляет и удаляет пропозиции из CG ⇒ меняет множество миров, совместимых с CG.

В (229) и (230) упрощенный анализ функций отрицания представлен на примере предложений (227). Предположим, что у Баира есть всего 3 взаимоисключающих состояния: сон, просмотр телевизора и прослушивание радио. Миров, где он находится в соответствующих состояниях, обозначаются как w_S , w_T и w_R . В таком случае пропозиция *bair untanagni* 'Баир не спит' обозначает множество миров, где Баир не спит, т. е. все миры типа w_T и w_R (229). Соответственно,

при добавлении в CG эта пропозиция отсеивает мира типа w_S (229-b).

$$(229) \quad [p \text{ bair untanagni}] = \{ w_{T1}, \dots, w_{Tn}, w_{R1}, \dots, w_{Rk} \}$$

$$a. \quad CG = \{ w_{S1}, w_{S2}, w_{T1}, w_{T2}, w_{R1}, w_{R2} \}^{70}$$

$$b. \quad CG \cap p = \{ w_{T1}, w_{T2}, w_{R1}, w_{R2} \}$$

Представленный в (229) анализ автоматически отражает интуицию, в соответствии с которой утверждения с SN менее информативны, чем утверждения без него. Например, утверждение *bair untana* 'Баир спит' сузило бы представленный в (229-a) CG значительно сильнее, оставив в нем только миры w_{S1} и w_{S2} . Однако никакой принципиальной разницы между утверждениями с SN и без него нет – просто утверждение без SN совместимо с меньшим количеством миров.

В случае с предложением *bair untana=bəfə, televizor xarana*, (ложная) пропозиция q *Bair snut* находится в CG (например, она была добавлена туда предыдущим говорящим) (230-a). Отрицание составляющих устраняет q из CG, после чего туда добавляется альтернативная пропозиция p (230-b).

$$(230) \quad [q \text{ bair untana}] \text{bəfə}, [p \text{ televizor xarana}]$$

$$a. \quad CG = \{ \text{Баир спит}, \dots \}$$

$$b. \quad \neg(CG - \{p\}) \cap q = \{ w_{T1}, \dots, w_{Tn} \}$$

Впрочем, даже в случае с CN неочевидно, что оно всегда выполняет контрастивную/корректирующую функцию. Трудно представить, что отрицаемая пропозиция находится в CG в случае повествовательного дискурса, например (231). С другой стороны, в некоторых случаях наличие контраста все же обязательно или близко к обязательному – (193) и (227-b). Формальный анализ примеров типа (231) выходит за рамки этого исследования.

$$(231) \quad \text{Зази была настолько восхищена происходящим, что **не** сразу заметила возвышавшееся неподалеку на тротуаре довольно вычурное произведение из кованого железа, увенчанное надписью "МЕТРО".}$$

[Раймон Кено, "Зази в метро" (1959). Перевод с французского М. К. Голованивской, Е. Э. Разлоговой]

Итак, утверждения с SN соответствуют определенным множествам миров и в этом плане ничем не отличаются от утверждений без SN. Иными словами, SN просто привносит в семантику предложения некий компонент, влияющий на множество миров, обозначаемых этим предложением (так же, как время, аспект и другие грамматические показатели). Таким образом, по-прежнему без ответа остается сформулированный выше вопрос: почему SN вступает в семантическую композицию именно после аспекта или времени, в зависимости от принятого варианта анализа

⁷⁰ Поскольку выше CG определяется как множество пропозиций, а не совместимых с ними миров, в данном случае правильнее было бы написать $\cap CG$.

(199)? Ответу на него посвящен следующий раздел.

2.3.2. SN как отрицание существования (под)события

Вернемся к структуре клаузы, принятый вариант которой повторен ниже в (232).

(232) $[_{\text{Mod}_{\text{epist}P}} \text{Mod}_{\text{epist}} [_{\text{TP}} \text{T} [_{\text{Neg}P} \text{Neg} [_{\text{Asp}P} \text{Asp} [_{\text{Mod}_{\text{root}P}} \text{Mod}_{\text{root}} [_{\text{v}P} \text{v} (\text{VP})]]]]]]]]]]$

Если предположить, что функция SN – отрицание пропозиции, то в принятой семантической теории (Heim and Kratzer 1998; Von Stechow and Heim 2020) следовало бы ожидать, что SN может присоединяться в тех позициях, где комплемент имеет тип пропозиции – $\langle s, t \rangle$ (233). Этот тип – функция, которая в зависимости от мира оценки возвращает истинностное значение 0 (для миров, где пропозиция истинна) или 1 (для миров, где она ложна).

- (233) а. тип $\langle s, t \rangle$ – функция из множества миров s в истинностные значения t
 б. пример функции $\langle s, t \rangle$: $p_{\langle s, t \rangle} = \{ \langle w_1, 0 \rangle, \langle w_2, 0 \rangle, \langle w_3, 1 \rangle, \dots \}$
 в. $[[\text{Петя спит}]]_{\langle s, t \rangle} = \lambda w. \text{Петя спит в } w = 0 \text{ или } 1 \text{ в зависимости от мира } w$

Позиций с типом $\langle s, t \rangle$, как показано в (235), в клаузе может быть много (соответствующие ХР выделены полужирным). В частности в ходе деривации (235) получаются три пропозиции⁷¹, указанные в (234) (интерпретации упрощены).

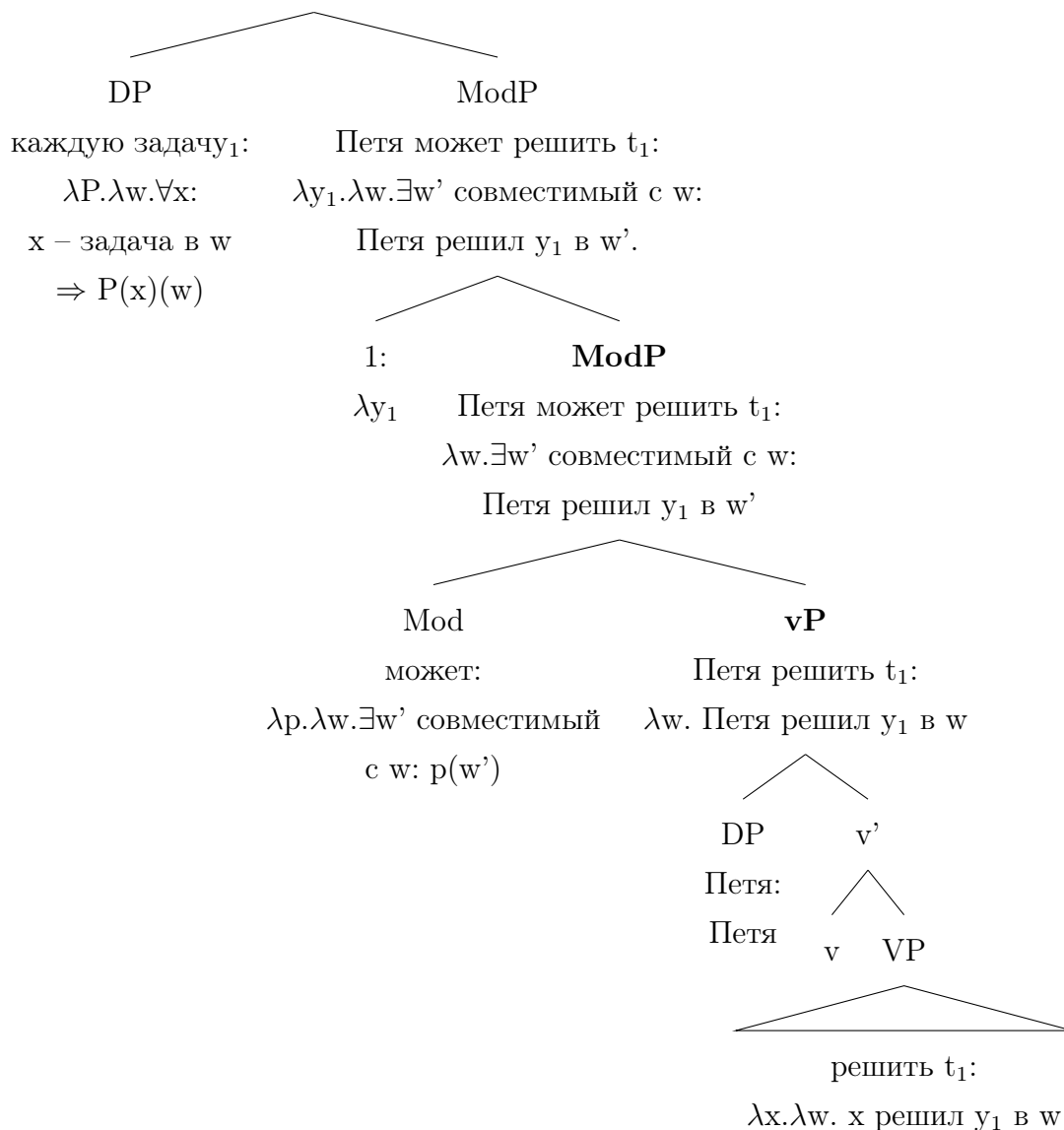
- (234) а. vP : $[[\text{Петя решить } t_1]]$ = Петя решил референта t_1 в мире w
 б. $\text{Mod}P$: $[[\text{Петя может решить } t_1]]$ = Петя может решить референта t_1 в мире w
 в. $\text{Mod}P$: $[[\text{Петя может решить каждую задачу}]]$ = Петя может решить каждую задачу в мире w (каждая отдельная задача посильна Пете; $\forall > \diamond$)

⁷¹ Деривация (235) упрощена – например, в ней игнорируется передвижение субъекта из vP . На самом деле составляющих с типом $\langle s, t \rangle$ в этой деривации должно быть больше.

(235)

ModP

Петя может решить каждую задачу:

 $\lambda w. \forall x: x$ – задача в w $\Rightarrow \exists w'$ совместимый с w :Петя решил x в w'

В (234)-(235) vP *Петя решить t_1* интерпретируется в прошедшем времени: ‘Петя решил y_1 ’, хотя неочевидно, что это так. Это сделано для последовательности с дальнейшими модальными интерпретациями. Конечно, определить, каков на самом деле денотат vP до вступления в деривацию различных показателей ТАМ, затруднительно, что известно как проблема непрямого доступа (Zucchi 1999; Татевосов 2015).

Итак, отталкиваясь исключительно от совместимости семантических типов, можно предположить, что отрицание должно быть допустимо в любой из этих трех позиций, где возникают (под)пропозиции (234). Это предположение сталкивается с двумя проблемами. Во-первых, как было показано в главе 1, позиция SN фиксирована или, по крайней мере, ограничена узкими

рамками, о чем свидетельствует и морфология SN, и его сфера действия. Во-вторых, число и локализация составляющих типа $\langle s, t \rangle$ различается в зависимости от конкретной клаузы. Например, не в каждой клаузе есть модальный глагол и универсальный квантор, так что в некоторых случаях соответствующие пропозиции просто (234-b), (234-c) не возникают. Не гарантируется и что vP на самом деле имеет нужный тип $\langle s, t \rangle$. Возможно, vP – это функция из временных интервалов и т. п., не являющаяся пропозицией до появления в деривации аспектуальной, временной и прочей информации, не показанной в (235).

В серии работ Паоло Аквавивы, например Acquaviva (1996b:298), предлагается анализ сентенциального отрицания, как отрицания экзистенциального закрытия, т. е. экзистенциального квантора, связывающего событийную переменную (этот анализ уже был представлен выше при обсуждении данных бенгальского языка (119)). Предположим, следуя (Klein 1994; Kratzer 1998; Nacquad 2010) среди прочих, что экзистенциальное закрытие вводится аспектуальным оператором. Например, перфективный аспект имеет денотат в (236), где $\tau(e)$ – функция, возвращающая время протекания события e , а $t \subseteq t'$ означает, что временной интервал t является подынтервалом t' .

- (236) a. $[[PF]] = \lambda P. \lambda t. \exists e [\tau(e) \subseteq t \ \& \ P(e)]$ (Penka 2011:10)
 b. ‘Существует событие e , такое, что: время $\tau(e)$ этого события находится в пределах фокусного интервала t и событие e содержательно является P (например, e – это вставание Солнца).’

В таком случае, присоединение стандартного отрицания после аспекта (232) оправданно: оно отрицает экзистенциальный квантор по событиям, что дает нужную семантику; пример деривации предложения *John has not slept* указан в (237). Время анализируется как местоимение, реферирующее к временному интервалу (Partee 1973; Kratzer 1998); настоящее время в (237) реферирует к интервалу, охватывающему момент речи, что обозначается как NOW. Демонстрация (237) несколько упрощена и, не претендуя на правильность в том, что касается анализа аспекта и времени, призвана в первую очередь проиллюстрировать вклад SN, если оно рассматривается как отрицание экзистенциального закрытия. Для простоты я игнорирую мир оценки и вообще интенционалы – пропозиция в данном случае имеет тип t (истинностное значение).

(237)

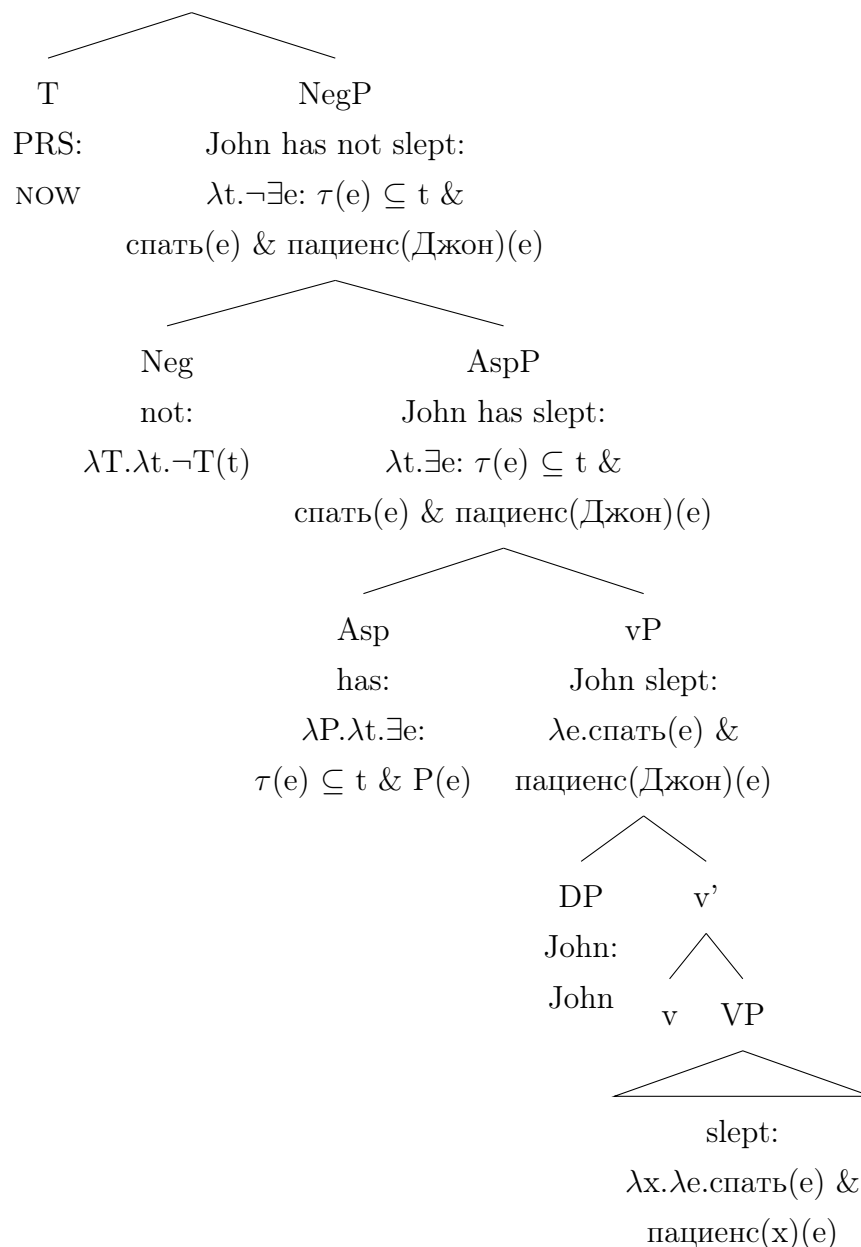
TP

John has not slept:

 $\neg\exists e: \tau(e) \subseteq \text{NOW} \ \&$

спать(e) & пациенс(Джон)(e)

‘Джон не спал в пределах определенного временного промежутка NOW охватывающего момент речи.’

В целом, показанный выше структурный и семантический анализ можно считать рабочим анализом, принимаемым в дальнейшем в этой работе (в отсутствии модальных показателей я игнорирую модальные проекции). Он достаточно стандартен и дает семантическую мотивацию размещению отрицания непосредственно над аспектом ⁷².

⁷² В бенгальских примерах (119)-(120) использован не референциальный, а кванторный анализ времени. Если предположить, что Neg все же располагается над T, а не Asp (199), то соответственно SN можно анализировать

При всей привлекательности этой теории и ее разновидностей (например, в (Zeijlstra 2004:179) предлагается, что SN привносит и экзистенциальное закрытие, и его отрицание: $\neg\exists e$: ...) нельзя не отметить, что у нее есть проблема, связанная с расположением экзистенциального закрытия. Как замечено в Champollion (2011, 2015), экзистенциальное закрытие всегда имеет максимально узкую сферу действия. Например, универсальный квантор не может интерпретироваться ниже него, потому что в таком случае у предложения (238) будет сомнительная интерпретация: ‘существует такое событие e , которое состоит в том, что Джон поцеловал каждую девушку (в пределах одного этого события)’.

$$(238) \quad \llbracket \text{John kissed every girl} \rrbracket = \# \exists e [\text{kiss}(e) \ \& \ \text{agent}(e, \text{John}) \ \& \ \forall x [\text{girl}(x) \Rightarrow \text{theme}(e,x)]]$$

Можно предположить, что деривация, приводящая к указанной в (238) интерпретации, в принципе возможна, однако посольку интерпретация неестественна, эта деривация никогда не используется⁷³. Однако проблема, связанная с широкой сферой действия экзистенциального закрытия при этом не исчезает. Например, предложение (239) в таком случае должно иметь интерпретацию со сферой действия $\neg > \exists e > \forall$: не существует такого события e , которое состоит в том, что Джон поцеловал каждую девушку (в пределах одного этого события). Если предположить, что целование каждой из девушек в пределах одного события невозможно, предложение (239) становится тривиально истинным.

$$(239) \quad \llbracket \text{John didn't kiss every girl} \rrbracket \\ = \# \neg\exists e [\text{kiss}(e) \ \& \ \text{agent}(e, \text{John}) \ \& \ \forall x [\text{girl}(x) \Rightarrow \text{theme}(e,x)]]$$

Предложение (239) может иметь только сферу действия $\neg > \forall > \exists e$, однако в таком случае утрачивается обобщение, что функция SN – отрицать экзистенциальное закрытие.

На основе примера (238) и некоторых других Champollion (2011, 2015) приходит к выводу, что необходимо сферу действия экзистенциального квантора по событиям необходимо зафиксировать максимально низко. Для этого он предлагает перенести его в денотат предиката, что решает проблему с несуществующими интерпретациями. Место стандартного экзистенциального закрытия занимает аргумент $\lambda e.\text{true}$ с максимально широкой сферой действия, утверждающий, что событие e входит во множество всех событий (240)⁷⁴.

$$(240) \quad \llbracket [\text{It is raining}] \rrbracket$$

как отрицание экзистенциального квантора по временным интервалам, а не по событиям.

⁷³ Строго говоря, сложные события, объединяющие несколько элементарных, возможны. Например, в дискурсе *Петя поцеловал каждую девушку. Это заняло очень много времени* местоимение *это* можно анализировать как реферирующее к одному сложному событию, объединяющему подсобытия целования каждой из девушек, см. обсуждение в Champollion (2015:36-37) и ссылки там.

⁷⁴ У читателя может возникнуть подозрение, что добавление этого аргумента в (240) избыточно, поскольку любое событие входит во множество всех событий. Однако потенциально на месте $\lambda e.\text{true}$ может находиться какое-то другое множество событий, ограничивающее интерпретационные возможности, что увеличивает выразительную силу этой системы.

- a. = $\lambda f. \exists e[\text{rain}(e) \ \& \ f(e)](\lambda e.\text{true})$
- b. = $\exists e[\text{rain}(e) \ \& \ (\lambda e.\text{true})(e)]$
- c. = $\exists e[\text{rain}(e) \ \& \ \text{true}]$
- d. = $\exists e[\text{rain}(e)]$ (Champollion 2015:39)

Это не отменяет того, что (стандартное) отрицание в ходе деривации может примениться именно к экзистенциальному квантору по событиям, что дает ожидаемую семантику, однако при этом утрачивается объяснение, почему SN должно присоединяться именно над AspP.

Итак, в этом разделе были рассмотрены два семантических различия между SN и CN: контрастивность (характеризует CN) и специализация на отрицании квантора по событиям (характеризует только SN). В обоих случаях, впрочем, нельзя сделать окончательные выводы. Во-первых, неочевидно, что CN всегда манипулирует альтернативами, см. (231). Во-вторых, теория, в которой эксклюзивной функцией SN является отрицание экзистенциального закрытия, тоже сталкивается с определенными трудностями (239).

Так или иначе, далее я принимаю структуру клаузы (199). Не считая специфических случаев с сомнительными интерпретациями предложений с кванторами в позиции объекта, обсуждавшихся в этом разделе, конкретный анализ семантики SN и CN, как мне представляется, не влияет на дальнейшие рассуждения о сфере действия, поэтому в качестве варианта по умолчанию можно принять анализ, представленный в (237).

3. Отрицание, фокусные операторы и именные группы

В этой главе я обсуждаю взаимодействие отрицания с единицами с нефиксированной сферой действия – фокусными операторами и именными группами. Я рассматриваю причины существующих ограничений на интерпретацию с той или иной сферой действия, в частности дистрибуцию единиц с положительной и отрицательной полярностью. При этом я исхожу из максимально ограничительного предположения, выдвинутого в главе 2: SN занимает неизменную позицию в структуре клаузы независимо от языка (199).

В разделе 3.1 я обсуждаю базовые теории, используемые в дальнейшем – двухмерную семантику предложений с фокусом и скалярными элементами (Rooth 1985, 1992) и грамматическую теорию скалярных импликатур (Fox 2007; Chierchia et al. 2012). Далее я коротко представляю анализ фокусных операторов *только*, *даже* и *почти* (в каждом из случаев я придерживаюсь одной из разновидностей стандартного анализа, иногда с небольшими, обоснованными модификациями).

В разделе 3.2 я рассматриваю причины положительной полярности неопределенных местоимений и ИГ и фокусных операторов в простых повествовательных предложениях с нейтральной интонацией. Я показываю, что простое предположение об обязательном синтаксическом передвижении в позицию над отрицанием не может объяснить эти данные и сравниваю два других подхода к положительной полярности. Первый из них объясняет положительную полярность конкуренцией с более специализированными элементами (NPI), второй опирается на особенности дистрибуции оператора O, порождающего скалярные импликатуры, а именно его обязательность и содержательность.

Раздел 3.3 посвящен случаям, когда единицы с положительной полярностью/поляризацией (positive polarity items; PPI) интерпретируются в сфере действия отрицания. Такие интерпретации возникает в контрастивных контекстах и требуют интонационного выделения самого PPI или отрицания. Обсуждая эти данные, я опираюсь на грамматическую теорию скалярных импликатур и в частности на работы Fox and Spector (2018) и Bade and Sachs (2019). В этих работах показано, что характерные свойства таких предложений следуют из особенностей дистрибуции оператора O и фокусного маркирования и не требуют обращения к отдельному виду отрицания, называемого “металингвистическим”. Фактически, в данном разделе я с небольшими дополнениями распространяю анализ этих авторов на более широкий круг данных.

В разделе 3.4 я рассматриваю взаимодействие отрицания с именными группами в позиции субъекта. Особый интерес в данном случае представляют отрицательно-полярные единицы (NPI), которые могут быть грамматичны или неграмматичны в этой позиции в зависимости от конкретной единицы, причем варьирование наблюдается как от языка к языку, так и в отдельно взятом языке. В случае экзостивных NPI типа *anybody* и *кто-либо* достаточно принятого в разделе 2.2.3 предположения о структурном доминировании субъекта над отрицанием. Серьезную проблему для этого предположения представляют NPI типа *даже один NP*, которые

иногда допустимы в субъектной позиции в русском языке и абсолютно грамматичны во многих других языках. Я рассматриваю три возможных объяснения этим данным и показываю, что ни одно не объясняет их в полной мере. Тем не менее эти случаи нельзя однозначно трактовать в пользу варьирующейся позиции отрицания.

3.1. Фокус и альтернативы

3.1.1. Двухмерная семантика

В этом разделе я рассмотрю формальный анализ предложений с фокусом типа (241) и предложений с элементами, формирующими шкалы типа (242). Поскольку в обоих случаях выделенные элементы вводят альтернативы, я буду использовать одинаковый анализ для этих случаев.

(241) (Кто пришел? –) ПЕТЯ пришел.

альтернативы: Петя пришел, Леша пришел, Вадим пришел, ...

(242) а. **Некоторые** любят холодец.

альтернативы: некоторые любят холодец, все любят холодец

б. Пришли **три** человека.

альтернативы: пришел 1 человек, пришли 2 человека, пришли 3 человека, ...

Во всех указанных случаях языковое выражение является пропозицией, и его альтернативы – также пропозиции, однако возникают они не одновременно, а композиционально в ходе деривации, начиная с альтернатив отдельных элементов словаря. В (243) дано формальное определение альтернатив элементов словаря, основанное на Chierchia (2004:95); Romoli (2013) (мною добавлен пункт (243-b)).

(243) базовое правило: для всякого элемента словаря α , $\text{Alt}(\alpha) =$

а. $\{[[\alpha]]\}$, если α не принадлежит шкале (под шкалой понимается множество выражений, упорядоченных отношением следования)

б. $\{[[\alpha]], [[\beta]], [[\gamma]], \dots\}$, если (i) α не принадлежит шкале и (ii) α находится в фокусе; элементы β , γ и т. д. определяются знаниями о мире и контекстом

с. $\{[[\alpha_1]], \dots, [[\alpha_n]]\}$, если α принадлежит шкале $\langle [[\alpha_1]], \dots, [[\alpha_n]] \rangle$

Шкалы формируют, по меньшей мере, элементы, указанные в (244). В скобках указаны элементы, без которых формируются сокращенные шкалы, которые я буду использовать в некоторых случаях для простоты.

(244) Шкалы Хорна

а. шкала натуральных чисел: $\langle 1, 2, 3, \dots \rangle$

- b. шкала кванторных выражений: <кто-то/некоторые, (многие), (большинство), каждый/все>
- c. шкала бинарных связок: <или, и>

В (245) показаны примеры применения базового правила (243).

- (245) a. $\text{Alt}(\text{Роналдинью}) = \{ \llbracket \text{Роналдинью} \rrbracket \}$
 $\text{Alt}(\text{пришел}) = \{ \llbracket \text{пришел} \rrbracket \}$
- b. $\text{Alt}(\text{РОНАЛДИНЬЮ}) = \{ \llbracket \text{Роналдинью} \rrbracket, \llbracket \text{Роналдо} \rrbracket, \llbracket \text{Кака} \rrbracket, \dots \}$
 $\text{Alt}(\text{ПРИШЕЛ}) = \{ \llbracket \text{пришел} \rrbracket, \llbracket \text{приехал} \rrbracket, \llbracket \text{ушел} \rrbracket, \dots \}$
- c. $\text{Alt}(\text{три}) = \{ \llbracket \text{один} \rrbracket, \llbracket \text{два} \rrbracket, \llbracket \text{три} \rrbracket, \dots \}$

Все альтернативы должны быть одного семантического типа. Я оставляю без внимания вопрос о том, каким образом контекст ограничивает множество фокусных альтернатив и ограничивает ли вообще, поскольку, насколько я могу судить, этот вопрос не влияет на дальнейшие рассуждения.

Соединяясь друг с другом одним из возможных способов – чаще всего применением функции к аргументу, – составляющие формируют более сложные составляющие (Heim and Kratzer 1998). Таким же образом происходит и деривация альтернатив, с тем отличием, что они всегда представляют собой множества. При соединении двух множеств альтернатив, правило композиции попарно применяется к элементам этих множеств. В (246) приводится определение для случая применения функции к аргументу, однако, в качестве правила композиции может выступать, например, и предикатная модификация.

- (246) рекурсивное правило: для составляющей α ,
 непосредственно доминирующей над β и γ , $\text{Alt}([\alpha \beta \gamma]) =$
 $\{ b(c) \mid b \in \text{Alt}(\beta), c \in \text{Alt}(\gamma) \}$

В (247-а) показан случай, когда оба множества, к которым применяется рекурсивное правило (246), состоят из одного элемента, и вычисление альтернатив таким образом не отличается от вычисления обычного денотата. В (247-б) показан случай, когда одно из множеств состоит из двух элементов, в результате чего попарная композиция их элементов возвращает множество из двух альтернатив.

- (247) a. $\llbracket \text{Петя пришел} \rrbracket = \llbracket \text{пришел} \rrbracket(\llbracket \text{Петя} \rrbracket) = \text{Петя пришел}$
 $\text{Alt}(\text{Петя пришел}) = \{ b(c) \mid b \in \text{Alt}(\text{Петя}), c \in \text{Alt}(\text{пришел}) \}$
 $= \{ b(c) \mid b \in \{ \llbracket \text{Петя} \rrbracket \}, c \in \{ \llbracket \text{пришел} \rrbracket \} \}$
 $= \{ \llbracket \text{Петя пришел} \rrbracket \}$
- b. $\llbracket \text{все пришли} \rrbracket = \llbracket \text{пришли} \rrbracket(\llbracket \text{все} \rrbracket) = \text{все пришли}$
 $\text{Alt}(\text{все пришли}) = \{ b(c) \mid b \in \text{Alt}(\text{все}), c \in \text{Alt}(\text{пришли}) \}$

$$= \{ b(c) \mid b \in \{ \llbracket \text{все} \rrbracket, \llbracket \text{некоторые} \rrbracket \}, c \in \{ \llbracket \text{пришли} \rrbracket \} \}$$

$$= \{ \llbracket \text{все пришли} \rrbracket, \llbracket \text{некоторые пришли} \rrbracket \}$$

В предложенных выше определениях в функцию $\text{Alt}(x)$ заложена стандартная функция интерпретации $\llbracket x \rrbracket$, иными словами $\text{Alt}(x)$ всегда возвращает множество денотатов. Возможно, более правильным было бы предполагать, что альтернативы существуют на уровне языковых выражений или синтаксических объектов (Klinedinst 2007:57-58), однако фактически только денотаты альтернатив требуют обращения к себе при анализе, поэтому я использую (более общепринятое в литературе) определение $\text{Alt}(x)$, в соответствии с которым она напрямую возвращает денотаты.

Вышеописанный подход называется двухмерной семантикой, поскольку предполагает существование двух отдельных, параллельно строящихся дериваций, одна из которых (основная) интерпретируется функцией $\llbracket x \rrbracket$, а другая – функцией $\text{Alt}(x)$. Обозначение $\text{Alt}(x)$ обычно используется в работах, посвященных скалярным импликациям, а в работах, посвященных фокусу, вслед за Rooth (1985, 1992), используется обозначение $\llbracket x \rrbracket^f$ или $\llbracket x \rrbracket^{\text{alt}}$, и значение $\llbracket x \rrbracket^f$ называется фокусным значением (focus value) языкового выражения (в противоположность “обычному” значению, ordinary value). Насколько я могу судить, использование мной общего анализа как для скалярных, так и для фокусных альтернатив не влечет никаких искажений.

3.1.2. Только и исчерпывающая интерпретация

В этой работе я буду использовать грамматическую теорию скалярных импликаций. В соответствии с этой теорией скалярные импликации типа (248-b) порождаются не прагматическими механизмами (в частности, общими коммуникативными принципами типа максим Грайса (Grice 1975)), а скрытыми операторами присутствующими в синтаксической структуре и соответственно вносящими вклад в интерпретацию предложения на уровне семантики (логической формы).

- (248) Некоторые студенты пришли на пару.
- a. альтернатива: все студенты пришли на пару
 - b. импликация: \neg (все студенты пришли на пару)
 - c. итоговая интерпретация (248): ‘Некоторые, но не все студенты пришли на пару.’

Я принимаю эту теорию по трем причинам. Во-первых, она формализует базовые предсказания прагматической теории, т. е. позволяет более строго и эксплицитно учитывать их при анализе примеров. Во-вторых, она хорошо разработана. В-третьих, в этой теории возможны вложенные импликации, которые я буду обсуждать ниже. Собственно говоря, существование вложенных импликаций предоставляет один из основных аргументов в пользу грамматической теории скалярных импликаций, поскольку прагматические механизмы традиционно рассматриваются как применимые к высказываниям, но не к отдельным частям логической формы.

Аргументы в пользу грамматической теории обсуждаются в Chierchia (2004); Fox (2007); Magri (2009); Chierchia et al. (2012); Fox (2014); Spector (2014); Fox and Spector (2018), аргументы в пользу прагматической теории см. в Russell (2006, 2012); Geurts (2010).

В (249) дан денотат пропозиционального оператора $O(nly)$ (Groenendijk and Stokhof 1984), который, как предполагается в грамматической теории, порождает исчерпывающие (экзостивные) интерпретации в предложениях с альтернативами, в частности, скалярные и некоторые другие коммуникативные импликатуры. Этот оператор утверждает p и отрицает все альтернативы p , отрицание которых не приведет к противоречию (249-a). Множество отрицаемых альтернатив $Excl(udable)$ определено в (249-b): если p не имплицирует q , то q можно отрицать.

- (249) конъюнктивный денотат O/exh
- a. $O(p) = p \ \& \ \forall q \in Excl(p): \neg q$
 - b. $Excl(p) = \{ q \mid q \in Alt(p) \ \& \ p \not\Rightarrow q \}$

В литературе для O чаще используется обозначение exh (от *exhaustification*), я, вслед за Chierchia (2013), использую обозначение O , напоминающее о сходстве этого оператора с выраженным оператором *only*, см. обсуждение ниже.

В работе Bassi et al. (2021) и некоторых других работах этих авторов предлагается использовать вместо O/exh оператор rex , который делит семантику (249-a) на два компонента – ассертивный и пресуппозициональный (250). Ассертивный компонент содержательно пуст (250-a), а импликатуры рассматриваются как пресуппозиции (250-b). Эти пресуппозиции необязательно должны составлять часть общих знаний участников коммуникации, а лишь не должны противоречить этим знаниям.

- (250) пресуппозициональный денотат O/rex
- a. $O(p) = p$
 - b. пресуппозиция (psp): $\forall q \in Excl(p): \neg q$

У пресуппозиционального подхода есть два преимущества: во-первых, он лучше объясняет некоторые данные и, во-вторых, при необходимости rex всегда можно свести к exh , предположив, что пресуппозиция локально аккомодируется, формируя конъюнкцию с ассерцией. С другой стороны, из ассерции нельзя вычленить один из конъюнктов, превратив его в пресуппозицию, так что (249) несводимо к (250).

Вариант (250) является “зеркальным отражением” выраженного оператора *только*, денотат которого дан в (251)⁷⁵. Пресуппозициональный анализ *только/only* (Karttunen and Peters 1979;

⁷⁵ Я рассматриваю *только* как исключительно пропозициональный оператор (в том числе и для простоты). Таким образом, предполагается, что даже при присоединении, например, к именной группе (*только Петя*) *только* на самом деле имеет пропозициональную сферу действия. Аргументы в пользу такого анализа на материале английского *only* и немецкого *nur* см. в Hirsch and Wagner (2019); Bassi et al. (2022).

Horn 1996) в духе (251) на данный момент является стандартным, хотя существуют аргументы и в пользу конъюнктивного анализа (Del Pinal 2021), рассматривающего *только/only* так же, как *O* в (249-а).

- (251) а. $[[\text{только } p]] = \forall q \in \text{Excl}(p): \neg q$
 б. $\text{psp}: p$

Я буду предполагать, что *O* порождает исчерпывающие интерпретации как в предложениях со скалярными элементами, так и в предложениях с нескалярными элементами в фокусе (252).

- (252) Кто пришел? – *O* [ПЕТЯ пришел].
 интерпретация: Петя пришел & $\forall q \in \text{Excl}(\text{Петя пришел}): \neg q = \text{только Петя пришел}$

Скрытый оператор *O* применяется при анализе множества различных явлений. Ниже я буду использовать его при анализе импликатур, фокусных операторов, NPI и подъема отрицания.

3.1.3. *Даже* и оператор *E*

Английский показатель *even* обычно анализируется как оператор, вводящий скалярную пресуппозицию низкой вероятности или, более формально, наименее вероятной альтернативы (Rullmann 1997; Crnić 2011, 2014; Chierchia 2013; Greenberg 2018; Panizza and Sudo 2020)⁷⁶. Представляется осмысленным распространение этого анализа и на *даже*. Однако, следуя Krifka (1995); Lahiri (2006); Gast and Van der Auwera (2013); Россяйкин (2022b), я предлагаю небольшую модификацию этого анализа: чисто скалярные частицы типа *даже* сами по себе не имеют семантического содержания, а скалярная пресуппозиция привносится невыраженным оператором. В работе Krifka (1995:227) для этого используется особый тип ассерции – эмфатическая ассерция; я буду использовать оператор *E*(ven) (Chierchia 2013).

Как и *O*, пропозициональный оператор *E* использует альтернативы своего аргумента *p* (253). *E* вводит пресуппозицию, в соответствии с которой ассерция *p* менее вероятна, чем любая из ее альтернатив (кроме самой *p*) (253-б). Ассертивный компонент *E* пуст (как и у *O* в пресуппозициональном варианте (250)). ‘ $x \triangleleft y$ ’ означает ‘*x* менее вероятно, чем *y* (в рассматриваемом контексте)’.

- (253) а. $E(p) = p$
 б. $\text{psp}: \forall q \in \text{Alt}(p): q \neq p \Rightarrow p \triangleleft q$

Существует ряд нерешенных вопросов по поводу семантики *E* (или *even/даже*, если рассмат-

⁷⁶ В более ранних работах этот компонент семантики рассматривался как конвенциональная импликатура (Karttunen and Peters 1979; Rooth 1985; Lahiri 1998). Кроме того, в Boguslavsky (2001) предлагается понизить его статус до коммуникативной импликации. Насколько я могу судить, выбор того или иного анализа не влияет на дальнейшие рассуждения, поэтому я буду придерживаться наиболее общепринятого на данный момент пресуппозиционального анализа.

ривать выраженные операторы в качестве носителей соответствующего значения). Во-первых, должна ли скалярная пресуппозиция быть универсальной, как в (253-b), или экзистенциальной. Во-вторых, что в точности должно скрываться за знаком \triangleleft в (253-b). Стандартная и используемая мной теория опирается на вероятность или ожидаемость, однако существуют случаи, не поддающиеся такому анализу (Rullmann 1997; Gast and Van der Auwera 2011; Greenberg 2018). Наконец, иногда предполагается, что скалярные частицы также вводят аддитивную пресуппозицию, в соответствии с которой существует по меньшей мере одна истинная альтернатива помимо утверждаемой. Я предполагаю, что аддитивная пресуппозиция не входит в семантику E и чисто скалярных показателей типа *даже* и *even*, см. Россыйкин (2022b:50-52), а также Rullmann (1997); Gast and Van der Auwera (2011); Wagner (2015). Ответы на все эти вопросы не влияют на нижеследующие рассуждения; далее я буду придерживаться анализа в (253).

Существует по меньшей мере два аргумента в пользу того, что скалярная пресуппозиция вводится не выраженными операторами, а скрытым E. Во-первых, скалярная интерпретация не всегда маркируется выраженным показателем (Krifka 1995; Panizza and Sudo 2020), но всегда сопровождается маркированной интонацией (Gast and Van der Auwera 2013:139; Giannakidou and Yoon 2016). Например, в (254) фокусные составляющие, отмеченные F, интерпретируются как крайние точки (контекстных) шкал, а все высказывание в целом – как наименее вероятное относительно контекстных альтернатив.

- (254) Bill is such a shrewd salesman; he would sell refrigerators_F to eskimos_F. (Krifka 1995:230)
 ‘Билл такой прожженный торгаш; (если надо,) он будет продавать ХОЛОДИЛЬНИКИ_F ЭСКИМОСАМ_F.’

Во-вторых, скалярные частицы могут иметь исключительно широкую (неограниченную даже синтаксическими островами) сферу действия (255) (Karttunen and Peters 1979; Богуславский 1985, 1996; Kay 1990), что свидетельствует о том, что скалярная пресуппозиция вводится в деривацию не там, где выражается частица, а там где находится E.

- (255) Every student who read even ONE paper will pass the exam. (Crnič 2011:44)
 ‘Каждый студент, прочитавший даже ОДНУ статью, сдаст экзамен.’

Остановимся на этом аргументе подробнее, поскольку он имеет непосредственное отношение к относительной сфере действия отрицания и фокусных показателей. В (256) приводится анализ сконструированного примера, который был в среднем оценен опрошенными носителями как допустимый, хотя и не идеальный, в (257) дополнительно представлен корпусный пример широкой сферы действия E/*даже*. В приведенных примерах скалярная пресуппозиция соблюдается в естественных контекстах. Например, то, что зачет получают все студенты решившие хотя бы одну или ровно одну задачу, менее вероятно, чем то, что зачет получают все студенты, решившие хотя бы две или ровно две задачи.

- (256) a. E [Каждый, кто решил даже ОДНУ задачу, получил зачет].
 b. psp: каждый, кто решил одну задачу, получил зачет \triangleleft каждый, кто решил n задач, получил зачет ($n \neq 1$)
- (257) a. [...] E [если ты даже одного человека отстранишь, у тебя разрывается сердце]⁷⁷.
 b. psp: если ты отстранишь одного, сердце разрывается \triangleleft если ты отстранишь n , сердце разрывается ($n \neq 1$)

Обычно предполагается, что в случаях типа (256)-(257) фокусный оператор совершает передвижение в позицию доминирования над всем остальным предложением (Wilkinson 1996; Lahiri 1998; Crnić 2011, 2014), однако это передвижение является исключительным в том смысле, что на него не распространяются стандартные ограничения, в частности островные. Как было сказано выше, я предполагаю, что широкая сфера действия обеспечивается скрытым оператором E, а не передвижением выраженного скалярного показателя, см. более подробную аргументацию в Россайкин (2022b:55-57).

Некоторыми авторами предлагается альтернативный анализ, в соответствии с которым скалярные частицы типа *даже* и *even* могут быть двусмысленны (Rooth 1985; Rullmann 1997; Giannakidou 2007; Sudo 2011): они могут проецировать как пресуппозицию низкой вероятности (253), так и противоположную ей пресуппозицию высокой вероятности (я буду называть эту лексему *даже*_{NPI}). Во втором случае скалярный показатель интерпретируется примерно как русское *хотя бы* (258). Следует отметить, что этот анализ вынужден предполагать, что *даже*_{NPI}, условно синонимичный *хотя бы*, допустим не во всех контекстах⁷⁸. Например, в (258-b), как видно, может использоваться только “стандартное” *даже*, приводящее к аномальной интерпретации.

- (258) a. Каждый из студентов знает { #хотя бы / даже } теорему де Рама.
 b. Каждый из студентов знает { хотя бы / #даже } теорему Пифагора.

С другой стороны, этот анализ позволяет избежать постулирования исключительной сферы действия *даже*. Как показано в (259), в примерах (256) и (257) *даже* действительно можно заменить на *хотя бы* с сохранением той же интерпретации. Иными словами, можно предположить, что в (256) и (257) на самом деле используется *даже*_{NPI} с узкой сферой действия.

- (259) a. Каждый, кто решил хотя бы одну задачу, получил зачет.
 b. Если ты хотя бы одного человека отстранишь, у тебя разрывается сердце.

Хотя этот анализ, возможно, подходит для некоторых частиц в других языках, в случае *даже* он представляется сомнительным. Дистрибуция *даже* и *хотя бы* не совпадает. Во-первых, в общих

⁷⁷ НКРЯ; митрополит Антоний (Блум). Вопросы медицинской этики (1994)

⁷⁸ Обычно предполагается, что *даже*_{NPI} допустим в контекстах лицензирования NPI типа русского *кто-либо* (Giannakidou 2007). Это объясняет используемое мной обозначение для этой лексемы.

вопросах и императивных клаузах *даже* может интерпретироваться только с пресуппозицией низкой вероятности. Если контекст совместим только с пресуппозицией высокой вероятности, то *хотя бы* допустимо, а *даже* – нет. Если *даже*_{NP1}, синонимичный *хотя бы*, действительно существует, то причины контрастов в (260) и (261) неясны, поскольку по крайней мере слабые NP1 лицензируются в этих контекстах. Интересно, что английский показатель *even*, в отличие от *даже*, в аналогичных примерах допустим.

- (260) общий вопрос
- a. Ты поговорил с ним { хотя бы / *даже } (один) раз?
 - b. Have you talked to him even once? (Giannakidou 2007:66)
- (261) императив
- a. Побей { хотя бы / *даже } один рекорд, который не могу побить я.
 - b. Break even ONE record that I can't! (Crnič 2011:68)

Во-вторых, некоторые примеры, в которых *даже* допустимо, нельзя анализировать в теории, предполагающей двусмысленность *даже*. Пример (262) получает осмысленную интерпретацию при предположении о пресуппозиции низкой вероятности и широкой сфере действия *даже*/E, что показано в (262-b). Однако перефразировать этот пример с сохранением осмысленной интерпретации, используя *хотя бы*, нельзя (263)⁷⁹.

- (262) a. E [Каждый, кому досталось даже самое сложное задание, сдал экзамен].
 b. prp: каждый, кому досталось самое сложное задание, сдал < каждый, кому досталось непростое задание сдал < ...
- (263) #Каждый, кому досталось хотя бы самое сложное задание, сдал экзамен.

Таким образом, я принимаю теорию, в соответствии с которой показатель *даже* не двусмысленен, но может иметь исключительную сферу действия (предположительно, благодаря тому, что на самом деле скалярная пресуппозиция привносится скрытым оператором E). Другие аргументы в пользу этой теории и против теории двусмысленности см. в Crnič (2011); Россяйкин (2022b:42-44).

Свойства скалярных частиц в языках мира достаточно разнообразны (Gast and Van der Auwera 2011, 2013) и, наверняка, многие из них не сводятся к E (253). Однако в случае *даже*, как было показано выше, есть основания предполагать, что либо эта частица полностью синонимична

⁷⁹ Этот аргумент, впрочем, можно попытаться опровергнуть, предположив, что широкая сфера действия в (262-a) не нужна, и скалярная пресуппозиция удовлетворяется на уровне вложенной клаузы *кому досталось даже самое сложное задание*. Контраргумент держится, если предложения (262-a) и *Пете досталось даже самое сложное задание* одинаково допустимы в контексте, где каждый студент может получить только одну задачу, причем с равной вероятностью. Если же (262-a) более допустимо в этом случае то, можно говорить о том, что скалярная пресуппозиция действительно удовлетворяется благодаря широкой сфере действия. Я не берусь судить о существовании и силе контраста в этом случае.

Е, либо ее вклад исчерпывается выраженным маркированием присутствия Е в структуре и разрешением неоднозначности относительно других операторов, в частности О (раздел 3.1.2).

3.1.4. Почти

Последний фокусный оператор, на котором я останавлиюсь – *почти*. В отличие от предыдущих случаев, в литературе сохраняются значительные расхождения относительно анализа показателей такого типа, например английского *almost*. В этом разделе, не вдаваясь в сравнение подходов, я постараюсь обозначить основные эмпирические свойства *почти* и *almost*, ограничивающие множество возможных подходов к анализу, и предложить схематичный анализ, достаточный для того, чтобы учитывать эти показатели в дальнейших обсуждениях.

В отличие от показателей *только* и *даже*, *почти* не может ассоциироваться с фокусным элементом дистантно (264), (265).

- (264) a. Только если ты решишь ДЕСЯТЬ задач, ты получишь зачет.
 b. Даже если ты решишь ДЕСЯТЬ задач, ты не получишь зачет.
 c. *Почти если ты решишь ДЕСЯТЬ задач, ты (не) получишь зачет.
- (265) a. Если только ты решишь ДЕСЯТЬ задач, ты получишь зачет.
 b. Если даже ты решишь ДЕСЯТЬ задач, ты не получишь зачет.
 c. *Если почти ты решишь ДЕСЯТЬ задач, ты (не) получишь зачет.

Как показано в Morzycki (2001), английский модификатор *almost* всегда присоединяется на левой периферии модифицируемой составляющей ХР. С другой стороны, и *even*, и *only* в английском могут сочетаться с фокусным элементом F дистантно:

- (266) Bill even got the gold_F medal. (Greenberg 2018:52)
- (267) a. Mary read only one_F book.
 b. Mary only read one_F book. (Hirsch and Wagner 2019:165)

Можно предположить, что ограничения на дистрибуцию *почти/almost*, проиллюстрированные в (264) и (265) носят чисто синтаксический характер. Однако даже в грамматичных предложениях в фокусе должен находиться непосредственный комплемент *почти/almost*. Пример (268) совместим с двумя типами ситуаций (268-a) и (268-b)⁸⁰. Я предполагаю, что в обоих случаях истинность (268) обусловлена тем, что была почти достигнута ситуация ‘я встретился с десятью главами штатов’, обозначаемая фокусной составляющей. В примере (269) возможна только одна интерпретация, в соответствии с которой должна быть истинна какая-то альтернатива типа ‘я встретился с N главами штатов’ (где N близко к 10). Я предполагаю, что это связано с

⁸⁰ Суждения по поводу истинности англоязычных примеров (268) и (269) в указанных ситуациях взяты из McKenzie and Newkirk (2020). По моим суждениям, русскоязычные варианты, указанные в интерпретациях этих примеров, сохраняют обсуждаемый контраст.

тем, что альтернативы вводятся не всей глагольной группой, а только группой числительного в фокусе⁸¹.

(268) I almost [met ten heads of state]. (McKenzie and Newkirk 2020)

‘Я почти встретился с десятью главами штатов.’

- a. истинно, если говорящий встретился только с девятью главами
- b. истинно, если говорящий не встретился ни с кем, потому что, например, его машина сломалась по дороге

(269) I met almost [ten heads of state]. (McKenzie and Newkirk 2020)

‘Я встретился с почти десятью главами штатов.’

- a. истинно, если говорящий встретился только с девятью главами
- b. ложно, если говорящий не встретился ни с кем, потому что, например, его машина сломалась по дороге

Таким образом, вопреки Penka (2011); Kilbourn Ceron (2017) и следуя Morzycki (2001); Spector (2014) я буду предполагать, что *почти/almost* – модификатор той составляющей, к которой он примыкает, а не пропозициональный оператор. Иными словами, *почти* не совершает скрытого передвижения в позицию, в которой его комплментом становится вся пропозиция (хотя *почти* может передвигаться вместе с той составляющей ХР, к которой он примыкает).

Предположение о том, что *почти* не совершает скрытых передвижений подтверждается и контрастами с *даже* в отрицательных предложениях. Как уже было показано в разделе 3.1.3, *даже* может иметь нестандартно широкую сферу действия. Например, в обоих предложениях в (270) *даже* интерпретируется над отрицанием (в результате чего отрицание в ходе деривации попадает в альтернативы и, соответственно, в пресуппозицию).

(270) a. E [Петя не решил даже ОДНУ задачу].

rsp: неверно, что Петя решил 1 задачу (или больше) \triangleleft неверно, что Петя решил n задач (или больше)⁸²

b. E [Я не думаю, что Петя решил даже ОДНУ задачу].

rsp: я не думаю, что Петя решил 1 задачу (или больше) \triangleleft я не думаю, что Петя решил n задач (или больше)

Однако *почти* вместе с фокусной составляющей может интерпретироваться над отрицанием только в простом предложении (271-а). Невозможность широкой сферы действия тривиально объясняется ограничением на возможность передвижения составляющей [*почти десять задач*

⁸¹ Анализ *almost* и в частности этих примеров в статье McKenzie and Newkirk (2020) существенно отличается от всех стандартных теорий, и я не обсуждаю его здесь по соображениям объема.

⁸² Нетрудно проверить, что эта пресуппозиция соблюдается независимо от контекста, см. приложение 3). Соответственно, будучи собственным подмножеством, левая ситуация менее вероятна независимо от контекста. Это рассуждение распространяется на все случаи, когда альтернативы отличаются элементами шкал.

] за пределы клаузы⁸³.

- (271) а. Петя не решил почти 10 задач. (А именно, целых восемь.)
 \exists почти 10 $>$ \neg : ‘Существует почти десять задач таких, что Петя не решил их.’
 б. Я не думаю, что Петя решил почти 10 задач.
 1. $\neg > \exists$ почти 10: ‘Я не думаю, что существует почти 10 задач таких, что Петя их решил.’
 2. $*\exists$ почти 10 $> \neg$: ‘Существует почти 10 задач таких, что я не думаю, что Петя решил их.’

Как и в русском, в английском *even* может иметь широкую сферу действия относительно матричного отрицания (272), а *almost* – нет (273). При этом, в английском отрицательные предложения с *almost* могут быть неграмматичны, что в Spector (2014) объясняется тем, что *almost* является PPI. Я возвращаюсь к вопросу о положительной полярности *almost* ниже.

- (272) (ситуация: Билла обвиняют в убийстве, но я уверен, что он невиновен, более того:)
 I refuse to believe that Bill even slapped_F that man. (Gast and Van der Auwera 2011:12)
 а. $even > refuse$: ‘Я отказываюсь верить даже в то, что Билл ударил этого человека.’
 б. psp : я отказываюсь верить, что Б. ударил \triangleleft я отказываюсь верить, что Б. убил
 (273) ??I don't think that Mary solved almost all of the problems on time. (Spector 2014:30)

Рассмотрим семантику *почти*. Большинство исследователей выделяют два компонента семантики у показателей такого типа – аппроксимативный и отрицательный (274). Статус отрицательного компонента остается предметом дискуссий: некоторые авторы рассматривают его как часть ассерции (Morzycki 2001; Penka 2011; Kilbourn Ceron 2017), другие как импликатуру (Sadock 1981; Spector 2014), а третьи как пресуппозицию (Падучева 2013:250).

- (274) семантика [*почти/almost* ϕ] (набросок анализа)
 а. отрицательный компонент Neg(ation): $\neg\phi$
 б. аппроксимативный компонент Prox(imity): существует альтернатива ϕ' , которая близка к ϕ и истинна

Следуя Spector (2014), я предполагаю, что отрицательный компонент – импликатура, порождаемая оператором O (см. раздел 3.1.2). Этот анализ объясняет, почему, с одной стороны, от-

⁸³ Невозможность или затрудненность второй интерпретации в (271-b) выглядит загадочной, если предполагать, что неопределенные ИГ могут иметь неограниченно широкую сферу действия, как, например, предсказывается анализом, использующим функции выбора, см. обзор подобных подходов в Schwarz (2011). Поскольку в данном случае основной интерес представляет эмпирическое обобщение о том, что *даже* может иметь широкую сферу действия относительно дистантного отрицания, а *почти* – нет, я оставляю обсуждение этого вопроса в стороне.

рицательный компонент присутствует достаточно устойчиво, и в то же время не всегда⁸⁴. Еще одно преимущество этого анализ состоит в том, что сама по себе семантика *почти* упрощается и перестает быть конъюнктивной. В денотате *почти* присутствует только аппроксимативный компонент (274-b), а отрицательный появляется благодаря отрицанию альтернативной деривации, в которой нет *почти*.

Анализ Spector (2014:34) кратко изложен в (275) с важным изменением в пункте (275-a).

- (275) a. $[[\text{почти } \phi_n]] = [[\phi_{n-1}]]$ и $n > 1$ (иначе $[[\text{почти } \phi_n]] = \#$)
 b. $[[\text{почти } \phi_n]]$ вводит альтернативу $[[\phi_n]]$. Учитывая (275-a), множество альтернатив выглядит так: $\{ [[\phi_{n-1}]], [[\phi_n]] \}$
 c. В какой-то момент деривации стандартный оператор O применяется к этому множеству альтернатив

В отличие от большинства других исследователей, в т. ч. Spector (2014), я предполагаю, что аппроксимативный компонент *почти* “видит” не просто близкие альтернативы ϕ , а только нижестоящие на шкале близкие альтернативы ϕ . В (275-a) я для простоты предполагаю, что $[[\text{почти } \phi_n]]$ буквально эквивалентно ближайшей нижестоящей альтернативе, на что указывают индексы n и $n-1$ ⁸⁵. Хотя этот анализ, скорее всего, сильно упрощен, он делает анализ *почти* максимально лаконичным и позволяет игнорировать в дальнейшем тонкости степенной семантики⁸⁶.

Кроме того, можно заметить, что как такового отрицательного компонента у *почти* нет. Он возникает как обязательная импликатура при применении оператора O к множеству альтернатив, создаваемых *почти* (Spector 2014). Я рассматриваю вопрос о том, обязательно ли присутствие в деривации оператора O , порождающего эту импликатуру, в следующем разделе.

В качестве примера рассмотрим два предложения с *почти*, отличающихся наличием отрицания. В (276) утверждается ассерция *Петя решил чуть менее 10 задач* и отрицается (благодаря оператору O) альтернатива *Петя решил (по меньшей мере) 10 задач*, что дает фактическую интерпретацию.

- (276) $O [p \text{ Петя решил почти 10 задач }]$.

⁸⁴ Например предложение *если Петя решит почти десять задач, его возьмут на мехмат* не интерпретируется так, что Петю возьмут, если он решит почти 10, но не ровно 10 задач. Обсуждение подобных предложений см. в Kilbourn Segon (2017), хотя предлагаемый там анализ отличается от принимаемого в этой работе.

⁸⁵ Более правильным представляется такой денотат: $[[\text{почти } \phi_n]]$ = $[[\phi_{n-1}]]$ $\vee \dots \vee [[\phi_{n-k}]]$, где k – достаточно небольшое натуральное число и $k \leq n$. Этот анализ делает доступными несколько ближайших нижестоящих альтернатив, что в большей степени соответствует интуициям по поводу семантики *почти*.

⁸⁶ Очевидную сложность для этого анализа, как и для других скалярных/степенных анализов, представляют случаи, когда *почти* присоединяется к глаголам: *Петя почти забрался на гору*. Эти случаи легко объяснимы при модальном анализе *почти* (Nouwen 2006), а в скалярном/степенном анализе требуют предположения, что у глаголов, способных присоединять *почти*, есть степенной аргумент (Spector 2014:35). Я оставляю обсуждение этого вопроса на будущее. Далее в этой работе я буду рассматривать только случаи, когда *почти* присоединяется к скалярным элементам.

- a. $\text{Alt}(p) = \{ \text{Петя решил 9 задач}^{87}, \text{Петя решил 10 задач} \}$
 b. $\llbracket O p \rrbracket = \text{П. решил 9 задач} \ \& \ \text{неверно, что П. решил (по меньшей мере) 10 задач.}$

В отрицательном предложении (277) составляющая [*почти 10 задач*] передвигается в позицию над отрицанием, в остальном деривация не отличается от (276) (ничто не мешает предположить, что такое же передвижение происходит и там, но в отсутствие отрицания оно не влияет на интерпретацию). Причины этого передвижения обсуждаются в следующем разделе. Предваряя это обсуждение, скажу, что практически любые составляющие в позиции объекта по крайней мере могут интерпретироваться над отрицанием, а чаще такая интерпретация либо предпочтительна, либо единственна.

- (277) $O [p \text{ Петя не решил почти 10 задач }]$
 $= O [p [k \text{ почти 10 задач }] \lambda_k [\text{Петя не решил } t_k]]$
 ‘Существует почти 10 задач таких, что Петя не решил их.’
- a. $\llbracket p \rrbracket = \lambda P. \exists x [9(x) \ \& \ \text{задача}(x) \ \& \ P(x)] (\lambda_k [\text{Петя не решил } k])$
 b. $\text{Alt}(p) = \{ (277\text{-a}), \lambda P. \exists x [10(x) \ \& \ \text{задача}(x) \ \& \ P(x)] (\lambda_k [\text{Петя не решил } k]) \}$
 c. $\llbracket O p \rrbracket = \text{существует 9 задач таких, что П. их не решил} \ \& \ \text{не существует 10 задач таких, что П. их не решил (например, из 30 задач П. решил 21 и не решил 9)}$

В завершение этого раздела я покажу, почему аппроксимативный/скалярный компонент *почти* учитывает только нижестоящие на шкале альтернативы (275-а). В (278) я предполагаю, что составляющая [*почти 10 задач*] не совершает передвижения и интерпретируется как *11 задач*. В этом случае у предложения возникает несуществующая интерпретация, указанная в (278-б). Причина в том, что в ходе деривации в альтернативы попадает отрицание. В результате, когда оператор *O* отрицает альтернативу без *почти*, т. е. *Петя не решил 10 задач*, двойное отрицание дает утверждение *Петя решил 10 задач*.

- (278) $O [p \text{ Петя не решил почти 10 задач }]$ (несуществующая интерпретация)
- a. $\text{Alt}(p) = \{ \text{Петя не решил 11 задач, Петя не решил 10 задач} \}$
 b. $\llbracket O p \rrbracket = * \text{Петя не решил (по меньшей мере) 11 задач} \ \& \ \text{неверно, что Петя не решил (по меньшей мере) 10 задач} = \text{Петя решил ровно 10 задач}$

В частности, носители признают дискурс в (279) противоречивым. Если допустить, что 12 может рассматриваться в качестве близкой альтернативы 10 (и, соответственно, *почти 10* может означать *12*), то предсказывается непротиворечивость этого дискурса, поскольку первое предложение в нем должно означать ‘Петя не решил (по меньшей мере) 12 задач, но он решил (по меньшей мере) 10 задач’ (для проверки достаточно заменить 11 на 12 в (278)).

⁸⁷ Представляется необходимым повторить, что утверждаемая альтернатива (= ассерция) в данном случае скорее должна означать ‘Петя решил чуть меньше 10 задач’, но для простоты я использую конкретную ближайшую нижестоящую альтернативу фокусного элемента.

(279) Петя не решил почти 10 задач. #Если быть точным, он решил 11 задач.

Предположение о том, что составляющая [*почти 10 задач*] должна обязательно передвигаться в позицию над отрицанием, исключая появление интерпретаций типа (278-b), не спасает теорию, допускающую использование вышестоящих альтернатив. Во-первых, в этом случае передвижение в позицию над отрицанием делает добавление *О* незначимым, что может быть проблемой (см. раздел 3.2.5). Во-вторых, в этом случае возникает другая несуществующая интерпретация ('есть 11-12 задач таких, что Петя их не решил'). В-третьих, при нахождении отрицания в подчиняющей клаузе составляющая [*почти 10 задач*] не может передвинуться в позицию выше него (271-b) и должна интерпретироваться в его сфере действия. Соответственно, в этом случае неизбежно должна возникать интерпретация типа указанной в (278-b). Например, предложение *я не думаю, что Петя решил почти 10 задач* получит несуществующую интерпретацию 'я не думаю, что Петя решил 11 задач, и допускаю, что Петя решил 10 задач' (в результате отрицания альтернативы *я не думаю, что Петя решил 10 задач*).

Тот факт, что аппроксимативный/скалярный компонент *почти* использует только нижестоящие на шкале альтернативы будет использован мной в разделе 4.3.2 в качестве аргумента в пользу универсальной квантификации русских отрицательных местоимений. В следующем разделе я рассматриваю взаимодействие отрицания с фокусными операторами и именными группами, используя определения и подходы к анализу, представленные в этом разделе.

3.2. Положительная полярность

3.2.1. Семантика неопределенных ИГ и местоимений

Прежде чем перейти к обсуждению взаимодействия именных групп с отрицанием, необходимо описать их семантику. В предыдущем разделе я имплицитно предполагал, что именные группы в русском языке, в т. ч. содержащие числительные, являются экзистенциальными кванторами (277). Рассмотрим части этого анализа по отдельности.

Я буду предполагать, что числительные имеют тот же семантический тип, что и другие именные выражения – тип предиката или свойства $\langle e, t \rangle$ (Chierchia 1985; Landman 2003; Rothstein 2013). Например, $[[\text{два}]](x)$ означает, что x – множественный индивид, состоящий из двух атомарных частей, что я буду обозначать как $2(x)$. В пользу того, что числительные сами по себе не являются детерминаторами свидетельствует их сочетаемость с кванторами и неопределенными местоимениями (280) и возможность генерических интерпретаций (281). Как показано в (281), добавление неопределенного местоимения лишает ИГ возможности генерической интерпретации. (Критику анализа числительных как детерминаторов см. также в Bylinina and Nouwen (2020:2-5).)

(280) Каждые/какие-то два студента сыграли друг с другом.

(281) Один/#какой-то человек здесь легко поместится.

В принципе, ничто не мешает предположить, что числительные обозначают объекты особого семантического типа – степени, формирующие упорядоченную шкалу. При необходимости степень n можно отобразить в свойство типа $\langle e, t \rangle$, т. е. множество индивидов, обладающих мощностью n , что даст семантику эквивалентную описанной в предыдущем абзаце (Bylinina and Nouwen 2020:7-10). Поскольку в дальнейшем рассматривать числительные как степени не понадобится, я принимаю более простой анализ, описанный в начале этого раздела.

Таким образом, сами по себе ИГ типа *три студента* обозначают свойства (= множества индивидов): $\lambda x. \exists(x) \ \& \ \text{студент}(x)$. Если к подобной ИГ не присоединяется выраженный детерминатор, например *каждые* или *какие-то* (280), то к ней присоединяется скрытый артикль. В работе Heim (2011) выдвигается предположение, что в безартиклевых языках типа русского этот артикль всегда неопределенный. Я буду предполагать, что и выраженные детерминаторы *какой-то*, *некоторый* и скрытый неопределенный артикль интерпретируются как экзистенциальные кванторы (282). Скорее всего, на самом деле, между всеми ними есть различия, которые я в дальнейшем игнорирую.

- (282) a. $[[\emptyset_{\text{indef}} \text{ три студента }]] = \lambda Q. \exists x: \exists(x) \ \& \ \text{студент}(x) \ \& \ Q(x)$
 b. $[[\text{какие-то три студента}]] = \lambda Q. \exists x: \exists(x) \ \& \ \text{студент}(x) \ \& \ Q(x)$

Этот анализ подтверждается, а точнее, по крайней мере, не опровергается экспериментальными данными (Šimík and Demian 2020). В работах Geist (2010); Borik (2016); Seres (2020) предлагаются различные варианты этого анализа, объясняющие, например, квази-определенные интерпретации ИГ в позиции предглагольного субъекта (например, *кошка спит на ковре* vs *на ковре спит кошка*). Существует и противоположный этому анализ, в котором “голые” ИГ в безартиклевых языках не могут быть неопределенными. Они либо определенные, либо реферируют к классам, либо инкорпорируются в глагол (Dayal 2004, 2018). Я возвращаюсь к этому варианту анализа в разделе 3.4.4.

3.2.2. Положительная полярность

Многие неопределенные ИГ в простых предложениях интерпретируются строго над отрицанием, т. е. являются PPI (при нейтральной интонации и в повествовательном, не эхо-контексте). Например, английские местоимения и ИГ с *some* (283) – возможно, наиболее известный пример PPI (Szabolcsi 2004; Homer 2011, 2021).

- (283) John didn't understand something.
 1. $\exists > \neg$: ‘Джон что-то не понял.’
 2. $*\neg > \exists$: ‘Джон ничего не понял.’ (Homer 2011:13)

В русском языке над отрицанием интерпретируются местоимения на *-то* (284), ИГ с модификатором *некоторый* (285) и голые ИГ (286).

- (284) Петя не заметил кого-то из своих одноклассниц. (Yanovich 2005:313)
 1. $\exists > \neg$: ‘Среди одноклассниц Пети есть такая, которую он не заметил.’
 2. $*\neg > \exists$: ‘Среди одноклассниц Пети нет такой, что Петя ее заметил.’
- (285) Петя не заметил некоторых одноклассниц.
 1. $\exists > \neg$: ‘Среди одноклассниц Пети есть такие, которых он не заметил.’
 2. $*\neg > \exists$: ‘Среди одноклассниц Пети нет таких, что Петя их заметил.’
- (286) Петя не решил треть заданий.
 1. $\exists > \neg$: ‘Треть заданий таковы, что Петя не решил их.’
 2. $*\neg > \exists$: ‘Петя решил меньше трети заданий.’

Кроме того, как уже было сказано в разделе 3.1.4, составляющие типа *почти/almost XP* также не могут интерпретироваться под отрицанием.

- (287) Mary didn't solve (??almost) all of the problems on time. (Spector 2014:30)
- (288) Петя не решил почти 10 задач.
 1. \exists почти 10 $> \neg$: ‘Существует почти 10 задач таких, что Петя не решил их.’
 2. $*\neg > \exists$ почти 10: ‘Неверно, что Петя решил почти 10 задач (например, он решил не больше 6).’

Таким образом, все эти составляющие в определенном смысле являются РРІ. Все они могут узкую сферу действия при контрастивном отрицании (т. е. при уточнении/опровержении предшествующего или предполагающегося истинным высказывания), что сопровождается маркированной интонацией. Эти случаи, относимые к “металингвистическому” отрицанию (Horn 2001), обсуждаются в следующем разделе.

Нельзя не отметить, что ИГ, модифицируемые местоимением *какой-то* все же могут интерпретироваться под отрицанием (289). В подобных предложениях *какой-то* можно заменить на *какой-либо*. Эти примеры можно рассматривать как аргумент против строгой положительной полярности *то*-местоимений или как аргумент в пользу существования релевантных семантических различий между собственно *то*-местоимениями и именными группами с *то*-модификаторами. В дальнейшем я не буду обсуждать этот контраст.

- (289) а. [...] человека не могут унижать какие-то внешние факторы — важно, чтобы он сам себя не чувствовал униженным
 [НКРЯ; И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)]
 б. [...] их тайные союзы не обязывали их следовать какой-то “партийной линии”
 [НКРЯ; Дмитрий Лихачев. О русской интеллигенции (1993)]

Наконец, над отрицанием интерпретируются и скалярные частицы типа *даже*:

- (290) Петя не читал даже “Бесов”. (даже $> \neg$, $*\neg >$ даже)
- a. ассерция: Петя не читал “Бесов”.
 - b. psp : не (про)читать “Бесов” – маловероятное положение вещей (т. е., от человека обычно ожидается, что он читал “Бесов”).
 - c. $*\text{psp}$: прочесть “Бесов” – маловероятное положение вещей (т. е., мало кто читал “Бесов”)
- (291) The Dean didn't invite even Bill. (Giannakidou 2007:41)
1. ‘Декан не пригласил Билла & неприглашение Билла – маловероятная ситуация.’
 2. $*\text{psp}$: Декан не пригласил Билла & приглашение Билла – маловероятная ситуация.’
- a. psp : декан не пригласил Билла \triangleleft декан не пригласил x ($x \neq$ Билл)
 - b. $*\text{psp}$: декан пригласил Билла \triangleleft декан пригласил x ($x \neq$ Билл)

Ниже я рассмотрю три варианта объяснения широкой сферы действия именных групп и *почти/almost* в нейтральных контекстах, после чего отдельно рассмотрю *даже/even*.

3.2.3. Синтаксическое передвижение

С учетом принятого анализа, в котором неопределенные ИГ являются экзистенциальными кванторами (а не, например, референциальными выражениями), их интерпретация определяется позицией в синтаксической структуре. Соответственно, для того, чтобы интерпретироваться над отрицанием, ИГ и местоимения должны совершать синтаксическое передвижение в позицию над ним. Можно предположить, что это передвижение, во-первых, обязательно и, во-вторых, не допускает реконструкцию в исходную позицию, что исключает узкую сферу действия. В случае с некоторыми местоимениями, например, *то*-местоимениями, это предположение подтверждается тем, что для них предпочтительна предглагольная позиция (292).

- (292) a. Петя { что-то знает / ?знает что-то }.
- b. Петя { кого-то не пригласил / ?не пригласил кого-то }.

Кроме того, в пользу этого анализа говорит и то, что при нахождении отрицания в подчиняющей клаузе *то*-местоимения интерпретируются под ним (293). Если предположить, что интерпретация с широкой сферой действия в (293-а) обусловлена исключительно обязательным синтаксическим передвижением, а не какими-то семантическими ограничениями, это автоматически предсказывает узкую сферу действия в тех случаях, когда передвижение в позицию выше отрицания невозможно (293-b).

- (293) a. Петя не заметил кого-то из своих одноклассниц.
 $\exists > \neg$: ‘Среди одноклассниц Пети есть такие, которых он не заметил.’
- b. Я не думаю, что Петя заметил кого-то из своих одноклассниц.
 $\neg > \exists$: ‘Я не думаю, что среди одноклассниц Пети есть такие, которых он заметил’

У этого анализа, однако, есть и очевидные недостатки. В (294-а) ИГ *одна задача* интерпретируется над отрицанием. Однако при добавлении *даже* она остается в сфере действия отрицания (294-b). Если бы передвижение в (294-а) было бы обязательным, то пример (294-b) не имел бы фактической интерпретации (и вообще был бы аномальным).

- (294) а. Петя не решил одну задачу.
 $\exists > \neg$: ‘Есть одна задача такая, что Петя ее не решил.’
 б. Петя не решил даже ОДНУ задачу.
 $\neg > \exists$: ‘Петя не решил ни одной задачи.’

Английские местоимения и ИГ с *some*, считающиеся классическими PPI (Szabolcsi 2004; Homer 2011, 2021), в ряде случаев остаются в сфере действия отрицания, например в протасисе условного предложения (295).

- (295) If we don't call someone, we are doomed.
 if $> \neg > \exists$: ‘Если мы никого не позовем, мы обречены.’ (Szabolcsi 2004:418)

Таким образом, я предполагаю, что реконструкция объектной ИГ в исходную позицию (или вообще отсутствие передвижения из нее) возможна. Соответственно, необходимо какое-то объяснение тому, что в простых примерах типа (283)-(288) узкая сфера действия запрещена.

3.2.4. Конкуренция с NPI

Единицы с отрицательной полярностью всегда интерпретируются с узкой сферой действия относительно оператора, создающего лицензирующий контекст, например отрицания. В Barker (2018) выдвигается предположение, что функция NPI – маркировать интерпретацию с узкой сферой действия в контекстах, где она не имплицитруется интерпретацией с широкой сферой действия. Если исходить из того, что и неопределенные ИГ, и NPI – экзистенциальные кванторы (Chierchia 2013), то при сохранении узкой сферы действия относительно отрицания они должны интерпретироваться одинаково. Соответственно, можно предположить, что поскольку NPI допускают только узкую сферу действия (т. е. более специализированы) они выигрывают конкуренцию и исключают такую интерпретацию у неопределенных ИГ.

В принципе, случаи когда одно выражение исключается из определенных контекстов только вследствие конкуренции с другим выражением достаточно многочисленны. Например, в английском универсальные кванторы с *every* и *each* маргинальны в позиции субъекта в простых предложениях с отрицанием Beghelli and Stowell (1997:94-77); Zeijlstra (2004:76-78). При этом, по данным Zeijlstra (2004:76-77), у (296-а) возможны две интерпретации: ‘никто не ушел’ и ‘не каждый ушел’. По моей интуиции, русское предложение (297) также неидеально, а его интерпретация зависит от интонации.

- (296) а. ??Every boy didn't leave.

b. ??Each boy didn't leave. (Beghelli and Stowell 1997:95)

(297) ?Каждый студент не ушел.

Естественное объяснение неидеальности (296) и (297) состоит в том, что (i) эти предложения двусмысленны; (ii) любую из двух возможных интерпретаций можно передать без двусмысленности, используя другую лексику⁸⁸. Например, однозначную интерпретацию $\forall\neg$ имеет предложение *никто не ушел*, а $\neg\forall$ – предложения *не каждый студент ушел*, *некоторые/какие-то студенты не ушли*.

Прагматическая теория, объясняющая девиантность (296) и (297) конкуренцией с однозначными альтернативами, подкрепляется и тем, что при добавлении дополнительных кванторов эти предложения улучшаются. Предложения в (298) имеют только одну интерпретацию, которую нельзя воспроизвести без универсального квантора. Более того, у русского предложения (299) нет синонимичного варианта с *ни*-местоимением, поскольку в простых предложениях они “примыкают” к отрицанию в интерпретации (299) (о том, почему так происходит, см. раздел 4.3.2 и приложение 1).

(298) a. Every boy didn't read one book. (Beghelli and Stowell 1997:96)

‘Каждый мальчик не прочитал одну книгу.’ $(\forall > \exists > \neg)$

b. Каждый мальчик не прочитал хотя бы одну книгу. $(\forall > \exists > \neg)$

(299) Никто не решил 3 задачи.⁸⁹

* $\forall > \exists > \neg$: ‘Каждый не решил по 3 задачи.’

Еще одно явление, которое может быть объяснено конкуренцией – маргинальность русских местоимений на *-либо* в простых отрицательных предложениях. На семантической карте русских местоимений Haspelmath (1997:65) серия на *либо*- охватывает несколько стандартных контекстов лицензирования NPI, но не покрывает прямое отрицание (300) (т. е. глагольное отрицание в простом предложении) – единственный контекст, в котором разрешены местоимения *ни*-серии.

(300) a. Я не видела *кого-либо/никого. (Partee 2005:9)

b. Он не увидел *кого-либо/никого. (Падучева 2013:225)

Можно было бы предположить, что недопустимость *либо*-местоимений в этом контексте имеет какие-то синтаксические или семантические причины, однако в действительности запрет, проиллюстрированный в (300), вопреки мнению некоторых авторов (Partee 2005:9), не абсолютен. Нетрудно найти простые отрицательные предложения с *либо*-местоимениями (301).

⁸⁸ В Beghelli and Stowell (1997) и Zeijlstra (2004:76-78) предлагаются разные варианты синтаксического объяснения этого явления.

⁸⁹ Я предполагаю, что *ни*-местоимения интерпретируются как универсальные кванторы (раздел 4.3). Если они интерпретируются экзистенциально, как предполагается большинством авторов, то указанная в (299) интерпретация исключается автоматически.

- (301) а. Не постигает кого-либо беда, кроме как по дозволению Всевышнего.
[НКРЯ; Шамиль Аляутдинов. Мусульмане: кто они? (1997-1999)]
б. Я не намерен что-либо менять. (Падучева 2013:224)

Таким образом, как и в обсуждавшемся выше случае универсальных кванторов, мы имеем дело с нестрогим ограничением, которое, по моему мнению, лучше всего объясняется конкуренцией.

Последнее явление, на котором я остановлюсь – конкуренция выражений с разными пресуппозициями. Например, предложение (302-а) истинно ('существует x , x – солнце и x светит'), но оно проигрывает конкуренцию предложению (302-б), которое отличается более сильной пресуппозицией (единственности солнца), проецируемой определенным артиклем. Аналогично, (303-а) проигрывает (303-б), поскольку у него нет пресуппозиции, что глаз всего два. Для объяснения подобных случаев в Heim (1991) был предложен принцип Maximize Presupposition!, запрещающий использование выражения, если есть контекстно эквивалентное ему выражение с более сильными пресуппозициями.

- (302) а. #A sun is shining.
б. The sun is shining. (Singh 2011:50)
- (303) а. #Все глаза Пети открыты.
б. Оба глаза Пети открыты.

В целом, рассмотренные три явления представляются неоднородными. Например, в случае с универсальными кванторами и *либо*-местоимениями в отрицательных предложениях некоторые потенциально пробелмные предложения выглядят вполне допустимыми (301). Принципы, ограничивающие дистрибуцию в этих трех случаях, могут быть разными, однако у них есть сходство – наличие эквивалентной по значению альтернативы, обладающей неким преимуществом (отсутствием двусмысленности, более сильной пресуппозицией).

Хотя этот анализ опирается на естественные и не нуждающиеся в независимом обосновании допущения о конкуренции, у него есть и свои недостатки. Например, в некоторых случаях *либо*-местоимения (NPI) и *то*-местоимения (не NPI) могут появляться в одном и том же контексте с одной и той же интерпретацией. Конкуренция должна исключать возможность второй интерпретации в (304-а), поскольку у аналогичного предложения с более специализированным местоимением на *-либо* есть только эта интерпретация (304-б)⁹⁰.

⁹⁰ Первая интерпретация в (304-а) выглядит проблематичной с учетом предположения о том, что неопределенные местоимения – экзистенциальные кванторы (раздел 3.2.1), поскольку требует исключительного передвижения, которое обсуждалось и было исключено мной в случае *даже* в разделе 3.1.3. Широкая сфера действия неопределенных местоимений и ИГ представляет отдельный, очень обширный и дискуссионный вопрос, на котором я не буду останавливаться в этой работе. Одно из возможных объяснений первой интерпретации в (304-а) выглядит так: домен квантификации квантора сужается до одного индивида, что эквивалентно неограниченно широкой сфере действия (Schwarzschild 2002). Конечно, у этого анализа есть недостатки, см. обсуждение в Heim (2011); Schwarz (2011).

- (304) a. Петя будет счастлив, если кто-то сможет сдать экзамен. (Yanovich 2005:311)
 1. $\exists >$ если: ‘Есть какой-то человек x такой, что П. будет счастлив, если x сдаст.’
 2. если $> \exists$: ‘Петя будет счастлив, если найдется такой человек, который сдаст.’
 b. Петя будет счастлив, если кто-либо сможет сдать экзамен.
 если $> \exists$: ‘Петя будет счастлив, если найдется такой человек, который сдаст.’

Кроме того, в некоторых случаях неопределенные ИГ могут интерпретироваться в сфере действия отрицания наравне с NPI, например, английские ИГ с a (305).

- (305) a. John didn't read a book.
 1. $\neg > \exists$: ‘Джон не прочитал ни одной книги.’
 2. $\exists > \neg$: ‘Есть книга x такая, что Петя ее не прочитал.’ (Dayal 2004:398)
 b. John didn't read any book.
 $\neg > \exists$: ‘Джон не прочитал ни одной книги.’

У меня нет предположений, как можно объяснить примеры типа (304) и (305) в теории, опирающейся исключительно на конкуренцию. В следующем разделе я рассмотрю третий, более формальный вариант анализа, который, во-первых, выводит положительную полярность из независимых допущений и, во-вторых, потенциально может объяснить контраст между (284), где возможна только одна интерпретация, и (304-а), где возможны две интерпретации.

3.2.5. Обязательные импликатуры

В Magri (2009) выдвигается предположение (306), которое принимается и отстаивается в некоторых последующих работах, например Bassi et al. (2021).

- (306) Обязательность O
 Оператор O / Exh обязателен в матричных клаузах. (Magri 2009:261)

В теории Magri (2009) это предположение призвано объяснить недопустимость предложений типа (307) (см. также обсуждение подобных примеров в контексте пресуппозициональной теории O в Bassi et al. 2021). Хотя сами по себе эти предложения грамматичны и непротиворечивы, они порождают скалярную импликацию, приводящую к аномальной интерпретации, например ‘Джон иногда, но не всегда высокий’ или ‘некоторые, но не все итальянцы происходят из жаркой страны’. Эта импликация порождается оператором O (раздел 3.1.2), который обязательно присутствует в структуре (306), что делает предложения (307) неизбежно странными.

- (307) a. #Some Italians come from a warm country. (Magri 2009:246)
 b. #John is sometimes tall. (Magri 2009:247)

Второе допущение, релевантное для дальнейшего обсуждения – ограничение на дистрибуцию

О (308) (различные варианты формулировки этого ограничения подробно обсуждаются в Fox and Spector (2018), я принимаю простой вариант из Spector (2014)).

- (308) Содержательность О
 Вхождение О в предложении S не лицензируется, если $S' \Rightarrow S$,
 где S' – предложение, отличающееся от S отсутствием О. (Spector 2014:20)

Из (308) следует, что если О не влияет на интерпретацию предложения, то О не лицензируется (поскольку, если условия истинности S' и S одинаковы, то $S' \Rightarrow S$). Из обязательности О (306) следует, что предложения, в которых О не может повлиять на интерпретацию, неграмматичны/аномальны, что объясняет положительную полярность, как будет показано ниже⁹¹.

Экзистенциальный квантор вводит (более сильную) универсальную альтернативу (309-а). При отрицании эта альтернатива из сильной обращается в слабую – утверждаемая альтернатива имплицитно ее (309-б). Соответственно эта альтернатива не входит во множество Excl(p) (ее отрицание привело бы к противоречию). Таким образом, множество Excl(p) пусто (309-с), и добавление О не влияет на интерпретацию (309-d). В результате такая деривация исключается ограничением (308).

- (309) *О [p Петя не пригласил кого-то].
- Alt(p) = { $\neg\exists x$ [Петя пригласил x], $\neg\forall x$ [Петя пригласил x] }
 - $\neg\exists x$ [Петя пригласил x] \Rightarrow $\neg\forall x$ [Петя пригласил x]
 - Excl(p) = \emptyset
 - O(p) \Leftrightarrow p

При широкой сфере действия экзистенциального квантора вклад О нетривиален. Поскольку отрицание попадает в сферу действия квантора, универсальная альтернатива остается более сильной (310-б). Соответственно, ее можно отрицать, т. е. множество Excl(p) непусто (310-с). Отрицание альтернативы порождает импликацию, которая собственно и обнаруживается в фактической интерпретации (310-d).

- (310) О [p Петя не пригласил кого-то].
 = О [p кого-то_k λ_k [Петя не пригласил t_k]]
- Alt(p) = { $\exists x$ [Петя не пригласил x], $\forall x$ [Петя не пригласил x] }
 - $\exists x$ [Петя не пригласил x] $\not\Rightarrow$ $\forall x$ [Петя не пригласил x]

⁹¹ Очевидно, сочетание (306) и (308) порождает проблему в случае предложений типа *Петя решил все задачи* и *Петя пришел*, у которых нет отрицаемых альтернатив. Соответственно, либо (306), либо (308) нуждается в переформулировке. Например, можно предположить, что (308) работает только в предложениях, допускающих более одной интерпретации, где исключает структурный анализ (и вытекающую из него интерпретацию) с несодержательным О. Так или иначе, я вынужден проигнорировать эту проблему, поскольку предложения типа *Петя пришел* здесь не обсуждаются и в целом не представляют самостоятельного интереса в контексте фокуса и скалярных импликаций.

- c. $\text{Excl}(p) = \{ \forall x[\text{Петя не пригласил } x] \}$
 d. $\text{O}(p) = \text{Петя кого-то не пригласил} \ \& \ \neg$ (для каждого x , Петя не пригласил x)
 $= \text{Петя кого-то не пригласил} \ \& \ \text{Петя кого-то пригласил}$

Рассуждение, аналогичное представленному выше, используется в Spector (2014) для объяснения положительной полярности английского *almost* (287). В (277) мной был представлен пример деривации предложения с *почти* с существующей интерпретацией. В (311) показано, почему *почти* не интерпретируется под отрицанием (в простом повествовательном контексте с нейтральной интонацией). Этот случай полностью параллелен (309) и отличается лишь содержанием альтернатив.

- (311) *O [p Петя не решил почти десять задач].
 a. $\text{Alt}(p) = \{ \neg\exists x[9(x) \ \& \ \text{з.}(x) \ \& \ \text{П. решил } x], \neg\exists x[10(x) \ \& \ \text{з.}(x) \ \& \ \text{П. решил } x] \}$
 b. $\neg\exists x[9(x) \ \& \ \text{задача}(x) \ \& \ \text{П. решил } x] \Rightarrow \neg\exists x[10(x) \ \& \ \text{задача}(x) \ \& \ \text{П. решил } x]$
 c. $\text{Excl}(p) = \emptyset$
 d. $\text{O}(p) \Leftrightarrow p$

Этот подход может объяснить допустимость узкой сферы действия PPI в (312)-(315). Как было сказано в разделе 3.2.4, подобные примеры представляют проблему для анализа, опирающегося исключительно на конкуренцию с NPI, поскольку, например в (312) *кто-то* можно заменить на *кто-либо*. На первый взгляд эти примеры представляют проблему и для представленного в этом разделе подхода, поскольку скалярных импликатура в них не возникает: каждый из примеров, как показано, совместим со своей альтернативой (собственно говоря, в этих случаях ассерция имплицитно альтернативу). Поскольку альтернатива не отрицается, вклад O оказывается пустым, что нарушает (308).

- (312) Петя будет счастлив, если кто-то сможет сдать экзамен. (Yanovich 2005:311)
 a. если $> \exists$: 'Петя будет счастлив, если найдется такой человек, который сдаст.'
 b. совместимо с: Петя будет счастлив, если все смогут сдать экзамен.
- (313) Если Петя решит почти 10 задач, то его возьмут на мехмат.
 a. если $> \exists$ почти 10: 'Если найдутся хотя бы 9 задач, которые П. решит, его возьмут.'
 b. совместимо с: если Петя решит 10 задач, то его возьмут.
- (314) If someone wants to make a death metal version, that's completely their prerogative.⁹²
 совместимо с: если каждый хочет сделать версию в жанре death metal, это полностью их прерогатива.
- (315) If Bill hits almost all of the targets, Frank will win the bet. (Kilbourn Ceron 2017:6)
 совместимо с: если Билл попадет во все мишени, Фрэнк выиграет пари.

⁹² <https://www.bloomberg.com/news/articles/2013-10-31/bittorrents-music-industry-team-up>

Отсутствие (или опциональность) скалярных импликатур в (312)-(315) объясняется так же, как и в случае отрицательных предложений (309), (311). Как и под отрицанием, в протасисе условного предложения слабая альтернатива \exists становится сильной, соответственно \forall превращается в более слабую альтернативу и не может отрицаться⁹³. Однако между отрицательным контекстом и протасисом условного предложения должно быть какое-то различие, допускающее узкую сферу действия PPI во втором случае.

Этим различием может быть пресуппозиция. В отличие от отрицания, условная конструкция *если p, то q* вводит пресуппозицию – p совместимо со знаниями говорящего. Например, высказывание *если Петя сейчас в Тольятти, то он хорошо проводит время* аномально в ситуации, когда Петя, например, сидит рядом с говорящим где-то в Москве. В Homer (2008); Gajewski (2011) выдвигается предположение, что пресуппозиции типа вышеуказанной могут нарушать лицензирование NPI. Например, в отличие от слабых NPI типа *any* сильные NPI типа “пунктивного” *until* (за редкими исключениями) лицензируются только отрицанием и, в частности, не лицензируются в протасисе условного предложения (316).

- (316) a. Bill didn't ever say anything. (Gajewski 2011:111)
 b. Bill didn't leave until his birthday. (Gajewski 2011:112)
 c. If Bill has ever seen anyone, he is keeping it a secret. (Gajewski 2011:120)
 d. *If Bill arrived until Friday, he is keeping it a secret. (Gajewski 2011:120)

Хотя на данный момент консенсус относительно условий (де)лицензирования PPI отсутствует, см. обсуждение в Szabolcsi (2004); Homer (2011, 2021); Spector (2014), и несомненно существуют разные классы PPI (Van der Wouden 1997; Iatridou and Zeijlstra 2013:538), представляется привлекательной гипотеза о том, что по крайней мере некоторые PPI, как и NPI, чувствительны к пресуппозициям, с той разницей, что в тех случаях, когда пресуппозиция мешает лицензированию NPI (316), она наоборот “спасает” PPI. В работе Spector (2014) предлагается анализ, в котором пресуппозиции могут спасти PPI типа *almost*, ниже я кратко воспроизведу его рассуждения на примере *кто-то*.

Предложение (317) проецирует пресуппозицию, в соответствии с которой со знаниями говорящего совместимо, что все уже на вечеринке (317-а). Предложение (318) проецирует более слабую пресуппозицию: со знаниями говорящего совместимо, что некоторые уже на вечеринке (318-а). Предположим, что со знаниями говорящего совместимы только две ситуации: (i) никто еще не на вечеринке или (ii) все уже на вечеринке. Соответственно, во всех мирах, где кто-то уже на вечеринке, неверно (i) и с неизбежностью верно (ii) (в заданном контексте). Иными словами, множества миров, где хотя бы кто-то уже на вечеринке, и где все уже на вечеринке совпадают. Условное предложение утверждает, что во всех мирах, где протасис истинен, истинен и аподосис. Поскольку в заданном контексте протасис (317) и (318) истинен в одних и тех

⁹³ Это происходит во всех контекстах, обладающих свойством разворота шкалы следования или нисходящей монотонности, см. приложение 3.

же мирах, то и сами эти предложения истинны в одних и тех же мирах. Иными словами (317) и (318) контекстно эквивалентны. Однако (317) имеет более сильную пресуппозицию: если возможно, что все на вечеринке, то возможно, что существует те, кто на вечеринке, но не наоборот (318-b). Соответственно, по принципу Maximize Presupposition!, упомянутому выше при обсуждении (302)-(303), предложение (318) должно быть недопустимо в заданном контексте, потому что оно (a) эквивалентно (317) и (b) имеет более слабую пресуппозицию. Таким образом, (318) допустимо только в контексте, где возможно, что некоторые, но не все пришли на вечеринку. Соответственно, (308) проецирует дополнительную пресуппозицию (318-c).

(317) Если все уже на вечеринке, то и нам пора собираться.

a. rsp: возможно, что все уже на вечеринке

(318) Если кто-то уже на вечеринке, то и нам пора собираться.

a. rsp: возможно, что некоторые уже на вечеринке

b. (317-a) \Rightarrow (318-a)

c. rsp-импликация: возможно, что некоторые, но не все уже на вечеринке

Существование этой пресуппозиции само по себе не делает добавление оператора *O* значимым – ассертивный компонент (318) все еще имплицирует (317) (‘если кто-то уже на вечеринке, то пора собираться’ \Rightarrow ‘если все уже на вечеринке, то пора собираться’). В Spector (2014:25) предлагается ослабить ограничение (306) и допустить, что PPI должен находиться в сфере действия *O* или проецировать дополнительную скалярную пресуппозицию типа (318-c). Хотя в такой формулировке ограничение начинает выглядеть *ad hoc*, не исключено, что его можно вывести из независимых соображений. Например, если предположить, что пресуппозиции могут локально аккомодироваться, создавая конъюнкцию с ассерцией, применение *O* в (318) содержательно и будет приводить к интерпретации ‘если кто-то уже на вечеринке, то пора собираться & невозможно, что все уже на вечеринке’. В таком случае, можно сохранить ограничение (306) без дополнительных условий. Вопрос о том, действительно ли возникает такая интерпретация, я оставляю на будущее.

Представленный анализ тривиальным образом распространяется на другие PPI, вводящие более сильные альтернативы, например *почти α* . В то же время он порождает очевидную проблему в случае NPI. В стандартной теории Chierchia (2013) предполагается, что NPI типа *any* – экзистенциальные элементы, вводящие альтернативы и ассоциирующиеся с оператором *O*. По меньшей мере в отрицательных, а возможных во всех контекстах *O* не изменяет интерпретацию (так же, как и в случае с *кто-то* под отрицанием (309)). Таким образом, ограничение дистрибуции *O* (308) должно исключать предложения типа *Bill didn't ever say anything*. Более того, теория NPI (Chierchia 2013) и ограничение (308) буквально противоречат друг другу – NPI появляются только в контекстах, где применение *O* незначимо, незначимое применение *O* запрещено.

Один из вариантов обойти эту проблему – предположить, что NPI нуждаются в присутствии О по синтаксическим причинам, в частности требуют согласования с О (Chierchia 2013; Crnić 2014). В таком случае, хотя О и не влияет на интерпретацию предложения, его присутствие небесмысленно, поскольку он делает деривацию синтаксически корректной. Соответствующая модификация ограничения дистрибуции О сформулирована в (319).

(319) Содержательность О (дополненная версия)

Вхождение чувствительного к фокусу оператора лицензируется, только если оно содержательно (308) или необходимо по структурным соображениям. (Crnić 2014)

Хотя само по себе условие (319) выглядит интуитивно привлекательным и к тому же имеет независимые основания (Crnić 2014), идея синтаксического согласования NPI с О (Chierchia 2013) представляется сомнительной в свете того, что оно не подчиняется стандартным ограничениям локальности согласования. Тем не менее, на данный момент у меня нет лучшего решения, позволяющего совместить NPI с жестким ограничением дистрибуции О, и в дальнейшем я буду предполагать, что в случае NPI что-то позволяет обойти принцип (308). Здесь следует повторить, что, с одной стороны, существование NPI трудносовместимо с этим принципом, и, с другой стороны, сам он интуитивно привлекателен (в силу своей простоты и ограничительности) и к тому же делает возможным простой анализ некоторых явлений (Spector 2014; Fox and Spector 2018). Таким образом, полный отказ от (308) не выглядит явно более предпочтительным, чем предположение о сосуществовании NPI с (308) (хоть оно и остается без убедительного объяснения, если отказаться от синтаксического лицензирования NPI). Я продолжу обсуждение NPI в разделе 3.4.

Итак, мы рассмотрели три возможных объяснения положительной полярности. Каждое из них имеет свои преимущества и, более того, совместимо с остальными. Предположение о синтаксическом передвижении PPI представляется неизбежным, однако это передвижение нельзя назвать обязательным (294), (295). Объяснение, опирающееся на конкуренцию PPI с NPI, выглядит осмысленным и перспективным, однако также сталкивается с определенными контрпримерами (304), (305). Наконец, предположение об (i) обязательной (306) и (ii) содержательной (308), (319) исчерпывающей интерпретации объясняет положительную полярность исходя из независимо обоснованных принципов, но оказывается слишком ограничительным. Вопрос об условиях (де)лицензирования различных классов PPI достаточно обширен и относительно мало разработан на данный момент, и я не буду углубляться в более детальное сравнение подходов. Данные, которые я буду обсуждать ниже, совместимы с ограничениями (306) и (308), и я буду принимать их во внимание в дальнейшем.

3.2.6. *Даже* и положительная полярность

В разделе 1.2.2 мной было заявлено, что фокусные операторы *только* и *даже* тоже интерпретируются только над отрицанием, то есть по сути являются PPI. В дальнейшем я ограничусь

обсуждением *даже*.

Невозможность узкой сферы действия этой частицы подтверждается аномальностью (321). Поскольку в (321) *даже* сочетается с контекстно заданной верхней точкой шкалы (10 км) естественная скалярная пресуппозиция может возникать только при сфере действия под отрицанием. Сама по себе эта пресуппозиция не проблематична, как показано в (320), и тем не менее (321) девиантно. В отрицательном предложении *даже* может иметь только широкую сферу действия, что требует сочетания с нижней точкой шкалы (322).

- (320) В прошлый раз Петя пробежал 5 км, а в этот раз – даже 10.
 а. ассерция: Петя пробежал 5 км, а потом 10 км
 б. рсп: Петя пробежал 10 км \triangleleft Петя пробежал 5 км
- (321) В прошлый раз Петя пробежал 5 км, #а в этот раз не пробежал даже 10.
 а. ассерция: Петя пробежал 5 км, а потом не смог пробежать 10 км
 б. рсп: Петя пробежал 10 км \triangleleft Петя пробежал 5 км
- (322) В прошлый раз Петя пробежал 5 км, а в этот раз не пробежал даже 3.
 а. ассерция: Петя пробежал 5 км, а потом не смог пробежать 3 км
 б. рсп: Петя не пробежал 3 км \triangleleft Петя не пробежал 5 км

Интерпретации, возникающие при узкой сфере действия *даже/even*, сами по себе непротиворечивы, например ‘пробежать 10 км – наименее вероятное событие & Петя не пробежал 10 км’. Однако в этом случае утверждение делается про самую слабую из альтернатив. Например, если говорящий утверждает, что Петя пробежал (даже) 10 км, то из этого следует, что Петя преодолел и всякую дистанцию короче 10 км (320). Если утверждается, что Петя не смог пробежать (даже) 3 км, то из этого следует, что Петя не смог пробежать и всякую дистанцию больше 3 км (322). С другой стороны из того, что Петя не смог пробежать 10 км нельзя сделать вывод относительно того какую из меньших дистанций он смог пробежать. Таким образом, утверждение (321) – наиболее слабое из контекстных альтернатив (что отличает его от (320), (322), которые наоборот являются наиболее сильными). В результате возникает конфликт между слабым утверждением и ожиданием сильного утверждения, обусловленным использованием *даже/even*.

Это неформальное объяснение, предлагаемое Giannakidou (2007:49), представляется интуитивно верным, однако оно не вполне сочетается с принятой формализацией. В используемой мной теории *даже* соответствует оператор E , проецирующий пресуппозицию низкой вероятности своего аргумента p . В принципе, на уровне семантики ничто не мешает породить предложение со значением ‘ p маловероятно & $\neg p$ ’. В Chierchia (2013:186), Bar Lev and Margulis (2014:71) выдвигается предположение, что у оператора O может быть пресуппозиция, требующая, чтобы истинностное значение всех альтернатив было определено. Иными словами добавление O

должно приводить к получению полного ответа на вопрос, представляемый альтернативами. Это ограничение можно переформулировать в отрыве от О: “высказывание должно быть полным ответом на вопрос”. Это ограничение соблюдается во всех рассмотренных выше случаях кроме (321), см. примеры ниже.

- (323) a. (Кого видел Петя?) – Аню.
 b. $\text{Alt}((323\text{-a})) = \{ \text{П. видел Аню} = 1, \text{П. видел Сашу} = 0, \text{П. видел Камилу} = 0 \}$
- (324) a. Петя решил почти 10 задач.
 b. $\text{Alt}((324\text{-a})) = \{ \text{Петя решил 8-9 задач} = 1, \text{Петя решил 10 задач} = 0 \}$
- (325) a. Петя не видел кого-то из своих одноклассниц.
 b. $\text{Alt}((325\text{-a})) = \{ \exists x[x \text{ – одноклассница Пети} \ \& \ \text{Петя не видел } x] = 1, \forall x[x \text{ – одноклассница Пети} \Rightarrow \text{Петя не видел } x] = 0 \}$
- (326) a. Петя не пробежал даже 3 км.
 b. $\text{Alt}((326\text{-a})) = \{ \text{Петя не пробежал 3 км} = 1, \text{Петя не пробежал 5 км} = 1, \text{Петя не пробежал 10 км} = 1 \}$
- (327) a. $\#(\text{В прошлый раз Петя пробежал 5 км,})$ а в этот раз не пробежал даже 10 км.
 b. $\text{Alt}((327\text{-a})) = \{ \text{Петя не пробежал 10 км} = 1, \text{Петя не пробежал 5 км} = ??, \text{Петя не пробежал 3 км} = ?? \}$

(327-а) можно привести в соответствие с этим ограничением, если добавить стандартный оператор О над отрицанием, что устранил все зависшие в неопределенности альтернативы, а именно сделает их ложными. В таком случае (327-а) будет означать ‘пробежать 10 км – маловероятное событие & Петя не пробежал 10 км & Петя пробежал 5 км & Петя пробежал 3 км’.

Насколько я могу судить, такая интерпретация не может возникать у предложений типа (327-а) независимо от интонации, в частности *Петя не пробежал даже 10 км* не может интерпретироваться так, что Петя не пробежал 10 км, но он (непрерывно) пробежал почти 10 км (этот компонент значения появляется в результате отрицания альтернатив типа *Петя не пробежал x км*, где $x < 10$). Отсутствие этой интерпретации можно объяснить тем, что *даже/Е* “поглощает” альтернативы, т. е. указанные в (327-б) альтернативы в принципе не могут добраться до вышестоящего оператора О. Таким образом, (327-а) с неизбежностью означает ‘пробежать 10 км – маловероятное событие & Петя не пробежал 10 км’, что оставляет истинностное значение других альтернатив неопределенным. Предположение о том, что фокусные операторы типа *даже* не пропускают альтернативы представляется достаточно стандартным на данный момент, см. Beck (2006); Shimoyama (2006) среди прочих⁹⁴.

Следует отметить, что выше я использовал только примеры, в которых альтернативы упо-

⁹⁴ Это, однако, не относится к оператору О, см. следующий раздел.

рядочены отношением логического следования. Однако это не всегда так. Например, утверждение *Петя не взял даже бронзу*, строго говоря, не имплицитует, что Петя не взял серебро и не взял золото. Тем не менее, в данном случае между альтернативами существует отношение прагматического следования (Fauconnier 1975; Rullmann 1997; Gast and Van der Auwera 2011). В естественном контексте из утверждения *Петя не взял даже бронзу* слушающим выводится, что Петя не взял вообще никакую медаль. Я не буду останавливаться на вопросе о том, в какой момент деривации и на каком уровне (в семантике или в прагматике) устанавливается истинностное значение альтернатив при употреблении *даже*, и ограничусь обобщением о том, что в допустимых случаях ассерция логически или прагматически имплицитует альтернативы, а в недопустимых типа (327-а) сохраняется неопределенность.

В следующем разделе я перехожу к рассмотрению маркированных случаев, когда либо скалярный элемент, либо отрицание выделяются интонационно, в результате чего РРІ интерпретируются в сфере действия отрицания (Szabolcsi 2004).

3.3. “Металингвистическое”/контрастивное отрицание

Существует два класса примеров, когда РРІ интерпретируются в сфере действия отрицания. Во-первых, это происходит при интонационном выделении РРІ (328). Во-вторых, это происходит при интонационном выделении отрицания или отрицания вместе с глаголом (329).

(328) You didn't do SOMETHING wrong, you did everything wrong! (Iatridou and Zeijlstra 2013)

(329) He found something. – Wrong! He DIDN't / DID NOT find something. (Szabolcsi 2004:413)

Случаи первого типа подробно обсуждаются в Fox and Spector (2018); Bade and Sachs (2019). В следующем разделе будет показано, что представленный в этих работах анализ может быть распространен на остальные РРІ. В разделе 3.3.2 я применяю этот анализ к случаям, когда отрицаются пресуппозиции. В разделе 3.3.3 я рассматриваю примеры типа (329).

3.3.1. РРІ в фокусе

В разделе 3.2.5 было показано, что если элемент вводит более сильную альтернативу и остается в сфере действия отрицания, то добавление О над отрицанием незначимо (309). Принципы обязательности (306) и содержательности О (308) исключают подобные деривации, что объясняет положительную полярность элементов такого типа. Однако грамматическая теория скалярных импликаций позволяет добавлять оператор О не только на сентенциальном уровне, но и во вложенных позициях. В (330) показано, что при добавлении О между отрицанием и РРІ принцип (308) также не соблюдается. О усиливает утверждение под отрицанием, превращая его в конъюнкцию (330-b), но из-за отрицания конъюнкция обращается в дизъюнкцию (330-с). Таким образом, в конечном итоге утверждение без О (\neg a) было бы более сильным, чем с О (330-d).

- (330) Петя не O [a сделал что-то].
- $\text{Alt}(a) = \{ [a \text{ Петя сделал что-то }], [b \text{ Петя сделал все }] \}$
 - $O(a) = a \ \& \ \neg b = \text{Петя сделал что-то, но не все.}$
 - $\neg O(a) = \neg(a \ \& \ \neg b) = \neg a \vee b = \text{Петя ничего не сделал или сделал все}$
 - $\neg a \Rightarrow \neg a \vee b$

Однако добавление еще одного оператора O над отрицанием приводит к желаемой интерпретации, как показано в (331). Исходное множество альтернатив (331-а), порождаемых скалярным элементом *кто-то* такое же, как в (330) – a и b . В ходе деривации альтернативы параллельно друг другу композиционально усложняются и в конечном итоге приобретают вид $\neg O(a)$ и $\neg O(b)$. Следует отметить, что оператор O не “поглощает” альтернативы (как оператор *даже*/ E , см. раздел 3.2.6), а попадает в них как обычный элемент деривации (Bade and Sachs 2019)⁹⁵. Второй оператор O использует эти альтернативы и создает итоговую интерпретацию (331-е). Эта интерпретация сводится к утверждению сильной альтернативы b , введенной в начале деривации (*Петя сделал все*). И это действительно фактическая интерпретация, на что указывает возможность (и даже необходимость) соответствующего продолжения в (331).

- (331) O [s Петя не O [a сделал что-то]], (он сделал все).
- $\text{Alt}(a) = \{ [a \text{ Петя сделал что-то }], [b \text{ Петя сделал все }] \}$
 - $\text{Alt}(s) = \{ \neg O(a), \neg O(b) \}$
 - $\neg O(a) = \neg(a \ \& \ \neg b) = \neg a \vee b$
 - $\neg O(b) = \neg b$ ⁹⁶
 - $O(s) = \neg O(a) \ \& \ \neg \neg O(b) = \neg O(a) \ \& \ O(b) = (\neg a \vee b) \ \& \ b = b$

Полученная в (331) интерпретация должна возникать во всех аналогичных случаях. Иными словами, во всех случаях, когда слабый скалярный элемент a находится под отрицанием, двойное добавление O (над и под отрицанием) будет приводить к утверждению сильной альтернативы b , ниже показан пример с *почти* (332).

- (332) O [s Петя не O [a почти 10 задач]], (он решил ровно 10)
- $\text{Alt}(a) = \{ [a \text{ Петя решил (по меньшей мере) 9 }]$ ⁹⁷, $[b \text{ Петя решил ровно 10 }] \}$
 - $O(s) = \neg O(a) \ \& \ \neg \neg O(b) = \neg O(a) \ \& \ O(b) = (\neg a \vee b) \ \& \ b = b$

У примеров типа (331), (332) есть две характерные особенности, указанные в (333).

⁹⁵ В Fox and Spector (2018) предполагается, что O , как и E , поглощает альтернативы. Это позволяет вывести нужную интерпретацию в примерах типа (331), однако требует некоторых дополнительных допущений. Предположение Bade and Sachs (2019) о том, что O попадает в альтернативы, не требует этих допущений и к тому же имеет независимые основания, поэтому я придерживаюсь их анализа.

⁹⁶ Поскольку b – наиболее сильная (из двух) альтернатива, она не порождает импликатур (в самом деле, *Петя сделал все* не порождает импликатур). Соответственно, $O(b) = b$.

⁹⁷ Напомню, что предполагается, что *почти N* означает $N-1$ (раздел 3.1.4).

- (333) а. Узкий фокус на элементе в сфере действия отрицания (*Петя не сделал что-то*)
 б. Требование утвердительного продолжения (*он сделал все*)

Используемый анализ объясняет эти особенности без дополнительных допущений. Если предположить, что фокусом маркируется элемент, порождающий альтернативы (что я делаю с самого начала), расширение фокуса приведет к созданию дополнительных альтернатив. Как показано в Fox and Spector (2018); Bade and Sachs (2019), дополнительные альтернативы в подобных случаях приводят к противоречию, поэтому рассматриваемые случаи совместимы только с узким фокусом на скалярном элементе⁹⁸.

Рассмотрим пример, аналогичный (331), но отличающийся более широким фокусом (334). Широкий фокус позволяет породить альтернативы, не относящиеся к шкале скалярного элемента (в данном случае *что-то*) и соответственно не связанные отношением логического следования со скалярными альтернативами. В качестве примера предположим, что в фокус попадает глагольная группа, что в частности позволяет породить альтернативу *посмотрел что-то*. Множество альтернатив, соответственно, увеличивается до трех (334-а), (334-б). Как и в предыдущем случае, утверждение, возникающее после применения первого оператора O и отрицания – дизъюнкция (334-с), которая сама по себе слабее, чем просто $\neg a$. Однако в данном случае добавление еще одного O не приводит к усилению, а наоборот порождает противоречие (334-ф) (конфликтующие пропозиции выделены жирным). Как можно заметить, отрицание каждой из двух альтернатив допустимо, т. к. само по себе совместимо с утверждаемой альтернативой $\neg O(a)$ ⁹⁹.

- (334) O [s Петя не O [a сделал что-то]].
- а. $\text{Alt}(a) = \{ [a \text{ Петя сделал что-то }], [b \text{ Петя сделал все }], [x \text{ Петя посмотрел что-то }] \}$
 б. $\text{Alt}(s) = \{ \neg O(a), \neg O(b), \neg O(x) \}$
 в. $\neg O(a) = \neg(a \ \& \ \neg b \ \& \ \neg x) = \neg a \vee b \vee x$
 г. $\neg O(b) = \neg(b \ \& \ \neg x)$
 д. $\neg O(x) = \neg(x \ \& \ \neg a \ \& \ \neg b)$
 е. $O(s) = \neg(a \ \& \ \neg b \ \& \ \neg x)_{O(a)} \ \& \ \neg\neg(b \ \& \ \neg x)_{O(b)} \ \& \ \neg\neg(x \ \& \ \neg a \ \& \ \neg b)_{O(x)}$
 $= (\neg a \vee b \vee x)_{O(a)} \ \& \ (\mathbf{b \ \& \ \neg x}) \ \& \ (\mathbf{x \ \& \ \neg a \ \& \ \neg b}) = \perp$

Полученное противоречие будет возникать в случае с любой альтернативой x, не относящейся к шкале $\langle a, \dots, b \rangle$. Таким образом, возможен только узкий фокус на скалярном элементе,

⁹⁸ Если быть точным, Fox and Spector (2018) используют немного более сложное определение O, недопускающее противоречий. В соответствии с этим определением добавление дополнительных альтернатив не влечет противоречие, а просто не меняет интерпретацию, поэтому широкий фокус исключается соображениями экономии.

⁹⁹ В теории, запрещающей, чтобы применение O приводило к противоречию (Fox 2007; Fox and Spector 2018), отрицание альтернатив в (334-ф) невозможно и, соответственно, добавление второго O незначимо. Таким образом, предложение сохраняет ослабленное (по сравнению с $\neg a$) значение $\neg a \vee b \vee x$, и деривация оказывается недопустимой.

лицензирующий только скалярные альтернативы.

Можно заметить, что иногда, как например в (335), расширенный фокус все же возможен.

- (335) Петя не решил ПОЧТИ ДЕСЯТЬ задач,
 а. ... он решил всего 5
 б. ... он решил целых 20!

Такие примеры не представляют проблемы для представленного анализа, поскольку в них по-прежнему используются только скалярные альтернативы. Возможное продолжение зависит от конкретной альтернативы, предполагаемой говорящим¹⁰⁰. В (336) показана деривация случая (335-а), где я обозначаю альтернативу *Петя решил почти 10 задач* как 9, а *Петя решил 5 задач* – как 5.

- (336) $O [s \text{ Петя не } O [a \text{ решил ПОЧТИ ДЕСЯТЬ задач }]], \text{ он решил всего } 5.$
 а. $\text{Alt}(a) = \{ 9, 5 \}$
 б. $\text{Alt}(s) = \{ \neg O(9), \neg O(5) \}$
 в. $\neg O(9) = \neg 9$
 г. $\neg O(5) = \neg(5 \ \& \ \neg 9)$
 д. $O(s) = \neg 9 \ \& \ \neg \neg(5 \ \& \ \neg 9) = \neg 9 \ \& \ 5 \ \& \ \neg 9 = 5$

Деривация (335-б) показана в (337).

- (337) $O [s \text{ Петя не } O [a \text{ решил ПОЧТИ ДЕСЯТЬ задач }]], \text{ он решил целых } 20.$
 а. $\text{Alt}(a) = \{ 9, 20 \}$
 б. $\text{Alt}(s) = \{ \neg O(9), \neg O(20) \}$
 в. $\neg O(9) = \neg(9 \ \& \ \neg 20)$
 г. $\neg O(20) = \neg 20$
 д. $O(s) = \neg(9 \ \& \ \neg 20) \ \& \ \neg \neg 20 = (\neg 9 \ \vee \ 20) \ \& \ 20 = 20$

Пример (335) также объясняет, почему предложения с “металингвистическим” отрицанием требуют утвердительного продолжения (333-б). Во всех случаях предложение с альтернативами а и б в конечном итоге интерпретируется как утверждение б. Однако альтернатива б не выражена в самом предложении и в некоторых случаях говорящим могут предполагаться разные альтернативы, например (всего) 5 и (целых) 20, как в (335). Соответственно, из самого по себе предложения с интерпретацией $O(s)$ слушающий узнает только то, что истинна какая-то невыраженная альтернатива б, что требует эксплицитного упоминания этой альтернативы в последующем контексте.

Это объяснение, впрочем, не распространяется очевидным образом на случаи, когда воз-

¹⁰⁰ Учитывая, что составляющая *почти N* интерпретируется как *N-1*, использование числительных в качестве альтернатив не выглядит немотивированным допущением.

можно только одна альтернатива b , например *Петя не сделал что-то, он сделал все*. Существует дополнительное объяснение необходимости последующего утверждения (333-b). В теории Bassi et al. (2021), которую я кратко представил в разделе 3.1.2, импликатуры, порождаемые оператором O , относятся к пресуппозициональному компоненту значения. Таким образом, в рассматриваемых случаях ассерция представляет собой дизъюнкцию (338-b), которая разрешается в пользу одного из дизъюнктов в пресуппозиции (338-c). В результате, важная часть информации сообщается в пресуппозиции. Более того, эта информация (*Петя сделал все*) противоречит предыдущему высказыванию (*Петя сделал что-то (но не все)*), т. е. несовместима с текущей общей позицией (common ground, CG). Исходя из предположения, что утверждения, противоречащие CG, должны сообщаться в ассертивном, а не пресуппозициональном компоненте (Bassi et al. 2021)¹⁰¹, возникает необходимость напрямую утверждать альтернативу b в последующем контексте¹⁰².

- (338) (контекст: X: Петя сделал что-то (но не все))
 Y: O [_s Петя не O [_a сделал что-то]], (он сделал все).
 a. $\text{Alt}(s) = \{ \neg O(a), \neg O(b) \}$
 b. ассерция: $\neg O(a) = \neg(a \ \& \ \neg b) = \neg a \vee b$
 c. $\text{psp}: \neg\neg O(b) = O(b) = b$

Итак для объяснения “металингвистического” отрицания PPI достаточно предположения о нахождении оператора O в двух позициях. Более того, свойства “металингвистического” отрицания вытекают из независимых предположений о взаимосвязи между фокусом и альтернативами (333-a) и ограничений на изменение CG. В следующем разделе показано, что представленный анализ распространяется и на отрицание пресуппозиций.

3.3.2. Отрицание пресуппозиций

Отрицание PPI очень напоминает отрицание пресуппозиций (339)-(341). В обоих случаях имеют место свойства (333).

- (339) Mary isn't late to the meeting AGAIN... she has never been late before! (Bassi et al. 2021)
 (340) Chris didn't MANAGE to solve the problem... it was quite easy for him. (Horn 2001)
 (341) Mary didn't STOP smoking... she never used to! (Bassi et al. 2021)

¹⁰¹ Например, утверждение *#некоторые караси – рыбы* аномально, потому что порождает пресуппозиционно-импликацию *не все караси – рыбы*, которая противоречит общим знаниям (CG). Вместе с тем, утверждение *только некоторые караси – рыбы* хоть и ложно, не воспринимается столь же странным, поскольку сообщает противоречащую CG информацию (*не все караси – рыбы*) в ассертивном компоненте (Bassi et al. 2021; Del Pinal 2021).

¹⁰² Хотя Bassi et al. (2021) исходят из тех же допущений, что и я, они предлагают иное объяснение взаимосвязи между обсуждаемыми интерпретациями и необходимостью утвердительного продолжения, которое я не обсуждаю здесь по соображениям объема.

В примерах (339)-(341) отрицанию подвергается не ассертивный, а пресуппозициональный компонент. Например, в (339) отрицается не то, что Мэри опоздала, а то, что это произошло не впервые. В (340) отрицается не то, что Крис решил задачу, а то, что это потребовало от него больших усилий. В (341) отрицается не то, что Мэри находится в статусе некурящей, а то, что ранее она была в статусе курящей¹⁰³.

Поскольку в (339)-(341) пресуппозициональный элемент находится в фокусе, естественно предположить, что он вводит альтернативу, например *впервые* в (342). Пресуппозиции фокусных элементов локально аккомодируются, т. е. объединяются в конъюнкцию с утверждением, под отрицанием. Это предположение представляется неизбежным, поскольку в противном случае пресуппозиция всегда будет проецироваться через отрицание. В результате возникают два альтернативных утверждения, несовместимых друг с другом (а не упорядоченных отношением следования, как при отрицании PPI), например: *Мэри опоздала и это произошло снова* \nleftrightarrow *Мэри опоздала и это произошло впервые*. В (342) я обозначаю эти утверждения как *again* и *first* соответственно. Поскольку утверждения несовместимы, в обоих случаях применение О порождает импликатуры (342-b)-(342-c). Как и в случае с отрицанием PPI, применение еще одного оператора О приводит к утверждению альтернативы, не совпадающей с ассерцией (342-d). В (342-e) показано, что раскрытие конъюнкции не порождает противоречия.

(342) О [_s Мэри не О опоздала СНОВА], (она опоздала впервые).

a. $\text{Alt}(s) = \{ \neg O(\text{again}), \neg O(\text{first}) \}$

b. $\neg O(\text{again}) = \neg(\text{again} \ \& \ \neg\text{first})$ (again = Мэри опоздала & это произошло снова)

c. $\neg O(\text{first}) = \neg(\text{first} \ \& \ \neg\text{again})$ (first = Мэри опоздала & это произошло впервые)

d. $O(s) = \neg(\text{again} \ \& \ \neg\text{first}) \ \& \ \neg\neg(\text{first} \ \& \ \neg\text{again}) = (\neg\text{again} \ \vee \ \text{first}) \ \& \ \text{first} \ \& \ \neg\text{again}$

e. $\text{first} \ \& \ \neg\text{again} = (\text{опоздала} \ \& \ \text{впервые}) \ \& \ \neg(\text{опоздала} \ \& \ \text{снова})$

$= \text{опоздала} \ \& \ \text{впервые} \ \& \ (\neg\text{опоздала} \ \vee \ \neg\text{снова}) = \text{опоздала} \ \& \ \text{впервые} \ \& \ \neg\text{снова}$

$= \text{опоздала} \ \& \ \text{впервые}$

Этот анализ распространяется на все случаи, когда ни одна из альтернатив не имплицирует другую, например (343) и (344).

(343) О [_s Петя не читал ДАЖЕ “Бесов”], (он читал всего лишь “Бесов”).

a. $\text{Alt}(s) = \{ \neg O(\text{даже}), \neg O(\text{лишь}) \}$

b. $O(s) = \neg(\text{даже} \ \& \ \neg\text{лишь}) \ \& \ \neg\neg(\text{лишь} \ \& \ \neg\text{даже}) = \dots = \text{Петя читал “Бесов”} \ \& \ (\text{прочтение “Бесов” высоковероятно})$

(344) О [_s Петя не решил ТОЛЬКО ОДНУ задачу], (он решил все задачи).

¹⁰³ Случай (341) представляется более спорным, однако обсуждение содержания конкретных пресуппозиций и ассерций выходит за рамки этой работы. Моя задача показать, что предлагаемый анализ работает в относительно прозрачных случаях.

- a. $\text{Alt}(s) = \{ \neg O(\text{только одна}), \neg O(\text{все}) \}^{104}$
 b. $O(s) = \neg(\text{только одна} \ \& \ \neg\text{все}) \ \& \ \neg\neg(\text{все} \ \& \ \neg\text{только одна}) = \dots = \text{Петя решил все задачи}$

В следующем разделе я рассмотрю последний класс случаев, когда в узком фокусе оказывается отрицание.

3.3.3. Отрицание в фокусе

РРІ могут оставаться в сфере действия отрицания при узком фокусе на отрицании или отрицании с глаголом. При этом скалярные импликатуры могут не возникать (345), а пресуппозиции могут проецироваться через отрицание (346).

(345) If you push the red button, you will see something, but if you press the blue button you WON'T see something (Szabolcsi 2004:413)

(346) Диана: У меня есть 500 рублей, а у Пети – даже целая 1000.
 Петя: У меня НЕТ(↗) даже 1000 рублей (, у меня только 900)
 $\neg >$ даже: ‘У меня нет 1000 р. & иметь 1000 р. – маловероятная ситуация.’

Поскольку в данном случае в фокусе находится отрицание, то можно предположить, что в качестве альтернативы рассматривается структура без отрицания. Я также предполагаю, что скалярный элемент по-прежнему вводит собственные альтернативы (по определению (243)), что не влияет на интерпретацию. Таким образом, попарное соединение утвердительной и отрицательной альтернативы с экзистенциальной и универсальной альтернативами дает множество из четырех альтернатив (347-а), из которых две не следуют из утверждения (347-б). Добавление О дает фактическую интерпретацию (347-с)¹⁰⁵.

- (347) $O [{}_a \text{ You WON'T see something }]$
 a. $\text{Alt}(a) = \{ \neg\exists x:\text{you will see } x, \neg\forall x:\text{you will see } x, \exists x:\text{you will see } x, \forall x:\text{you will see } x \}$
 b. $\text{Excl}(a) = \{ \exists x:\text{you will see } x, \forall x:\text{you will see } x \}$
 c. $O(a) = \neg\exists x:\text{you will see } x \ \& \ \neg\exists x:\text{you will see } x \ \& \ \neg\forall x:\text{you will see } x$
 $= \neg\exists x:\text{you will see } x$

¹⁰⁴ Возможность использования *все* в качестве альтернативы *только один* предполагает, что (i) *только один* – составляющая и (ii) *только один* и *все* – составляющие одного семантического типа. То, что это действительно так, неочевидно, в частности до этого я рассматривал *только* исключительно как пропозициональный оператор (раздел 3.1.2). По соображениям объема я оставляю более подробное обсуждение *только* без внимания.

¹⁰⁵ Возможно, более правильным было бы предположить, что в (347) имеет место такая структура: $\text{you}_1 O [{}_a \text{ WON'T } t_1 \text{ see something }]$. Соответственно альтернативы имели бы вид $\{ \neg\exists x:\text{you}_1 \text{ will see } x, \dots \}$. Эта структура приводит к такой же интерпретации, поскольку переменная u_1 связана местоимением you_1 . При этом сохраняется обобщение, что оператор О всегда непосредственно доминирует в структуре над фокусным элементом. Возможно такое требование действительно существует, хотя причины его существования и неясны. В любом случае, во всех обсуждавшихся до этого момента примерах оно соблюдается.

Представленная деривация вызывает два вопроса: (i) почему *some* интерпретируется в сфере действия отрицания, а не передвигается за ее пределы; (ii) почему в (347) разрешено несодержательное добавление *O* (поскольку в данном случае альтернативы отличаются наличием отрицания, отрицание делает их эквивалентными утверждению; соответственно конечная интерпретация совпадает с той, которая получилась бы без добавления *O*)?

В том, что касается (i) я предлагаю неформальное объяснение. Поскольку одна из альтернатив вводится в предыдущем контексте и по сути находится в пресуппозиции (*you will see something* в (345) и *у Пети есть даже 1000 рублей* в (346)), эта альтернатива должна присутствовать во множестве $\text{Alt}(a)$ при контрастивном утверждении. Например, передвижение *something* будет приводить к появлению множества альтернатив типа указанного в (348-а). Вместе с тем, очевидно, что высказывания типа (345) имеют целью отрицание пропозиций типа *you will see something*, а не *you will see t₁*.

(348) something₁ *O* [_a you WON'T see t₁].

а. $\text{Alt}(a) = \{ \text{you won't see } x_1, \text{ you will see } x_1 \}$

У меня нет ответа на вопрос (ii). Стоит, однако, отметить, что сделать добавление *O* в (347) содержательным может только передвижение *something* в позицию над отрицанием и под *O*. Это будет давать стандартную интерпретацию предложений с РРІ типа ‘ты что-то не увидишь’. Опять же, очевидно, что в рассматриваемом случае цель высказывания – отрицать пресуппозицию *p* ‘ты что-то увидишь’, а не утверждать ‘ты что-то не увидишь’. Эта цель достигается, если в сфере действия отрицания и оператора *O* остается все содержание *p*.

Итак, в этом разделе были проанализированы различные случаи так называемого “металингвистического” отрицания. Следуя наблюдениям и обобщениям Bassi et al. (2021) и, в первую очередь, Fox and Spector (2018); Bade and Sachs (2019) я показал, что фактические интерпретации и характерные свойства подобных предложений напрямую вытекают из независимых ограничений на дистрибуцию фокуса и оператора *O*. При этом нет необходимости рассматривать “металингвистическое” отрицание как отдельную операцию – и синтаксическая позиция, и семантика отрицания в этих случаях такие же, как и в простых отрицательных предложениях.

Отсутствие металингвистического отрицания как отдельной самостоятельной сущности подтверждается и тем, что у других логических операторов также обнаруживаются “металингвистические” употребления. Например Horn (2001:379) классифицирует (349) как металингвистическую, корректирующую дизъюнкцию.

(349) Kim is bright, or { even / I should say } brilliant.

Интересно, что этот пример легко анализируется в грамматической теории скалярных импликаций с помощью вложенного оператора *O*, как показано в (350). Оператор *O* устраняет отношение следования между дизъюнктами (*brilliant* \Rightarrow *bright*, но *brilliant* $\not\Rightarrow$ *bright, but not brilliant*), делая

дизъюнкцию корректной¹⁰⁶.

- (350) Kim is [O bright], or { even / I should say } brilliant
 = Kim is bright but not brilliant, or even brilliant.

Horn (2001:379-382) предполагает, что как у отрицания, так и у других операторов существуют “металингвистические” пары. Эта гипотеза представляется неэкономной (Fox and Spector 2018:29) и менее предпочтительной в сравнении с теорией, которая достигает аналогичных результатов без постулирования дополнительных сущностей.

3.4. Субъект и отрицание

Сфера действия субъекта относительно отрицания варьируется в языках мира. Например, английские NPI с *any* неграмматичны в эпизодических отрицательных предложениях в позиции субъекта, т. е. находятся за пределами сферы действия отрицания (351-a). В то же время в хинди NPI типа *koi bhii* допустимы в позиции субъекта (351-b).

- (351) a. *Anyone didn't come. (Lahiri 1998:78)
 b. *koi bhii* *(*nahiiN*) *aaуaa* (хинди)
 кто-то даже/тоже NEG пришел
 ‘Никто не пришел.’ (Lahiri 1998:60)

Варьирование можно найти и в пределах одного языка. В русском языке субъектные ИГ, как правило, интерпретируются над отрицанием (352-a)-(352-d). В случае NPI на *-либо* нахождение в позиции субъекта приводит к неграмматичности (352-c), если NPI не лицензируется каким-то объемлющим контекстом (352-d). Потенциальную проблему представляют случаи типа (352-e) и (352-f), для которых можно предполагать узкую сферу действия субъекта.

- (352) a. Каждый студент не решил хотя бы одну задачу. ($\forall > \exists > \neg$)
 b. Кто-нибудь точно не придет. (точно $> \exists > \neg$)
 c. *Кто-либо не пришел. ($\exists > \neg$)
 d. Если кто-либо не придет, позвони мне. (если $> \exists > \neg$)
 e. %Даже ОДИН человек не пришел. ($\neg > \exists$)
 f. Никто не пришел. ($\forall > \neg$ или $\neg > \exists$)

Раздел 3.4.1 посвящен “классическим” NPI типа *anyone* и *кто-либо*, в разделе 3.4.2 я рассматриваю варианты анализа сложных случаев типа (351-b) и (352-e). Отрицательным местоимениям типа *никто* (352-f) посвящена следующая глава.

¹⁰⁶ Примеры такого типа предоставляют один из наиболее известных аргументов в пользу грамматической теории скалярных импликаций (Chierchia et al. 2012; Fox and Spector 2018).

3.4.1. Кванторы и экзистивные NPI

В главе 2 я выдвинул предположение, что как позиция отрицания, так и позиция субъекта одинаковы во всех языках, причем субъект доминирует над отрицанием (199). Это предположение делает верные предсказания в случае большинства примеров в (351)-(352), в частности **anyone didn't come*, поскольку находясь над отрицанием, NPI по сути находится в утвердительном контексте.

Неграмматичность NPI в эпизодических утвердительных контекстах – описательное обобщение, само по себе не объясняющее, почему NPI неграмматичны в этих контекстах. В работах Kadmon and Landman (1993); Krifka (1995); Lahiri (1998); Chierchia (2013) ограничение на дистрибуцию NPI связывается с их семантикой. Как было замечено в Kadmon and Landman (1993), с функциональной точки зрения английские NPI с *any* могут выступать в качестве “расширителя домена”. Например, в диалоге (353) говорящий А после первого отрицательного ответа предлагает расширить домен рассматриваемых яиц – у В нет сырых/вареных яиц, но, может быть, найдется маринованное? Говорящий В использует *any*, чтобы показать, что даже при рассмотрении расширенного домена яиц у него не обнаруживается. Неопределенный артикль $a(n)$ в этом же контексте использоваться не может.

- (353) A: Do you have an egg? ‘У тебя есть яйцо?’
 B: No. ‘Нет.’
 A: Maybe a pickled one? ‘Может быть, маринованное?’
 B: I don't have ANY/*AN egg. ‘У меня нет НИКАКИХ яиц.’ (Chierchia 2013:28)

В Chierchia (2013) на основе интуиции о расширении домена предлагается следующая формализация: *any* – экзистенциальный квантор, вводящий поддоменные/субдоменные альтернативы. То есть, это экзистенциальный квантор с доменом квантификации D и альтернативами в виде экзистенциальных кванторов с меньшими доменами D' . Таким образом, используя утверждение с *any*, говорящий делает утверждение про более широкий, чем альтернативные домены, домен D .

В Krifka (1995); Lahiri (1998) эта интуиция формализуется немного другим образом. В качестве рестриктора экзистенциального квантора выступает предикат с семантикой ‘человек’ или ‘один’ (например, *koi* ‘кто-то’ в хинди). Этот предикат обозначает множество всех людей (или одушевленных существ) или множестве всех объектов, включающих хотя бы один атомарный элемент. Любой альтернативный предикат будет выделять подмножество этого множества, что эквивалентно поддоменными альтернативам (Chierchia 2013). Этот анализ легко распространяется на русские местоимения типа *кто-либо*. Например, если рассматривать *кто* в качестве рестриктора экзистенциального квантора, интерпретирующегося как $\lambda x. \text{одушевлен}(x)$, то в фокусе он будет вводить различные альтернативные рестрикторы: $\lambda x. \text{лингвист}(x)$, $\lambda x. \text{ребенок}(x)$ и т. д. В дальнейшем я буду использовать теорию Chierchia (2013), однако, насколько я мо-

гу судить, в рассматриваемых случаях оба варианта анализа (через альтернативные домены квантификации и через альтернативные рестрикторы) делают одинаковые предсказания.

Как и в случаях, обсуждавшихся в предыдущих разделах, альтернативы композиционально усложняются и в какой-то момент к ним применяется оператор O^{107} . В утвердительных контекстах это приводит к противоречию, как показано в (354) на примере *кто-либо*. Предположим, что *кто-либо*, как и *any NP* – экзистенциальный квантор (354-а). Он вводит поддоменные альтернативы (354-б). Каждая из альтернатив сама по себе отрицаема: ‘какой-то человек из домена D пришел’ совместимо с ‘ни один человек из поддомена D’ не пришел’. Однако при отрицании каждой из альтернатив возникает противоречие: с одной стороны какой-то человек из D пришел, с другой стороны ни в одном поддомене D’ такого человека нет (354-d).

- (354) *O [p Кто-либо пришел]
- a. $p = \exists x \in D [x \text{ пришел}]$ (например, D = все знакомые говорящего)
 - b. $\text{Alt}(p) = \{ \exists x \in D' [x \text{ пришел}] \mid D' \subseteq D \}$
 - c. $\text{Excl}(p) = \text{Alt}(p)$
 - d. $O(p) = \# \exists x \in D [x \text{ пришел}] \ \& \ \forall D' \subseteq D: \neg \exists x \in D' [x \text{ пришел}]$

В случае *либо*-местоимений этот анализ представляется особенно привлекательным по двум причинам. Во-первых, морфология этой серии местоимений очевидным образом совместима с предлагаемой семантикой (355) (экзистенциальная семантика *либо* проявляется также в дизъюнктивной функции: *придет либо Петя, либо Вася*).

- (355) семантика *кто-либо* (вариант)¹⁰⁸
- a. $[[\text{кто}]] = \lambda x. \text{одушевлен}(x)$
 - b. $[[\text{-либо}]] = \lambda P. \lambda Q. \exists x [P(x) \ \& \ Q(x)]$
 - c. $[[\text{кто-либо}]] = \lambda Q. \exists x [\text{одушевлен}(x) \ \& \ Q(x)]$

Во-вторых, *либо*-местоимения действительно воспринимаются как экзотивные/расширяющие домен, что подтверждается возможностью использования в контекстах типа (356).

¹⁰⁷ Chierchia (2013) предполагает, что NPI отличаются от обычных неопределенных местоимений и ИГ (типа *an egg* или *кто-то*) тем, что их альтернативы грамматикализованы, т. е. активны независимо от контекста. Это обуславливает обязательное вставление оператора O в структуру (формально NPI и O взаимодействуют друг с другом на уровне синтаксических признаков). В разделе 3.2.5 я обсуждал более ограничительный подход, в котором O должен присутствовать вообще в любом матричном предложении (Magri 2009). Обсуждаемые здесь данные совместимы с обоими подходами.

¹⁰⁸ Этот анализ, впрочем, порождает вопрос, почему *либо* как кванторное слово сочетается только с вопросительными местоимениями. С другой стороны, можно предположить, что вопросительные слова сами по себе являются экзистенциальными кванторами (в таком случае *-либо* можно рассматривать как показатель, активизирующий альтернативы, или выраженный показатель домена D). Этот вариант анализа вопросительных слов, использовавшийся некоторыми авторами для китайского (Chierchia and Liao 2015; Liu 2019), представляется мне менее совместимым с другими данными помимо *либо*-местоимений. Впрочем, при определенных допущениях его можно распространить на местоимения типа *никто*, см. обсуждение в разделе 4.3.1.

- (356) a. Pick a card, any card (Giannakidou and Yoon 2016:541)
 b. ?Возьми карту, какую-либо карту.

В (357) показано, что неграмматичность *кто-либо* в позиции субъекта отрицательного предложения предсказывается представленным анализом. В сущности этот случай – немного более сложная версия простого утвердительного предложения (354), поэтому я оставляю отдельные пункты в (357) без комментариев.

- (357) *O [_p Кто-либо не пришел].
- $p = \exists x \in D$ [x не пришел]
 - $\text{Alt}(p) = \{ \exists x \in D' \text{ [x не пришел]} \mid D' \subseteq D \}$
 - $\text{Excl}(p) = \text{Alt}(p)$
 - $\text{O}(p) = \# \exists x \in D$ [x не пришел] & $\forall D' \subseteq D: \neg \exists x \in D'$ [x не пришел]
 $= \# \exists x \in D$ [x не пришел] & $\forall D' \subseteq D: \forall x \in D'$ [x пришел]

Наконец, в (358) показан анализ грамматичного предложения, в котором в сфере действия отрицания находится *что-либо*. В этом случае все альтернативы следуют из утверждения (358-с): если в домене D не существует релевантного x , то такого x нет и в любом поддомене D' . Поскольку альтернативы не отрицаются, противоречия нет. При этом возникает проблема: добавление O оказывается незначимым (358-d), что противоречит жесткому ограничению дистрибуции O (308). Я затрагиваю эту проблему выше, см. (319) и обсуждение вокруг него.

- (358) O [_p Я не намерен что-либо менять].
- $p = \neg \exists x \in D$ [я намерен менять x]
 - $\text{Alt}(p) = \{ \neg \exists x \in D' \text{ [я намерен менять } x] \mid D' \subseteq D \}$
 - $\forall q \in \text{Alt}(p): p \Rightarrow q$
 - $\text{O}(p) = p$

Более независимая от выбранной теории проблема возникает в свете (359). Я не собирал суждения по поводу этих примеров у сколько-нибудь значительного числа носителей, но если указанное различие в приемлемости действительно имеет место, то его существование не следует само по себе из вышесказанного.

- (359) a. ?КАЖДЫЙ студент не пришел (, но некоторые пришли).
 b. *КТО-ЛИБО не пришел.

В (359-а) квантор *каждый студент* реконструируется в исходную позицию субъекта. В результате применения двух операторов O (под отрицанием и над ним) возникает фактическая интерпретация. Примеры такого типа подробно обсуждались в разделе 3.3.2.

- (360) $O [s$ КАЖДЫЙ студент не $O [p$ ~~каждый студент~~ пришел]] (, но некоторые пришли).
- $Alt(p) = \{ [\forall \forall x: \text{студент}(x) \Rightarrow \text{пришел}(x)], [\exists \exists x: \text{студент}(x) \& \text{пришел}(x)] \}$
 - $Alt(s) = \{ \neg O(\forall), \neg O(\exists) \}$
 - $O(\forall) = \forall$
 - $O(\exists) = \exists \& \neg \forall$
 - $O(s) = \neg O(\forall) \& \neg \neg O(\exists) = \neg \forall \& O(\exists) = \neg \forall \& \exists \& \neg \forall$

В случае (359-b) подобная деривация невозможна, потому что возникающее в ее ходе утверждение *О кто-либо пришел* противоречиво (354)¹⁰⁹. Однако если оставить только один оператор O (361-b), то предложение воспроизводит стандартную структуру лицензирования NPI ($O > \neg > \text{NPI}$), и соответственно должно быть грамматично (358).

- (361) a. $O [s$ КТО-ЛИБО не $*[O(p) O [p$ ~~кто-либо~~ пришел]]]]
- b. $O [s$ КТО-ЛИБО не ~~кто-либо~~ пришел]

Возможны два объяснения невозможности структуры (361-b). Во-первых, она исключается, если предположить, что над элементом в узком фокусе всегда должен непосредственно доминировать оператор O , как в (360) и (361-a). Мотивация такого ограничения неясна, однако оно соблюдается во всех обсуждавшихся выше примерах с узким фокусом. Во-вторых, примеры типа (360)-(361) выполняют контрастивную/корректирующую функцию. Например, *КАЖДЫЙ студент не пришел (, но некоторые пришли)* допустимо только если в предыдущем контексте утверждалось, что пришел каждый студент. То же можно сказать и о предложениях типа *Петя не сделал ЧТО-ТО (, он сделал все)*. Таким образом, предложение *КТО-ЛИБО не пришел* допустимо, только если в предыдущем контексте было введено утверждение **кто-либо пришел*, иными словами **кто-либо пришел* находится в пресуппозиции. Поскольку неграмматичное утверждение не может находиться в пресуппозиции, недопустимо и соответствующее корректирующее утверждение (361).

В целом дистрибуция экзостивных NPI типа *кто-либо* и *anybody* и кванторных субъектов в большинстве случаев тривиально объясняется принятыми предположениями об их семантике и структуре клаузы. В следующем разделе я перехожу к рассмотрению более сложных случаев.

3.4.2. Скалярные/фокусные NPI

Сочетания скалярных или аддитивных частиц с элементами, обозначающими нижнюю точку шкалы (например, числительным *один*), продуктивно образуют NPI в языках мира (Lee and Horn 1994; Россыйкин 2022b). В некоторых языках, например английском и греческом, подобные NPI не лицензируются в позиции субъекта:

¹⁰⁹ Не имеет значения, что происходит с этим утверждением в дальнейшем, если предположить, что предложение неграмматично, если хотя бы какая-то составляющая в нем самопротиворечива (Gajewski 2002; Theiler et al. 2019).

- (362) a. *Even one person didn't come (Lahiri 1998:78)
 b.?#akomi ke ENAS fititis dhen irthe (греческий)
 даже один студент NEG пришел
 Ожид.: 'Ни один студент не пришел.' (Giannakidou 2007:52)

Однако во многих других языках они абсолютно грамматичны в субъектной позиции. Примеры из некоторых языков приведены в (363)¹¹⁰.

- (363) a. ek bhii aadmii *(nahiiN) aaуaa. (хинди)
 один даже человек NEG пришел
 'Никто не пришел.' (Lahiri 1998:61)
- b. bir adam da kel-*(me)-di (карачаево-балкарский)
 один человек ADD приходить-NEG-PST.3SG
 'Никто не пришел.'¹¹¹
- c. oгу student-um vara-le (тамильский)
 один студент-ADD приходить-NEG
 'Ни один студент не пришел.' (Iyer 2017:43)
- d. (lorchuk) chi-ye ler-ma-song (тибетский)
 студент один-ADD приходить-NEG-PRFV
 'Ни один (студент) не пришел.' (Erlewine and Kotek 2016)
- e. hito-ri(-no-gakusei)-mo ko-nak-atta (японский)
 один-CL-GEN-студент-ADD приходить-NEG-PST
 'Ни один (студент) не пришел.' (Watanabe 2004:603-604)

В русском языке сочетания типа *даже один NP* грамматичны в позиции субъекта в предложениях с генерической интерпретации и допускаются некоторыми носителями в предложениях с эпизодической интерпретацией.

- (364) %Даже ОДИН человек не пришел.

(365) генерическая интерпретация

- a. Хачапури таких крошечных размеров, что им даже один человек не наестся.¹¹²
 b. ... зарастает так кустами, что порой даже один человек не пройдет.¹¹³

(366) эпизодическая интерпретация

- a. Душ даже один человек не успел принять, вода закончилась.¹¹⁴

¹¹⁰ Во всех примерах (кроме, возможно, (363-a)) используются "общие аддитивные операторы" (Gast and Van der Auwera 2011, 2013). Это показатели типа русского *и*, которым могут иметь как скалярную, так и чисто аддитивную интерпретацию. Кроме того у них есть ряд других устойчивых функций, например они формируют различные серии местоимений (типа *бы то ни было*) или дистрибутивную конъюнкцию типа *и_и*. Для этих операторов я использую глоссу ADD.

¹¹¹ Предложение грамматично без отрицания в нерелевантном значении, когда в фокус попадает вся именная группа, а не числительное: *bir adam da keldi* 'Пришел еще и один человек. (А до этого, например, были только животные.)'.

¹¹² https://www.delivery-club.ru/srv/Bijo_krd/feedbacks

¹¹³ <https://bk55.ru/news/article/168629/>

¹¹⁴ <http://oteleus.ru/otzyvy-otel-o-khara-4-zvezdy-176889/?cm-page=4>

- б. Купил игру за 500 рублей, и не могу поиграть за мана.
 Что мне делать? Я ждал и даже один человек не зашел.¹¹⁵

Примеры с генерической интерпретацией (365) не представляют проблемы. Их можно анализировать как и другие примеры подобного типа. Например, предложение *профессор решит эту задачу за минуту* означает, что всякий типичный профессор решит эту задачу за минуту. Аналогично, *даже один человек не наестся* означает, что всякий типичный индивид, (а) являющийся человеком и (б) содержащий одну атомарную часть, не сможет наестся (соответственно, индивид, содержащий больше атомарных частей не сможет наестся тем более). Поскольку я использую одинаковый анализ для именных группы с числительными и без них (раздел 3.2.1), любая теория генеричности подойдет для этих случаев, см. обсуждение, например, в Leslie and Lerner (2016).

Затруднение возникает в случае эпизодических предложений типа (363) и (366). Эти предложения получают ожидаемую интерпретацию, если анализировать ИГ как экзистенциальные кванторы под отрицанием: ‘не существует такого *x*, что *x* человек/студент, *x* содержит одну атомарную часть и *x* пришел’. Однако каким образом субъектная ИГ может интерпретироваться под отрицанием неясно.

Существуют как минимум три возможных объяснения этому (367).

- (367) интерпретация неопределенных ИГ в позиции субъекта под отрицанием
- а. Отрицание структурно доминирует над субъектом.
 - б. Отрицание находится под субъектом, но субъект реконструируется в его сферу действия или вообще не передвигается в свою стандартную позицию над отрицанием.
 - с. Субъект на самом деле находится над отрицанием, но интерпретируется неэкзистенциально, что создает видимость сферы действия $\neg\exists$.

Вариант (367-а) сводится к тому, что позиция (стандартного) отрицания в языках мира все же может различаться (Zejlstra 2004:178-179), вопреки предположению, которое я отстаиваю в этой работе. У этого объяснения есть два недостатка. Во-первых, если рассматривать предложения типа (364) как грамматичные, возникает вопрос, почему предложения типа **кто-либо не пришел* неграмматичны (поскольку в обоих случаях субъект должен находиться в сфере действия отрицания). Во-вторых, это объяснение оставляет без внимания возможные корреляции между допустимостью лицензирования субъекта и некоторыми другими параметрами, в частности базовым порядком слов и наличием в языке определенности. Например, если лицензирование в позиции субъекта характерно для языков SOV (см. следующий раздел), то рассматриваемое объяснение сводится к такому обобщению: ‘в некоторых языках отрицание доминирует над

¹¹⁵ <https://forum.deadbydaylight.com/en/discussion/11146/ne-zahodyat-survy-v-lobbi-vooooobsche-proshu-pomogite-mneee>

позицией субъекта (допустим, SpесTP), и почему-то обычно это языки SOV’.

Варианты (367-b) и (367-c) подробнее обсуждаются в следующих разделах.

3.4.3. Субъектно-объектная симметрия и SOV

Второе объяснение (367-b) распадается как минимум на два варианта. Первый – в предложениях типа (363) и (366) происходит контрастная реконструкция субъекта в сферу действия отрицания, как в предложении КАЖДЫЙ *студент не пришел, но некоторые пришли*. Этот вариант не представляется перспективным. Хотя в обсуждаемых предложениях числительное действительно попадает в фокус, эти предложения неконтрастивны и, в частности, абсолютно допустимы без какого-либо продолжения. Второй вариант – субъект реконструируется или изначально не передвигается в позицию над отрицанием по каким-то другим причинам. Рассмотрим его подробнее.

Нетрудно заметить, что языки, в которых лицензирование в позиции субъекта недопустимо (362) или спорно (364) относятся к европейскому ареалу. В то же время все языки из (363) относятся к азиатскому ареалу (если относить к нему карачаево-балкарский). Также нетрудно заметить, что для европейского ареала характерен порядок слов SVO, а для азиатского SOV (Dryer 2013e). В частности, все языки в (363) относятся к SOV. При SVO (а точнее при правом ветвлении) линейный порядок Subj > Neg однозначно сообщает о том, что в какой-то момент деривации субъект находился над отрицанием (368). Однако при порядке SOV (а точнее при левом ветвлении) и постглагольном маркировании отрицания такой вывод сделать нельзя (369). Линейный порядок S(-O)-V-Neg можно соотнести как со структурой, в которой субъект доминирует над отрицанием (369-a), так и со структурой, где отрицание доминирует над субъектом (369-b).

- (368) a. [YP Subj [NegP Neg [XP ... V ...]]]
 b. [YP Subj [XP V [NegP Neg ... t_V ...]]]

- (369) a. [YP Subj [NegP V Neg]]
 b. [NegP [XP Subj V] Neg]

То, что субъект действительно находится в сфере действия отрицания подтверждается и другими данными помимо лицензирования NPI. Например, в английском неопределенные ИГ в позиции субъекта могут интерпретироваться только над отрицанием (370-a), а в хинди допускают обе возможные сферы действия (370-b).

- (370) a. A man didn't come.
 1. $\exists > \neg$: 'Существует такой человек, который не пришел; кто-то не пришел.'
 2. $*\neg > \exists$: 'Никто не пришел.' (Lahiri 1998:88)
- b. koii aadmii nahiiN aaуaa. (хинди)
 INDEF человек NEG пришел

1. $\exists > \neg$: ‘Существует такой человек, который не пришел; кто-то не пришел.’
2. $\neg > \exists$: ‘Никто не пришел.’ (Lahiri 1998:89)

В карачаево-балкарском, в отличие от русского и английского (23), для универсального квантора в позиции субъекта предпочтительна, если не обязательна, интерпретация над отрицанием (также и в турецком, Keleşir 2001:127):

- (371) хар адам бу китар-ни огу-ма-ван-ди (карачаево-балкарский)
 каждый человек этот книга-ACC читать-NEG-PFCT-3SG
 1. $\neg > \forall$: ‘Не каждый человек (про)читал эту книгу.’
 2. $??\forall > \neg$: ‘Каждый человек таков, что он не (про)читал эту книгу.’

Таким образом, есть основания предполагать, что в примерах типа (363) субъектные NPI находятся в сфере действия отрицания. Конечно это предположение совместимо как с тем, что в языках типа (362) и (363) различается позиция отрицания, так и с тем, что различается позиция субъекта. Вторая опция выглядит более предпочтительной, поскольку (а) в соответствии со стандартными предположениями (Koopman and Sportiche 1991) субъектные ИГ порождаются в сфере действия отрицания; (b) субъектные ИГ, как и всякие другие, могут передвигаться (в отличие от отрицания, см. главу 5) и, возможно, реконструироваться; (с) существуют примеры, когда они реконструируются в сферу действия отрицания даже в языках SVO (359). С другой стороны, предположение о варьирующейся позиции отрицания не имеет независимых оснований и привлекается исключительно для объяснения субъектно-объектной (а)симметрии.

У этого анализа есть две проблемы. Во-первых, хотя линейный порядок S(-O)-V-Neg действительно совместим с разными вариантами структурного анализа (369), из этого само по себе не следует, что в языках такого типа должна существовать позиция субъекта, отличная от стандартной позиции SpecTP (над отрицанием). Иными словами, нет независимой мотивации нахождения субъекта в нестандартной позиции (под отрицанием). Предположение о реконструкции в исходную позицию субъекта (например, Spec,vP) также проблематично, поскольку возможность свободной реконструкции после А-передвижения сомнительна, см. обсуждение в Chomsky (1995); Lasnik (1999); Von Stechow and Iatridou (2003); Titov (2012). В частности теория, объясняющая грамматичность (363) реконструкцией из субъектной позиции, должна в то же время объяснять и неграмматичность *кто-либо не пришел (например, можно предположить, что А-реконструкция не может быть скрытой).

Вторую проблему представляют предложения типа (366). В этом случае линейный порядок однозначно указывает на нахождение субъекта над отрицанием. Если между приемлемостью *even one person didn't come* и *даже один человек не пришел* существует контраст, то теории, опирающейся на различие между SVO и SOV, нечего сказать о нем.

В следующем разделе я рассмотрю еще один вариант анализа лицензирования NPI в позиции субъекта.

3.4.4. Субъектно-объектная симметрия и определенность

В английском и греческом языках определенность грамматикализована, в частности в обоих языках есть определенный артикль, отличающийся от указательного местоимения (Dryer 2013a), в английском есть неопределенный артикль, а в греческом показатель неопределенности совпадает с числительным *ena* ‘один’ (Dryer 2013b). С другой стороны, ни в одном из языков в (363), как и в русском, определенного артикля нет (Dryer 2013a,b), а в большинстве из них нет и неопределенного. В хинди и карачаево-балкарском, как и в русском, артиклей нет вообще. В японском есть только неопределенный артикль (Dryer 2013b), а “голые” ИГ некоторые авторы (Shimozuma 2006:150) эксплицитно рассматривают как определенные (что релевантно для дальнейшего обсуждения). В тибетском нет специализированных артиклей, и в качестве детерминаторов используются числительное ‘один’ и указательные местоимения (Dryer 2013a,b). Наконец, судя по примерам в Erlewine and Kotek (2016) и Iyer (2017) и в тибетском, и в тамильском ИГ в единственном числе могут быть “голыми” в эпизодических предложениях.

Хотя рассматриваемая выборка невелика, в ней обнаруживается зависимость между грамматикализованностью определенности и (не)возможностью лицензирования фокусных/скалярных NPI в субъектной позиции. В работах Dayal (2004, 2018) приводятся аргументы в пользу предположения, что в безартиклевых языках “голые” ИГ, находящиеся не в позиции прямого объекта, не могут быть неопределенными – они либо определенные, либо реферируют к классам¹¹⁶. Если принять эту теорию, то референция к классу имеет место в предложениях с генерической интерпретацией типа (365). В проблемных эпизодических предложениях типа (363) и (366) ИГ являются определенными¹¹⁷.

Определенные ИГ в языках с грамматикализованной определенностью типа английского обладают свойством гомогенности (см., например Bar Lev (2021) и ссылки там). В частности, *I met the boys* означает, что я встретил всех мальчиков, а не только кого-то из них (372-a). *I didn't meet the boys* означает, что для каждого из мальчиков верно, что я не встретил его (372-b). Упрощая, можно сказать, что определенные ИГ интерпретируются как универсальные кванторы с широкой сферой действия (372).

- (372) a. I met the boys \approx I met each of the boys
 $\forall x: \text{boy}(x) \Rightarrow \text{I met } x$
- b. I didn't meet the boys \approx I didn't meet any of the boys
 $\forall x: \text{boy}(x) \Rightarrow \text{I didn't meet } x$ (Romoli 2013)

Таким образом, интерпретация определенных ИГ в отрицательных предложениях эквивалентна

¹¹⁶ Эта теория, таким образом, противоположна Heim (2011), где “голые” ИГ предлагается анализировать как всегда неопределенные.

¹¹⁷ Строго говоря, даже эпизодические предложения типа *даже один человек не пришел* можно анализировать как утверждения про класс одиночных индивидов, являющихся людьми. В данном разделе я не буду разбирать этот вариант анализа.

$\neg\exists$. Если предположить, что “голые” ИГ в безартиклевых языках интерпретируются как определенные, это объясняет грамматичность примеров типа (363). В частности, при неопределенной интерпретации субъектной ИГ в предложении (373) нарушается скалярная пресуппозиция *даже*. Однако при определенной интерпретации она соблюдается, как показано в (374).

(373) E [Даже [один человек]_{indef} не пришел].

a. утверждение: $\exists x$: студент(x) & один(x) & x не пришел

b. psp: $\# \exists x$: студент(x) & один(x) & x не пришел $\triangleleft \exists x$: студент(x) & n(x) & x не пришел (n \neq 1)

(374) E [Даже [один человек]_{def} не пришел].

a. утверждение: $\forall x$: студент(x) & один(x) \Rightarrow x не пришел = $\neg \exists x$: студент(x) & один(x) & x пришел

b. psp: $\neg \exists x$: студент(x) & один(x) & x пришел $\triangleleft \neg \exists x$: студент(x) & n(x) & x пришел

Таким образом, обсуждаемые контрасты сводятся к тому, что в языках типа английского и греческого ИГ типа *even one person* – неопределенные (373), а в языках типа русского – определенные (374).

Существует ряд аргументов в пользу анализа “голых” ИГ в безартиклевых языках как определенных (Dayal 2004, 2018). Как и ИГ с определенным артиклем, они могут выполнять анафорическую функцию (375).

(375) a. A boy and a girl came into the room. The girl sat down. (Dayal 2018)

b. Мальчик и девочка_j вошли в комнату. Девочка_j села.

В контекстах, предполагающих существование нескольких потенциальных референтов, неопределенная интерпретация “голой” ИГ в позиции субъекта часто невозможна (376-b). Аномальность (376-b) можно объяснить пресуппозицией существования и единственности, вводимой (скрытым) определенным артиклем. Английские неопределенные ИГ с *a* в подобных контекстах абсолютно допустимы (376-a).

(376) a. There were several kids in the room. A boy and a girl were playing cards. (Dayal 2018)

b. В комнате было несколько маленьких детей, мальчиков и девочек.

$\#$ Девочка подошла ко мне и спросила... (Borik 2016:12)

Наконец, “голые” ИГ проходят тест на гомогенность (Löbner 1985). В соответствии со свойством гомогенности, определенные ИГ несовместимы с противоречащими друг другу свойствами (377-b). Поскольку ИГ с неопределенным артиклем интерпретируются экзистенциально, ничто не мешает утверждать про них противоречащие свойства (377-a). “Голые” ИГ в рассмат-

риваемом случае ведут себя как определенные (378).

- (377) a. A dog is sleeping and a dog is barking.
 b. #The dog is sleeping and the dog is barking. (Dayal 2018)
- (378) #В этой клетке тигр ест и тигр спит. (Dayal 2004:406)

Проиллюстрированные на примере русского свойства соблюдаются в хинди (Dayal 2004, 2018) и карачаево-балкарском (Россяйкин 2022a), хотя суждения по поводу подобных примеров не всегда четкие.

Представленный анализ обладает двумя преимуществами. Во-первых, он объясняет допустимость проблематичных примеров (363), (366), опираясь на независимые свойства ИГ и не постулируя возможность варьирования позиции отрицания и субъекта в языках мира. В частности, он опирается на тот факт, что NPI типа *кто-либо* – ингерентно экзистенциальные кванторы, а NPI типа *даже один NP*, строго говоря – обычные ИГ, в семантике которых сама по себе незаложена какая-либо квантификация. Таким образом, ничто не мешает предположить, что они могут быть определенными или генерическими. Во-вторых, этот анализ объясняет и предположительную взаимосвязь между наличием грамматикализованной определенности и (не)возможностью лицензирования NPI типа *даже один NP* в позиции субъекта.

Однако у этого подхода есть и серьезные недостатки. Во-первых, по крайней мере в случае русского языка анализ “голых” ИГ как определенных не является общепринятым и, насколько я могу судить, большинство исследователей (Geist 2010; Borik 2016; Seres 2020; Šimík and Demian 2020) выступают в пользу противоположного анализа (Heim 2011). Эффекты определенности в рассмотренных выше примерах связываются с топикальностью, специфичностью и т. п.

Во-вторых, во многих случаях ИГ с числительным *один* интерпретируются как неопределенные. Например, дискурс (376-b) перестает быть аномальным при добавлении к ИГ числительного *один*:

- (379) В комнате было несколько маленьких детей, мальчиков и девочек.
 Одна/какая-то девочка подошла ко мне и спросила... (Borik 2016:18)

При добавлении *один* утрачивается и свойство гомогенности:

- (380) a. Врач не пришел. (#И врач пришел / #Остальные врачи пришли.)
 b. Один врач не пришел. (И один врач пришел / Остальные врачи пришли.)

Хотя примеры (379)-(380) в принципе можно попытаться совместить с теорией “голых” ИГ как определенных, по соображениям объема я не буду обсуждать возможные шаги в этом направлении.

3.5. Выводы

В этой главе я рассмотрел взаимодействие отрицания с элементами, способными занимать различные позиции в структуре клаузы – ИГ разных типов и фокусными операторами. Я постарался показать, что дистрибуцию и интерпретацию этих элементов можно объяснить исходя из их собственной семантики и независимых предположений по поводу синтаксических передвижений, фокусного маркирования, порождения исчерпывающих интерпретаций, взаимодействия пресуппозиций с CG и т. д. При этом нет необходимости в постулировании различных позиций отрицания или различных типов отрицания – анализ отрицания может быть сохранен в максимально лаконичном виде. Основные выводы данного раздела обобщены в (381).

- (381)
- a. Положительная полярность элементов, обозначающих нижнюю точку шкалы, может объясняться либо их конкуренцией с более специализированными элементами – NPI (раздел 3.2.4), либо ограничениями на дистрибуцию оператора O, порождающего скалярные импликатуры (раздел 3.2.5). Поскольку в отрицательном контексте экзистенциальные элементы не порождают импликатур, добавление O в этих случаях не влияет на интерпретацию. Предположения об обязательности (306) и содержательности O (308) исключают подобные интерпретации (раздел 3.2).
 - b. Интерпретации PPI в контекстах “металингвистического” отрицания возникают при порождении вложенных скалярных импликатур. Обязательный узкий фокус в этих случаях объясняется тем, что расширение фокуса приведет к противоречию (Fox and Spector 2018; Bade and Sachs 2019). Необходимость утвердительного продолжения (Bassi et al. 2021) объясняется противоречием между CG и возникающими импликатурами/пресуппозициями, которые нужно эксплицитно ввести в CG (раздел 3.3).
 - c. Неграмматичность экзостивных NPI типа *кто-либо* в субъектной позиции тривиально объясняется структурным доминированием субъекта над отрицанием (199). В то же время, существующая в некоторых языках возможность лицензирования NPI типа *даже один NP* в позиции субъекта представляет серьезную проблему для предположения о неизменности структурной позиции отрицания во всех языках. Однако допущение варьирующейся позиции отрицания (367-а) – лишь одно из возможных решений, предпочтительность которого как минимум неочевидна (раздел 3.4).

Следующая глава посвящена последнему классу чувствительных к полярности элементов, оставшемуся без внимания – отрицательным местоимениям на *ни*.

4. Отрицательные местоимения

Отрицательным согласованием (negative concord; NC) называется явление, когда определенные составляющие грамматичны, только если в клаузе присутствует отрицание (чаще всего при матричном предикате). Это явление представляет потенциальную проблему для предлагаемого анализа структуры клаузы (199). Большинство теорий предполагают, что единицы с отрицательным согласованием (negative concord items; NCI) типа русских отрицательных местоимений на *ни-* – экзистенциальные элементы, интерпретируемые в сфере действия отрицания (Brown 1999; Watanabe 2004; Zeijlstra 2004, 2008; Penka 2011; Chierchia 2013; Fălăuș and Nicolae 2016; Szabolcsi 2018a; Kuhn 2022). Соответственно их грамматичность в позиции субъекта (382-а) противоречит предлагаемой структуре (199). Кроме того, возникает независимая проблема связанная с тем, что NPI на *-либо* в позиции субъекта не лицензируются (382-б).

- (382) а. Никто не пришел
 б. *Кто-либо не пришел

В этой главе я отстаиваю простой анализ NCI, который решает эти проблемы: NCI (а) лицензируются **над** отрицанием с помощью стандартной операции (Downward) Agree; (б) привносят универсальную квантификацию над отрицанием.

Предлагаемая теория распространяется только на языки со строгим отрицательным согласованием (negative concord; NC). В разделе 4.1 я сравниваю дистрибуцию NCI и сильных NPI, а также элементов, называемых мной псевдо-NCI. Я показываю, что NCI формируют отдельный класс местоимений и их анализ не должен распространяться на другие элементы. В этом же разделе я подвергаю критике теорию, в соответствии с которой отрицание в языках со строгим NC – неинтерпретируемое, а NCI лицензируются скрытым (фонологически невыраженным) отрицанием.

В разделе 4.2 обсуждаются синтаксические свойства NCI. Я рассматриваю формализацию согласования в минимализме и предлагаю простой анализ лицензирования NCI, использующий стандартную операцию (Downward) Agree. Я обсуждаю три группы аргументов в пользу лицензирования NCI над отрицанием, основанные на многочисленных эмпирических данных. Во-первых, в некоторых случаях порядок составляющих свидетельствует о передвижении NCI в позицию над отрицанием, например в предложениях с отрицанием составляющих. Во-вторых, если соответствующее передвижение невозможно (например, в силу островного ограничения), NCI не лицензируется. В-третьих, NCI иногда вступают в деривацию после отрицания, что исключает лицензирование в его сфере действия.

Раздел 4.3 посвящен семантике NCI. Я показываю, что при отсутствии отрицательного согласования местоимения, состоящие из вопросительного слова и аддитивного показателя (типа *ни-*) интерпретируются как универсальные кванторы или универсальные местоимения свободного выбора. Я рассматриваю варианты формального анализа семантики NCI и дополнитель-

ные аргументы в пользу универсальной квантификации NCI.

В разделе 4.4 обсуждается лицензирование NCI в эллиптических контекстах, в частности во фрагментарных ответах. Подобные примеры представляют проблему для предлагаемой теории, поскольку эллипсис отрицания нарушает условие параллелизма/идентичности эллипсиса антецеденту. Я рассматриваю варианты решения этой проблемы, а также показываю, что предлагаемая теория лучше справляется со случаями, когда фрагментарные ответы на отрицательные вопросы могут быть двусмысленными (типа *кто не пришел? – никто*).

В разделе 4.5 я подвожу итог рассмотрению NCI и обсуждаю мотивацию существования такого явления как отрицательное согласование. Я показываю, что из предлагаемого анализа следует, что отрицательное согласование грамматикализует функциональный принцип Neg-first – “маркирую отрицание как можно раньше в линейной цепочке”.

4.1. NCI и смежные явления

4.1.1. NCI и NPI

Дистрибуция NCI и экзостивных NPI типа *кто-либо*, обсуждавшихся в разделе 3.4.1, не совпадает. NCI не лицензируются в неотрицательных контекстах лицензирования NPI, например протасисе условной конструкции:

- (383) a. *Если вы встретите никого, позвоните мне.
 b. Если вы кого-либо встретите, позвоните. мне (Partee 2005:5)

Однако NPI сами по себе неоднородны и делятся на классы. Можно предположить, что NCI – сильные NPI (Déprez 2017:111-112; Giannakidou and Zeijlstra 2017:3), которые лицензируются только в отрицательных контекстах и в частности неграмматичны в протасисе условной конструкции (384). В таком случае NCI будут лицензироваться, например, оператором O (раздел 3.1.2) с некоторыми дополнительными ограничениями – именно такой анализ предлагается в Chierchia (2013:232-230); Fălăuş and Nicolae (2016:585)).

- (384) a. If Bill has ever seen anyone, he is keeping it a secret. (Gajewski 2011:120)
 b. *If Bill arrived until Friday, he is keeping it a secret. (Gajewski 2011:120)

Этот анализ сталкивается с трудноразрешимой эмпирической проблемой – дистрибуция NCI еще уже, чем у сильных NPI. Как было замечено еще в Lakoff (1969) (контраст был обнаружен Masagu Kajita, л. с. Робин Лакофф), сильные NPI (например, английские *in years*, *either*, пунктивное *until*) могут лицензироваться отрицанием через границу финитной клаузы, если матричный предикат обладает свойством подъема отрицания (далее – NR-предикат), которое подробнее обсуждается в следующей главе.

- (385) a. John doesn't think that Mary will arrive until tomorrow.

- b. *John isn't certain that Mary will arrive until tomorrow. (Romoli 2013:317)

Как показано в Dočekal (2020) на материале чешского языка, этот контекст позволяет отделить сильные NPI (например, *ani jeden student* 'даже один студент') от NCI. По данным эксперимента Dočekal (2020), сильные NPI не очень грамматичны в подчиненной финитной клаузе при отрицании матричных NR-предикатов и очень маргинальны при отрицании остальных матричных предикатов. NCI в любом случае неграмматичны в подчиненной клаузе при отрицании в матричной. Соответствующие контрасты воспроизведены в (386) с использованием русских сильных NPI *и один NP*¹¹⁸.

- (386) a. ?Петя не думал, что Наташа решит и одну задачу. (NR-предикат)
 b. ??Петя не обещал, что Наташа решит и одну задачу. (не NR-предикат)
 c. *Петя не думал, что Наташа решит ничего. (NR-предикат)
 d. *Петя не обещал, что Наташа решит ничего. (не NR-предикат)

Таким образом, лицензирование NCI, в отличие от сильных NPI, строго локально. Контраст в (386) естественным образом следует из предположения о том, что NCI лицензируются в синтаксисе (и соответственно на их лицензирование действуют синтаксические ограничения локальности), а для лицензирования NPI (как сильных, так и слабых) имеют значение логические свойства контекста (Zwarts 1993; Homer 2008; Gajewski 2011).

Кроме того, в некоторых случаях сильные NPI все же лицензируются без отрицания (387), (388). По предположению Gajewski (2011:129-131) в примерах типа (387) происходит "усечение" шкалы, в результате чего *few* (вместо лицензирующего в обычных случаях *no*) становится нижней точкой шкалы. Став нижней точкой шкалы, *few* не порождает проблемную скалярную импликацию, что делает его лицензором. (Мне нечего сказать по поводу примера (388).)

- (387) Few Americans have been to Spain. Few Canadians have either. (Nathan 1999:2)
 (388) I'll be damned if I hire you until you get a haircut. (Jacobson 2020)

Еще одна дистрибутивное различие между NCI и NPI проявляется в эллиптических контекстах, где допустимы только первые, ср. (389) и (390).

- (389) a. Кто пришел? – Никто.
 b. Петя иногда преувеличивает, но Даша – никогда.
 (390) a. Кто пришел? – *Кто-либо.
 b. *Петя иногда преувеличивает, а/но/и Даша – когда-либо.

¹¹⁸ Можно заметить, что эти NPI очень похожи на NPI типа *даже один NP*, обсуждавшиеся в разделе 3.4. Собственного говоря, я предполагаю, что большинство NPI в примере (363) на самом деле попадают в один класс с *и один NP*, а не *даже один NP*. Предположительно, лицензирование *и один NP* более локально, чем лицензирование *даже один NP*, из-за аддитивной пресуппозиции *и*, см. Россайкин (2022b).

Дополнительные различия между лицензированием NCI и NPI, несовместимые с теорией “NCI как NPI”, будут показаны в разделе 4.2. Кроме того, следует отметить, что в языках с NC в морфологическом составе NCI систематически проявляется отрицательный компонент, что свидетельствует либо об ингерентной отрицательности, либо об отрицательном согласовании. В то же время связи между сильными NPI и отрицательной морфологией не наблюдается (ср. русское *и одна задача*; английские *until, in years, either*).

4.1.2. Строгое и нестрогое отрицательное согласование

Под строгим NC понимается такая его разновидность, когда отсутствует какая-либо асимметрия между NCI в пре- и постглагольной позиции. Например, в русском языке NCI требуют наличия отрицания независимо от своего линейного расположения относительно глагола (хотя само по себе расположение перед глаголом и отрицанием предпочтительно, см. ниже). При наличии пре- vs постглагольной асимметрии отрицательное согласование называют нестрогим. Это явление характерно для романских языков и креолов на их основе (Watanabe 2004:595, Zeijlstra 2004:149, Giannakidou and Zeijlstra 2017:14), хотя встречается и в неродственных им языках (Haspelmath 1997:210-213). Например, в итальянском языке существуют элементы, требующие присутствия показателя SN в постглагольной позиции (391-а), но обходящиеся без него в предглагольной (391-б)¹¹⁹.

- (391) а. Non ha telefonato nessuno. (итальянский)
 NEG AUX звонил кто-либо
 ‘Никто не звонил.’
- б. Nessuno ha telefonato.
 никто AUX звонил
 ‘Никто не звонил.’ (Zeijlstra 2004:39)

Асимметричная дистрибуция романских псевдо-NCI, как я в дальнейшем буду называть эти элементы, послужила тому, что для них предлагались противоположные анализы – как NPI в Laka (1990) и как отрицательных кванторов (типа английских *nothing, nobody*) в Zanuttini (1991); De Swart and Sag (2002). В некоторых работах предлагается унифицирующий анализ строгого и нестрогого NC (Zeijlstra 2004, 2008; Penka 2011; Chierchia 2013; Kuhn 2022), например, в теориях Zeijlstra (2004, 2008) и Chierchia (2013) различие между строгим и нестрогим NC сводится к (не)интерпретируемости фонологически выраженного отрицательного показателя в рассматриваемом языке.

Проблема унифицирующих подходов состоит в том, что они эмпирически неадекватны. Во-первых, они неверно предсказывают дистрибуцию псевдо-NCI. Во-вторых, они никак не объясняют морфологические различия между NCI и псевдо-NCI. В-третьих, они не подкрепляются типологическими данными. Рассмотрим эти проблемы по отдельности.

¹¹⁹ Добавление отрицательного маркера ведет либо к неграмматичности (Zeijlstra 2008:3; Chierchia 2013:229), либо к двойному отрицанию (Moscati 2010:88), см. обсуждение ниже в этом разделе.

В работах Zanuttini (1989); Herburger (2001); Moscati (2006, 2010); Nakajima (2020) предлагается анализировать романские псевдо-NCI как лексически неоднозначные – они могут быть как NPI, так и ингерентно отрицательными кванторами (но не NCI). Я принимаю этот анализ, что отражено в глоссах, ср. глоссы у *nessuno* в (391-a) и (391-b), и пометках напротив дальнейших примеров.

В отличие от подлинных NCI, романские псевдо-NCI могут появляться в неотрицательных контекстах лицензирования NPI (392). Очевидно, всякий анализ, рассматривающий NC как синтаксическое согласование с отрицанием и рассматривающий псевдо-NCI как NCI, в лице этих примеров сталкивается с трудноразрешимой проблемой.

- (392) a. *Ha visto niente?* (NPI)
 AUX видел что-либо
 ‘Он видел что-нибудь?’
- b. *Se dovesse venire nessuno, digli di ripassare doro.* (NPI)
 если должен.SUBJ.3SG прийти кто-либо скажи.ему PREP вернуться позже
 ‘Если кто-нибудь придет, скажи ему вернуться позже.’
- c. *Sparirono prima che Gianni potesse dir niente.* (NPI)
 исчезли прежде чем Джанни мочь.SUBJ.3SG сказать что-либо
 ‘Они исчезли, прежде чем Джанни смог сказать что-либо.’ (Moscati 2010:92)

Грамматичность (392-b), (392-c) и других примеров с неотрицательным лицензированием, которые здесь не приводятся, варьирует по носителям, однако лицензирование в вопросе (392-a) грамматично для всех носителей (Moscati 2010:92-93). Лицензирование в неотрицательных контекстах наблюдается и в других языках с нестрогим NC (Laka 1990:111-113; Haspelmath 1997:196; Watanabe 2004:595; Moscati 2010:93; Van der Auwera and Van Alsenoy 2016:475-476).

Если псевдо-NCI на самом деле могут быть NPI, как следует из (392), то они должны лицензироваться через границу финитной клаузы, что и происходит (393).

- (393) *Non pretendo che tu dica niente.* (NPI)
 NEG требую что ты говорить.SUBJ что-либо
 ‘Я не требую, чтобы ты что-либо говорил.’ (Haegeman 1995:80)

Что интересно, при нахождении в субъектной позиции возможность лицензирования зависит от типа матричного предиката – в некоторых случаях псевдо-NCI лицензируются как NPI (394-b), а в некоторых интерпретируются как отрицательные кванторы (394-a), что опять же невозможно в языках со строгим NC¹²⁰. Несалиентная интерпретация с двойным отрицанием есть и в предложении, где лицензируется NPI (394-b).

- (394) a. *Non pretendo che nessuno ti arresti.* (NQ)
 NEG требую что никто тебя арестовывать.SUBJ.3SG

¹²⁰ Предположительно, этот контраст связан с обсуждавшимся выше свойством подъема отрицания, см. дополнительные данные в Номер (2008:430-432).

1. *‘Я не требую, чтобы тебя арестовывал кто-либо.’
 2. ‘Я не требую, чтобы никто тебя не арестовывал.’ (Moscati 2010:154)
- b. Non voglio che nessuno mi disturbi. (NPI/NQ)
 NEG хочу что кто-либо меня беспокоить.SUBJ.3SG
1. ‘Я не хочу, чтобы кто-либо меня беспокоил.’
 2. #‘Я не хочу, чтобы никто меня не беспокоил.’ (Moscati 2010:98)

О возможности использования псевдо-NCI в качестве отрицательных кванторов свидетельствует также грамматичность фрагментарных ответов (395). NPI в этом контексте неграмматичны (390).

- (395) Chi hai visto? – Nessuno (NQ)
 кто AUX.2SG видел? никто
 ‘Кого ты видел? – Никого.’

Остальные специфические свойства псевдо-NCI следуют из предположения о том, что они могут быть как NPI, так и отрицательными кванторами. Например, они появляются в конструкциях с распространением отрицания (negative spread), в которых присутствует “согласование” между несколькими псевдо-NCI в одной клаузе, но нет показателя сентенциального отрицания (396-a). В соответствии с анализом Moscati (2010:100) я предполагаю, что в (396-a) отрицательный квантор в предглагольной позиции лицензирует NPI в постглагольной позиции. Аналогичные предложения в языках со строгим NC неграмматичны (396-b).

- (396) a. Nessuno ha telefonato a nessuno (NQ-субъект, NPI-объект)
 никто AUX звонил PREP кто-либо
 ‘Никто никому не звонил.’ (Zeijlstra 2004:76)
- b. Никто *(не) звонил никому

Если псевдо-NCI в предглагольной позиции являются отрицательными кванторами, то при добавлении сентенциального отрицания ожидается появление двойного отрицания в интерпретации, что и происходит (397), см. также Laka (1990:120)¹²¹.

- (397) Nessuno non ha telefonato (NQ)
 никто NEG AUX звонил
 ‘Никто не не звонил.’ (Moscati 2010:94)

Кроме того, при лицензировании из матричной клаузы ожидается двусмысленность, поскольку это допустимый контекст как для NPI, так и для отрицательных кванторов (в предглагольной позиции). Выше было показано, что при отрицании матричных NR-предикатов действитель-

¹²¹ Zeijlstra (2008:3) утверждает, что предложения типа (397) грамматичны только с сильным акцентом на псевдо-NCI и паузой после него *NESSUNO # non ha telefonato*. По данным Moscati (2010:88) предложение (397) грамматично с нейтральной интонацией. Так или иначе, русское предложение *никто не звонил* не может интерпретироваться с двойным отрицанием. Для этого необходимо использовать двойное отрицание перед глаголом, см. интерпретацию (397).

но возможны две интерпретации (394-b), хотя NPI-интерпретация предпочтительнее (Moscato 2006:155). Двусмысленность также возникает при лицензировании адверсативным матричным предикатом *dubitare* ‘сомневаться’:

- (398) Dubito che nessuno venga (NPI/NQ)
 сомневаюсь что кто-либо/никто приходит.SUBJ
 1. ‘Я сомневаюсь, что кто-либо придет.’
 2. ‘Я сомневаюсь, что никто не придет.’ (Zanuttini 1991:143)

Итак, дистрибуция псевдо-NCI явно не совпадает с дистрибуцией NCI в языках со строгим NC типа русского. Она же не совпадает и с дистрибуцией NPI и отрицательных кванторов по отдельности. Однако, если предположить, что псевдо-NCI омонимично выражают NPI и отрицательные кванторы, все встает на свои места.

Остается открытым вопрос, почему псевдо-NCI в значении отрицательного квантора не могут быть грамматичны в постглагольной позиции без отрицания (391-а). Эта проблема, конечно, осознается сторонниками теории лексической неоднозначности псевдо-NCI, и за подходами к ее решению я отсылаю читателей к Herburger (2001); Moscati (2006, 2010)¹²².

Вторая проблема подходов, унифицирующих строгое и нестрогое NC, состоит в том, что они игнорируют морфологию. По наблюдению Watanabe (2004:587-607), NCI в языках со строгим NC систематически демонстрируют один и тот же морфологический состав: неспецифицированное местоимение (wh-слово) + фокусный или аддитивный элемент + (опционально) отрицательный показатель, см. (399) и табл. 6. Данные японского взяты из Watanabe (2004:599).

- (399) a. русский: н-и-кто NEG-ADD-кто
 b. венгерский: *sen-ki* NEG.ADD-кто
 c. японский: *dare-mo* кто-ADD

Table 6: NCI в русском, венгерском и японском

	<i>ki, da're</i> ‘кто’	<i>mi, na'ni</i> ‘что’	<i>hol, do'ko</i> ‘где’	<i>mikor, itu</i> ‘когда’
русский	<i>н-и-кто</i>	<i>н-и-что</i>	<i>н-и-где</i>	<i>н-и-когда</i>
венгерский	<i>sen-ki</i>	<i>sem-mi</i>	<i>se-hol</i>	<i>so-ha</i> NEG.ADD-если
японский	<i>dare-mo</i>	<i>nani-mo</i>	<i>doko-mo</i>	—

В (романских) языках с нестрогим NC такого единообразия нет – несмотря на близкое родство языков, парадигмы состоят из разнородных элементов как в одном языке, так и от языка к языку. По предположению Haspelmath (1997:233) романские псевдо-NCI появились в результате слияния двух парадигм (латинских отрицательных местоимений и местоимений неотрицатель-

¹²² Неграмматичность отрицательных кванторов в постглагольной позиции наблюдается и в некоторых языках без NC, например, в норвежском (Svenonius 2002). Некоторые теории предполагают, что даже в языках без NC (типа английского) отрицательные кванторы передвигаются в SpecNegP (Beghelli and Stowell 1997). Это объясняет неграмматичность отрицательных кванторов в постглагольной позиции.

ного происхождения типа итальянского *mai* или испанских *nadie, nada*), что можно рассматривать в качестве дополнительно подспорья анализу, предполагающему их двусмысленность в синхронии.

Table 7: Псевдо-NCI в романских языках (Watanabe 2004:592)

	человек	вещь	место	время
румынский	<i>nimeni</i>	<i>nimic</i>	<i>nicăieri</i>	<i>niciodată, nici-cînd</i>
португальский	<i>ninguém</i>	<i>nada</i>	<i> nenhures</i>	<i>nunca, jamais</i>
испанский	<i>nadie</i>	<i>nada</i>	<i>en ninguna parte</i>	<i>nunca</i>
каталанский	<i>ningú</i>	<i>res</i>	<i>enlloc</i>	<i>mai</i>
французский	<i>personne</i>	<i>rien</i>	<i>nulle part</i>	<i>jamais</i>
итальянский	<i>nessuno</i>	<i>niente, nulla</i>	<i>in nessun luogo</i>	<i>mai</i>

Типологические данные также свидетельствуют против унифицированного подхода к NC. В выборке Van der Auwera and Van Alsenoy (2016) из 170 языков отрицательное согласование встречается в 34, причем только в 3 из них – нестрогое. Более того, нестрогое NC не только встречается крайне редко, но и само по себе очень разнообразно (Van der Auwera and Van Alsenoy 2016:492-505). На этом основании Van der Auwera and Van Alsenoy (2016) приходят к выводу, что бинарное разделение NC на строгое и нестрогое не имеет смысла, поскольку нестрогое NC вообще не является однородным явлением. “Параметрические” теории, предполагающие минимальные различия между строгим и нестрогим NC, состоящие, например, в интерпретируемости (Zeijlstra 2004, 2008; Chierchia 2013) или сфере действия отрицательного показателя (Szabolcsi 2018a; Kuhn 2022) неспособны объяснить, почему нестрогое NC такой редкое и такое неоднородное.

Таким образом, на данный момент наиболее состоятельной представляется теория, в соответствии с которой нестрогое NC романского типа вообще не задействует отрицательное согласование, а следует из лексической неоднозначности (Zanuttini 1989; Herburger 2001; Moscati 2006, 2010; Nakajima 2020). Нестрогое NC в нероманских языках имеет другие свойства и, возможно, требует другого анализа. В целом типологическая редкость и неоднородность нестрогого NC (Van der Auwera and Van Alsenoy 2016) оправдывает разный анализ для разных случаев.

Таким образом, вопреки предположениям Zeijlstra (2004, 2008); Penka (2011); Chierchia (2013); Kuhn (2022), от теории NC, в частности теории, объясняющей дистрибуцию русских *ни*-местоимений, не требуется быть способной объяснять дистрибуцию псевдо-NCI, потому что это элементы разных классов. В дальнейших разделах я сосредоточусь на строгом NC.

4.1.3. Интерпретируемость показателя отрицания

Последний вопрос, на котором я коротко остановлюсь до перехода к обсуждению синтаксиса NCI в русском языке и который релевантен для настоящего исследования независимо от анализа NCI – интерпретируемость отрицательного показателя. Влиятельная теория Zeijlstra (2004, 2008) предполагает, что в языках со строгим NC показатель отрицания (например, *ne* в

русском) – неинтерпретируемый. Как сам показатель SN, так и NCI в позиции субъекта лицензируются фонологически невыраженным отрицательным оператором $Op_{[iNeg]}$ (400)¹²³.

- (400) а. $Op_{[iNeg]}$ Джанни $ne_{[uNeg]}$ звонил никому $[uNeg]$
 б. $Op_{[iNeg]}$ никто $[uNeg]$ $ne_{[uNeg]}$ звонил никому $[uNeg]$

В языках с нестрогим NC отрицательный показатель – интерпретируемый и лицензирует NCI самостоятельно (401-а). Однако, если NCI находится в субъектной позиции, то он имеет сферу действия над отрицанием, что требует вставления скрытого оператора $Op_{[iNeg]}$ (401-б). Выраженный отрицательный показатель при этом не требуется, а если он есть, то предложение интерпретируется с двойным отрицанием (401).

- (401) а. Gianni $non_{[iNeg]}$ ha telefona a nessuno $[uNeg]$.
 Джанни NEG AUX звонит PREP никто
 ‘Джанни не звонит никому’ (Zeijlstra 2008:26)
 б. $Op_{[iNeg]}$ nessuno $[uNeg]$ ($non_{[iNeg]}$) ha telefonato a nessuno $[uNeg]$.
 ‘Никто не звонил никому.’ (Zeijlstra 2008:26-27)

Это предположение было принято с изменениями или без в последующих теориях (Penka 2011; Chierchia 2013; Fălăuș and Nicolae 2016; Szabolcsi 2018a) или переформулировано с использованием сферы действия – отрицание, даже если оно всегда интерпретируемое, в разных языках имеет разную сферу действия, что объясняет различные типы NC (Kuhn 2022).

Проблемы подобных анализов очевидны. Во-первых, как уже было неоднократно показано выше, субъекты в русском языке обычно интерпретируются над отрицанием, а не под ним, как указано в (400). Во-вторых, неясно, зачем в таком случае нужен показатель $ne_{[uNeg]}$ в русском языке. Например, почему русское предложение (400-б), в отличие от итальянского (401-б), не может просто обойтись без выраженного отрицательного показателя. В-третьих, скрытый отрицательный оператор $Op_{[iNeg]}$ предсказывает грамматичность предложений, которые на самом деле неграмматичны. Например, предложение должно быть грамматичным (402-б), учитывая, что само по себе отрицание инфинитива не представляет проблемы (402-а)¹²⁴. Я возвращаюсь к подобным примерам в разделе 4.2.3.

- (402) а. $Op_{[iNeg]}$ Петя будет ничего $[uNeg]$ $ne_{[uNeg]}$ делать.
 б. $Op_{[iNeg]}$ *Никто $[uNeg]$ будет $ne_{[uNeg]}$ спать.

¹²³ $[uNeg]$ обозначает неинтерпретируемый отрицательный признак, $[iNeg]$ обозначает интерпретируемый отрицательный признак. См. раздел 2.2.4 или следующий раздел.

¹²⁴ Можно предположить, что (i) в (402-а) лицензирующий оператор на самом деле располагается ниже в структуре, например непосредственно над $ничего_{[uNeg]}$ и (ii) в (402-б) он лицензирует $никто_{[uNeg]}$, но располагается слишком далеко от $ne_{[uNeg]}$ (например их разделяет граница фазы, см. Chomsky 2000, 2001). В таком случае неясно, что мешает добавить в структуру два оператора $Op_{[iNeg]}$ – один для лицензирования $никто$ и один для лицензирования $не$.

Указанные выше проблемы теории неинтерпретируемого отрицания подробно обсуждаются в Россыйкин (2021:84-90). В этой работе я не буду останавливаться на них подробнее и ограничусь критикой независимого аргумента Zeijlstra (2004, 2008) в пользу существования $Op_{[iNeg]}$ и неинтерпретируемости *ne* в языках со строгим NC.

Как замечает Зейлстра, в таких языках кванторы могут интерпретироваться под отрицанием, даже линейно предшествуя ему (403).

- (403) Milan moc nejedl (чешский)
 Милан много не.съел
 1. $\neg >$ много: ‘Милан не съел много.’
 2. *много $> \neg$: ‘Милан много не съел.’ (Zeijlstra 2008:23)

То же самое можно наблюдается и в случае NPI – они лицензируются, даже если линейно предшествуют отрицанию (404). Из этого можно сделать вывод, что отрицание на самом деле располагается не там, где маркируется, а в более высокой структурной позиции.

- (404) a. ani nohu jsem (tam) nevidel (чешский)
 даже.NPI ногу есть.1SG там не.видел
 ‘Я не видел (там) никого.’ (Zeijlstra 2004:246)
 b. *Anybody doesn’t come. (Zeijlstra 2004:221)

Эти аргументы опираются на произвольное предположение о соответствии линейного порядка и сферы действия. Очевидно, однако, что NPI-объект в (404-а) был перевиднут в нестандартную OSV-позицию. Ничто не мешает предположить, что после этого A'-скрэмблинга он реконструируется в позицию в сфере действия отрицания. То же можно сказать и о кванторе *moc* в (403).

Анализ, предполагающий реконструкцию, подтверждается и предложениями (405). В (405) в обоих примерах XP линейно находится на левой периферии ($XP >$ наверное $> \neg$) и в то же время (при определенной интонации) интерпретируется максимально низко (наверное $> \neg > XP$). Для того, чтобы объяснить сферу действия XP ниже эпистемического наречия *наверное* с неизбежностью придется предположить, что XP реконструируется после A'-скрэмблинга. В таком случае, непонятно, что мешает анализировать и сферу действия под отрицанием через реконструкцию.

- (405) a. Много Петя, наверное, не съел. (наверное $> \neg >$ много)
 b. И слова, наверное, Петя не сказал (наверное $> \neg >$ и слова)

Таким образом, аргументы Zeijlstra (2004, 2008) в пользу скрытого отрицания, основанные на наблюдаемой обратной сфере действия, не имеют силы. А значит, можно сохранить более экономное и интуитивно привлекательное предположение, использовавшееся мной до этого момента: отрицательный показатель *ne* в русском языке (как и аналогичные показатели в других

языках) – интерпретируемый, и фонологически пустого отрицания не существует.

Итак, были рассмотрены два смежных вопроса, понимание которых необходимо для корректного анализа NC: релевантность псевдо-NCI и NPI для теории NC (нерелевантны); интерпретируемость показателя SN (интерпретируем). В следующем разделе я перехожу к рассмотрению синтаксиса NCI.

4.2. Синтаксис: NCI лицензируются над отрицанием

Я предлагаю анализировать NC как синтаксическое согласование. Это достаточно стандартное предположение, до минимализма подобный анализ был выдвинут в Haegeman and Zanuttini (1991), а в минимализме, насколько мне известно, впервые предложен Brown (1999) на материале русского языка и в дальнейшем в том или ином виде использован во многих других работах (Watanabe 2004; Zeijlstra 2004, 2008; Bošković 2008, 2009; Penka 2011; Chierchia 2013; Szabolcsi 2018a).

Все эти авторы рассматривают NCI как экзистенциальные элементы (кванторы или неопределенные местоимения) в сфере действия отрицания. Такой анализ семантики NCI вынуждает принимать нестандартный анализ согласования. В этом разделе я покажу, что NCI лицензируются **над** отрицанием. Это предположение делает возможной очень простую формализацию отрицательного согласования, использующую стандартную операцию Agree.

4.2.1. Согласование в минимализме

Стандартный вариант минимализма (Chomsky 2000, 2001) формализует согласование как операцию Agree (406), в которой неинтерпретируемый признак $[uF\downarrow]$ составляющей Y (зонд) ищет интерпретируемый признак $[iF]$ (цель) в с-командуемой области¹²⁵. Если $[iF]$ найден, то $[uF\downarrow]$ проверяется и удаляется из деривации, что обозначается зачеркиванием¹²⁶ (406-a). Если у зонда есть признак/свойство EPP, то он дополнительно требует передвижения цели (XP) в позицию SpecYP (406-b). Для того, чтобы составляющая $XP_{[iF]}$ могла служить в качестве цели, она сама должна иметь неинтерпретируемый признак $[uK]$ (ограничение, известное как условие активности или условие активации) (Chomsky 2000:123; Bošković 2007:607-609). В результате Agree удаляется как $[uF\downarrow]$, так и $[uK]$, указанный в (406) в скобках.

- (406) a. Agree: $[Y Y_{[uF\downarrow, (iK)]} [ZP \dots XP_{[iF, (uK)]} \dots]]$
 b. Agree (+EPP): $[Y_P XP_{[iF, (uK)]} [Y Y_{[uF\downarrow, EPP, (iK)]} [ZP \dots XP_{[iF, (uK)]} \dots]]]]$

¹²⁵ Дополнительные стрелочные обозначения (\downarrow , \uparrow), заимствованные из Abels (2012b) и обозначающие направление “поиска”, не используются в обсуждаемых здесь работах.

¹²⁶ В поздних версиях минимализма типология признаков была усложнена, и место проверки заняло означивание (feature valuation) или распространение признаков (feature sharing), см. Chomsky (2001); Pesetsky and Torrego (2007). При формализации NC, как правило, по-прежнему используется простая типология признаков (интерпретируемые vs неинтерпретируемые) и операция проверки, в том числе и далее в этой работе. В целом, ничто не мешает переформулировать синтаксические теории NC с учетом более сложной типологии признаков и, соответственно, операций означивания/распространения признаков.

Agree плохо подходит для формализации NC, поскольку в большинстве случаев составляющая, нуждающаяся в лицензировании (NCI), структурно находится **ниже** лицензора – отрицания (например, $ne_{[iNeg]}$ или $Op_{[iNeg]}$). В терминах признаков это означает, что цель доминирует над зондом (407-а), что противоречит (406). В работе Bošković (2007) предлагается небольшая модификация стандартного Agree, делающая структуру (407-а) допустимой: если зонд $[uF\downarrow]$ не может найти в с-командуемой области признак $[iF]$ (407-а), чтобы “спасти” деривацию он передвигается вверх в ближайшую структурную позицию, из которой Agree становится возможным (407-б).

(407) Agree (Bošković 2007)

- a. $*[Y Y_{[iF]} [ZP \dots XP_{[uF\downarrow]} \dots]]$
 b. $[_{YP} XP_{[uF\downarrow]} [Y Y_{[iF]} [ZP \dots XP_{[uF\downarrow]} \dots]]]]$

Модификация Бошковича изначально не имела отношения к лицензированию NCI. Ее целью было простое и непротиворечивое объяснение циклического wh-передвижения (Bošković 2007:633-634). У нее есть и другие преимущества по сравнению со стандартным Agree: в ней не нужно ни условие активации, ни EPP — в частности, деривация в (406-б) требует передвижения $XP_{[iF, (uK)]}$ для проверки uK. Это желаемый результат, поскольку и условие активации, и EPP в сущности являются чисто техническими допущениями (Bošković 2007:608, 621). К этому следует добавить, что (407) очень точно предсказывает дистрибуцию и синтаксические свойства NCI, что будет показано ниже.

Как в большинстве синтаксических теорий лицензирования NCI, я предполагаю, что они вступают в деривацию с признаком $[uNeg]$. Фонологически этот признак выражается в виде показателя *n-*, который, таким образом, рассматривается как чисто согласовательный. Поскольку в любой аргументной позиции NCI вступают в деривацию ниже, чем отрицание, этот признак не может быть проверен и удален стандартным Agree, ср. (407-а). В соответствии с теорией Bošković (2007) NCI должен передвинуться в SpecNegP, как показано в (408). Это передвижение в целом аналогично вопросительным передвижениям или передвижению субъекта для проверки падежного признака¹²⁷.

(408) Петя $[_{NegP} \text{ничего}_{[uNeg]}] [_{Neg} ne_{[iNeg]} [_{VP} \text{сделал} \text{ничего}_{[uNeg]}]]$

Большинство существующих теорий предполагают, что NCI лицензируются в сфере действия отрицания, а не над ним. Разумеется, Agree для этого по-прежнему не подходит, поскольку цель доминирует над зондом (407-а). Авторы этих теорий (Brown 1999; Zeijlstra 2004, 2008)

¹²⁷ Здесь, впрочем, возникает техническая проблема в случае субъектных NCI. Если предположить, что (а) для дальнейшей проверки падежного признака необходимо передвижение в позицию субъекта SpecTP и (б) NCI “замораживается” в SpecNegP (см. раздел 4.3.2), соблюдение (а) становится невозможным. Есть некоторые способы обойти эту проблему, которые я не обсуждаю по соображениям объема. Следует, однако, отметить, что для теорий, предполагающих лицензирование в сфере действия отрицания, эта проблема представляется еще более серьезной.

предлагают развернуть направление Agree, заменив его операцией Upward (или Reverse) Agree (Bjorkman and Zeijlstra 2014, 2019; Wurmbrand 2014) (409).

$$(409) \quad \text{Upward Agree:} \quad [Y \ Y_{[iF]} \ [ZP \ \dots \ XP_{[uF\uparrow]} \ \dots \]]$$

Однако, вопреки предположениям Zeijlstra (2004, 2008); Bjorkman and Zeijlstra (2014, 2019), без дополнительных допущений (409) не подходит для анализа NC, поскольку не предсказывает обязательное (см. ниже) передвижение NCI (408). Для того чтобы составляющая $XP_{[uF\uparrow]}$ передвигалась, необходимо наличие у цели $Y_{[iF]}$ либо свойства EPP (410-а), либо дополнительного признака $[uK\uparrow]$, провоцирующего передвижение $XP_{[uF\uparrow, iK]}$ в SpecYP в духе (Bošković 2007) (410-b).

$$(410) \quad \begin{array}{ll} \text{a. Upward Agree (+EPP):} & [YP \ XP_{[uF\uparrow]} \ [Y \ Y_{[iF, EPP]} \ [ZP \ \dots \ XP_{[uF\uparrow]} \ \dots \]]] \\ \text{b. Upward Agree (+uK):} & [YP \ XP_{[uF\uparrow, iK]} \ [Y \ Y_{[iF, uK\uparrow]} \ [ZP \ \dots \ XP_{[uF\uparrow, iK]} \ \dots \]]] \end{array}$$

Таким образом, анализ NC через Upward Agree требует либо допущения *ad hoc* в виде EPP, либо постулирования у отрицания признака $[uK\uparrow]$, провоцирующего передвижение NCI. Существование такого признака сомнительно – неясно ни чем он должен быть содержательно, ни чем он проверяется в отсутствии NCI. С учетом того, что Upward Agree делает неверные предсказания и в случае глагольного согласования с аргументами (Rudnev 2021), этот способ формализации NC не представляется привлекательным.

В последующих разделах я рассматриваю три группы аргументов, свидетельствующих в пользу лицензирования NCI над отрицанием.

4.2.2. Порядок составляющих

Как уже было не раз замечено выше, в русском языке субъект, как правило, интерпретируется над отрицанием. Предлагаемая теория объясняет парадигму в (411) без дополнительных допущений. С другой стороны, если предположить, что NCI лицензируются под отрицанием, окажется, что узкая сфера действия в позиции субъекта отличает их от любой другой составляющей (411)¹²⁸. Грамматичность (411-а) нельзя объяснить реконструкцией в исходную позицию субъекта (Fălăuș and Nicolae 2016; Déprez 2017), поскольку реконструкция после A-передвижения если и возможна, то требует маркированной интонации (см. раздел 3.4.1), чего в (411-а) нет.

$$(411) \quad \begin{array}{ll} \text{a. Никто не пришел.} & (\neg > \exists \text{ или } \forall > \neg) \\ \text{b. Кто-нибудь точно не придет.} & (\text{точно} > \exists > \neg) \\ \text{c. *Кто-либо не пришел.} & (\exists > \neg) \\ \text{d. Если кто-либо не придет, позвони мне.} & (\text{если} > \exists > \neg) \\ \text{e. (Я уверен,) хотя бы один человек не придет.} & (\exists > \neg) \end{array}$$

¹²⁸ Кроме, возможно, NPI типа *даже один NP*, см. раздел 3.4.

- f. Каждый студент не решил хотя бы одну задачу. $(\forall > \exists > \neg)$

Второй аргумент в пользу передвижения в позицию над отрицанием связан с порядком слов в простой клаузе. Предпочтительная линейная позиция NCI — предглагольная (Герасимова 2015:52)¹²⁹. В случае с NCI-объектами нейтральность порядка SOV можно рассматривать как частный случай общего свойства местоимений-объектов занимать предглагольную позицию. Однако предпочтительность предглагольной позиции характерна для NCI в целом и особенно заметна в предложениях с несколькими NCI (412). Если бы NCI могли оставаться *in-situ*, следовало бы ожидать полную грамматичность и нейтральность (412-b). Обсуждение того, каким образом порядок (412-b) может получаться после передвижений NCI в SpecNegP, см. в Bošković (2008, 2009).

- (412) а. Никто никогда никому ничего не дает.
 б. ?Никто не дает никогда никому ничего.

Еще более явно передвижение NCI в предложениях с отрицанием составляющих. В (413) представлен, по всей видимости, единственный контекст, в котором NCI лицензируются не матричным отрицанием. Невозможность скремблинга в пределах составляющей [не [DP/NP]] позволяет увидеть порядок слов, возникающий в результате обязательных (обусловленных проверкой признаков) передвижений.

- (413) а. Петя купил никакой не мотоцикл, а (просто) велосипед.
 б. *Петя купил не никакой мотоцикл, а (просто) велосипед.

Насколько мне известно, никакие другие адъективные модификаторы не могут предшествовать показателю CN при отрицании ИГ (414). Таким образом, возможность и обязательность этого передвижения трудно объяснить чем-то еще помимо необходимости создания конфигурации для отрицательного согласования.

- (414) Петя купил *какой-нибудь/*синий/никакой не стол, а красный шкаф.

Примеры типа (413), (414) также свидетельствуют о том, что для лицензирования NCI имеет значение достижимость именно NegP, а не какой-либо другой проекции на левой периферии, например FocP (Bošković 2008, 2009). В противном случае придется предположить существование фокусной проекции в структуре DP/NP.

¹²⁹ Исключение — именные группы, модифицируемые NCI, в позиции объекта (например, *никаких студентов* или *ни одного студента*). Для них нейтральна стандартная постглагольная (SVO) позиция (Герасимова 2015:52). Это, однако, не отменяет необходимости передвижения, см. ниже.

4.2.3. Ограничения передвижений

Если NCI передвигаются в SpecNegP для проверки неинтерпретируемого признака, невозможность этого передвижения должна приводить к неграмматичности. Так и происходит. В (415-a) NCI-модификатор допустим, поскольку, предположительно, либо модифицирует всю конъюнкцию/дизъюнкцию, либо выдвигается из обоих конъюнктов передвижением Across-the-Board¹³⁰. Во втором аргументе конъюнкции или дизъюнкции, выдвигение откуда невозможно, NCI недопустимы (415-b), что отличает их от NPI на *-либо* (415-c). Это тривиально следует из того, что NCI, остающийся во втором конъюнкте/дизъюнкте, не может с-командовать отрицанием независимо от передвижений сочиненной конструкции в целом. Интересно, что обычно *либо*-местоимения менее предпочтительны в контексте отрицания, чем *ни*-местоимения, однако в этом случае различия в условиях лицензирования делают более допустимыми как раз NPI.

- (415) а. Я не нашел там никаких денег и/или драгоценностей.
 б. *Я не нашел там денег и/или никаких драгоценностей.
 с. Я не нашел там денег и/или каких-либо драгоценностей.

Схожий пример приводит Рожнова (2009). Независимо от структурного анализа (416), для того, чтобы оказаться в позиции с-командования отрицанием, NCI должен совершить запрещенное передвижение из второго конъюнкта.

- (416) *Я хотел не спать и пропустить ничего. (Рожнова 2009:34)
 а. *Я хотел не [спать и пропустить ничего].
 б. *Я хотел [не спать] и пропустить ничего.

В русском языке также запрещено извлечение генитивного посессора (Лютикова 2009). Например, при его релятивизации возникает эффект крысолова (417).

- (417) а. [...] рассказ о женщине, дом которой смывает разлившаяся река [дом которой].
 б. *[...] рассказ о женщине, которой смывает разлившаяся река [дом которой].

В соответствии с ожиданиями, NCI в позиции генитивного посессора неграмматичны (418-b). При этом допускается как посессивный NCI-модификатор *ничей* (418-a), так и NPI в позиции генитивного посессора (418-c), хотя такие предложения оцениваются ниже.

- (418) а. Я не просматривал ничьи сообщения.
 б. *Я не просматривал сообщения никого.
 с. ?Я не просматривал сообщения кого-либо.

¹³⁰ Конкретный анализ сочиненных конструкций не имеет значения, достаточно известного эмпирического обобщения о том, что модификатор не может быть извлечен (только) из второго конъюнкта. Это подтверждается, например, аномальностью предложения #ЗУБАСТЫХ я там видел слонов и крокодилов, у которого нет наиболее естественной интерпретации, в которой прилагательное *зубастый* характеризует только крокодилов.

Впрочем, возможно этот случай имеет другое объяснение, поскольку, во-первых, генитивные формы местоимений в целом проигрывают в приемлемости посессивным маркерам типа *чей*, *чей-то* и т. д. Во-вторых, при добавлении модифицирующей РР к генитивному посессору многие из таких конструкций становятся более приемлемыми (419)¹³¹. Таким образом, может существовать, какое-то иное, возможно семантическое, ограничение, делающее генитивные местоимения без модификаторов маргинальными/неграмматичными (впрочем, ср. (418-с)). Более подробное обсуждение примеров такого типа см. в Россыйкин (2021:97-98).

- (419) а. Меня не убедили аргументы { *никого / ?никого из вас }.
 б. Я сейчас видел маму { *кого-то / ?кого-то из нас }.
 с. Маму { ??кого / кого из нас } ты видел?

Еще один контекст, в котором грамматичность NCI снижается из-за невозможности свободного передвижения, подробно обсуждается в разделе 6.4.

4.2.4. Порождение над отрицанием

Третью и возможно наиболее проблематичную для конкурирующих теорий группу примеров, свидетельствующих в пользу лицензирования NCI над отрицанием, составляют случаи, когда они порождаются над отрицанием.

Существует небольшая группа предикатов субъектного контроля (например, *стараться*, *решить*, *предпочитать*), допускающих так называемое нестандартное или интерклаузальное или обратное отрицательное согласование (я буду использовать наиболее содержательное обозначение reverse negative concord; RNC) (Рожнова 2009; Kholodilova 2015; Letuchiy 2017; Garzonio 2019). В этих конструкциях NCI, находясь в позиции субъекта матричной клаузы, лицензируется отрицанием в подчиненной инфинитивной клаузе (420). RNC также допустим при некоторых предикатах объектного контроля (*просить*, *советовать*), однако эти случаи, возможно, следует анализировать отдельно (Minor 2013; Letuchiy 2017; Лютикова и Татевосов 2018), и в дальнейшем я буду рассматривать только RNC с субъектным контролем.

- (420) Во главу стала никто старался не смотреть. (Рожнова 2009:40)

Предложение (420) допускает два анализа:

- (421) а. $\forall_{NCI} > V1$ (старался) $> \neg > V2$ (смотреть): каждый X старался не ...
 б. $\neg > \exists_{NCI} > V1$ (старался) $> V2$ (смотреть): не существует X, который старался ...

Вариант анализа (421-а) выглядит предпочтительным, поскольку сфера действия отрицания в нем соответствует линейной позиции. Кроме того, можно показать, что событийная переменная, вводимая глаголом *стараться*, связывается над отрицанием (422), (423), что противоречит

¹³¹ Я благодарю за эти наблюдения анонимного рецензента журнала "Rhema. Рема".

структуре (421-b).

(422) Духом никто старался не падать, но получалось неважно.¹³²

1. 'Каждый старался не падать духом, но получалось неважно.'

2. *'Не был таких, кто старался падать духом, но получалось неважно.'

(423) %Во время ночных переездов больше часа никто старался не спать.¹³³

1. $\forall >$ старался $> \neg >$ больше часа: 'Каждый старался спать не больше часа.'

2. * $\neg > \exists >$ старался $>$ больше часа: 'Не было таких, кто старался спать больше часа.'

По всей видимости, RNC нельзя анализировать через подъем, поскольку RNC-предикаты приписывают субъекту тета-роль (422), (423) и вообще не являются типичными предикатами подъема (типа *казаться*), см. также аргументы против анализа через подъем в Letuchiy (2017). Совершенно неочевидно, каким образом RNC может быть объяснен теориями, анализирующими NCI как экзистенциальные кванторы или неопределенные местоимения в сфере действия отрицания (Brown 1999; Watanabe 2004; Zeijlstra 2004, 2008; Penka 2011; Fălăuș and Nicolae 2016; Szabolcsi 2018a) или неопределенные местоимения, вводящие пресуппозицию несуществования референта (Kuhn 2022). С другой стороны, стандартное Agree или его модификация (Bošković 2007) предсказывает грамматичность RNC без каких-либо дополнительных допущений. NCI порождается над отрицанием и ничто не мешает ему согласоваться с отрицанием в с-командуемой области (424). В данном случае передвижение не нужно, поскольку конфигурация [зонд [цель]] существует изначально.

(424) Никто_[uNeg↓] старался не_[iNeg] смотреть во главу стола.

В свете (424) возникает вопрос, почему RNC возможен только с ограниченным множеством глаголов, ср. (425).

(425) а. *Никто_[uNeg↓] хотел не_[iNeg] приходить.

б. *Никто_[uNeg↓] будет не_[iNeg] спать.

Возможное решение предлагает Касенов (2021). Предложения (424) и (425) различаются количеством функциональной структуры над инфинитивом. Матричный предикат *стараться* подчиняет инфинитив с большой функциональной структурой, включающей проекцию стандартного отрицания Neg. Матричный предикат *хотеть* подчиняет инфинитив с минимальной структурой, а именно vP/VP (Герасимова 2015), см. более подробное обсуждение в разделе 6.4.2. Структура (425-b) моноклаузальна при стандартном предположении, что *быть* – вспомогательный глагол, т. е. вершина Asp или T. Соответственно в (425) имеет место отрицание составляющих (обозначаемое как NotP), а не SN, как показано в (426).

¹³² <https://www.ski.ru/az/blogs/post/za-nashikh-prygunov-uzhe-mozhno-bolet/>

¹³³ <https://newokruga.ru/po-transsibu-bez-sna-i-otdyiha/>

- (426) a. Никто_[uNeg↓] [VP старался [... [NegP не_[iNeg] [AspP ... [VP смотреть во главу стола]]]].
 b. *Никто_[uNeg↓] [VP хотел # [NotP не_[iNeg] [VP/VP приходить]]].
 c. *Никто_[uNeg↓] [NegP [TP/AspP будет # [NotP не_[iNeg] [VP/VP спать]]].

Эти предложения исключаются следующим общим запретом: NCI лицензируются отрицанием составляющих, только если порождаются в его с-командуемой области. Иными словами, NCI не может лицензироваться, если порождается за пределами отрицаемой составляющей, даже если с-командует отрицанием (в (426) граница области лицензирования обозначается решеткой). Существование этого запрета подтверждается примерами (427).

- (427) a. Петя купил никакой не ~~никакой~~ мотоцикл, а велосипед.
 b. *Никто купил не мотоцикл, а велосипед.

На данный момент я не могу сказать действительно ли все RNC-предикаты подчиняют инфинитивы с NegP, а не-RNC-предикаты – без, как предполагает эта теория. По крайней мере, RNC не допускается ментальными предикатами типа *хотеть*, *думать*, *рассчитывать*, которые предположительно подчиняют небольшую структуру. Кроме того, по всей видимости, существуют и другие ограничения, которые дополнительно сужают круг конфигураций, допускающих RNC. Например, по какой-то причине грамматичность RNC существенно снижается при модификации матричного предиката (428). Я оставляю более подробное исследование этого явления на будущее. Для настоящего обсуждения имеет значение, что в этих случаях NCI порождаются или, по крайней мере, интерпретируются над отрицанием.

- (428) Никто (??очень) старался не обращать на это внимания. (Kholodilova 2015)

В завершение этого раздела рассмотрим отрицательную конъюнкцию *ни... ни...* в русском языке, см. недавнее обсуждение в Raperno (2015); Tiskin (2017a,b). Как и NCI, эта конструкция лицензируется только отрицанием, и если не общий, то по крайней мере максимально пересекающийся анализ этих явлений представляется необходимым. Существуют примеры, в которых сочинительное *ни* не просто имеет сферу действия над отрицанием, но и, по всей видимости, порождается над ним.

- (429) Сидит, на свет не глядит, ни уши не ест, ни вина не пьет. (Tiskin 2017b:135)

- (430) Ни Петя не пришел, ни Маша не появилась. (Raperno 2015:424)

Аналогичные примеры существуют и в других языках с NC, например венгерском (431).

- (431) Sem Mari nem evett, sem Kati nem ivott. (венгерский)
 ни Мари NEG поела, ни Кати NEG попила
 ‘Ни Мари не поела, ни Кати не попила.’ (Szabolcsi 2018b:21)

Эти примеры представляют серьезную проблему для всякой теории, предполагающей, что NCI лицензируются (а) синтаксическим согласованием и (b) в сфере действия отрицания (например, посредством операции Upward Agree (409)), поскольку в данном случае конфигурация, в которой показатели *ни/sem* находились бы в сфере действия отрицания недостижима¹³⁴. С другой стороны, грамматичность этих примеров следует из стандартного Agree (или модификации Bošković 2007) без каких-либо дополнительных допущений — зонд [uNeg↓] находит в с-командуемой области цель [iNeg] (432).

(432) Ни_[uNeg↓] Петя не_[iNeg] пришел, ни_[uNeg↓] Маша не_[iNeg] появилась.

Этот анализ автоматически объясняет, почему кванторы в составе *ни*-конъюнктов интерпретируются над отрицанием (433).

(433) Ни весь секретариат в целом,
ни каждый из его членов в отдельности для меня не авторитет.¹³⁵ (Paperno 2015:425)

Итак, как было показано выше, NCI передвигаются в позицию над отрицанием, что отражается на их линейной позиции (раздел 4.2.2). Если это передвижение невозможно, то предложение неграмматично (раздел 4.2.3). Наконец, в некоторых случаях NCI изначально порождаются над отрицанием (раздел 4.2.4). Такое поведение полностью предсказывается теорией согласования, описанной в начале этого раздела, и остается необъяснимым, если предположить, что NCI лицензируются в сфере действия отрицания путем Upward Agree (Brown 1999; Zeijlstra 2004, 2008; Penka 2011) или каким-то иным способом (Kuhn 2022). Очевидно и то, что NCI нельзя анализировать как NPI, которые грамматичны в контекстах, исключающих передвижение (415-с).

Из того, что (а) NCI лицензируются над отрицанием и (b) отрицание интерпретируется в той позиции, где оно выражается (раздел 4.1.3) следует, что NCI либо должны быть собственно универсальными кванторами, либо должны создавать универсальную интерпретацию каким-то иным образом ($\forall > \neg$). В следующем разделе я рассматриваю независимые эмпирические свидетельства в пользу универсальной квантификации NCI, а также варианты формального анализа их семантики.

¹³⁴ Можно предположить, что показатели *не* (430) и *нет* (431) неинтерпретируемые, а дистрибутивная конъюнкция на самом деле является дизъюнкцией, что потребует постулирования скрытого отрицания над ней. См. критику скрытого отрицания в 4.1.3 выше.

¹³⁵ Это упрощенный корпусный пример. В оригинале: *ни весь секретариат в целом, ни каждый из его членов в отдельности не могут быть для меня авторитетами ни в творческом, ни тем более в нравственном отношении* (Paperno 2015:426).

4.3. Семантика: NCI и универсальная квантификация

4.3.1. Аддитивные частицы и универсальная квантификация

В разделе 4.1.2 мной было упомянуто наблюдение о морфологии NCI в языках со строгим отрицательным согласованием, сделанное Watanabe (2004:587-607) и проиллюстрированное еще раз в (434) (см. также таблицу 6).

- (434) a. русский: н-и-кто NEG-ADD-кто
 b. венгерский: sen-ki NEG.ADD-кто
 c. японский: dare-mo кто-ADD

Примеры из венгерского и японского приведены в (435).

- (435) a. Sen-ki *(nem) látott (se-hol) sem-mi-t. (венгерский)
 NEG.ADD-кто NEG видел NEG.ADD-где NEG.ADD-что-ACC
 ‘Никто (нигде) ничего не видел.’ (Szabolcsi 2018a)
 b. Dare-mo monku-o { iwa-nak-atta / *it-ta }. (японский)
 кто-ADD жалоба-ACC говорить-NEG-PST говорить-PST
 ‘Никто не пожаловался.’ (Watanabe 2004:561)

В некоторых языках мира существуют местоимения, состоящие только из вопросительного слова и аддитивной частицы. Интересно, что эти местоимения интерпретируются как универсальные кванторы или универсальные местоимения свободного выбора (436)¹³⁶.

- (436) a. kim da xicín-la-ni süj-e-di.
 кто ADD хычин-PL-ACC любить-IPFV-3SG
 ‘{ Каждый / любой / кто угодно } любит хычины.’
 b. хэн-ʃje чһан дэ:гүг java-ха. (бурятский)
 кто-ADD вода по идти-FUT
 ‘{ Любой / кто угодно } может/будет ходить по воде.’
 c. Lisi shei dou qing.le. (китайский)
 Л. кто ADD пригласить.ASP
 ‘Л. пригласила каждого.’ (Liu 2019:258)
 d. Bhushan erpuD-uu KF taageeDu. (телугу)
 Б. когда-ADD KF пил
 ‘Б. всегда пил King Fisher.’ (Balusu 2017)
 e. Dono gakusei-mo odotta. (японский)
 который студент-ADD танцевал
 ‘Каждый студент (по)танцевал.’ (Shimoyama 2006:139)

¹³⁶ В телугу универсальная интерпретация возможна только при сочетании со словом *erpuD* ‘где’. При сочетании с другими вопросительными словами местоимения имеют дистрибуцию NCI или сильных NPI (Balusu 2017). Японские NCI и универсальные кванторы имеют одинаковую форму в сегментной фонологии (wh-ADD) и отличаются только просодическим выделением NCI и нейтральным произношением универсальных местоимений (Shimoyama 2011:414-415).

В (437)-(439) показано, что эти частицы относятся к одному классу “общих аддитивных операторов” (Gast and Van der Auwera 2011, 2013), т. е. могут употребляться как в скалярной, так и в чисто аддитивной функции. В венгерском, впрочем, для получения скалярной интерпретации необходимо добавление показателя *még* ‘еще’. Поскольку у меня нет соответствующих примеров из бурятского, в (441) я привожу примеры из близкородственного монгольского (халха). В случае китайского (442) в Liu (2019) сообщается только о скалярной интерпретации, хотя нельзя исключить, что возможна и чисто аддитивная интерпретация.

- (437) a. Пришел и Петя.
b. Петя и ЛИТР выпьет.
- (438) a. Kati is aludt. (венгерский)
Кати ADD спала
‘Кати тоже (по)спала.’ (Szabolcsi 2018b:5)
b. Kevesen gratuláltak még Mari-nak is.
Немногие поздравили еще Мари-DAT ADD
‘Даже Мари поздравили немногие.’ (Szabolcsi 2017:460)
- (439) a. Kinoo John-mo sono-mondai-o toita. (японский)
вчера Джон-ADD тот-задача-NOM решил
‘Вчера Джон тоже решил эту задачу.’ (Oda 2021)
b. John-wa 100-en-mo motteiru yo.
Джон-ТОР 100-йена-ADD иметь PTCL
‘У Джона есть даже 100 йен.’ (Sudo 2011:1)
- (440) xabib kamčatka-da da bol-van-di. (карачаево-балкарский)
Хабиб Камчатка-LOC ADD быть-PFCT-3SG
1. ‘Хабиб был даже на Камчатке.’
2. ‘Хабиб был и на Камчатке тоже.’
- (441) a. Vi č irne. (халха)
я ADD приду
‘Я тоже приду.’
b. Hūühed č medhe.
ребенок ADD знает
‘Это знает даже ребенок.’ (Gast and Van der Auwera 2013:123)
- (442) Lisi dou mai.le yi liang Tesla. (китайский)
Л. ADD купить.ASP один CL Тесла
‘Даже Л. купила Теслу.’ (Liu 2019:261)
- (443) Bhushan-uu vassēDu. (телугу)
Б.-ADD пришел
1. ‘Б. тоже пришел.’
2. ‘Даже Б. пришел.’ (Balusu 2017)

У этих частиц есть ряд других общих или пересекающихся функций, например они образуют

различные серии местоимений и дистрибутивные конъюнкции типа *и_и* и создают исчерпывающую интерпретацию типа ‘все пять’ при присоединении к числительным. Я не рассматриваю их здесь подробнее по соображениям объема.

В приведенных примерах, предположительно имеет место варьирование по двум параметрам. Во-первых, это наличие отрицательного согласования, которое выражается морфологически в русском и венгерском (435), возможно присутствует в скрытом виде в японском и отсутствует в других рассматриваемых языках (436). Во-вторых, это интерпретация. В русском, венгерском и японском рассматриваемые элементы интерпретируются как универсальные кванторы, а в карачаево-балкарском и бурятском – скорее как универсальные местоимения свободного выбора (у меня недостаточно данных, чтобы судить об интерпретации в остальных языках). Например, носители часто переводят соответствующие местоимения как ‘кто угодно’ или ‘всякий’ и иногда запрещают их в эпизодических контекстах. На данный момент у меня нет анализа интерпретационных различий, и в дальнейшем я сосредоточусь только на различии в наличии отрицательного согласования.

В Shimoyama (2006) предлагается простой анализ местоимений типа (436-е), рассматривающий их буквально как универсальные кванторы¹³⁷. Адаптированная версия предлагаемой в этой работе семантики представлена в (444). Аддитивный показатель *ни-* интерпретируется так же как слово *каждый*, однако дополнительно вводит в деривацию неинтерпретируемый синтаксический признак [uNeg], требующий нахождения отрицания в *s*-командуемой области (раздел 4.2.1).

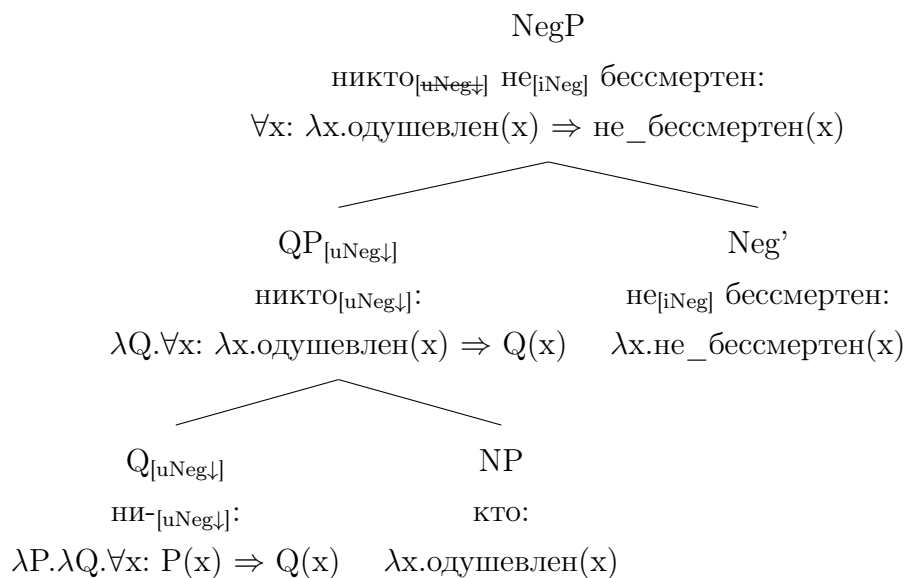
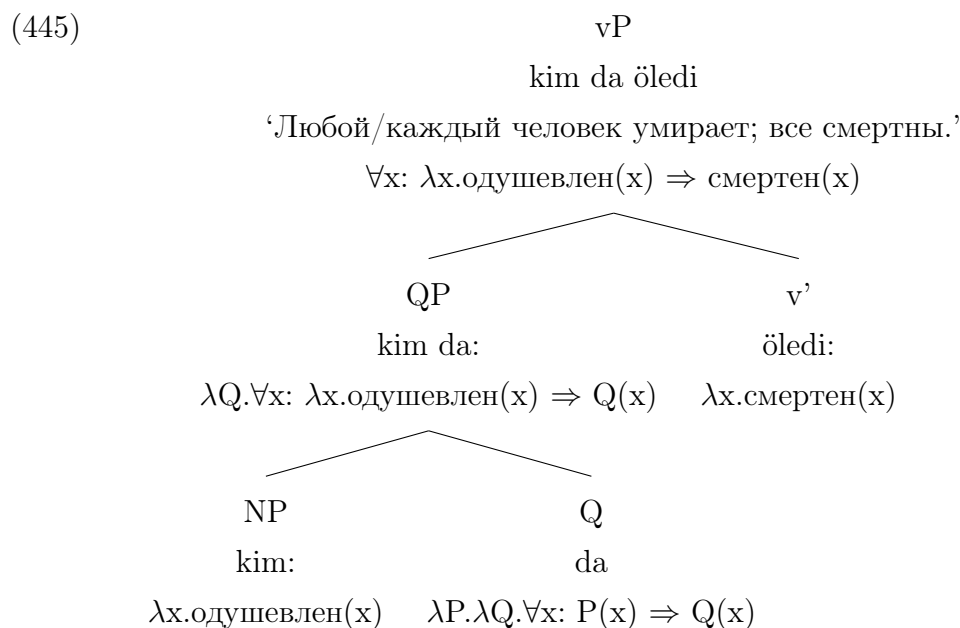
- (444) семантика *никто* (вариант)
- a. [[кто]] = $\lambda x. \text{одушевлен}(x)$
 - b. [[ни-]] = $\lambda P. \lambda Q. \forall x [P(x) \Rightarrow Q(x)]$
 - c. [[никто]] = $\lambda Q. \forall x [\text{одушевлен}(x) \Rightarrow Q(x)]$

Можно заметить параллелизм между (444) и предложенным ранее анализом *либо*-местоимений (355). Различие состоит лишь в том, что показатель конъюнкции *ни-* – универсальный квантор (ср. *ни Петя не пришел, ни Маша не появилась*), а показатель дизъюнкции *-либо* – экзистенциальный (ср. *либо Петя пришел, либо Маша появилась*). Дистрибуция рассматриваемых местоимений вытекает из семантики их компонентов и независимо мотивированных свойств (синтаксических признаков *никто* и поддоменных альтернатив, порождаемых *кто-либо*).

В (445) показаны примеры дериваций карачаево-балкарского предложения с местоимением *kit da* ‘кто и’ и русского предложения с *никто*. Фактические интерпретации возникают без дополнительных допущений и постулирования какого-либо варьирования между языками.

¹³⁷ Shimoyama (2006) использует хамблиновскую семантику альтернатив (Kratzer and Shimoyama 2002) для того, чтобы объяснить случаи, когда аддитивная частица ассоциируется с вопросительным словом дистантно. Такой же анализ предлагает Rareno (2015) для русской конъюнкции *ни_ни*. Подходы этих авторов совместимы с моим, но я не использую хамблиновскую семантику, т. к. в рассматриваемых мной случаях в ней нет необходимости.

Различие заключается лишь в наличии неинтерпретируемого признака [uNeg↓] у местоимения *никто*.

Представленный анализ порождает вопрос: почему, например, в карачаево-балкарском универсальные местоимения образуются аддитивной частицей *da* (440), а в русском – отрицательно-аддитивной частицей *ни-*, но не *и*. Например, в русском невозможны предложения типа **и кто (не) бессмертен*. Я предполагаю, что частицы типа *da* полисемичны и совмещают собственно аддитивную функцию, проиллюстрированную в (440), и функцию универсального квантора (444-b). Две эти функции очень близки, если предположить, что аддитивные частицы проецируют не экзистенциальную, а универсальную аддитивную пресуппозицию (‘все альтернативы истинны’) (Van Rooy 2003; Cřiňč 2011:150). В частности, в азиатском ареале предполагаемая полисемия очень продуктивна и наблюдается у всех частиц в (436). С другой стороны, в рус-

ском языке этой полисемии нет и частица *и* выступает только как аддитивная, а *ни* – только как универсальная.

Существует альтернативный вариант анализа, позволяющий (а) использовать один денотат как для аддитивных, так и для универсальных употреблений *да* и подобных ей частиц и (б) объяснить упоминавшиеся выше эффекты свободного выбора или исчерпывающей интерпретации, возникающие у рассматриваемых местоимений ('кто угодно пришел').

Предположим, что общие аддитивные операторы типа *да* – пропозициональные операторы (446-а). Как и скалярные частицы типа *даже* (раздел 3.1.3), *да* не влияет на ассертивный компонент семантики предложения. При этом *да* проецирует универсальную аддитивную пресуппозицию (446-б). Она очень похожа на скалярную пресуппозицию *даже* с той разницей, что она утверждает не то, что все альтернативы более вероятны, а то, что они истинны¹³⁸.

- (446) а. $[[da]](p) = p$
 б. $psp: \forall p' \in Alt(p): p'$

Также предположим, что вопросительные слова интерпретируются как экзистенциальные кванторы (447-а), вводящие поддоменные альтернативы (447-б) (Chierchia and Liao 2015; Liu 2019), т. е. ровно также как *wh-либо* в первой версии анализа (355).

- (447) а. $[[kim]] = \lambda Q. \exists x \in D [одушвлен(x) \ \& \ Q(x)]$
 б. $Alt(kim) = \{ \lambda Q. \exists x \in D' [одушвлен(x) \ \& \ Q(x)] \mid D' \subseteq D \}$

Этот анализ позволяет получить желаемую интерпретацию как в предложениях с референтными ИГ типа *Ахмат* (448), так и в предложениях с вопросительными местоимениями (449).

- (448) *axmat da esümlü-dü* = *da* [_p *axmat esümlüdü*] (карачаево-балкарский)
 Ахмат ADD высокий-3SG
 'Ахмат тоже высокий.'

- а. $[[p]] = \text{Ахмат высокий}$
 б. $Alt(p) = \{ x \text{ высокий} \mid x \in D \}$ (D – контекстно заданное множество индивидов)
 в. $[[da]]([[p]]) = p \ \& \ \forall p' \in Alt(p): p'$
 = Ахмат высокий & Хабиб высокий, Мухтар высокий, ...

- (449) *kim da öledi* = *da* [_p *kim öledi*]
 'Любой/каждый человек умирает; все смертны.'

- а. $[[p]] = \exists x \in D [одушвлен(x) \ \& \ смертен(x)]$
 б. $Alt(p) = \{ \exists x \in D' [одушвлен(x) \ \& \ смертен(x)] \mid D' \subseteq D \}$
 в. $[[da]]([[p]]) = \exists x \in D [одушвлен(x) \ \& \ смертен(x)] \ \& \ \forall p' \in Alt(p): p'$

¹³⁸ Похожий анализ предлагается для английской *even* и китайской *dou* в Crnič (2017:15) и Liu (2019:266) соответственно. В их анализе альтернативы должны следовать из утверждения, что автоматически делает их истинными.

$$= \exists x \in D [\text{одушвлел}(x) \ \& \ \text{смертен}(x)] \ \& \ \forall D' \subseteq D: \exists x \in D' [\text{одушвлел}(x) \ \& \ \text{смертен}(x)]$$

$$= \text{в домене } D \text{ существует смертный} \ \& \ \text{в любом поддомене } D' \text{ существует смертный}$$

У этого подхода, впрочем, есть по меньшей мере три недостатка. Во-первых, анализ вопросительных слов как экзистенциальных кванторов представляется сомнительным. Во-вторых, он опирается на немотивированное допущение о том, что аддитивный показатель (например, *da*) интерпретируется не там, где выражается. В-третьих, его нельзя распространить на языки типа русского, в которых существует специализированная аддитивная частица *и* (ср. **и кто (не) бессмертен*) и специализированная универсальная частица *ни* (ср. *??ни Петя не пришел*).

Возможен и третий вариант анализа, на котором я не буду останавливаться подробно по соображениям объема. В разделе 3.4.1 мной было показано, что применение оператора O к альтернативам местоимения на *-либо* в утвердительном контексте приводит к противоречию (354). Однако при определенных допущениях экзистенциальные кванторы могут интерпретироваться как универсальные при рекурсивном (а точнее двухкратном) применении оператора O (Fox 2007; Bar Lev and Margulis 2014; Balusu 2017). Таким образом, желаемую интерпретацию предложений типа *kim da öledi* и *никто не пришел* можно получить, если рассматривать общие аддитивные операторы как рекурсивный аналог оператора O ¹³⁹.

Хотя второй и третий варианты анализа привлекательны тем, что предсказывают существование эффекта исчерпывающей интерпретации у местоимений типа wh-ADD, далее я буду предполагать, что, по крайней мере, в случае русских NCI верен наиболее простой, первый вариант анализа (что, впрочем, едва ли влияет на нижеследующие рассуждения). В следующем разделе я рассматриваю эмпирические аргументы в пользу универсальной квантификации NCI.

4.3.2. Аргументы в пользу универсальной квантификации

Существование вопроса о квантификации NCI обусловлено логической эквивалентностью $\neg\exists$ и $\forall\neg$. Разумеется, этот вопрос был бы легко разрешим, если бы можно было сконструировать пример, в котором между отрицанием и NCI интерпретировалась еще одна составляющая со сферой действия, что позволило бы устранить эквивалентность $\neg\exists$ и $\forall\neg$. Однако построить такой пример не позволяет свойство NCI “примыкать” к отрицанию в интерпретации (Abels 2005). В Shimoyama (2011) показано, что примеры с интервенцией все же возможны в японском, и в них проявляется универсальная квантификация японских NCI. Однако в русском этот способ диагностики не работает.

Предположим, что NCI – экзистенциальные кванторы. Попробуем построить предложение с интерпретацией $\neg > XP > \exists$, где \exists – NCI, а XP некая составляющая-интервент. Например,

¹³⁹ В разделе (328) мной было принято предположение, что оператор O попадает в альтернативы, а не “поглощает” их (Bade and Sachs 2019). Рекурсивное применение O имеет смысл только при принятии этого предположения. Таким образом, всякий рекурсивный анализ в то же время поддерживает использованный мной в разделе 3.3 анализ “металингвистического” отрицания.

в (450-а) создан контекст, форсирующий подобную интерпретацию. Однако в этом контексте предложение (450-б) признается недопустимым, т. е. такая интерпретация невозможна.

- (450) а. ситуация: есть три студента – Гриша, Роберт и Назар. Грише Федя дал наушники. Роберту Федя не дал ничего. Назару Федя дал микрофон.
 б. #Федя ничего не дал каждому студенту.
 * $\neg > \forall > \exists$: ‘Не каждому студенту Федя что-то дал.’

Отсутствие этой интерпретации еще не значит, что NCI не являются экзистенциальными кванторами. Можно предположить, что существует какое-то ограничение, запрещающее интервенцию универсального квантора между отрицанием и NCI (собственного говоря, такое ограничение действительно существует в случае NPI, см. Chierchia 2013:373-427). Но в то же время этот пример не справляется и с тем, чтобы продемонстрировать обратное: NCI – экзистенциальные элементы в сфере действия отрицания.

Пример с интервенцией не удастся построить и при анализе NCI как универсальных кванторов. В (451) контекст допускает только интерпретацию $\forall > \exists > \neg$, и предложение (451-б) в этом контексте признается недопустимым. Невозможность этой интерпретации предсказывается принятым анализом, в соответствии с которым NCI совершают кратчайшее передвижение в позицию непосредственного доминирования над отрицанием¹⁴⁰

- (451) а. ситуация: есть три студента – Марк, Кира и Оксана. И есть 6 задач. Марк решил задачи 1-3. Кира решила 4-6. Оксана решила задачи 3-5.
 б. #Никто не решил три задачи.
 * $\forall > \exists > \neg$: ‘Каждый студент не решил по три задачи.’

В работе Giannakidou (2006), где отстаивается вариант теории универсальной квантификации NCI, предлагается список альтернативных диагностик (452), в соответствии с большинством из которых славянские NCI – универсальные кванторы, на что указывают оценки грамматичности в (452), см. также обсуждение в Abels (2005:19-29).

- (452) Диагностики NCI с универсальной квантификацией (Giannakidou 2006:351)
- OK Лицензируются только локальным отрицанием
 - ?Вводят пресуппозицию существования
 - *Могут топиализовываться
 - OK Могут модифицироваться *почти, абсолютно*
 - OK Не могут связывать donkey-местоимения
 - *Не могут использоваться в качестве именных предикатов

¹⁴⁰ При этом возникает вопрос, почему после согласования NCI не может совершить еще одно интерпретируемое передвижение. Возможны разные объяснения этого запрета. Например, он может быть одним из случаев “заморозки” в критериальной позиции (Rizzi 2006, 2016), см. небольшой комментарий об этом в приложении 1.

Проблема диагностик (452) в том, что они, во-первых, выявляют универсальную квантификацию не напрямую и, во-вторых, неоднозначны сами по себе. Например, славянские NCI дают нежелательный результат по тесту (452-f) из-за существования примеров типа *никакой он не врач* (Giannakidou 2006:378). Однако в действительности подобные примеры вполне совместимы с универсальным анализом NCI ('для любой разновидности врача P, он не является врачом типа P'). Кроме того, в качестве "эталона" используются греческие NCI, подлинный статус которых сомнителен, например они могут лицензироваться отрицанием через границу финитной клаузы (Giannakidou 2006:340; Giannakidou and Zeijlstra 2017:24; Рожнова 2009:40) или в клаузах с семантикой 'прежде, чем p' (Kuhn 2022). В оставшейся части раздела я более подробно рассмотрю (452-d), а также еще один аргумент в пользу универсальной квантификации NCI.

Тест, основанный на сочетаемости с *почти* (452-d), был подвергнут критике в работах Zeijlstra (2004:239-240) и Penka (2011:232-244), поскольку, по мнению этих авторов, он сочетается с экзистенциальным анализом NCI. Предположим, что NCI – экзистенциальный квантор с семантикой 'существует по меньшей мере один X'. Для того, чтобы он мог сочетаться с *почти*, необходимо, чтобы модификатор *почти* мог учитывать не только нижестоящие, но и вышестоящие на шкале близкие альтернативы. Допустим, вопреки анализу в разделе 3.1.4, что это так. В таком случае *почти ничего* будет интерпретироваться, например, как 'существуют по меньшей мере три X' (453-a). Кроме того, *почти ничего* вводит альтернативу без *почти*, т. е. просто *ничего* (453-b) (см. раздел 3.1.4). Применение оператора O к этим альтернативам дает фактическую интерпретацию (453-c).

- (453) O [p Петя не сделал почти ничего].
- $[[p]] = \neg\exists x[3(x) \ \& \ \text{Петя сделал } x]$
 - $\text{Alt}(p) = \{ \text{Петя не сделал почти ничего, Петя не сделал ничего} \}$
 $= \{ \neg\exists x[3(x) \ \& \ \text{Петя сделал } x], \neg\exists x[1(x) \ \& \ \text{Петя сделал } x] \}$
 - $[[O \ p]] = \neg\exists x[3(x) \ \& \ \text{Петя сделал } x] \ \& \ \neg\neg\exists x[1(x) \ \& \ \text{Петя сделал } x]$
 $= \neg\exists x[3(x) \ \& \ \text{Петя сделал } x] \ \& \ \exists x[1(x) \ \& \ \text{Петя сделал } x]$
 $= \text{неверно, что П. сделал (по меньшей мере) 3 вещи \ \& \ П. сделал 1 вещь}$

В Penka (2011) используется немного другой анализ *почти*, однако это неважно. В любом случае для получения желаемой интерпретации, необходимо, чтобы для *почти* были доступны вышестоящие альтернативы. Однако это допущение проблематично. В разделе 3.1.4 я показал, что оно приводит к неверным предсказаниям в предложениях с числительными (278). Кроме того, оно неверно предсказывает, что *почти* может сочетаться с другими экзистенциальными кванторами:

- (454) a. *Петя не сделал почти что-то/что-либо/что-нибудь.
 b. *I didn't see almost any student. (Penka 2011:242)

Хотя в Penka (2011:241-243) предлагается решение для (454-b), опирающееся на эффект интервенции, оно не распространяется очевидным образом на другие случаи. Кроме того, оно не решает проблему с несуществующими интерпретациями отрицательных предложений с числительными (278). В целом, представленный в (453) анализ напоминает анализ лицензирования NCI посредством скрытого отрицания 4.1.3 – так же как (насколько мне известно) не существует ни одного независимого свидетельства в пользу существования скрытого отрицания, не существует и ни одного свидетельства в пользу того, что модификатор *почти* действительно может учитывать вышестоящие на шкале альтернативы. Эта возможность постулируется специально для оправдания (453), за что приходится платить неверными предсказаниями в случае (278) и (454).

В разделе 3.1.4 я предположил, что семантика *почти* в принципе запрещает возможность сочетания с нижними точками шкал, что объясняет неграмматичность (454) и исключает анализ (453).

Еще один аргумент в пользу универсальной квантификации состоит в том, что в некоторых случаях NCI могут связывать местоимения, находящиеся над отрицанием, как показано в Błaszczak (2001:24) и Abels (2005:24-26)) на польском и русском материале соответственно. В (455) я привожу русский пример из Abels (2005:25).

(455) Я не взяла у тебя никакой книги_k, потому что я не знала, когда я смогу ее_k вернуть.

Клауза, вводимая *потому что*, имеет сферу действия над матричным отрицанием (*потому что* XP > не взяла) и при этом содержит связанное местоимение *ее*. Таким образом, NCI *никакой книги*, связывающий это местоимение, должен иметь сферу действия над матричным отрицанием (456).

(456) [NegP никакой книги_k [Neg' потому что ... ее_k вернуть [Neg не [VP взяла никакой-кн.]]]]

Этот пример, впрочем, неоднозначен по двум причинам. Во-первых, неясно каким образом NCI получает возможность иметь сферу действия над клаузой вводимой *потому что*, учитывая, что в общем случае NCI совершает передвижение в позицию непосредственного доминирования над отрицанием (451). Во-вторых, возможны аналогичные примеры с английским *any* (457). Исходя из стандартного предположения, что в отрицательных предложениях *any* интерпретируется в сфере действия отрицания (Chierchia 2013), приходится сделать вывод, что в подобных примерах (псевдо-)связанное местоимение каким-то образом может доминировать над связывающим.

(457) I won't borrow any book_k from you,
because I don't know when I would be able to return it_k. (Abels 2005:26)

Итак, как типологические данные (раздел 4.3.1), так и отдельные классы примеров (раздел 4.3.2) указывают на то, что NCI приносят в семантику предложения универсальную кванти-

фикацию. Таким образом, мы получаем ряд независимых подтверждений тому, что они должны лицензироваться над отрицанием. В следующем разделе я рассматриваю характерный контекст лицензирования NCI с неочевидным анализом – эллиптические предложения.

4.4. NCI в эллиптических контекстах

4.4.1. Фрагментарные ответы

Примеры с лицензированием NCI в эллиптических контекстах могут показаться проблематичными для представленного анализа, однако на самом деле они, наоборот, поддерживают его.

Возможность употребления NCI в эллиптических контекстах без отрицания использовалась Watanabe (2004:565-572); Zeijlstra (2008:40-42) в качестве одного из решающих аргументов против теории универсальной квантификации NCI (Giannakidou 2006). Теория Яннакиду (как и моя) предполагает передвижение NCI в позицию над отрицанием с последующим эллипсисом глагола и отрицания. Это, однако, нарушает условие семантического соответствия эллидируемого материала антецеденту эллипсиса (458) (Merchant 2001b). Watanabe (2004:568) характеризует эту проблему не иначе как “dead end” для теорий, рассматривающих NCI как семантически неотрицательные элементы.

(458) Кто [_{A(антецедент)} пришел] ? – Никто [_{Э(эллипсис)} ~~не пришел~~]

Ватанабе, таким образом, предлагает анализировать NCI как ингерентно отрицательные. Предположение об ингерентной отрицательности NCI, однако, порождает множество осложнений, поскольку (а) отрицательной семантики лишается лицензирующий показатель *не*, по крайней мере, в предложениях с NCI; (б) отрицание почему-то интерпретируется однократно в предложениях с несколькими NCI (типа *никто никогда никому ничем не помогает*); (с) необходимо по-новому объяснить причины неграмматичности и лицензирующий механизм NCI. Подходы к решению этих проблем см. в Watanabe (2004); Bošković (2009), критику в Zeijlstra (2008:47-49).

По мнению Zeijlstra (2008:40-42), Fălăuş and Nicolae (2016:591-593) грамматичность фрагментарных ответов свидетельствует о скрытом отрицании, лицензирующем NCI, поскольку только так можно обеспечить идентичность антецедента эллидируемому (459). Даже если в эллипсисе присутствует *не*_[uNeg], оно не интерпретируется, и условие семантической идентичности соблюдается. В качестве альтернативного объяснения можно также предположить расположение интерпретируемого отрицания в высокой проекции PolP над субъектом (Gribanova 2017).

(459) Кто [_A пришел] ? – Оп_[iNeg] Никто_[uNeg] [_Э (~~не_[uNeg]~~) пришел]

В действительности, однако, любая из этих альтернатив проблемнее, чем предположение о возможности несовпадения антецедента и эллидируемого материала по полярности. В разделе

4.1.3 были представлены аргументы против скрытого отрицания. Предположение о наличии высокой проекции PolP над субъектом идет вразрез со многими другими данными. Во-первых, субъект, как правило, интерпретируется над отрицанием, а не под ним, см. раздел 3.4.1 и пример (411). Во-вторых, высокая позиция отрицания, наоборот, делает NCI неграмматичными, см. раздел 6.4.4, а также Abels (2002, 2005); Rosseyaykin (2020).

Я предлагаю два (похожих) варианта анализа примеров типа (458). Во-первых, можно предположить, что несовпадающий по полярности эллипсис все же возможен (“аккомодация эллипсиса”). Во-вторых, можно предположить, что в (458) эллидируется только глагольная группа без отрицания (соответственно, условие идентичности эллипсиса антецеденту соблюдается), после чего отдельная операция удаляет отрицательный показатель во избежание его зависания. Рассмотрим эти варианты анализа по отдельности.

Эллипсис отрицания, в сущности, объединяет два общепризнанных явления. Во-первых, несовпадение антецедента эллипсиса и эллидируемой части несомненно возможно, если несовпадающие признаки — неинтерпретируемые/неозначенные (460), см. также (Wurmbrand 2014:135-136); (Gribanova 2017:1090). Во-вторых, интерпретируемые признаки могут быть фонологически не выражены – pro-drop (224).

(460) Петя [_A пришел_[uMasc,3sg]], и Ксюша тоже [_Э пришла_[uFem,3sg]].

(461) pro_[iFem,3sg] Пришла_[uFem,3sg].

Таким образом, требуется сделать лишь небольшой шаг, допустив эллипсис интерпретируемого отрицания (458). Это допущение не будет единственным в своем роде, поскольку существуют и другие примеры аккомодации эллипсиса, т. е. достраивания слушающим эллипсиса, отличающегося от антецедента, см. Weir (2020) и ссылки там. Более того, существуют и независимые подтверждения того, что возможен именно несовпадающий по полярности эллипсис. В Jacobson (2020) приводятся английские примеры, в которых отрицание присутствует в антецеденте, но не в эллидированной VP (это не отражается в русских интерпретациях).

(462) ?Sally thinks that a Democratic Socialist couldn't possibly be elected president, but Denise does.

‘Сэлли думает, что демократический социалист не может быть избран президентом, но Дениз думает, что может.’ (Jacobson 2020:119)

(463) John expects not to pass every exam that Mary does.

‘Джон предполагает, что он не сдаст каждый экзамен, который Мэри предполагает сдать.’ (Jacobson 2020:119)

В таком случае возникает вопрос, почему ответ в (464-а) может интерпретироваться как (464-b), но не (464-с) (то же относится и к русским интерпретациям этих примеров). На мой взгляд, парадигма (464), вопреки предположениям Watanabe (2004:568), не составляет большой про-

блемы для теории эллипсиса отрицания. Аккомодация эллипсиса обычно требует присутствия “триггера” аккомодации (Fox 1999). Поскольку в (464-а) нет ни контекста с противопоставлением, ни фонологически выраженных неинтерпретируемых отрицательных признаков, ничто не указывает на присутствие отрицания, и оно никаким образом не может быть восстановлено в интерпретации.

- (464) a. Nani-o mita no? – Hebi. (японский)
 что-АСС видел Q змею
 ‘Что ты видел? – Змею.’
- b. Hebi-o mita.
 змея-АСС видел
 ‘Я видел змею.’
- c. *Hebi-o mi-nak-atta.
 змея-АСС видел-NEG-PST
 ‘Я не видел змею.’ (Watanabe 2004:567-568)

По крайней мере в случае русского языка возможен альтернативный анализ, в котором сохраняется семантическая идентичность антецедента эллипсису. Можно предположить, что удаление фонологического материала во фрагментарных ответах происходит в два шага: сначала происходит эллипсис, не нарушающий условие идентичности с антецедентом, после чего *не* удаляется во избежание зависания (465). Запрет на зависание *не* действительно следует из известных мне данных, например, из-за него невозможен эллипсис глагола в (466-б). Таким образом, для объяснения грамматичности (465) не требуется вообще никаких дополнительных допущений.

- (465) Кто [А пришел] ? – Никто не [Э пришел].
- (466) a. Кто пришел? – Петя (пришел).
 б. Кто пришел? – Петя не *(пришел).

Здесь у читателя могут возникнуть два вопроса. Первый – как этот анализ можно распространить, например, на японский, где NCI во фрагментарных ответах грамматичны (467), но отрицание является частью глагольной морфологии (464-с) и не может удаляться отдельным шагом? Второй – существуют ли какие-то подтверждения анализа кроме примеров типа (466)?

- (467) Nani-o mita no? – Nani-mo
 что-АСС видел Q что-ADD
 ‘Что ты видел? – Ничего.’ (Watanabe 2004:564)

Я предполагаю, что в (465) и (467) из PF удаляется не аффиксальный показатель SN (*не* в русском и *-nak* в японском), а фонологически свободный, неинкорпорированный в глагольную словоформу показатель отрицания составляющих (*не* в русском и *na* в японском).

(468) watasi de-wa/zya naku, Taroo ga si-ta.
я COP-TOP/COP.TOP NEG.ADV Таро NOM делать-PST
'Это сделал не я, а Таро.'
(Nyberg 2012:46)

(469) Nani-o mita no? – Nani-mo mita naku.
что-ACC видел Q что-ADD видел NEG.ADV
'Что ты видел? – Ничего.'

Это предположение основано на том, что в известных мне языках, допускающих сохранение отрицательного показателя во фрагментарных ответах, используется именно показатель CN – в частности, =bəfə в бурятском (470) и *uwaʃ* в карачаево-балкарском (471)-(472).

В бурятских фрагментарных ответах отрицание может быть как выражено, так и нет. В предложении без отрицания местоимение типа wh-ADD, как и ожидается, интерпретируется как универсальный квантор или универсальное местоимение свободного выбора (хотя некоторые носители предлагают и экзистенциальную интерпретацию) (470-a). Таким образом, предположительно, в присутствии отрицания =bəfə местоимение интерпретируется над ним (470-b).

(470) а. хэн јэг-э:-b? – хэн-ʃ(јэ) (јег-э:). (бурятский)
кто приходит-PST-Q? – кто-ADD приходит-PST
1. 'Кто пришел? – Хоть кто пришел / Любой человек пришел.'
2. 'Кто пришел? – Кто-то пришел.'
б. хэн јэг-э:-b? – хэн-ʃ(јэ) јег-э:=bəfə.
кто приходит-PST-Q? – кто-ADD приходит-PST=NOT
'Кто пришел? – Никто.'

В карачаево-балкарском ситуация немного отличается от бурятской: возможен фрагментарный ответ без отрицания, а предложения с отрицанием чаще оцениваются как неграмматичные (471). Это может быть связано с конкуренцией универсальных местоимений типа *kim da* с NPI типа *bir adam da*, которые обычно предлагаются носителями во фрагментарных ответах и не употребляются без отрицания (472).

(471) а. kim kel-di? – kim da (карачаево-балкарский)
кто приходит-PST.3SG кто ADD
'Кто пришел? – (Да) кто угодно.'

б. %kim kel-di? – kim da uwaʃ
кто приходит-PST.3SG кто ADD NOT
'Кто пришел? – Никто.'

(472) а. ??kim kel-di? – bir adam da
кто приходит-PST.3SG один человек ADD
1. 'Кто пришел? – Никто.'
2. 'Кто пришел? – Один человек.'
3. неграмматично

- b. kim kel-di? – bir adam da ɯʁaj
 кто приходит-PST.3SG один человек ADD NOT
 ‘Кто пришел? – Никто.’

В русском языке, в отличие от бурятского и карачаево-балкарского, показатель CN *ne* – проклитика, поэтому эллипсис глагольной группы приводит к его зависанию, требующему удаления из PF. Существуют и языки, в которых проклитическое отрицание допускает зависание. В иврите, как и в карачаево-балкарском, в отрицательном ответе используются конструкции типа *u один NP*, а не *u кто* (473). В отличие от русского, (предглагольный) отрицательный показатель *lo*¹⁴¹ может как зависеть, так и отсутствовать. Ответ в любом случае интерпретируется как отрицательный. Haspelmath (1997:198) связывает возможность опущения отрицательного показателя с сужением дистрибуции *af ‘ehad*, которая в современном иврите ограничивается отрицательными контекстами (Haspelmath 1997:74). Таким образом, отрицание “восстанавливается из контекста”. В принципе этот же анализ можно применить для идиолектов тех носителей карачаево-балкарского, для которых допустим пример (472-а) с интерпретацией ответа как ‘никто’¹⁴².

- (473) Mi ba? – Af ehad (lo) (иврит)
 кто пришел даже один NEG
 ‘Кто пришел? — Никто.’ (Glinert 1982:454 по Haspelmath 1997:198)

Приведенные выше примеры подтверждают, что (а) во фрагментарных ответах используется отрицание составляющих (470)-(472); (б) оно может удаляться из PF и сохраняться в интерпретации (473); (в) местоимения типа wh-ADD (*никто*, *xənʃ(jə)*, *kim da*) интерпретируются над отрицанием, если оно есть. Данные английского (462)-(463) и иврита (473) делают строгий запрет несовпадающего по полярности эллипсиса (или отдельного удаления отрицания из PF) (Watanabe 2004:565-572; Gribanova 2017:1089-1090) более чем сомнительным, подрывая тем самым основанные на нем аргументы против (458) или (465) и против представленной теории в целом.

В следующем разделе я обсуждаю класс примеров, который составляет дополнительное подспорье для предлагаемой теории и дополнительную проблему для конкурирующих анализов.

¹⁴¹ Этот показатель уже обсуждался в разделе 2.1.6, см. пример (171). В иврите, как и в русском, показатели SN и CN омонимичны (Даниэль Ашероф, Массачусетский технологический институт, л. с.), так что этот пример не противоречит обобщению о том, что во фрагментарных ответах используются показатели CN.

¹⁴² Пример (473) представляет потенциальную проблему. В карачаево-балкарском местоимения типа *bir NP da* являются сильными NPI, т. е. лицензируются в сфере действия отрицания, а не над ним. Поскольку карачаево-балкарский – язык с левым ветвлением, фрагментарный ответ в (472-б) совместим с тем, что NPI находится в сфере действия отрицания: *[[bir adam da kelɬi] ɯʁaj]*. Однако в случае иврита приходится предполагать одно из двух: либо местоимение *af ‘ehad* лицензируется над отрицанием, т. е. является NCI, либо оно реконструируется в область эллипсиса. Хотя иврит часто относят к языкам с отрицательным согласованием, оба предположения по-своему проблематичны, поскольку реконструкция в область эллипсиса обычно запрещена, а местоимения типа *u один NP*, насколько мне известно, обычно являются сильными NPI, а не NCI.

4.4.2. Отрицание в вопросе

Если в вопросе присутствует отрицание, то фрагментарный ответ с NCI становится двусмысленным (474).

- (474) Кто не читал “Войну и мир”? – Никто.
- a. = Никто не читал. (одно отрицание)
 - b. = Все читали. (два отрицания)

По данным Fălăuș and Nicolae (2016:598); Dočekal (2020:37) эта двусмысленность наблюдается и в других языках с NC – румынском, сербохорватском, словенском, более спорно – чешском, японском и греческом¹⁴³.

Представленный в предыдущем разделе анализ фрагментарных ответов легко объясняет это явление. Интерпретация с одним отрицанием (474-а) тривиально получается путем эллипсиса глагольной группы с отрицанием (475-а). Двойное отрицание получается при добавлении в ответе показателя CN, который появляется во фрагментарных ответах в общем случае (см. предыдущий раздел). Как известно, показатели SN и CN могут свободно наслаиваться друг на друга, что дает двойное отрицание, см. например обсуждение примера (154). Таким образом, в сущности именно пример с использованием отсутствующего в вопросе отрицания составляющих (475-б) использует стандартную стратегию лицензирования NCI во фрагментарных ответах, обсуждавшуюся в предыдущем разделе. Это объясняет, почему типологически интерпретация с двойным отрицанием в таких примерах предпочтительна (Fălăuș and Nicolae 2016:596; Dočekal 2020:37)¹⁴⁴.

- (475) a. Кто [_A не_{SN} читал “Войну и мир”] ? – Никто [_Э не_{SN} читал].
 b. Кто [_A не_{SN} читал “Войну и мир”] ? – Никто не_{CN} [_Э не_{SN} читал].

Теории, опирающиеся на лицензирование NCI в сфере действия скрытого отрицания (Zeijlstra 2004, 2008; Fălăuș and Nicolae 2016), сталкиваются с серьезной проблемой в лице подобных примеров¹⁴⁵. Если предположить, что выраженный отрицательный показатель не интерпретируется (Zeijlstra 2004), то интерпретация с одиночным отрицанием получается благодаря добавлению скрытого отрицания (476-а). Однако для получения двойного отрицания необходимо добавления двух операторов скрытого отрицания (476-б). При этом неясно, каким образом на-

¹⁴³ Впрочем, существуют сомнения по поводу того, что некоторые из этих языков, в частности румынский и греческий, действительно относятся к языкам с NC, см. Россыйкин (2021:80,82).

¹⁴⁴ Существует техническая проблема, связанная с двойным отрицанием. Если NCI совершает кратчайшее передвижение в позицию доминирования над отрицанием для проверки неинтерпретируемого признака (раздел 4.2.1), при двойном отрицании у NCI не должно быть возможности передвигаться в позицию над вторым отрицанием, пропуская первое. В качестве одного из возможных решений можно предположить, что в эллиптических контекстах передвижения нет, и NCI изначально порождается за пределами области эллипсиса. Конечно, это предположение порождает ряд новых вопросов. Я оставляю исследование этой проблемы на будущее.

¹⁴⁵ Я благодарю анонимного рецензента конференции WCCFL 40 за корректирующий комментарий к ниже-следующему рассуждению.

личие отрицания в антецеденте делает возможным двойное скрытое отрицание, невозможное в других случаях.

- (476) a. Кто [_A не_{SN} читал “Войну и мир”] ? – Оп_[iNeg] Никто_Э [_Э не_[uNeg] читал].
 b. Кто [_A не_{SN} читал “Войну и мир”] ? – Оп_[iNeg] Никто_Э Оп_[iNeg] [_Э не_[uNeg] читал].

Если предположить, что выраженное отрицание интерпретируется (Fălăuș and Nicolae 2016), двойное отрицание перестает быть проблемой (477-b). Для получения этой интерпретации достаточно добавления Оп_[iNeg] в позиции с сентенциальной сферой действия. Однако чтобы получить интерпретацию с одиночным отрицанием необходимо предположить, что NCI реконструируется в сферу действия выраженного (и эллидированного) отрицания (477-a) (я обозначаю позицию интерпретации угловыми скобками). Это предположение проблематично по двум причинам. Во-первых, реконструкция субъекта в позицию под отрицанием сама по себе сомнительна, см. обсуждение примера (411). Во-вторых, возможность реконструкции в область эллипсиса также сомнительна, см. обсуждение ниже.

- (477) a. Кто [_A не_{SN} читал “Войну и мир”] ? – Никто_Э [_Э не_[iNeg] <никто_Э> читал].
 b. Кто [_A не_{SN} читал “Войну и мир”] ? – Оп_[iNeg] Никто_Э [_Э не_[uNeg] читал].

Предлагаемый мной анализ делает верное предсказание еще в одном случае. Как замечено в Letuchiy (2017), в (478) возможна только одна интерпретация – с двойным отрицанием.

- (478) Кто мог об этом не узнать? – Никто. (Letuchiy 2017:7)
 a. = Никто не мог не узнать об этом; все знают (двойное отрицание)
 b. = #Никто мог не узнать об этом; возможно, никто не узнал (одно отрицание)

Невозможность интерпретации (478-b) следует из (а) фиксированности сферы действия NCI, которые всегда интерпретируются в позиции лицензирования, обычно непосредственно над отрицанием (разделы 4.2, 4.3.2) и (b) невозможности реконструкции в область эллипсиса. Если бы NCI в (478) лицензировался отрицанием на инфинитиве, то он должен был бы интерпретироваться в сфере действия модального глагола *мог*. Однако, поскольку этот глагол эллидируется в ответе, это потребует запрещенной реконструкции в область эллипсиса (479).

- (479) *Кто мог об этом не узнать? – Никто_{RF} [_Э мог <никто>_{LF} не узнать об этом].

В завершение раздела рассмотрим аргументы в пользу запрета реконструкции в область эллипсиса, который необходим для того, чтобы исключить анализ фрагментарных ответов через реконструкцию (Fălăuș and Nicolae 2016).

О запрете подобной реконструкции свидетельствует невозможность интерпретации кванторов и NPI в сфере действия эллидированного отрицания. По крайней мере в некоторых тюрк-

ских языках, например турецком (Keleşir 2001:127) и карачаево-балкарском (480-a), универсальные кванторы обычно интерпретируются **под** стандартным/сентенциальным отрицанием. Это само по себе проблематично для моей теории, предполагающей интерпретацию субъектов над отрицанием, см. обсуждение в разделах 3.4.2-3.4.4. Так или иначе, во фрагментарном ответе на отрицательный вопрос большинство опрошенных носителей интерпретировали универсальный квантор **над** отрицанием, что и ожидается исходя из запрета реконструкции в область эллипсиса (каждая из интерпретаций 2 и 3 в (480-b) была предложена только одним носителем).

- (480) a. хаг адам бу китап-ни оку-ма-ван-ди
каждый человек этот книга-ACC читать-NEG-PFCT-3SG
1. $\neg > \forall$: 'Не каждый человек (про)читал эту книгу.'
2. $??\forall > \neg$: 'Каждый человек таков, что он не (про)читал эту книгу.'
- b. бу китап-ни ким оку-ма-ван-ди? – хаг адам
этот книга-ACC кто читать-NEG-PFCT-3SG каждый человек
1. $\forall > \neg$: 'Кто не прочитал эту книгу? – Все не читали; никто не читал.'
2. $??\neg > \forall$: 'Кто не прочитал эту книгу? – Не каждый читал.'
3. $??$: 'Кто не прочитал эту книгу? – Все читали.'

Этот же запрет предсказывает и известную неграмматичность NPI во фрагментарных ответах (481). Неграмматичность (481), впрочем, можно объяснить тем, что в этом случае в ответе просто нет отрицания (например, по каким-то причинам в (481), но не в (458) невозможно аккомодировать эллипсис с отрицанием). При добавлении отрицания в вопрос некоторые носители допускают примеры такого типа (482), однако они несомненно менее грамматичны, чем примеры с NCI, что свидетельствует против анализа с реконструкцией в область эллипсиса в случае NCI.

- (481) a. *Кто пришел? – Кто-либо.
b. *What did you see? – Anything. (Watanabe 2004:564)
- (482) A: (I know what John DID bring to the party, but) what he DIDN'T bring?
B: %Any wine. (Weir 2020)

Следует отметить, что лаконичный анализ с эллипсисом (или отдельным удалением отрицания из PF) возможен только с учетом предположения о передвижении NCI в позицию над отрицанием. Теории, предполагающие лицензирование NCI в сфере действия отрицания, вынуждены объяснять грамматичность фрагментарных ответов с помощью скрытого отрицания (459), ингерентной отрицательности NCI или реконструкции в сферу действия эллидированного отрицания. Первая из этих опций лишена независимых оснований и порождает неверные предсказания во многих случаях, см. раздел 4.1.3 и более подробное обсуждение в Россайкин (2021:84-90). Предположение об ингерентной отрицательности NCI также порождает многочис-

ленные осложнения, см. обсуждение примера (458). Возможность свободной реконструкции в область эллипсиса сомнительна в свете (478)-(482). Таким образом, как и было заявлено в начале раздела 4.4.1, грамматичность NCI в эллиптических контекстах на самом деле представляет собой еще одно свидетельство в пользу теории лицензирования NCI над отрицанием.

В завершение этой главы рассмотрим представленный анализ в более широком типологическом и теоретическом контексте.

4.5. Мотивация отрицательного согласования

В минимализме (Chomsky 2000, 2001) неинтерпретируемые признаки избыточны, как и операция Agree в целом, поскольку не нужны для построения синтаксических структур. Как предполагает Chomsky (2000:120-121), возможно, задача Agree состоит в осуществлении передвижений, которые также избыточны в синтаксисе, но делают структуру “читаемой” на интерфейсах. Например, передвижение вопросительного слова (или глагола в английском) в начальную позицию, возможно, облегчает коммуникацию, поскольку слушающий быстрее понимает, что слышит вопрос и, соответственно, быстрее понимает коммуникативное намерение говорящего. Таким образом, Agree и передвижения не имеют смысла, если синтаксис существует в сознании говорящего, но приобретают смысл при переходе к коммуникативной функции языка.

В представленной теории неинтерпретируемый признак [uNeg] обеспечивает передвижение отрицательного местоимения в позицию перед отрицанием. Функциональная мотивация этого передвижения примерно такая же как и в случае с вопросительным передвижением и объясняется известным из негенеративной литературы принципом Neg-First: показатели отрицания в языках мира стремятся к начальной позиции, см. обсуждение в Horn (2001:449-450). Таким образом, отрицательное согласование грамматикализует принцип Neg-First. В теориях, где NCI лицензируются в сфере действия отрицания, например, посредством Upward Agree (Brown 1999; Zeijlstra 2004, 2008), связь между NC и Neg-First утрачивается. Если NCI остаются на правой периферии, не вполне ясно, зачем вообще нужно отрицательное согласование. Например, предложения с NC оказываются и структурно аналогичными, и синонимичными предложениям с экзистенциальными NPI (*-либо, anybody* и т. д.) в сфере действия отрицания. Неясен и смысл операции Upward Agree в целом.

Во-вторых, представленная теория проясняет взаимосвязь NC с циклом Есперсена. В Zeijlstra (2004, 2008) утверждается, что во всех языках с отрицательными вершинами есть NC (если есть ИГ с отрицательной морфологией). Как было показано в разделах 2.1.3 и 4.1.2 это обобщение слишком сильное, в частности, его нарушают стандартный разговорный английский и романские языки, в которых есть отрицательные вершины (*-n't, non* и т. д.), но нет NC. Однако взаимосвязь между наличием NC и синтаксическим статусом отрицательного показателя, видимо, действительно существует, хотя и является скорее тенденцией.

В разделе 2.2.4 при обсуждении грамматикализации отрицательных показателей, я, немно-

го модифицируя теорию Roberts and Roussou (2003), предположил, что они получаются из минимизаторов и неопределенных местоимений путем появления у них признака [uNeg]. Причина этой грамматикализации в необходимости фонологического усиления отрицания, о чем говорил еще Есперсен. В представленной теории, помимо фонологического усиления отрицания, появление [uNeg] служит еще и реализации принципа Neg-First. В языках с NC – славянских, венгерском, японском – цикл Есперсена либо не работает, либо движется очень медленно. Это можно объяснить тем, что в них NCI могут выполнять ту же эмфатическую функцию, что и грамматикализованные вторичные отрицательные показатели в языках без NC (483). Поскольку функции NCI и вторичных отрицательных показателей частично пересекаются, существование NC во многом лишает грамматикализацию последних функциональной мотивации, хотя и не исключает ее.

- (483) а. У нас нет шансов.
 б. У нас нет НИКАКИХ шансов.

Иными словами, языки с NC используют признак [uNeg] для отрицательных местоимений, языки без NC используют признак [uNeg] для грамматикализации новых отрицательных показателей. Функциональная мотивация у того и другого примерно одинакова – фонологическое/эмфатическое усиление отрицания и соблюдение принципа Neg-First. Представленная теория таким образом предсказывает, что типологически в языках с NC цикл Есперсена должен протекать медленнее¹⁴⁶, чем в языках без NC, но проверка этой гипотезы должна стать отдельным исследованием.

Остается открытым вопрос, почему, собственно, языки делятся на языки с NC и без него. Для того, чтобы в языке могли появиться NCI, должны существовать элементы, которые могут стать NCI. В работе Van der Auwera and Van Alsenoy (2016:484) показано, что NC характерен для Евразии¹⁴⁷: это единственный ареал в котором частность NC превышает 25% языков из выборки, более того, она составляет 53% (причем большая часть языков с NC в этом ареале относятся к Азии). В Gast and Van der Auwera (2013) показано, что для евразийского ареала (точнее, для ареала алтайских языков и вокруг них) характерны общие аддитивные операторы типа русской частицы *и* или балкарской *da*, обсуждавшейся в разделе 4.3.1, в частности они встречаются во всех 13 языках из выборки этого ареала. Таким образом, возможно, существует корреляция между существованием в языке подобных частиц и возможностью NC.

В разделе 4.3.1 мной было показано, что сочетания вопросительных слов и общих аддитивных операторов действительно продуктивно образуют NCI (434)-(436). Для того, чтобы сделать из универсального местоимения типа wh-ADD NCI достаточно добавления отрицательного согласования. В языках без общих аддитивных операторов и соответствующих местоимений

¹⁴⁶ А может и вообще не протекать. Во многих языках грамматикализация по циклу Есперсена не наблюдается. Например, в монгольских языках новые отрицательные показатели развились по циклу Крофта (раздел 1.3.3).

¹⁴⁷ Авторы исключают из этого ареала Юго-Восточную Азию.

(например, европейских) столь же подходящего источника грамматикализации NCI, видимо, нет. Например, обычные универсальные кванторы типа *каждый NP* и *every NP* по каким-то (возможно, структурным) причинам не грамматикализуют в своем составе отрицательный признак. Соответственно в этих языках NC нет, и отрицательный признак [uNeg] используется для грамматикализации вторичных отрицательных показателей из минимизаторов и неопределенных местоимений. Хотя представленные рассуждения на данный момент носят гипотетический характер, они предоставляют интересные направления для дальнейших исследований взаимодействия различных явлений, связанных с отрицанием.

Таким образом, представленная теория лицензирования NCI (a) согласуется с более общими минималистскими соображениями по поводу функции неинтерпретируемых признаков, передвижений и Agree в синтаксисе; (b) может рассматриваться как формальная реализация принципа Neg-First и (c) потенциально объясняет отрицательную корреляцию между NC и грамматикализацией вторичных отрицательных показателей, для чего в сущности используется один и тот же механизм – передвижение составляющих с признаком [uNeg] в SpecNegP.

На этом я завершаю обсуждение взаимодействия отрицания с различными элементами с нефиксированной сферой действия. В главах 3 и 4 я постарался показать, что во всех случаях отрицание занимает одну и ту же позицию, а все ограничения на возможные интерпретации возникают вследствие независимых свойств взаимодействующих с отрицанием элементов. В следующей главе я завершаю обсуждение сферы действия отрицания рассмотрением вопроса о возможности самостоятельного передвижения отрицания.

5. Подъем отрицания

Эта глава посвящена явлению, известному как перенесение или подъем отрицания (neg-raising; NR). Оно интересно тем, что, в соответствии с одним из вариантов анализа, допускает самостоятельное передвижение отрицания в пределах предложения. В этой главе я постараюсь показать, что подобное передвижение невозможно. Отрицание может передвигаться либо в составе объемлющих составляющих (допустим, при топиализации целой клаузы), либо совместно с другими вершинами при передвижении вершин (как в предложении *не пришел ли Петя?*), но не самостоятельно. Таким образом, отрицание (вершина Neg) не отличается от других функциональных вершин – оно занимает фиксированную позицию и интерпретируется там, где находится.

Раздел 5.1 носит обзорный характер. В нем коротко рассматриваются три подхода к NR: синтаксический подход, постулирующий передвижение, пресуппозициональная теория NR и теория NR как скалярной импликатуры, которую я принимаю в дальнейшем.

В разделе 5.2 я обсуждаю особенности лицензирования NPI в английских предложениях с предикатами подъема отрицания (NR-предикаты). Эти предложения релевантны, поскольку NPI могут использоваться для диагностики позиции отрицания в структуре клаузы. Я показываю, что вопреки предположениям некоторых авторов подобные примеры нельзя однозначно интерпретировать в пользу синтаксического подхода к NR.

Раздел 5.3 представляет собой небольшое отступление, посвященное генитивным объектам в русском языке. Лицензирование генитивных объектов локально, что можно использовать в качестве дополнительной диагностики позиции отрицания, недоступной в английском. Я коротко излагаю теорию лицензирования генитива отрицания Abels (2002, 2005), используемую в дальнейшем.

Наконец, в разделе 5.4 я, опираясь на взаимодействие NR с NPI, NCI, кванторами и генитивом отрицания, я привожу аргументы в пользу семантического или прагматического анализа NR в русском языке, и прихожу к выводу, что в предложениях с NR передвижения отрицания нет.

5.1. Теории подъема отрицания

5.1.1. Синтаксический анализ

Как было замечено еще в Jespersen (1917), при отрицании некоторых матричных предикатов предложение интерпретируется так, как будто отрицание находится в подчиненной клаузе (484). Т. е., вопреки разной фонологической форме (484-a) и (484-b) представляются синонимичными.

- (484) а. Иван не думает, что Нина согласится приехать.
 б. Иван думает, что Нина не согласится приехать.

(Кобозева 1976:54)

Первый анализ подъема отрицания в генеративизме был предложен, насколько мне известно, в Fillmore (1963). В этом анализе, и его последователях (Lakoff 1969; Кобозева 1976; Prince 1976; Collins and Postal 2014), при NR типа (484-a) отрицание присутствует сразу в двух позициях – фонологически оно выражается в матричной клаузе, а интерпретируется в подчиненной (как и ранее, угловыми скобками обозначается позиция в LF), что и дает нужную интерпретацию (далее – NR-интерпретация). При этом, как правило, предполагается, что исходная позиция отрицания – в подчиненной клаузе. Оттуда оно поднимается в матричную клаузу, где произносится (485), что и дало название этому явлению.

(485) Иван не думает, что Нина <не> согласится приехать.

Если в ранних версиях генеративной грамматики описанное передвижение можно было просто объявить одной из самостоятельных “трансформаций”, то в минимализме статус этого передвижения неясен. Очевидно, это не может быть подъем вершины, поскольку вершины не могут передвигаться через другие вершины в следствие стандартного ограничения, известного как Head Movement Constraint (Travis 1984; Matushansky 2006). Например, итальянский глагол *pensare* ‘думать’ относится к классу NR, как показано в (486). При этом в отличие от “подъема” отрицания, подъем клитики¹⁴⁸ в предложениях, где подчиненная клауза возглавляется вершиной *di*, невозможен (487-b).

(486) Gianni non pensa di <non> vedere Carlo.
Джанни NEG думает PREP NEG видеть.INF Карло
‘Джанни думает, что он не увидит Карло.’ (Moscatti 2010:40)

(487) a. Gianni lo vuole vedere <lo>.
Джанни OBJ.CL хочет видеть.INF OBJ.CL
‘Джанни хочет видеть его.’
b. *Gianni lo pensa di vedere <lo>.
Джанни OBJ.CL думает PREP видеть.INF OBJ.CL
Ожид.: ‘Джанни думает, что увидит его.’ (Moscatti 2010:40)

В целом, помимо NR трудно найти примеры, в которых вершина в одиночестве передвигается из финитной подчиненной клаузы – по крайней мере, мне они неизвестны. Таким образом, подъем отрицания нельзя анализировать как передвижение вершины. Его же нельзя рассматривать и как фразовое A- или A’-передвижение, поскольку многие отрицательные показатели в языках с NR – вершины (*-n't, ne, non*).

В анализе Moscati (2010) NR предлагается рассматривать как согласование отрицательных вершин Neg в разных клаузах, что позволяет интерпретировать отрицательный признак в разных позициях без передвижения. Этот анализ обладает, однако, множеством необъяснимых и сомнительных черт. Например, неясно, почему NR наблюдается не со всеми предикатами и по-

¹⁴⁸ Местоименные клитики в романских языках обычно анализируются как вершины, см. раздел 1.3.4, пример (82).

чему, если это согласование, и верхнее отрицание неинтерпретируемо, отрицание не может быть фонологически выражено сразу в двух позициях (как в случае с NC). Кроме того, сомнительна (хотя и не исключена) сама возможность согласования сразу через две границы фазы – *v* в матричной и *C* в подчиненной клаузе¹⁴⁹. Подобное дистантное согласование в рассматриваемых языках в других случаях не наблюдается. См. также критику анализа Moscati (2010) при рассмотрении других данных в разделе 2.1.6.

В недавних работах Collins and Postal (2014, 2018); Crowley (2019) синтаксический подход был возрожден, но уже как сосуществующий с семантическим/прагматическим NR. Я вернусь к обсуждению данных, использовавшихся для обоснования такого двойного анализа в разделе 5.2, а пока представлю два альтернативных, семантико-прагматических подхода к NR.

5.1.2. Пресуппозициональный анализ

В наиболее раннем (известном мне) несинтаксическом анализе NR Bartsch (1973), развитом в Gajewski (2005, 2007), предполагается, что передвижения в предложениях типа (484-а) нет: отрицание порождается в матричной клаузе и интерпретируется там же. Эффект “подъема отрицания” возникает из-за существования у NR-предикатов пресуппозиции исключенного третьего, как показано в (488). Эта пресуппозиция иногда также формулируется как пресуппозиция/следствие гомогенности (Horn 2015) или пресуппозиция существования мнения (Gajewski 2005, 2007).

- (488) а. ассерция: Иван не думает, что P
 б. пресуппозиция: [Иван думает, что P] или [Иван думает, что не P]
 в. следствие из (а) и (б): Иван думает, что не P

Пресуппозиция входит в лексическую семантику соответствующих предикатов, что объясняет, почему множества NR-предикатов не совпадают от языка к языку (Horn 2001).

Пресуппозициональный анализ создает необходимость ответить на вопрос, почему NR-интерпретация возникает не во всех контекстах. Например, в примере, представленном в Bartsch (1973), глагол *think* интерпретируется без подъема отрицания.

- (489) а. Bill doesn't know who killed Caesar. Furthermore, Bill isn't sure whether or not Brutus and Caesar lived at the same time, so naturally ...
 ‘Билл не знает, кто убил Цезаря. Более того, Билл не уверен, жили ли Брут и Цезарь в одно время, поэтому, разумеется ...’
 б. Bill doesn't think Brutus killed Caesar.
 ‘Билл не думает, что Брут убил Цезаря.’ (≠ ‘Билл думает, что Б. не убивал Ц.’)

Gajewski (2005, 2007) предлагает рассматривать пресуппозиции NR-предикатов как “мягкие”

¹⁴⁹ О фазах см. Chomsky (2000, 2001); Bošković (2007); Abels (2012b).

пресуппозиции (Abusch 2010). Например, мягкую фактивную пресуппозицию проецирует глагол *stop* ‘останавливаться, переставать’. Она может не проецироваться (или аккомодироваться), если этому способствует контекст (490) (я использую обозначение \rightsquigarrow для нелогических следствий).

- (490) a. I noticed that you keep chewing on your pencil. Have you_X recently stopped smoking?
 $\not\rightsquigarrow$ X used to smoke (Romoli 2013)
- b. Я заметил, что ты постоянно жуешь карандаш. Ты_X недавно бросил курить?
 $\not\rightsquigarrow$ X курил

В следующем разделе я обсуждаю дополнительные проблемы пресуппозиционального анализа и представляю более удачный, на мой взгляд, подход Romoli (2013).

5.1.3. Анализ NR как скалярной импликатуры

Как показано в Romoli (2013), предположения о “мягкости” пресуппозиции существования мнения недостаточно. Помимо отрицательных контекстов, она не проецируется почти нигде. По данным Romoli (2013), из (491-a)-(491-c) не следует (491-d). То же можно сказать и о русских переводах этих предложений, которые я не привожу.

- (491) a. If Bill thinks that Sue is here, he will come
 b. Perhaps Bill thinks that Sue is here
 c. Does Bill think that Sue is here?
 d. $\not\rightsquigarrow$ Bill has an opinion as to whether Sue is here

В случаях (491) и другие мягкие пресуппозиции могут не проецироваться, однако, для этого необходим соответствующий контекст. В отсутствии контекста фактивная пресуппозиция *stop* проецируется, например, в протасисе условного предложения (492), чего нельзя сказать о предполагаемой пресуппозиции существования мнения (493).

- (492) If Mary stopped showing up late for class, Bill must be happy
 \rightsquigarrow Mary used to show up late for class
- (493) If Mary thinks that Bill should be hired, she will say so at the next faculty meeting
 $\not\rightsquigarrow$ Mary has an opinion as to whether Bill should be hired

На основе этих данных Romoli (2013) предлагает анализировать NR как скалярную импликацию. В отличие от пресуппозиций, скалярные импликатуры не возникают во вложенных контекстах типа протасиса условного предложения, ср. (494) и (495) (см. также подробное обсуждение импликтур в главе 3).

- (494) Not every student came \rightsquigarrow Some student came

(495) If every student came, the party was success $\not\leftrightarrow$ Some student came¹⁵⁰

Romoli (2013) принимает грамматическую теорию скалярных импликатур, в соответствии с которой они порождаются оператором O , уже представленным в разделе 3.1.2. В случае NR-предикатов в качестве альтернативы последовательно рассматривается то, что в анализе Bartsch (1973); Gajewski (2005, 2007) является пресуппозицией, т. е. пресуппозиция исключительно третьего. Например, в качестве альтернативы NR-предиката *think* Romoli (2013) предлагает рассматривать ту самую пресуппозицию существования мнения (497). Семантика интенциональных предикатов типа *think*, *believe*, *want* в упрощенном виде представлена в (496).

(496) $\text{think/believe/want}(p)(x)$
 $= \Box(p)(x)$
 $=$ во всех мирах, совместимых с мыслями/верованиями/желаниями x , истинно p

(497) $\text{Alt}(\text{think}(p)(x)) =$
 $\{ \text{think}(p)(x) = \Box(p)(x),$
 $\text{have an opinion as to whether } p = \Box(p)(x) \vee \Box(\neg p)(x) \}$

В отрицательных предложениях обе эти альтернативы соответственно отрицаются (о деривации альтернатив см. раздел 3.1.1):

(498) $\text{Alt}(\neg \text{think}(p)(x)) =$
 $\{ \neg \text{think}(p)(x),$
 $\neg [\text{think}(p)(x) \vee \text{think}(\neg p)(x)] \}$

Применение O приводит к отрицанию (единственной) альтернативы, не следующей из утверждения, что дает фактическую интерпретацию:

(499) $O(\neg \text{think}(p)(x)) = \neg \text{think}(p)(x) \& \neg \neg [\text{think}(p)(x) \vee \text{think}(\neg p)(x)]$
 $= \neg \text{think}(p)(x) \& [\text{think}(p)(x) \vee \text{think}(\neg p)(x)]$
 $= \text{think}(\neg p)(x)$

И пресуппозиционный, и импликатурный анализ делают верные предсказания в большом количестве нетривиальных случаев, которые я не буду обсуждать здесь. Основное преимущество анализа Romoli (2013) состоит в том, что, как было показано выше, предположительные пресуппозиции NR-предикатов не ведут себя как пресуппозиции. С другой стороны, нет независимых свидетельств того, что нечто вроде ‘иметь мнение по поводу p ’ действительно является альтернативой ‘думать, что p ’. Более того, сомнительным выглядит предположение, что альтернативой предиката P является предикат Q , которого вообще нет в лексиконе (в не пери-

¹⁵⁰ Строго говоря, в этом случае возникает более глобальная импликатура: ‘если пришли некоторые (но не все) студенты, вечеринка необязательно была успешной’.

фрастическом виде).

Так или иначе в дальнейшем, говоря о “семантическом NR” я буду иметь в виду один из этих двух анализов. Выбор того или другого не влияет на анализ данных русского языка в этой главе. Однако, имплицатурный анализ, в отличие от пресуппозиционального, верно предсказывает некоторые другие свойства NR-предикатов, которые обсуждаются в разделе 7.2.

В следующем разделе я рассматриваю взаимодействие NR с NPI в английском языке и в частности проблемные для представленных выше подходов данные, послужившие возрождению синтаксического анализа NR.

5.2. Подъем отрицания и NPI в английском языке

В работах Collins and Postal (2018); Crowley (2019) приводится ряд аргументов, указывающих на то, что существует как синтаксический, так и семантический/прагматический NR. Я ограничусь обсуждением аргументов, связанных с лицензированием NPI.

Как было замечено в Romoli (2013); Zeijlstra (2018), NR-интерпретации могут возникать даже в случаях, когда передвижение отрицания из подчиненной клаузы невозможно, например потому что она топиализуется, что делает ее синтаксическим островом (500). Из этого с неизбежностью следует вывод, что возможен семантический NR.

- (500) That all three boys napped simultaneously, I don't believe. (Zeijlstra 2018:428)
 ‘Что все три мальчика заснули одновременно, я не верю.’
 = ‘Я верю, что не может быть, что все три мальчика заснули одновременно.’

Однако лицензирование сильных NPI, например *in years*, в топиализованной клаузе в таком случае невозможно (501-b). Collins and Postal (2014, 2018) формулируют следующее ограничение: сильные NPI лицензируются только отрицанием в той же клаузе. Поскольку в (501-b) отрицание не могло передвинуться из подчиненной клаузы вследствие островного ограничения, оно было изначально порождено в главной клаузе. Таким образом, условие локальности лицензирования сильных NPI в этом случае не соблюдается, что делает предложение неграмматичным. При этом, как известно еще со времен Lakoff (1969), без топиализации сильные NPI могут лицензироваться во вложенной клаузе (501-a). Из этого можно сделать вывод, что в (501-a) отрицание действительно порождается и интерпретируется во вложенной клаузе, локально лицензируя сильный NPI.

- (501) a. Laura does not believe that Sheila has prayed **in years**.
 b. *That Sheila has prayed **in years**, Laura does not believe.
 (Collins and Postal 2014:105)

Вместе с тем, у предложений с топиализацией (500), (501-b) все же имеется NR-интерпретация. Из этого Collins and Postal (2018) делают вывод, что возможен как семантический (500), так и

синтаксический (501-a) NR, и только второй из них лицензирует сильные NPI в подчиненной клаузе.

Однако, как замечает Romoli (2013), контраст в (501) может иметь независимое объяснение. В клефтах не лицензируются не только сильные, но и слабые NPI (502). Поскольку в общем случае слабые NPI типа *any* лицензируются отрицанием из матричной клаузы даже без NR, (502) действительно показывает, что проблема (501-b) в топиализации, а не в отсутствии NR¹⁵¹.

- (502) a. *It is **any** student that no professors like.
 b. *It is **until** midnight that no guest will arrive.

Еще один проблемный класс примеров связан с лицензированием двух NPI в одном предложении. Исходя из этих примеров Crowley (2019), как и Collins and Postal (2018), приходит к выводу, что существование обоих видов NR неизбежно.

Слабый NPI *ever* и сильный NPI *until* могут быть лицензированы отрицанием при нахождении в одной клаузе (503-a). Если *ever* находится в главной клаузе, то предложение может иметь NR-интерпретацию (503-b). Поскольку для того чтобы *ever* был лицензирован, отрицание должно интерпретироваться в главной клаузе, это свидетельствует о существовании семантического NR. Сильные NPI могут лицензироваться в подчиненной клаузе (503-c), как уже было показано выше. Однако если совместить конфигурации (503-b) и (503-c), получается неграмматичное предложение (503-d).

- (503) a. Sue doesn't **ever** arrive **until** 10 am.
 b. John didn't **ever** think it would snow. (семантический NR)
 c. John didn't think it would snow **until** tomorrow (синтаксический NR)
 d. *John didn't **ever** think it would snow **until** tomorrow.

Парадигма (503) приводит Prince (1976); Crowley (2019) к выводу, что ограничение на локальность лицензирования сильных NPI все же существует. Поскольку в (503-d) отрицание должно находиться в матричной клаузе, чтобы лицензировать матричный NPI *ever*, оно не может в то же время находиться в подчиненной клаузе. Это оставляет сильный NPI *until* без локального лицензора, что приводит к неграмматичности. При этом неграмматичность (503-d) нельзя объяснить интервенцией *ever* между лицензором (отрицанием) и *until* в свете грамматичности (503-a), см. обсуждение в Crowley (2019:10-13). Таким образом, существует и семантический (503-b), и синтаксический подъем отрицания (503-c).

Выводы Кроули, однако, как и выводы Collins and Postal (2018), сомнительны. Jacobson (2020) приводит два аргумента против несовместимости (503-d) с семантиче-

¹⁵¹ Можно предположить, что неграмматичность (502) объясняется тем, что клефты не реконструируются в сферу действия отрицания, хотя в некоторых других случаях они и демонстрируют эффекты реконструкции (Reeve 2012). С другой стороны, может существовать и семантическое объяснение. Так или иначе, в данном случае имеет значение эмпирическое обобщение о невозможности лицензировать какие-либо (даже нелокальные) NPI в клефтах.

ской/прагматической теорией NR. Во-первых, без четкого понимания семантики *ever* и других NPI (например, *at all*), создающих помеху для лицензирования *until* в подчиненной клаузе, нельзя исключить, что контраст между (503-с) и (503-d) объясним без синтаксического NR. Во-вторых, пример (503-d) попросту семантически неудачен. Более удачно сконструированные примеры с *ever* или *at all* в матричной и *until* в подчиненной клаузе получают высокие оценки грамматичности (504). О том, что парадигма (503) объяснима в рамках семантической/прагматической теории NR, см. также Goncharov and Wolf (2019).

- (504) ?She hadn't **ever** thought that she'd be able to afford a house **until** she got tenure.
 'Она никогда не думала, что сможет позволить себе дом до того, как получит постоянную должность.'
 (Jacobson 2020)

Итак, предложения, в которых чувствительные к отрицанию составляющие присутствуют одновременно и в матричной, и подчиненной клаузе, могут быть использованы для определения позиции отрицания при NR, хотя эта диагностика не так прямолинейна, как может показаться на первый взгляд. Русский язык дает возможность получить дополнительные данные за счет наличия других чувствительных к отрицанию элементов – NCI и генитива отрицания. В разделе 5.4 я привожу ряд аргументов против синтаксического подъема отрицания в русском языке, основанных на сфере действия кванторов в позиции субъекта подчиненной клаузы, а также дистрибуции генитива отрицания, NPI и NCI. Я показываю, что в предложениях с NR-интерпретациями отрицание не порождается и не интерпретируется в подчиненной клаузе. Однако сначала необходимо коротко рассмотреть анализ генитива отрицания.

5.3. Экскурс: генитив отрицания

В русском языке генитив отрицания (genitive of negation; GN) возможен в позиции прямого объекта или субъекта неаккузативного глагола. Иными словами, генитив отрицания доступен именным группам, начинающим свой деривационный путь в позиции прямого объекта. Большинство теорий GN так или иначе исходят из этого обобщения, см. обзор в Harves (2013). Генитив отрицания также имеет семантические эффекты. На его доступность может влиять определенность (Bailyn 1997), референциальность (Pereltsvaig 1999), специфичность (Babyonyshev and Brun 2002) или пресуппозиция существования (Kagan 2013). В дальнейшем я не буду обсуждать семантику GN, см. Bailyn (2012:201-208); Harves (2013) и ссылки там. В данном разделе я бы хотел изложить синтаксическую теорию лицензирования GN, представляющуюся мне достаточно обоснованной (Abels 2002, 2005).

В минимализме обычно предполагается, что аккузатив “приписывается” вершиной *v* (иными словами, *v* означает падежный признак объектной ИГ как [ACC]). Поскольку дистрибуция генитивных ИГ ограничена позицией прямого объекта, вполне естественно предположить, что и генитив отрицания приписывается *v*. Abels (2002, 2005) постулирует для этой цели вершину

v_{GN} , которая лицензируется путем согласования с вершиной Neg¹⁵². По принципу относительной минимальности (Relativized Minimality) (Rizzi 1990) между Neg и v_{GN} не может быть интервенгов – других вершин, приписывающих структурный падеж: v_{ACC} (аккузатив), v_{GN} (генитив отрицания), T_{NOM} (номинатив) и T_{NULL} (нулевой падеж у субъекта инфинитва при предикатах контроля). Эта теория объясняет парадигму в (505). В (505-a) у *хотеть* нет прямого объекта, вершина v_{Case} не приписывает падеж и соответственно не является интервенгом. В (505-b) в роли потенциального интервента выступает дативный объект, однако дативный падеж – не структурный, поэтому эффект интервенции не возникает. В (505-c) и (505-d) присутствуют интервенги, приписывающие структурный падеж (выделены полужирным) – v_{ACC} и T_{NOM} соответственно, что приводит к неграмматичности.

- (505) a. Наташа не [_{VP} v_{Case} хотела [_{VP} v_{GN} читать книг]].
 b. Я не пообещала Наташе [_{VP} v_{GN} читать книг]].
 c. *Я не [_{VP} **v_{ACC}** уговорила Наташу [_{VP} v_{GN} читать книг]].
 d. *Иван не [_{VP} v_{Case} сказал, что [_{TP} он **T_{NOM}** [_{VP} v_{GN} читает журнала]]].

После того, как Neg лицензирует v_{GN} , дальнейшие передвижения отрицательного показателя не влияют на грамматичность GN. Например, в вопросительных предложениях отрицание передвигается вместе с глаголом на левую периферию (предположим, в вершину C). Как показывает (506), в английском благодаря этому передвижению NP_I в позиции субъекта оказывается в сфере действия отрицания и лицензируется.

- (506) a. *Which problem did anybody solve?
 b. Which problem didn't anybody solve? (Abels 2002:5)

Несмотря на то, что после передвижения отрицания в C, между ним и генитивной ИГ оказывается интервенг в лице вершины T, это не влияет на грамматичность GN, поскольку он лицензируется до передвижения отрицания (507).

- (507) a. Не купил ли Петр журнала? (Abels 2002:2)
 b. Не имеет ли он обыкновения смещать или переставлять свои рассказы об отдельных событиях для большей эффектности композиции?¹⁵³

Этот же анализ применим и к случаям с эксплетивным отрицанием, если предположить, что оно возникает в результате передвижения отрицания в нестандартно высокую позицию. В то время как лицензирование NCI в (508), (509) невозможно, поскольку отрицание оказывается в слишком высокой, недостижимой для последующего передвижения NCI в SpecNegP позиции (см. обсуждение в разделе 6.4.4), генитив отрицания грамматичен даже несмотря на присутствие

¹⁵² При этом возникает проблема с необходимостью постулировать нестандартное направление согласования – Upward Agree, см. конец этого раздела.

¹⁵³ НКРЯ; А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // «Вопросы языкознания», 2000

интервента в лице T в конечной конфигурации, поскольку лицензируется до передвижения отрицания.

- (508) a. Я боюсь, как бы Петр не нарушил эксперимента.
 b. *Я боюсь, как бы никто не опоздал. (Abels 2002:2)
- (509) a. Я подожду, пока не получу вашего/какого-нибудь/*никакого ответа.
 (Brown 1999:96)
 b. *Я подожду, пока никто не придет. (Brown 1999:95)

У представленной теории есть одна техническая проблема. В анализе Abels (2005:35) вершина v_{GN} наделяется неинтерпретируемым признаком [uF], согласующимся с признаком [iNeg]. Поскольку v_{GN} находится в более низкой структурной позиции, чем Neg, и не передвигается, это требует нестандартного направления согласования – Upward Agree. Эту проблему можно обойти, если предположить, что между Neg и v_{GN} устанавливается не согласовательное, а какое-то иное отношение. В Bailyn (2012:203-207) предлагается формализация GN через субкатегоризацию/селекцию. Как и другие вершины, например матричные предикаты, “выбирающие” разные типы подчиняемой клаузы (вопросительную, утвердительную, субъюнктивную и т. д., см. (160)-(161)¹⁵⁴), вершина Neg обладает селективными свойствами. А именно, она может “выбирать” группу vP с признаком Q. Далее по цепочке выбирается $VP_{[Q]}$ и, наконец, собственно QR. Вершина Q лицензирует генитив своего компонента NP (510).

- (510) $[_{NegP} Neg [_{vP,[+Q]} v [_{VP,[+Q]} V [_{QP} Q [NP-GEN]]]]]$

Фактически анализы Abels (2002, 2005) и Bailyn (2012) отличаются лишь тем, что в первом случае между Neg и v присутствует согласование, а во втором – максимально локальное отношение селекции/субкатегоризации. Несмотря на наличие вышеупомянутой технической проблемы с направлением согласования анализ Abels (2002, 2005) все же представляется более предпочтительным, поскольку, во-первых, эксплицитно допускает нелокальное расположение Neg и v_{GN} , см. (505-a) и (505-b) и, во-вторых, эксплицитно рассматривает падежные вершины в качестве интервентов. Эти допущения будут использованы мной в разделе 6.4 при анализе GN в предложениях с модальными глаголами. Что касается анализа NR в следующем разделе, то подойдет как Abels (2002, 2005) или Bailyn (2012), так и любой другой подход, устанавливающий следующие два условия: (a) GN лицензируется при достаточно локальной конфигурации между Neg и v; (b) локальность необязательно должна сохраняться на протяжении всей деривации.

¹⁵⁴ Впрочем, см. критику синтаксического подхода к селективным ограничениям матричных предикатов в Mayr (2019); Theiler et al. (2019); Uegaki and Sudo (2019).

5.4. Подъем отрицания в русском языке

Прежде чем перейти к рассмотрению взаимодействия отрицания с другими элементами клаузы, я хочу обратить внимание на тот факт, что эффект “подъема отрицания” или похожий на него возникает даже в простых клаузах (511). Например, *я так не думаю* в (511-а) интерпретируется не как ‘неверно, что я так думаю’, а скорее как ‘я думаю, что (дело обстоит) не так’. Можно предположить, что в (511-а) местоимение *так* реферирует к некой пропозиции, например, *что Земля плоская*, однако конкретный анализ не имеет значения, поскольку во всех примерах (511) синтаксически отрицанию просто неоткуда подниматься. Примеры (511) можно анализировать только через пресуппозицию существования мнения, скалярную импликацию или какой-то иной семантический/прагматический механизм. Таким образом, семантический NR в русском языке в любом случае существует.

- (511) а. Я так не думаю. (\neq неверно, что я так думаю)
 б. Я не верю Петиним словам. (\neq неверно, что я верю Петиним словам)
 в. Мы не хотим войны. (\neq неверно, что мы хотим войны)

Существует ли одновременно с ним синтаксический NR, как предполагают Collins and Postal (2018); Crowley (2019)? Ниже я приведу несколько аргументов против такого анализа.

5.4.1. NR, кванторы и генитив отрицания

Если при NR отрицание действительно порождается и интерпретируется в подчиненной клаузе, как показано в (484), следует ожидать, что примеры (а) и (б) в (512) и (513) будут синонимичны, однако это не так.

- (512) а. Я не думаю, что хотя бы один человек придет. ($\neg > \exists$ хотя бы 1)
 б. Я думаю, что хотя бы один человек не придет. (\exists хотя бы 1 $> \neg$)
- (513) а. Я не думаю, что каждый студент решит эту задачу. ($\neg > \forall$)
 б. Я думаю, что каждый студент не решит эту задачу. ($\forall > \neg, ?\neg > \forall$)

Примеры (512), (513) не исключают существование синтаксического NR, если предположить, что при NR отрицание интерпретируется в подчиненной клаузе, но в нестандартной позиции – над субъектом. Найти независимые свидетельства в пользу такой теории или фальсифицировать ее едва ли возможно, поскольку она постулирует нестандартную сферу действия отрицания именно в случае NR. С другой стороны, семантическая теория в случае (512)-(513) обходится без дополнительных допущений, поскольку в этой теории отрицание в подчиненной клаузе интерпретируется как пропозициональное, т. е. с широкой сферой действия, см. раздел 5.1.

Перейдем к рассмотрению генитива отрицания. GN в подчиненной клаузе при подъеме

отрицания недопустим (514).

- (514) а. Я думаю, что Петя не нашел доказательств.
 б. *Я не думаю, что Петя <не> нашел доказательств.

Семантический NR в сочетании с теорией, предполагающей локальность GN (раздел 5.3), предсказывает эту неграмматичность. Отрицание в (514) не находится в одной клаузе с генитивной ИГ ни в один момент в деривации, в частности между Neg в матричной клаузе и v_{GN} в подчиненной всегда присутствует интервент в лице $T_{НОМ}$ в подчиненной клаузе. С другой стороны, для теории синтаксического NR неграмматичность (514-b) неожиданна. Отрицание не только порождается в подчиненной клаузе, но и семантически остается в ней (или реконструируется). В частности, ничто не должно мешать Neg в подчиненной клаузе согласовываться с v_{GN} или субкатегоризовать $vP_{[Q]}$ (в зависимости от выбранной теории). Чтобы объяснить неграмматичность (514-b) в теории синтаксического NR, необходимо постулировать, что для GN требуется присутствие **фонологически выраженного** отрицания в той же клаузе. Само по себе это условие представляется *ad hoc* — неясно, каким образом фонология может быть релевантна для явления, дистрибуция которого определяется синтаксически и которое влияет на интерпретацию (см. раздел 5.3).

Генитив отрицания можно также использовать для определения локальности лицензирования NPI и других чувствительных к отрицанию явлений. Например, только при отрицании возможна эпизодическая интерпретация имперфектива (515). Кобозева (1976) рассматривает допустимость эпизодического имперфектива в подчиненной клаузе при выраженном отрицании в матричной (515-a) в качестве аргумента в пользу синтаксического NR.

- (515) а. Я не думаю, что вам стоит изменять название статьи (хотя бы раз).
 б. #Я думаю, что вам стоит изменять название статьи (хотя бы раз).

Действительно ли для эпизодической интерпретации имперфектива необходимо отрицание в той же клаузе? Как видно из (516), существует контраст между лицензированием эпизодического имперфектива и GN в подчиненной клаузе. Как и в случае с (514-b) для объяснения неграмматичности (516-b) в теории синтаксического NR придется постулировать зависимость GN от позиции фонологического выражения отрицания.

- (516) а. Я не думаю, что вам стоит переименовывать свою статью.
 б. *Я не думаю, что вам стоит переименовывать своей статьи.

Дополнительное подтверждение тому, что GN требует моноклаузальности, а эпизодический имперфектив — нет, будет представлено в следующем разделе.

5.4.2. NR, NPI и NCI

Как было показано в разделе 5.2, сильные NPI играют важную роль при определении позиции отрицания при NR в английском языке. В русском языке некоторые сильные NPI неграмматичны в подчиненной клаузе, что представляется проблемой для синтаксического NR¹⁵⁵. Даже если сильные NPI действительно требуют локального отрицания (раздел 5.2), в соответствии с синтаксическим подходом в (517) отрицание локально, и рассматриваемые предложения должны быть грамматичны. С другой стороны, семантический NR может объяснить неграмматичность этих примеров именно тем, что отрицание **не** находится в подчиненной клаузе.

- (517) а. *Я не думаю, что он **в жизни** решит эту задачу
 б. #Иван не верил, что Мария уедет **аж до завтрашнего дня**.

С другой стороны, сильные NPI типа *и один NP* (Россяйкин 2022b) могут лицензироваться через границу финитной клаузы. В экспериментальном исследовании чешского языка Dočekal (2020:30) было показано, что похожие чешские конструкции, например *ani jeden student* ‘даже/и один студент’, чувствительны к типу матричного предиката при лицензировании отрицанием в матричной клаузе: они не очень грамматичны, но все же допустимы при отрицании NR-предикатов и заметно маргинальнее при отрицании не-NR предикатов. Небольшой опрос носителей русского языка показал примерно такие же результаты в случае *и один NP* (518).

- (518) а. ?Петя не думал, что Наташа решит **и одну задачу**.
 б. ??Петя не обещал, что Наташа решит **и одну задачу**.

Примеры (518) сами по себе ничего не сообщают о том, где находится отрицание. Чтобы определить, лицензируется ли NPI в (518-а) через границу клаузы или отрицание интерпретируется в подчиненной клаузе можно использовать NCI, которые лицензируются строго в своей финитной клаузе (раздел 4.1.1). Присутствие NCI в матричной клаузе гарантирует, что и отрицание интерпретируется там же. Как видно из (519), NCI грамматичны в матричной клаузе, даже если в подчиненной присутствует сильный NPI *и один NP* или эпизодический имперфектив, а значит, их лицензирование действительно возможно через границу клаузы. GN, напротив, (как и ожидается) недопустим в подчиненной клаузе (519-с).

- (519) а. ?Никто не думал, что Петя решит **и одну задачу**.
 б. Никто не думал, что вам стоит переименовывать статью.
 с. *Никто не думал, что Петя нашел **доказательств**.

Единственный выход для синтаксической теории NR (опирающейся на предположение о локальности лицензирования сильных NPI) – предположить (как и в случае с GN), что для

¹⁵⁵ Благодарю анонимного рецензента “Вестника Московского университета” за указание на подобные примеры.

лицензирования NCI релевантна фонология, а именно: сильный NPI в (519-а) лицензируется интерпретируемым отрицанием в подчиненной клаузе, а NCI — фонологически выраженным отрицанием в матричной (520).

- (520) Никто_∇ не думал, что Петя <не> решит и одну задачу.
 $\forall > \text{думал} > \neg$: ‘Всякий x таков, что: x думал, что Петя не решит и одну задачу.’

Обычно вставить еще одну составляющую между NCI и отрицанием невозможно (см. раздел 4.3.2, в частности пример (451)). В разделе 4.3.2 и приложении 1 было предложено чисто синтаксическое объяснение этому явлению: NCI (а) лицензируются в позиции SpecNegP, т. е. в позиции непосредственного доминирования над отрицанием и (b) “замораживаются” в этой позиции. Однако если в случае (синтаксического) NR возникает исключительная конфигурация (520), в которой NCI и отрицание действительно интерпретируются в разных финитных клаузах, ничто не должно препятствовать вставлению между ними еще одной составляющей.

Например, как показано в (521), составляющая *в свое время* без труда интерпретируется между универсальным квантором в матричной клаузе и отрицанием в подчиненной, что дает дистрибутивную интерпретацию:

- (521) Каждый из нас в свое время думал, что эта проблема его не коснется.
 $\forall x > \exists \text{время} > x \text{ думал, что ... не коснется}$

Однако в случае NCI подобная дистрибутивная интерпретация едва ли возможна. В частности (522) при добавлении контекста, форсирующего дистрибутивную интерпретацию, получает гораздо более низкие оценки от носителей.

- (522) Никто в свое время не думал, что Петя решит и одну задачу.
 1. $\exists \text{время} > \forall x > x \text{ думал, что Петя не решит}$
 2. $??\forall x > \exists \text{время} > x \text{ думал, что Петя не решит}$

Для объяснения контраста между первой и второй интерпретацией в (522) синтаксическая теория, предполагающая нахождение отрицания в подчиненной клаузе, вынуждена постулировать дополнительный, не имеющий очевидной мотивации, запрет на интерпретацию других составляющих между NCI и отрицанием.

Данные этого раздела оставляют открытыми два вопроса: (а) почему в английском сильные NPI типа *in years* (501-а) и пунктивного *until* (503-с) лицензируются в контексте подъема отрицания, а похожие на них русские NPI типа *в жизни* и *аж до* – нет (517); (b) почему в русском сильные NPI типа *и один NP* хоть и неидеальны, но все же скорее грамматичны в контексте подъема отрицания (518-а), (519-а)?

Я не могу однозначно ответить на эти вопросы. Ответ на (а) зависит от анализа соответствующих NPI, которого на данный момент у меня нет. В Vošković and Gajewski (2011), откуда

взяв пример (517-b), на основе контраста между лицензированием сильных NPI в подчиненных клаузах в артиклевых и безартиклевых языках делается вывод, что в русском и других безартиклевых языках NR не только не синтаксический, но и (в отличие от английского) не семантический, а прагматический. Анализ этой теории я оставляю на будущее.

Что касается (b), то допустимость примеров (518-a), (519-a) представляет проблему, поскольку обычно NPI типа *и один NP* требуют лицензирования в пределах своей клаузы (Россяйкин 2022b). Можно предположить, что локальная аддитивная пресуппозиция, вызывающая неграмматичность этих NPI в утвердительных контекстах, не проецируется или глобально аккомодируется в (518-a), (519-a). По каким-то причинам это дается труднее в предложениях с не-NR предикатами (518-b). То, что подобные предложения действительно неидеальны независимо от отрицаемого предиката подтверждается и суждениями носителей, и экспериментальными данными чешского языка (Dočekal 2020).

Так или иначе, синтаксическая теория NR предсказывает, что все предложения с сильными NPI в подчиненной клаузе и отрицанием NR-предиката в матричной должны быть грамматичны, однако это не так.

5.4.3. Выводы

В этом разделе я показал, что подъем отрицания в русском языке (как и, предположительно, в английском и других языках) – чисто семантический/прагматический эффект, не задействующий реального передвижения отрицания в синтаксисе, как следует из возможности NR-интерпретации моноклаузальных предложений (511). Более того, вопреки предположениям Collins and Postal (2018); Crowley (2019), синтаксический NR не просто не сосуществует с семантическим, а в принципе невозможен, на что указывают многочисленные и разнообразные данные. Во-первых, интерпретации предложений с квантором в субъектной позиции отличаются в случае NR и реального нахождения отрицания в подчиненной клаузе (512)-(513). Во-вторых, синтаксический NR неверно предсказывает возможность лицензирования генитива отрицания при NR (514). В-третьих, синтаксический NR неверно предсказывает грамматичность сильных NPI типа *в жизни* и *аж до* при лицензировании матричным отрицанием (517). В-четвертых, вопреки предположениям синтаксического подхода к NR, те сильные NPI, которые лицензируются при NR, не требуют нахождения отрицания в своей клаузе, что подтверждается возможностью одновременного лицензирования сильного NPI в подчиненной клаузе и NCI в матричной (519).

Таким образом, в отсутствие различных допущений *ad hoc* синтаксический подход оказывается одновременно и слишком ограничительным — неверно предсказывая неграмматичность сосуществования некоторых сильных NPI в подчиненной клаузе и NCI в матричной — и слишком либеральным — неверно предсказывая допустимость других сильных NPI и GN в подчиненной клаузе. Отказ от синтаксического подъема отрицания представляется желанным результатом, поскольку сама по себе эта операция, во-первых, отличает отрицание от всех остальных грамматических показателей и, во-вторых, не имеет адекватной формальной реа-

лизации в минимализме (раздел 5.1.1). Выводы этого раздела без дополнительных допущений согласуются с теорией NCI, представленной в главе 4, и независимо существующими теориями GN (Abels 2002, 2005; Bailyn 2012; Harves 2013). Анализ представленных данных в пользу синтаксического NR потребует пересмотра теорий GN и NCI.

На этом я завершаю рассмотрение сферы действия отрицания и его взаимодействия с другими элементами клаузы. В оставшихся двух главах основным предметом моего внимания будут модальные показатели.

6. Сфера действия модальных показателей

Эта глава посвящена обсуждению (глагольной, клаузуальной) модальности, ее расположения в структуре клаузы и взаимодействия с другими элементами клаузы, имеющими сферу действия. Я постараюсь показать, что для объяснения широкого круга рассматриваемых данных необходимо и достаточно принять простую формальную типологию модальных показателей, разделяющую их на четыре типа. Показатели событийной/корневой модальности делятся на два типа: лексические предикаты контроля (или переходные глаголы) V и функциональные показатели корневой модальности Mod_{root} . Показатели пропозициональной/эпистемической модальности также делятся на два типа: лексические предикаты подъема и функциональные показатели, находящиеся в более высокой, чем Mod_{root} , вершине Mod_{epist} . Возможно, на самом деле имеет место более подробная иерархия вершин, см. Cinque (1999, 2001); Cinque and Rizzi (2010); Rizzi and Cinque (2016); Puskás (2018), однако в этой главе я сосредоточусь на противопоставлении этих двух типов модальности.

В разделе 6.1 я коротко обсуждаю особенности модальности в сравнении с другими семантическими зонами и грамматическими категориями и выделяю предмет дальнейшего исследования – глагольные/клаузуальные показатели возможности и необходимости. Там же я рассматриваю классификацию лингвистически релевантных типов модальности (динамическая, деонтическая, эпистемическая и т. д.).

В разделе 6.2 я привожу обзор нескольких (в основном формальных) теорий позиции и сферы действия модальности в структуре клаузы. Далее я предлагаю свою формальную типологию клаузуальных модальных показателей, разделяющую их на четыре типа. Предлагаемая мной типология не отличается радикально от некоторых предшествующих теорий и в целом объединяет наиболее обоснованные, на мой взгляд, представления о типологии, синтаксисе и семантике модальных показателей.

Раздел 6.3 посвящен обоснованию предлагаемой типологии, в частности выделения в структуре клаузы двух модальных функциональных вершин. На материале различных языков я показываю, что в зависимости от типа модального значения, модальные показатели имеют разную сферу действия относительно отрицания, аспекта, времени и субъекта, и привожу некоторые другие аргументы в пользу двух позиций модальности.

В разделе 6.4 я подробно рассматриваю модальный глагол *мочь* в русском языке (в первую очередь особенности лицензирования NCI и генитива отрицания в предложениях с ним) и показываю, что его свойства подтверждают и предлагаемый анализ структуры клаузы, и ряд представленных ранее подходов к анализу других явлений.

6.1. Типология и теория модальности

6.1.1. Определение модальности

Модальность, как и отрицание, находится на пересечении логики и естественного языка и представляется одним из наиболее элементарных и легко определяемых значений, доступных выражениям естественного языка. В предыдущих главах для обозначения возможности и необходимости я просто использовал соответствующие обозначения из модальной логики – \diamond и \square .

В действительности модальность печально известна как нечто трудноопределимое. Существуют такие связанные с ней явления, как ирреалис, наклонение, эвиденциальность. Можно предложить осмысленные опеределения в которых ирреалис будет частью модальности или наоборот, см. обсуждение в Урманчиева (2004). Непонятно также, пересекается ли семантическая зона наклонения с семантической зоны модальности (Bybee et al. 1994) или нет (Van der Auwera and Plungian 1998; Palmer 2001). Также некоторые исследователи включают эпистемическую модальность в категорию эвиденциальности (Drubig 2001), а другие выступают против (De Naan 2001; Boye 2010). Нет однозначного мнения и по поводу того, чем отличается эпистемическая необходимость от будущего времени и отличается ли вообще (Von Fintel and Gillies 2010, 2021; Lassiter 2016; Goodhue 2017; Giannakidou and Mari 2018; Mandelkern 2019). Наконец, существуют многочисленные интенциональные предикаты (*хотеть*, *верить* и т. д.), формальный анализ которых (Hintikka 1969) обычно очень похож на анализ модальных показателей в узком смысле, см. их подробное обсуждение в Шатуновский (1996:249-308). К способам выражения модальности иногда также относятся условные предложения (Von Fintel 2006).

Как отмечают Van der Auwera and Plungian (1998:80), правильного определения модальности не существует, однако важно ясно определить предмет обсуждения. Их определение модальности представлено в (523).

- (523) “(Модальность обозначает) семантические домены, которые включают возможность и необходимость в качестве парадигматических вариантов, то есть, возможность и необходимость формируют парадигму с двумя возможными выборами.”
(Van der Auwera and Plungian 1998:80; перевод мой)

Не очень ясно, предполагают ли Van der Auwera and Plungian (1998), что эти два значения исчерпывают соответствующие семантические домены, или нет, но это не имеет значения для дальнейшего обсуждения, поскольку далее я не буду рассматривать промежуточные значения типа слабой необходимости (weak necessity).

Определение модальности типа (523), видимо, имплицитно подразумевается в большинстве формальных исследований. Оно удобно благодаря своей индуктивности – семантический домен (или грамматическая категория) определяется через перечисление входящих в него значений (граммем). Проблема в том, что возможность и необходимость никогда не появляются сами по себе, а всегда сосуществуют с каким-то дополнительным компонентом значения. Например, в

предложениях *Петя может пробежать 10 километров* и *Петя умеет делать сальто назад* утверждается возможность определенного события в свете физических способностей Пети. В предложениях *Земля может быть единственной населенной планетой* и *Петя допускает, что Земля плоская* говорится о том, что возможно в свете знаний говорящего и Пети соответственно.

Все три предиката *мочь*, *уметь* и *допускать* интенциональны, однако не все из них считаются модальными в узком смысле. В целом, существуют достаточно четкие границы, в пределах которых находится консенсус относительно того, сочетания каких дополнительных значений с возможностью/необходимостью относятся к модальности в узком смысле. Например, Van der Auwera and Plungian (1998:80) предполагают, что парадигма состоящая из возможности и необходимости существует лишь в четырех доменах. Я возвращаюсь к соответствующему обсуждению в следующем разделе 6.1.2.

Еще одна особенность модальности (как и отрицания) состоит в том, что она не ограничена глаголом и может выражаться множеством различных способов. Существуют, среди прочего, грамматикализованные/вспомогательные модальные глаголы (524-a)¹⁵⁶, неграмматикализованные модальные глаголы (524-b), предикативы (524-с), существительные и прилагательные (524-d), наречия (524-e) и словообразовательные аффиксы (524-f).

- (524) a. Petya can run 10 kilometers.
 b. Петя умеет делать сальто назад.
 c. Нужно больше золота.
 d. Петя принял необходимые меры.
 e. Наверное, Петя придет.
 f. Этот текст нечитабелен.

В этой работе, как и, наверное, большинство других исследователей, я ограничусь обсуждением того, что я называю глагольной или клаузуальной модальностью. В эту категорию попадают модальные глаголы или словоизменительные показатели (524-a) и, возможно, предикативы (524-с). Обсуждение способов выражения модальности и анализ различных конкретных сюжетов, связанных с неглагольной модальностью см. в Arregui et al. (2017). Формальный анализ модальных прилагательных см. в Lassiter (2011, 2017). О наклонении см. Добрушина (2016a,b); Portner (2018).

В рассматриваемых мной языках (8) семантические зоны модальности (т. е. семантические зоны, включающие возможность и необходимость в качестве парадигматических вариантов (523)) выделяются достаточно четко. В частности, среди них нет языков с грамматикализованной эвиденциальностью (кроме немецкого) или разделением реалис/ирреалис, что

¹⁵⁶ Я привожу пример из английского, поскольку грамматикализованность русского *мочь* в неэпистемическом значении вызывает сомнения, см. раздел 6.4. В то же время *can* показывает целый ряд признаков грамматикализации: отсутствие согласовательной морфологии, отсутствие частицы *to* при подчиняемом инфинитиве, отсутствие *do-support* при отрицании, наличие вопросительного передвижения и т. д.

снижает риск неосознанных попыток анализа разных явлений как одного. Что касается наклона, то в качестве одного из критериев модального значения я рассматриваю декларативность/индикативность: предложения с модальными показателями являются утверждениями и имеют прозрачные условия истинности, что отличает модальность от наклона.

6.1.2. Классификация модальности

Этот раздел носит терминологический характер. Для последовательности с анализом других грамматических категорий, модальными значениями я буду называть те два парадигматических варианта, которые выделяют Van der Auwera and Plungian (1998:80) – возможность и необходимость.

Типом модального значения я буду называть то, что в англоязычной литературе обозначается как *flavor* (Nacquard 2010; Von Fintel and Heim 2020), а в принятой формальной семантической теории также называется модальной базой или источником упорядочивания (Kratzer 1991).

Высказывания с показателями **динамической** или **абилитивной** модальности сообщают о возможном и необходимом в свете внутренних свойств/способностей участника ситуации (525-а). Иногда модальность этого типа также называется **обстоятельственой** (*circumstantial*), а иногда под последней понимается только то, что возможно/необходимо с учетом внешних для участника ситуации факторов (525-б). Иногда динамическая модальность также делится на ментальную и физическую (Bybee et al. 1994:187-194). **Деонтическая** модальность сообщает о возможном или необходимом в свете определенного множества предписаний какого-либо происхождения (525-с). **Булетическая** модальность – о возможном или необходимом в свете чьих-то желаний, например говорящего (525-д). Наконец, **телеологическая** модальность – о возможном или необходимом для достижения определенных целей (525-е). Последние три типа модальных значений достаточно схожи между собой, и в Portner (2009:135) для них предлагается общий тип **приоритетная** модальность. Их объединяет то, что возможность и необходимость определяются исходя из соответствия некоему идеалу (своду предписаний, желаниям, целям). Все перечисленные типы модальности в разных, но похожих сочетаниях объединяются под названиями, указанными в (525).

- (525) ситуационная/событийная/корневая/ориентированная на участника модальность
- а. Петя может пробежать 10 километров. (динамическая/абилитивная)
 - б. Ты можешь увидеть океан отсюда. (обстоятельственой)
 - с. Ботинки могут стоять здесь. (деонтическая)
 - д. Я должен попробовать этот тортик. (булетическая)
 - е. Чтобы добраться побыстрее, ты можешь взять такси. (телеологическая)

Во вторую группу типов модальных значений входит в первую очередь **эпистемическая** мо-

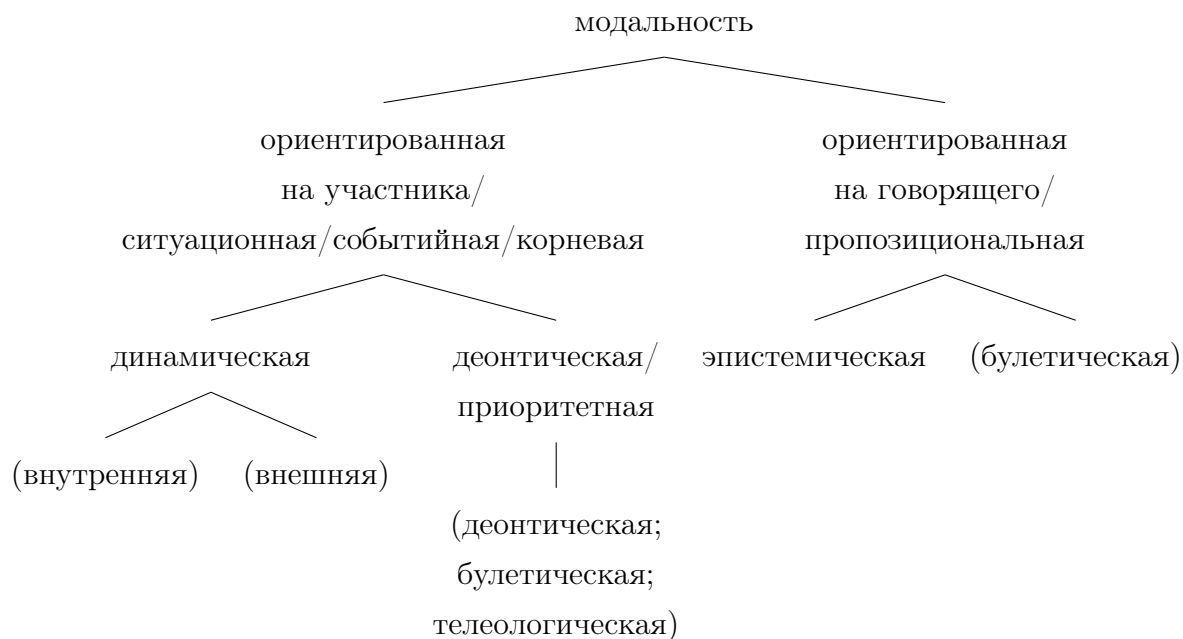
дальность (526-а), описывающая то, что возможно или необходимо в свете знаний говорящего на момент высказывания. Иногда выделяется **алетическая** модальность, называемая также логической или метафизической (Von Fintel 2006:2) – она описывает то, что возможно/необходимо в самом широком смысле (526-б). Впрочем, в естественных языках едва ли существуют явления, для которых релевантно выделение этого типа значения. В Puskás (2018) предлагается рассматривать предложения типа (526-с) как примеры булетической модальности. Хотя это предложение, как и (525-d), сообщает нечто о желаниях говорящего, и в нем используется модальный глагол *may*, в принятых терминах отнесение таких предложений к модальным сомнительно, поскольку (526-с), видимо, неиндикативно (ср. *да придет с тобой сила! – #это правда*). Рассмотренные типы модальности объединяются под названиями, указанными в (526) (хотя обычно к этому надтипу относится только эпистемическая модальность, а остальные типы игнорируются по соображениям, указанным выше). Иногда выделяются и другие, более дробные типы модальных значений, что нерелевантно для дальнейшего обсуждения.

(526) пропозициональная/ориентированная на говорящего модальность

а.	Этот дом может обрушиться.	(эпистемическая)
б.	(Число должно делиться само на себя)	(алетическая)
с.	(May the force be with you!)	(булетическая)

Представленная классификация основана на Bybee et al. (1994:177-180); Van der Auwera and Plungian (1998:82); Palmer (2001:7-10); Von Fintel (2006:2); Portner (2009:135). Разные авторы по-разному группируют внешнюю (обстоятельную) возможность – некоторые объединяют ее с деонтической модальностью, например в тип *participant-external possibility/necessity* (Van der Auwera and Plungian 1998:82), другие объединяют ее с внутренней возможностью (Portner 2009:135), что и сделано в дереве (527).

(527)

Еще одна неоднозначность, связанная с внешней (обстоятельственой) возможностью/необходимостью, состоит в том, что во многих случаях она трудноотличима от эпистемической модальности (Yanovich 2020), как например в (528). В самом деле, то, что нам известно, составляет обстоятельства нашего мира. С другой стороны, обстоятельства нашего мира, которые мы принимаем во внимание при утверждениях, нам известны.

(528) Учитывая, что он ушел с работы час назад, Джон уже должен быть дома.

- a. обстоятельственная интерпретация: 'Обстоятельства, а именно, что Джон ушел с работы, намеревался отправиться домой, путь до дома занимает меньше часа и т. д., таковы, что он уже должен быть дома.'
- b. эпистемическая интерпретация: 'То, что нам известно об обстоятельствах, а именно, что Джон ушел с работы, намеревался отправиться домой, путь до дома занимает меньше часа и т. д., делает необходимым то, что он уже дома.'

В дальнейшем я буду проводить различие между типами модальности, указанными в дереве (527) не в скобках. Я сосредоточусь на первом разделении модальности на ориентированную на участника и ориентированную на говорящего. Меня будет интересовать не вопрос, какое из этих обозначений (ориентированная на участника, ситуационная, событийная и т. д.) точнее отражает содержание, а позиция соответствующих показателей в структуре клаузы.

Зачем вообще нужно выделять различные типы модальности? Как замечают Yubee et al. (1994:177), во-первых, в языках мира разные типы модальности выражаются разными формальными средствами, во-вторых, это позволяет делать диахронические обобщения о путях грамматикализации модальных показателей. Тип модального значения влияет и на многие другие лингвистически релевантные явления: сферу действия, аргументную структуру, син-

таксическую дистрибуцию, морфологическую парадигму и т. д. При обсуждении этих явлений в разделе 6.3 будут показаны и способы отличить эпистемическую модальность от внешней возможности/необходимости. Впрочем, в большинстве примеров я использую динамическую модальность в узком смысле, отличия которой от эпистемической модальности более интуитивно понятны.

6.2. Теории позиции модальности в структуре клаузы

Изучению позиции модальности в структуре клаузы в той или иной мере посвящено множество работ как в функционализме, так и в генеративизме, в частности Kratzer (1981, 1991); Brennan (1993); De Haan (1997); Cinque (1999, 2001); Drubig (2001); Cormack and Smith (2002); Butler (2003); Hacquard (2006, 2010); Ramchand and Svenonius (2014); Puskás (2018); Willer (2021) и многие другие. В этом разделе я остановлюсь на обзоре четырех с половиной влиятельных и существенно отличающихся друг от друга теорий – функционалистских теориях De Haan (1997) и Palmer (2001); теории единой позиции модальности (Kratzer 1981, 1991); картографической теории (Cinque 1999; Cinque and Rizzi 2010; Rizzi and Cinque 2016; Puskás 2018) и теории интерпретации модальных показателей относительно событий (Hacquard 2006, 2010).

6.2.1. Функционалистские подходы

Palmer 1986; 2001

Как замечает Palmer (2001:90-92), в английском при эпистемической интерпретации сфера действия модальности относительно отрицания зависит от основы модального глагола. *may* интерпретируется над отрицанием, а *can* – под (529).

- (529) a. Mary may be at school.
 b. $\diamond > \neg$: Mary may not be at school.
 c. $\neg > \diamond$: Mary can't be at school. (Palmer 2001:90)

Еще более сложная ситуация наблюдается с эпистемической необходимостью. Эпистемический *must* практически не используется с отрицанием в британском английском (Coates 1983:19; Palmer 2001:90)¹⁵⁷. В отрицательных предложениях используются экзистенциальные модальные глаголы *can't* и *may*:

- (530) a. John must be in his office.
 b. $\square > \neg$: John can't be in his office.
 c. $\neg > \square$: John may not be in his office. (Palmer 2001:90)

По мнению Palmer (2001:91), ситуация в (530) имеет простое объяснение. Существуют четыре логически возможных сочетания отрицания с возможностью/необходимостью, которые, однако,

¹⁵⁷ Чего, впрочем, не скажешь об американском английском, где в эпистемическом значении с отрицанием сочетаются и *can*, и *could*, и *must* (Tottie 1985; De Haan 1997:66).

на самом деле сводятся к двум (531).

- (531) a. not possible \equiv necessary not
 b. not necessary \equiv possible not (Palmer 2001:91)

Таким образом, для покрытия всего множества сочетаний достаточно двух форм, в частности *may not* и *can't*¹⁵⁸. Palmer (2001:91) рассматривает использование формы возможности для выражения, например, отрицания необходимости как супплетивизм. В целом, в его выборке из более чем 30 языков и диалектов не нашлось ни одного, в котором бы не было супплетивизма, использующего равенства в (531), или просто разные модальные показатели в утвердительной и отрицательной формах.

В действительности, однако, во многих языках сочетания модальных глаголов с отрицанием достаточно регулярны, и существует композиционный способ выражения любого сочетания из (531). Например, как замечает сам Palmer (2001:92), в греческом отсутствует только сочетание $\neg > \square_{\text{deont}}$. В русском представлены все возможные сочетания (532), хотя *не должен* обычно интерпретируется как *должен не* (532-с).

- (532) a. Петя не может есть целый день.
 b. Петя может не есть целый день.
 c. Петя не должен/обязан есть целый день.
 d. Петя должен/обязан не есть целый день.

Можно, таким образом, заметить, что как в греческом, так и в русском (и многих других языках, см. Iatridou and Zeijlstra 2013), существует проблема с выражением значения $\neg > \square_{\text{deont}}$ через отрицание необходимости (532-с). Эта особенность имеет независимое объяснение, не имеющее отношения к супплетивизму или структуре клаузы, см. раздел 7.2.

De Haan 1997

Более подробный типологически-ориентированный анализ взаимодействия модальности с отрицанием представлен в De Haan (1997), где предлагается имплицитное расширение теории Palmer (2001). De Haan (1997:55-143) выделяет две стратегии выражения сочетаний модальности и отрицания в языках мира: стратегию модального супплетивизма (modal suppletion strategy) и стратегию расположения отрицания (negation placement strategy). В первом случае, как в английском (529)-(530), линейное расположение показателей отрицания и модальности одинаково, а для выражения разной сферы действия используются разные глаголы: *may not* vs *can't*, *mustn't* vs *needn't*. Во втором случае, как в русском (532) или многих романских языках, разная сфера действия эксплицитно маркируется разным расположением отрицательного показателя.

Использование той или иной стратегии коррелирует с различными факторами: базовым

¹⁵⁸ Немного другая система наблюдается в деонтической зоне, которую я не буду рассматривать здесь из соображений краткости, см. Palmer (2001:91).

порядком слов, расположением отрицания и модального показателя относительно лексического глагола, морфологическим статусом отрицательного показателя (аффикс vs автономный показатель) и т. д. (De Naan 1997:121-126).

Критика

У функционалистских подходов есть две проблемы. Во-первых, они в основном ограничиваются описательными обобщениями. Например, они не объясняют, почему “супплетивизм” появляется именно там, где он появляется (например, почему *may* может отрицаться в деонтическом значении, а в эпистемическом требует замены на *can't* (529)) и почему вообще “супплетивизм” так распространен при сочетании модальности и отрицания. В самом деле, само по себе существование супплетивизма не следует из того, что четыре возможных сочетания возможности/необходимости сводятся к двум значениям (531). В языках мира повсеместно существует возможность выразить одно и то же значение разными способами.

Во-вторых, они предполагают некомпозиционный подход к семантике. Например, конструкция *may not* обладает идиосинкретическим свойством: она интерпретируется как $\diamond > \neg$. Конструкция *can't* обладает другим идиосинкретическим свойством: она интерпретируется как $\neg > \diamond$. Или, например, как замечает сам De Naan (1997:59) при обсуждении показателей необходимости, “глагол *must* используется, когда отрицание интерпретируется с узкой сферой действия, а глагол *need* используется, когда отрицание имеет сферу действия над всем предложением” (перевод мой). Это рассуждение обращается к определенным некомпозиционным, контекстно-зависимым правилам. В целом, предположение о том, что две языковые единицы, находящиеся в дополнительной дистрибуции, являются супплетивными формами одного и того же, попросту постулирует некую идиосинкразию, выходящую за пределы лексикона.

В разделах 6.3-7.2 я показываю, что вышеуказанные и многие другие данные объясняются универсальной иерархией функциональных вершин, способом выражения отрицания в рассматриваемом языке и некоторыми другими независимо существующими явлениями. Я также предполагаю, что супплетивизма модальных показателей нет (по крайней мере, в обсуждавшихся выше случаях), и разные модальные показатели представляют собой разные, независимые лексические единицы с композиционными свойствами.

Оставшаяся часть этого раздела посвящена обсуждению генеративистских теорий позиции модальности в структуре клаузы.

6.2.2. Единая позиция модальности

Теория

Во многих языках один и тот же показатель может выражать множество различных типов модальных значений (см. раздел 6.1.2). Например, подобной многозначностью обладают английские модальные глаголы *can*, *may*, *must*, *have to* и т. д., что уже было частично показано выше. Многозначность модальных показателей наблюдается и в других языках, например, немецком (Maché 2019) и русском (см. разделы 6.1.2, 6.4). В (533) это явление проиллюстриро-

вано на примере английского *have to*.

(533) Von Fintel (2006:2):

- a. It has to be raining. (эпистемическая необходимость)
- b. Visitors have to leave by six pm. (распорядок в больнице) (деонтическая)
- c. I have to sneeze. (в свете текущего состояния моего носа) (обстоятельная)
- d. To get home in time, you have to take a taxi. (телеологическая)

В серии влиятельных работ Kratzer (1977, 1981, 1991) предлагается анализ, объясняющий этот факт. В семантике модальных показателей специфицировано только собственно модальное значение – возможность или необходимость. Более формально: модальная сила или квантификация (по возможным мирам) – экзистенциальная (существует такой мир, удовлетворяющий определенным условиям, в котором верно p) или универсальная (во всех мирах, удовлетворяющих определенным условиям, верно p). Тип модального значения, или модальная база, определяется контекстно (так же, как, например, референты местоимений).

Например, эпистемическая модальная база $f(w)$ (534-a) – это множество утверждений, истинных в актуальном мире w , а точнее таких, которые говорящий считает истинными. Иными словами, это множество знаний/верований говорящего. Деонтическая модальная база (534-b) – множество некоторых утверждений-правил, например: { больница закрывается на вход в 17:45; последний посетитель покидает больницу не позднее 17:55; ... }.

(534) модальные базы

- a. эпистемическая модальная база:
 $f(w) = \{ p \mid \text{говорящему известно, что } p \text{ истинно в } w \}$
- b. деонтическая модальная база:
 $f(w) = \{ p \mid p \text{ принадлежит некоему множеству предписаний в } w \}$
- c. обстоятельная модальная база:
 $f(w) = \{ p \mid p \text{ принадлежит некоему множеству обстоятельств в } w \}$

Пропозиция p представляет собой множество миров, где истинно p . При пересечении пропозиций (т. е. множеств миров) из модальной базы получается множество миров, в которых истинны все эти пропозиции (535). По этим мирам квантифицирует модальный показатель (с небольшим уточнением, см. ниже).

(535) модальная база как множество миров (а не утверждений):

$$\cap f(w) = \{ w' \mid \text{в } w' \text{ истинны все пропозиции из } f(w) \}$$

В теории Kratzer (1991) возможны только две модальные базы – эпистемическая и обстоятельная. Множества предписаний типа (534-b) могут использоваться только в качестве источника упорядочивания (ordering source). Это второй компонент семантики, определяемый

контекстно – множество утверждений $g(w)$ (536-a), исходя из которых выбираются “лучшие” миры. Выбор лучших миров основан на отношении порядка \leq_P : w не хуже w' в соответствии с \leq_P , если всякая $p \in P$, истинная в w' , истинна и в w (536-b). Иными словами, мир w должен соответствовать идеалу, описываемому множеством утверждений P не меньше, чем w' . Лучшие миры – это подмножество миров (из модальной базы), для которых не найдется более хорошего мира в соответствии с порядком \leq_P (536-c).

(536) источник упорядочивания

a. собственно источник упорядочивания:

$$g(w) = \{ p \mid \text{правила больницы } x \text{ в } w / \text{желания индивида } y \text{ в } w / \dots \}$$

b. отношения порядка $\leq_P, <_P$:

$$\forall w, w': w \leq_P w' \text{ ттгк: } \forall p \in P: p(w') \Rightarrow p(w)$$

$$\forall w, w': w <_P w' \text{ ттгк: } w \leq_P w' \ \& \ \neg(w' \leq_P w)$$

c. лучшие миры:

$$\max(P, Q) = \{ w \in Q \mid \neg \exists w' (w' <_P w) \}$$

‘множество миров из Q таких, что они максимально соответствуют идеалу P ’

Итак, модальный глагол получает из контекста два аргумента – модальную базу $f(w)$ и источник упорядочивания $g(w)$. $g(w)$ определяет отношение порядка $\leq_{g(w)}$, на основе которого из модальной базы $f(w)$ выбираются лучшие миры. Собственно про эти лучшие миры и делается утверждение. В частности, универсальные модальные показатели типа *must* утверждают, что во всех лучших мирах истинна пропозиция p (третий аргумент модального показателя) (537-a), а экзистенциальные модальные показатели типа *may* утверждают, что среди лучших миров найдется такой мир, в котором истинна p (537-b).

(537) семантика *must, may*, по Hacquard (2010:85); Von Stechow and Heim (2020:57-59)

a. $\llbracket \text{must} \rrbracket = \lambda f. \lambda g. \lambda p. \lambda w. \forall w' \in \max(g(w), \cap f(w)): p(w') = 1$

b. $\llbracket \text{may} \rrbracket = \lambda f. \lambda g. \lambda p. \lambda w. \exists w' \in \max(g(w), \cap f(w)): p(w') = 1$

Как видно, словарные вхождения *must* и *may* отличаются только квантором по мирам и не уточняют ничего кроме собственно модальной силы. Вся остальная информация поступает из контекста. Более формально: f и g – это местоимения, реферирующие к модальной базе и источнику упорядочивания соответственно. От того, к чему конкретно они реферируют в данном контексте, зависит семантика *must, may* и т. д.

В (538) показан пример анализа предложения с предикативом *должен* в соответствии с описанной семантикой. Трудно понять используется ли в нем эпистемическая (то, что известно говорящему о мире) или обстоятельственная модальная база (релевантные обстоятельства мира). Я уже упоминал эту проблему в разделе 6.1.2.

(538) Петя должен поехать на метро.

- a. модальная база: эпистемическая/обстоятельстввенная
 $f(w) = \{ \text{Петя находится у метро Университет (в мире } w); \text{ от метро Университет до Красной площади по прямой идет метро (в мире } w); \dots \}$
- b. источник упорядочивания: телеологический (Петины цели)
 $g(w) = \{ \text{Петя хочет быть на Красной площади через 20 минут (в мире } w); \text{ Петя не хочет платить больше 100 рублей (в мире } w); \dots \}$
- c. утверждение: во всех лучших мирах, где Петя достигает своих релевантных целей, т. е. добирается до Красной площади за 20 минут, не платит больше 100 рублей и т. д., он использует метро

У анализа Kratzer (1981, 1991) есть два преимущества: во-первых, он, как уже было сказано выше, объясняет, почему один и тот же модальный показатель ассоциируется с разными типами модальных значений (они поступают контекстно и не входят в лексическую семантику глагола); во-вторых, он предсказывает, что множество (под)типов модальных значений в сущности бесконечно – например, релевантная необходимость может накладываться нормативно-правовыми актами, правилами внутреннего распорядка больницы, запретами родителей и т. д. Любое из этих множеств правил может стать (скрытым) аргументом g модального показателя – источником упорядочивания – и уточнить значение модального глагола в данном контексте.

С точки зрения синтаксиса этот анализ обычно интерпретируется так, что грамматикализованные модальные показатели занимают одну и ту же позицию в структуре клаузы независимо от значения (Von Stechow and Iatridou 2003; Iatridou and Zeijlstra 2013; Yanovich 2020). Если бы в синтаксисе существовали специализированные позиции для различных типов модальных значений, это означало бы, что тип значения (модальная база, источник упорядочивания) привязан к конкретной позиции в структуре клаузы, а не определяется контекстно (как, например, референты местоимений). Очевидно, унифицированный анализ модальных показателей в таком случае не имел бы смысла, также, как не имеет смысла, например, унифицированный анализ (семантики) времени и аспекта.

Критика

Теория единой позиции модальности и контекстной зависимости модального значения – один из вариантов стандарта в генеративизме (возможно, основной), однако, у нее есть, на мой взгляд, нерешаемые проблемы (см. также Nauze 2008).

Во-первых, она типологически неадекватна. Возможно, на момент создания этого анализа было неизвестно, что многозначность модальных показателей встречается значительно реже, чем может показаться при взгляде на европейские языки, и в сущности является ареальной европейской чертой. В выборке Van der Auwera and Ammann (2013) из 207 языков, одни и те же показатели используются для выражения и эпистемической, и ситуационной (т. е. ориентированной на участника ситуации, а не говорящего) модальности только в 36 языках. Еще в 66

языках полисемия наблюдается только в случае с одним из модальных значений – возможностью или необходимостью. В остальных 105 языках существуют только специализированные показатели эпистемической vs ситуационной (корневой, событийной) модальности. Высокая концентрация модальной полисемии наблюдается в Европе, которая дает 24 из 36 языков с полной модальной полисемией (в том числе русский, английский, немецкий и т. д.). В остальных ареалах такие языки встречаются спорадически.

В целом существование модальной полисемии ожидаемо, поскольку во многих контекстах модальные показатели можно интерпретировать двояко и одни модальные значения часто грамматикализуются в другие (см. раздел 6.2.5). Однако тот факт, что в большинстве случаев полисемии все же нет, превращает преимущество анализа Kratzer (1981, 1991) в проблему – необходимо объяснить ограничения на возможные модальные базы или источники упорядочивания. Например, необходимо объяснить, почему карачаево-балкарский показатель *-al* может иметь только динамическую интерпретацию. Примеры с неагентивными глаголами, требующими эпистемической интерпретации, признаются носителями неграмматичными или семантически аномальными (539).

- (539) #muxtar bat-al-a-di. (карачаево-балкарский)
 Мухтар тонуть-POS-IPFV-3SG
 ‘Мухтар может утонуть (если захочет; способен утонуть).’

Если допустить, что в лексической семантике все же может быть специфицирована модальная база или источник упорядочивания, неспецифицированные модальные показатели в лучшем случае становятся лишь одной из возможных опций, причем не самой распространенной. Не вполне очевидно, какая из двух теорий более привлекательна: та, которая постулирует существование подлинно неспецифицированных показателей типа *must* и *may* (наряду со специфицированными типа *-al*) или та, которая объясняет все подобные случаи регулярной полисемией. Второй анализ более экономен, поскольку в конечном итоге допустит меньше возможных денотатов (эпистемический и динамический против эпистемического, динамического и неспецифицированного).

Что касается синтаксиса, то существование специализированных модальных показателей типа *-al* наделяет смыслом и предположение о существовании разных позиций модальных показателей в структуре клаузы. Это предположение подтверждается и второй проблемой, с которой сталкивается теория Kratzer (1981, 1991): существует взаимосвязь между интерпретацией модального показателя, его сферой действия и рядом других свойств. Соответствующие данные уже частично обсуждались в разделе 2.2.3, и обсуждаются подробнее ниже в разделе 6.3. В работах Von Stechow and Iatridou (2003); Iatridou and Zeijlstra (2013); Yanovich (2020); Willer (2021) предлагаются различные способы объяснить эти факты, сохранив теорию единой позиции модальности, однако эти попытки оставляют много вопросов и предположение о (как минимум) двух позициях модальности представляется неизбежным.

Третья проблема состоит в смутности предполагаемого различия между двумя модальными базами (эпистемической и обстоятельственной). Различие между двумя соответствующими типами модального значения лингвистически релевантно, например форма *смог* не может иметь эпистемическую интерпретацию. Более того, эти значения интуитивно воспринимаются носителями как разные. Например, нетрудно понять, что глагол *мочь* в предложениях *Петя может пробежать 10 км* и *Петя может утонуть* имеет разные значения (только в первом случае *Петя* получает от *мочь* семантическую роль обладателя способности). В теории Kratzer (1981, 1991) фундаментальное различие между двумя типами модальных значений (527), которого в той или иной степени придерживается большинство исследователей, проистекает из различия в модальных базах (534). Однако, как отмечает сама Кратцер в более поздней работе (Kratzer 2012:23-24), чем эти модальные базы в действительности отличаются друг от друга, неясно, см. обсуждение примера (528) выше. В качестве возможного решения этой проблемы она предлагает связать различие между двумя типами модальных показателей с двумя разными позициями в структуре клаузы, используя теорию Nacquard (2006, 2010), которая обсуждается в разделе 6.2.4. Пока же рассмотрим другую теорию, предусматривающую множественные позиции модальности.

6.2.3. Множественные позиции модальности

В картографической теории Rizzi (1997); Cinque (1999), берущей свое начало, как считается, с работы Pollock (1989) и продолженной в ряде последующих работ, предполагается существование множества синтаксических вершин со специализированной семантикой, упорядоченных в неизменную, универсальную иерархию (см., например, раздел 1.3.2). В (540) представлен вариант иерархии из Rizzi and Cinque (2016:150) с опущением многих нерелевантных вершин.

(540) ... > epistemic > T_{past/future} > necessity > possibility > Asp_{habitual} > ... > volition > ... > obligation > ... > Voice > Verb

Эта иерархия подкрепляется типологическими данными, в основном, связанными с линейным порядком и сферой действия наречий, которые анализируются как спецификаторы соответствующих вершин (Cinque 1999), и грамматических показателей (Cinque 2001).

Основная претензия к картографической теории состоит в том, что она не минималистична, и иерархия по сути стипулируется (Nilsen 2003; Nacquard 2010; Ramchand and Svenonius 2014; McFadden et al. 2021). Чем менее богатую иерархию вершин постулирует теория, тем более она экономна.

Однако эта претензия относится не к иерархии как таковой, а к ее обоснованию. Нет ничего избыточного и немотивированного в иерархии типа (540), если она обусловлена не какими-то жесткими синтаксическими ограничениями (например, селективными, см. обсуждение примера (510)), а независимыми семантическими или прагматическими факторами. В этой работе я настаиваю на том, что существуют как минимум две фиксированные, универсальные позиции

модальности (разделы 6.2.5-6.3). Я остаюсь нейтральным относительно более дробного деления и вопроса о том, почему иерархия выглядит именно так. Возможно, она обусловлена семантикой (Cinque and Rizzi 2010; Ramchand and Svenonius 2014), возможно, как таковых специализированных позиций для разных типов модальных значений не существует, и зависимость интерпретации от позиции в структуре клаузы обусловлена внешними факторами. Вариант такого анализа предлагается в Hacquard (2006, 2010), чему посвящен следующий раздел.

6.2.4. Типы модальности и события

Hacquard (2006, 2010) предлагает взять все лучшее из теорий Kratzer (1981, 1991, 2012) и Cinque (1999) и т. д., а именно: сохранить “контекстный” анализ модальных показателей, в котором в их семантике специфицирована только квантификация, что позволяет объяснить массовую полисемию (характерную, впрочем, только для европейских языков), допустив в то же время возможность нахождения модальных показателей в двух позициях. Кратко этот подход можно описать как “один модальный показатель – две позиции” (Hacquard 2010:96).

Hacquard (2006, 2010) замечает, что интерпретация модального показателя всегда привязана к определенному индивиду и времени, причем эта связь не случайна, а определяется типом модального значения и синтаксическим контекстом. В матричной клаузе модальные показатели с корневой интерпретацией всегда привязываются к участнику ситуации (обычно субъекту) и времени, выраженному показателем времени (541).

(541) Mary had to take the train. (Hacquard 2010:93)

- a. ‘Учитывая обстоятельства **Мэри тогда**, она должна была поехать поездом тогда.’
- b. *‘Учитывая обстоятельства **Мэри сейчас**, она должна была поехать поездом.’

Эпистемические модальные показатели в матричной клаузе привязываются к говорящему и моменту речи (542)¹⁵⁹.

(542) Mary had to be home. (Hacquard 2010:93)

- a. ‘Учитывая то, что **я знаю сейчас**, должно быть так, что Мэри была дома тогда.’
- b. *‘Учитывая то, что **я знал тогда**, должно было быть так, что Мэри была дома.’

В подчиненной клаузе при ментальном предикате (типа *думать*) эпистемический модальный показатель привязывается к субъекту матричного ментального предиката (attitude holder) и моменту, к которому реферирует маркированное на матричном предикате время (543).

(543) John thought that Mary might be home. (Hacquard 2010:93)

¹⁵⁹ Интерпретация типа (542-b) возможна при эксплицитном указании соответствующей модальной базы: ‘Исходя из наших знаний на тот момент, Мэри должна была быть дома. (Мы ошибались)’. Ничто не мешает заменять подобным способом “дефолтную” модальную базу и в других случаях, ср. #*Петя может быть знаком с Кировой, но я точно знаю, что они незнакомы и по мнению британских спецслужб, Петя может быть знаком с Кировой, но я точно знаю, что они незнакомы.*

- а. ‘Учитывая то, что **Джон** знал на **момент думания**, могло быть так, что Мэри была дома.’
- б. *‘Учитывая то, что **Джон** знает **сейчас**, могло быть так, что Мэри была дома.’

Чтобы объяснить (541)-(543) Насquard (2006, 2010) предлагает интерпретировать модальные показатели относительно события, а не мира оценки. Модальность всегда привязывается к ближайшему событию в синтаксической структуре. В случае корневых модальных показателей (541) это событие, обозначаемое лексическим глаголом, при эпистемической интерпретации (542) – событие высказывания, в комплементе ментального предиката (543) – событие мышления, обозначаемое ментальным предикатом.

Формально, в стандартные денотаты (537) нужно внести минимальное изменение, заменив четвертый аргумент с мира (w) на событие (e). Это событие, в свою очередь, становится аргументом модальной базы $f(e)$ и источника упорядочивания $g(e)$.

(544) семантика *must*, *may*, по Насquard (2010:95)

- а. $\llbracket \text{must} \rrbracket = \lambda f. \lambda g. \lambda p. \lambda e. \forall w' \in \max(g(e), \cap f(e)): p(w') = 1$
- б. $\llbracket \text{may} \rrbracket = \lambda f. \lambda g. \lambda p. \lambda e. \exists w' \in \max(g(e), \cap f(e)): p(w') = 1$

Модальная база при таком анализе определяется следующим образом:

(545) модальные базы с аргументом-событием, упрощение Насquard (2010:101-109)

- а. обстоятельственная:
 $\cap f_{\text{circ}}(e) = \{ w' \mid w' \text{ совместим с обстоятельствами события } e \}$
- б. эпистемическая:
 $\cap f_{\text{epist}}(e) = \{ w' \mid w' \text{ совместим со знаниями автора речевого акта } e \}$

Итак, модальная база зависит от событийного аргумента. Если e – событие, обозначаемое лексическим глаголом, то это множество “обстоятельств” события e , что бы это ни значило (Насquard 2010:109-110). Если e – событие говорения, то это множество утверждений, известных говорящему (т. е., в сущности стандартная эпистемическая база).

То или иное событие оказывается аргументом модального глагола в зависимости от его расположения в синтаксической структуре (546). Если модальный показатель присоединяется ниже AspP, то его событийный аргумент кореферентен событийному аргументу лексического глагола V и связывается аспектом Asp (546-a), для обозначения чего используется выделение полужирным¹⁶⁰. Модальный показатель в этой позиции получает корневую/ситуационную интерпретацию. Если модальный показатель присоединяется над T, то его событийный аргумент кореферентен событийному аргументу оператора утверждения $\text{assert}(e)$, т. е. в сущности реферирует к речевому акту (546-b). Он связывается дефолтным связывателем λe , завершающим

¹⁶⁰ О связывании событийной переменной аспектом подробнее см. примеры (236)-(237) и их обсуждение.

деривацию (Percus 2000). В этом случае модальный показатель интерпретируется эпистемически. Наконец, если модальный показатель находится над T в подчиненной клаузе при ментальном предикате, то его событийный аргумент оказывается кореферентен событийному аргументу матричного предиката. Он связывается матричным аспектом и эпистемическая интерпретация таким образом привязывается к матричному событию мышления и субъекту этого события (546-с).

(546) связывание событийного аргумента модальных глаголов, по Nacquard (2010:83,104)

- a. [λe_0 assert(e_0) [TP T [AspP **Asp** λe_3 [ModP Mod(f)(g)(e_3) [VP V(e_3)]]]]]
- b. [λe_0 assert(e_0) [ModP Mod(f)(g)(e_0) [TP T [AspP Asp λe_3 [VP V(e_3)]]]]]
- c. [λe_0 assert(e_0) [TP T [AspP **Asp** λe_1 [VP *думать*(e_1)
[CP [ModP Mod(f)(g)(e_1) [TP T [AspP Asp λe_3 [VP V(e_3)]]]]]]]]]

Преимущества этого анализа состоят в том, что он (а) допускает как минимум две различные позиции для модальных показателей, с которыми ассоциируются разные интерпретации (эпистемическая vs корневая); (b) позволяет сохранить минималистичный анализ Kratzer (1981, 1991), в котором в лексической семантике модальных показателей специфицирована только квантификация, что объясняет модальную полисемию.

У этого анализа есть и, по меньшей мере два недостатка. Во-первых, как уже упоминалось выше, не очень ясно, действительно ли (b) является преимуществом, поскольку модальная полисемия встречается значительно реже, чем ее отсутствие (Van der Auwera and Ammann 2013).

Во-вторых не вполне ясно, что представляет собой множество “обстоятельств” события e, составляющее модальную базу f(e) при корневой интерпретации. Кроме того, неясно и то, как из события e получается источник упорядочивания g(e). Например, в случае предложения *Петя должен отправиться в тюрьму* источник упорядочивания g(e) – множество законов страны, а событие e – собственно отправления Пети в тюрьму. Таким образом, функция g(e) должна буквально отображать это событие в множество законов, в силу которых оно должно произойти. На мой взгляд, функция g(e) при таком подходе оказывается слишком гибкой и “умной”: складывается ощущение отсутствия четких ограничений на взаимосвязь между содержанием аргумента e и значением функции g(e).

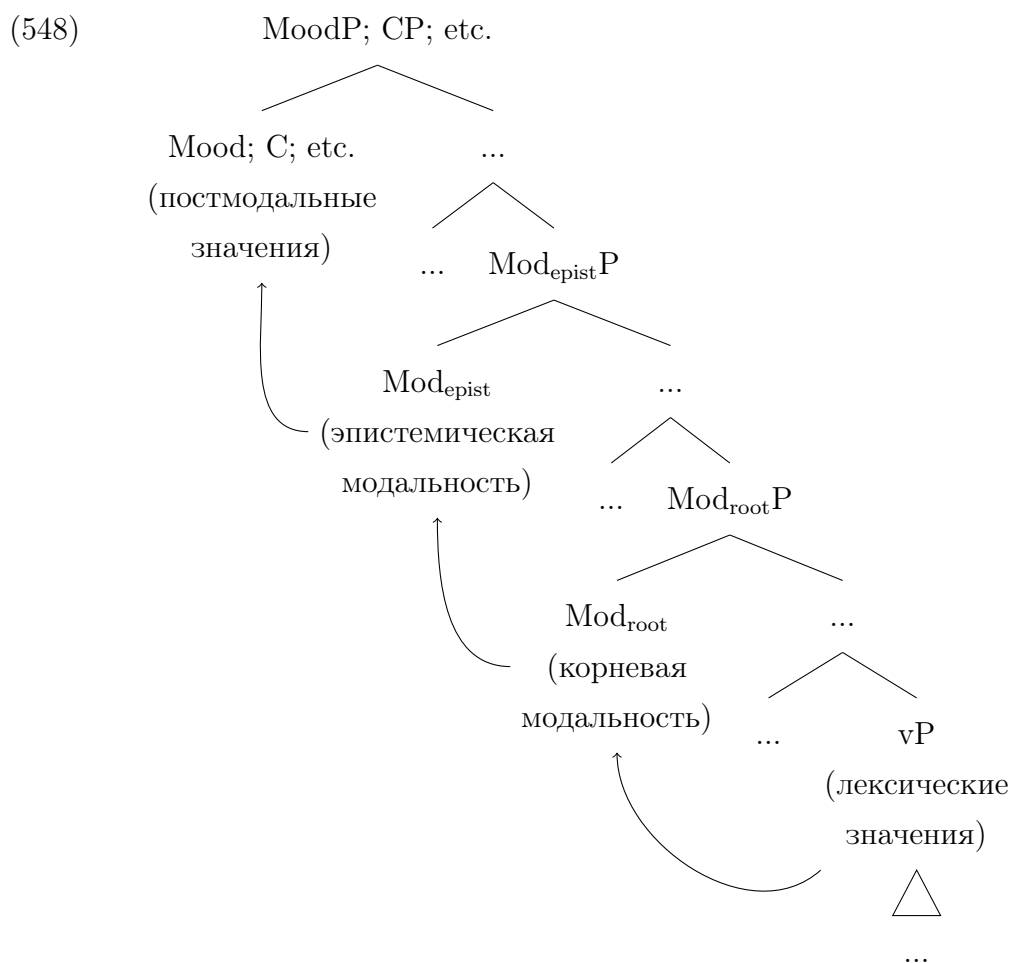
На этом я завершаю обсуждение подходов к анализу семантики и структурной позиции модальных показателей. Мой дальнейший анализ структуры клаузы в принципе совместим как с картографией (Cinque 1999) или описанной здесь теорией Nacquard (2006, 2010), так и с любой другой теорией, предполагающей по меньшей мере две позиции модальных показателей в структуре, поэтому я не настаиваю на конкретной альтернативе. В следующем разделе я предлагаю формальную типологию, основная задача которой – сделать описательное, а не объяснительное обобщение о взаимосвязи семантики модальных показателей с их синтаксическими свойствами.

6.2.5. Формальная типология модальности

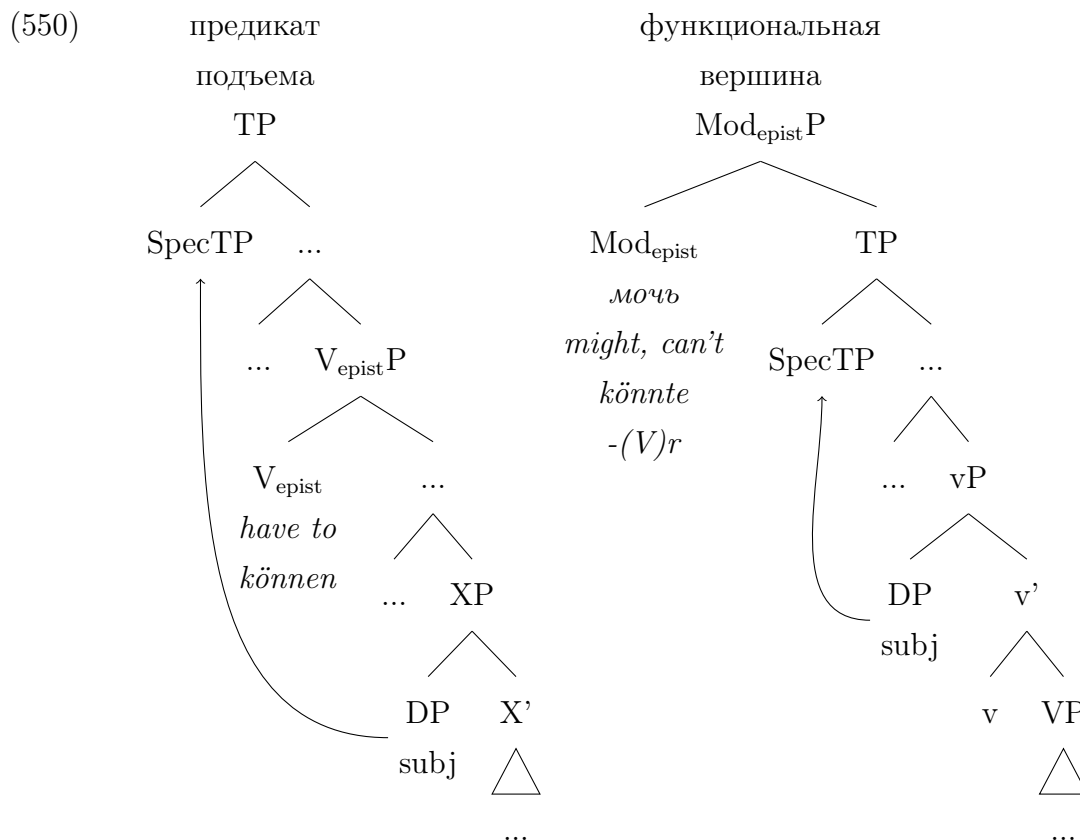
В работах Bybee et al. (1994); Van der Auwera and Plungian (1998) показано, что модальные показатели грамматикализуются по маршруту, приведенному в упрощенном виде в (547).

- (547) немодальные, в основном лексические значения > внутренняя возможность/
необходимость > внешняя возможность/необходимость > эпистемическая модальность
> постмодальные значения (подчинение, субъюнктив и т. д.)

Маршрут грамматикализации (547) полностью предсказывается структурой клаузы в (548) и формальной теорией грамматикализации Roberts and Roussou (2003), представленной в разделе 2.2.4. Напомню, что в этой теории грамматикализация всегда направлена “вверх”, может быть циклической и является, в числе прочего, результатом переинтерпретации Move > Merge (215), т. е. составляющая передвигающаяся из позиции X в более высокую позицию Y переинтерпретируется как изначально порожденная в позиции Y и, соответственно, начинает ассоциироваться с новой позицией и новым, более абстрактным значением.

Исходя из (548) можно предположить, что существуют три формальных типа модальных показателей: лексические V (типа глагола *уметь*), корневые Mod_{root} (типа английского *can*

Некоторые глаголы, например русский *уметь* – однозначно лексические. *уметь* фонологически не редуцирован, имеет полную парадигму и не демонстрирует каких-либо иных, общих или специфических, признаков грамматикализации (Холодилова 2015). Некоторые показатели, типа карачаево-балкарского суффикса $-(V)r$, разумеется, полностью грамматикализованы. Многие показатели находятся в переходном положении и могут появляться сразу в нескольких структурных позициях, представленных в (549) и (550). Например, русский *мочь*, предположительно, может быть как лексическим глаголом с динамической интерпретацией, так и одной из двух функциональных вершин. Немецкий *können* в зависимости от конкретной формы, видимо, может появляться в трех или даже всех четырех структурах (549), (550). Прежде чем перейти к подробному обоснованию предложенного структурного анализа, рассмотрим подробнее полисемию этих двух глаголов.

В (551) показаны употребления *мочь* и *können* в качестве переходных глаголов. Такие конструкции накладывают ограничение на свой комплемент. Например, русский *мочь* присоединяет в качестве прямого дополнения только местоименные группы (*это, что, все*) (Chvany 1996). В немецком переходные употребления допускают ограниченное множество интерпретаций, соответствующих эллидированным инфинитивам с семантикой ‘говорить’, ‘понимать’, ‘делать’ и т. д. (Maché 2019:40). При этом в (551-b), скорее всего, нет эллипсиса, и *können* действительно является переходным глаголом (Maché 2019:38-44).

(551) а. Петя может всё.

- b. Die Bewerber können Russisch. (немецкий)
 DEF.PL соискатели могут русский
 ‘Соискатели могут говорить по-русски.’ (Maché 2019:38)

И *мочь*, и *können* также могут быть предикатами контроля. О том, что в (552) *мочь* не является функциональной вершиной свидетельствует неграмматичность генитива отрицания. Если бы субъект *заклученные* был (единственным) аргументом глагола *быть*, то при отрицании был бы допустим генитив (552-а). Однако в предложениях с *мочь* (с динамической и деонтической интерпретацией) вне зависимости от позиции отрицания генитив отрицания неграмматичен. Таким образом, субъект является собственным внешним аргументом *мочь*.

- (552) a. Заключенных не было в камере.
 b. *Из-за холода заключенных_j не [_{VP} t_j может [_{VP/VP} быть в камере ночью]].
 c. *[За хорошее поведение] заключенных_j [_{VP} t_j может не [быть в камере днем]].

В немецком у *können* в динамическом значении также есть собственный внешний аргумент, которому он приписывает семантическую роль. Это подтверждается тем, что динамический *können* не сочетается с предикатами с нереференциальными субъектами (553). В (553) референтный субъект *es* (*können* приписывает ему семантическую роль обладателя способности) не может связывать невыраженный нереферентный субъект предиката *schneien*, из-за чего у предложения не может быть динамической интерпретации. Кроме того, *können* не допускает пассивизацию подчиненного предиката с сохранением значения (554). В частности, в (554-d) внешний аргумент *können* – гора Нангапарбат – получает семантическую роль обладателя способности, что дает аномальную интерпретацию. Если бы динамический *können* был функциональной вершиной без собственного внешнего аргумента, интерпретация предложений (554-с) и (554-d) была бы одинакова, как в случае (554-а)-(554-б).

- (553) a. Es schneit.
 это идет.снег
 ‘Идет снег.’
 b. #Es kann_{abil} schneien.
 это может идти.снег.INF
 Ожид.: ‘У этого есть способность снежить.’ (Maché 2019:46)

- (554) a. Der Reinhold bezwingt den Nanga Parbat ohne Sauerstoffgerät.
 DEF Райнхольд покоряет DEF.ACC Нанга Парбат без кислородный.аппарат
 ‘Райнхольд покоряет Нангапарбат без кислородного аппарата.’
 b. Der Nanga Parbat wird vom Reinhold ohne Sauerstoffgerät
 DEF Нанга Парбат PASS.AUX PREP.DEF Райнхольд без кислородный.аппарат
 bezwungen.
 покорена
 ‘Нангапарбат покоряется Райнхольдом без кислородного аппарата.’

- c. Der Reinhold kann_{abil} den Nanga Parbat ohne Sauerstoffgerät
 DEF Райнхольд может DEF.ACC Нанга Парбат без кислородный.аппарат
 bezwingen.
 покорять
 ‘Райнхольд может покорить Нангапарбат без кислородного аппарата.’
- d. #Der Nanga Parbat kann_{abil} vom Reinhold ohne Sauerstoffgerät
 DEF Нанга Парбат может PREP.DEF Райнхольд без кислородный.аппарат
 bezwungen werden.
 покорена PASS.AUX.INF
 #‘Нангапарбат может покориться Райнхольдом без кислородного аппарата.’
 (Maché 2019:47)

Если русский *мочь* интерпретируется эпистемически, то допустимость генитива отрицания существенно повышается (555). Таким образом, субъект в (555) является (внутренним) аргументом глагола *быть* и может получить генитив отрицания¹⁶¹. Эпистемический *мочь* в таком случае можно анализировать как предикат подъема или функциональную вершину. Я предполагаю, что верен второй вариант анализа, чему посвящен раздел 6.4.

(555) ?Свет не горит. Пети_j [_{ModP} может не [_{vP} t_j быть дома]].

Немецкий эпистемический *können*, видимо, может быть и предикатом подъема, и функциональной вершиной. В склоняемой форме он интерпретируется под клаузуальным отрицанием (556-а) (т. е. является V и имеет собственную проекцию NegP), в грамматикализованной субъюнктивной форме *könnte*, которая, как и английские модальные глаголы *might*, *ought to* морфологически включает прошедшее время, он интерпретируется над отрицанием (556-b).

- (556) a. Die Tat kann ich nicht begangen haben, zum
 DEF преступление может я NEG совершить.PAST.PTCP AUX, к
 beschriebenen Zeitpunkt saß ich schon einen Tag ein.
 описанному моменту сидел я уже INDEF день в
 ‘Я не мог совершить преступление, поскольку к описываемому моменту я уже был
 в тюрьме на протяжении дня.’
- b. #Die Tat könnte ich nicht begangen haben, zum
 DEF преступление мочь.SUBJ.PAST я NEG совершить.PAST.PTCP AUX, к
 beschriebenen Zeitpunkt saß ich schon einen Tag ein.
 описанному моменту сидел я уже INDEF день в
 Ожид.: ‘Я не мог совершить преступление, поскольку к описываемому моменту я
 уже был в тюрьме на протяжении дня.’ (Maché 2019:66)

Возможно, русский *мочь* также может быть функциональной вершиной Mod_{root}, см. раздел 6.4. Подробное обсуждение немецкого *können* см. в Maché (2019:38-74).

Итак, мы кратко рассмотрели полисемию и грамматикализацию модальных показателей

¹⁶¹ О том, как это происходит, см. раздел 5.3.

на примере русского и немецкого. Аргументы в пользу существования двух модальных функциональных вершин уже были частично представлены в разделе 2.2.3. В следующем разделе, основываясь на многочисленных данных и аргументах из предыдущей литературы, я более подробно обсуждаю устойчивую зависимость между свойствами модального показателя (морфология, сфера действия) и типом его модального значения (корневое/ориентированное на участника vs эпистемическое/ориентированное на говорящего), указывающую на то, что модальные показатели разных типов занимают разные позиции в структуре клаузы. В разделе 6.4 я возвращаюсь к более подробному обсуждению русского глагола *мочь*, а именно показываю, что и в его случае многочисленные свойства указывают на возможность нахождения в двух разных позициях.

6.3. Две модальные функциональные вершины

В (557) для удобства повторена предлагаемая функциональная иерархия.

$$(557) \quad \text{Mod}_{\text{epist}} > \text{T, subj} > \text{Neg} > \text{Asp} > \text{Mod}_{\text{root}} > \text{V}$$

Целый ряд явлений указывает на то, что динамические и эпистемические модальные показатели действительно занимают две разные позиции в структуре клаузы. Они перечислены в (558).

- (558)
- a. Различия в наборе доступных деривационных и словоизменительных показателей в зависимости от значения;
 - b. относительный линейный порядок и сфера действия в языках, допускающих одновременное выражение двух типов модальности;
 - c. линейный порядок и сфера действия относительно аспекта;
 - d. линейный порядок и сфера действия относительно времени;
 - e. линейный порядок и сфера действия относительно отрицания;
 - f. сфера действия относительно субъекта (epistemic containment principle).

Рассмотрим эти аргументы в отдельности на материале различных языков.

6.3.1. Тип модальности и морфология

Динамические модальные показатели занимают достаточно низкую позицию в структуре (557). Ожидается, что они должны быть способны присоединять более высокие показатели, в частности показатели аспекта и времени и, возможно, некоторые словообразовательные показатели типа номинализующих. С другой стороны, эпистемические показатели располагаются очень высоко и не должны допускать присоединение более низких показателей. Таким образом, ожидается, что морфология функциональных эпистемических показателей $\text{Mod}_{\text{epist}}$ должна быть очень бедна.

Это ожидание оправдывается. Немецкий эпистемический показатель *könnte*, имеющий сфе-

ру действия над отрицанием (556-b), по сути представляет собой замороженную субъюнктивную форму прошедшего времени¹⁶², как и английский *might*. В русском *мочь* в эпистемическом значении также отличается очень бедной морфологией. Например, он не имеет перфективной формы:

- (559) Петя смог прийти.
 1. ‘Пете удалось прийти.’ (root)
 2. *‘Стало возможным, что Петя придет/пришел.’ (epist)

В Rosseyaykin (2020:148) я предполагаю, что аспектуальный/акциональный показатель *с-* локализован в вершине Asp над Mod_{root}, что объясняет возможность сочетания только с динамическим вариантом *мочь*. Этот анализ, однако, сомнителен. Скорее всего, *с-*, как и другие перфективизаторы в русском языке, присоединяется очень низко – в vP (Татевосов 2015). Поскольку обе модальные функциональные вершины находятся над vP, грамматичность (559) с динамической интерпретацией и только с ней свидетельствует лишь о том, что только динамический *мочь* может быть лексическим глаголом V. Однако морфологическая дефектность эпистемического *мочь* не ограничивается отсутствием перфектива – я возвращаюсь к ее обсуждению в разделе 6.4.3, см. также Холодилова (2015).

Более однозначный пример из норвежского представлен в (560). В этом языке существует форма перфекта, подлинного “высокого” аспекта Asp. Модальные причастия сочетаются с перфектом, но при этом возможна только корневая интерпретация (Ramchand and Svenonius 2014). Пример (560-а) имеет только динамическую, а (560-б) только деонтическую интерпретацию.

- (560) a. Kari har kunnet gå på ski til jobb hver dag. (норвежский)
 Кари AUX.PERF мочь.РТСР идти на лыжи в работа каждый день
 1. ‘Кари могла добираться до работы на лыжах каждый день.’
 2. *‘Кари, возможно, добиралась до работы на лыжах каждый день.’
 b. Ola har måttet måke sne i hele dag.
 Ула AUX.PERF должен.РТСР убирать.лопатой снег в весь день
 1. ‘Ула должен был убирать снег лопатой весь день.’
 2. *‘Ула, наверняка, убирал снег лопатой весь день.’
 (Ramchand and Svenonius 2014)

Обсуждение взаимодействия модальных показателей с аспектом будет продолжено в разделе 6.3.3.

6.3.2. Взаимный линейный порядок

Во многих языках модальные показатели с разным значением могут одновременно появляться в одной клаузе/предложении. При этом, насколько мне известно, существует, по меньшей

¹⁶² Эпистемический *kann* также имеет композиционную форму субъюнктива *könnte*, свойства которой отличаются от замороженной формы *könnte* (Maché 2019:68-69).

мере, очень сильная тенденция структурного расположения эпистемических показателей над корневыми и их интерпретации над ними.

Например, в каталанском в предложениях с двумя модальными глаголами возможна только интерпретация *epistemic > root* (Picallo 1990), как показано в (561). То же наблюдается и в германских языках, например, норвежском (Ramchand and Svenonius 2014) и немецком (Moscati 2010:47).

- (561) a. en Pere deu poder tocar el piano. (каталанский)
 DEF Пере должен мочь играть DEF пианино
 1. ‘Должно быть, Пере умеет/разрешено играть на пианино.’
 2. *‘Должно быть, возможно, что Пере будет играть на пианино.’
- b. en Jordi pot haver de venir.
 DEF Жорди может должен PREP прийти
 1. ‘Возможно, что Жорди должен прийти.’
 2. *‘Разрешено, что Жорди точно придет.’ (Fălăuş and Laca 2020:8)

Сам по себе пример (562), как и данные германских языков, не очень показателен, поскольку неясно, какие модальные глаголы лексические, а какие функциональные. Однако строгая иерархия наблюдается и в случаях, когда рассматриваемые показатели однозначно являются функциональными. Например, существует множество свидетельств сильной грамматикализации модальных глаголов в английском – они не требуют *do-support*, передвигаются в начальную позицию в вопросах, имеют дефектную парадигму и т. д. В некоторых английских диалектах в одной клаузе могут появляться сразу два модальных глагола, при этом эпистемический всегда предшествует корневому и интерпретируется над ним (Drubig 2001). В (562) показано, что эпистемическая модальность интерпретируется над корневым, а отрицание – между ними¹⁶³.

- (562) a. He might could not answer some questions,
 because he hadn't read all the material. (Battistella 1991)
 ‘Возможно, он не мог ответить на некоторые вопросы,
 потому что не прочитал весь материал.’
- b. I thought maybe I better put it [her hearing aid] on
 (or) I might not could understand you. (Battistella 1991)
 ‘Я думала, возможно, мне лучше надеть его (слуховой аппарат),
 или, возможно, я не смогу тебя понимать.’

В языках с синтетическими модальными показателями, например карачаево-балкарском, эпистемические модальные показатели также структурно доминируют над корневыми и интерпретируются над ними, как показано в (563).

¹⁶³ Интересно, что возможны разные линейные позиции *not* относительно второго модального показателя, что не влияет на сферу действия. Обычно *not* следует за вторым модальным показателем (Drubig 2001:37).

- (563) kerim kel-al-ma-z. (карачаево-балкарский)
 Керим приходить-POS-NEG-FUT
 ‘Керим (наверное) не сможет прийти.’

Мне неизвестны примеры обратного, т. е. когда грамматикализованные показатели модальности допускали бы линейный порядок и сферу действия root > epistemic.

6.3.3. Модальность и аспект

В разделе 2.2.3 я уже упоминал существование такого явления, как возникновение фактивного следствия при перфективизации модальных глаголов или модальных форм глаголов. Фактивное следствие существует, например, в (559) – *Петя смог прийти* имплицитно означает, что Петя пришел.

Это явление, насколько я могу судить, типологически устойчиво, если не универсально. Например, оно имеет место в русском (562), карачаево-балкарском (203), греческом (Alxatib 2019), хинди (Bhatt 1999) и французском (Nasquard 2006; Homer 2011).

Существуют два теста, показывающих, что фактивное следствие присутствует и что оно не является импликацией. Во-первых, как уже было показано в случае карачаево-балкарского и русского (203), его нельзя отрицать в последующем контексте (564).

- (564) Olga a pu_{abil} soulever un frigo. #Mais elle ne
 Ольга AUX.PERF мочь.PST.PTCP поднять INDEF холодильник но она NEG
 l’a pas fait. (французский)
 это.AUX.PERF NEG сделала
 ‘Ольга смогла поднять холодильник. #Но она этого не сделала.’ (Homer 2011:265)

Во-вторых, как было замечено в (Homer 2011:266-267), благодаря фактивному следствию удовлетворяется аддитивная пресуппозиция слов с семантикой ‘тоже’, которую обычно очень трудно аккомодировать. Эффект сохраняется даже при помещении модального показателя в контекст с нисходящей монотонностью – например, протасис условной конструкции – где импликации обычно не возникают (565-а). В отсутствие перфектива аддитивная пресуппозиция *aussi* ‘тоже’ нарушается (565-б). Контраст между (565-а) и (565-б) подтверждает, что фактивное следствие не является прагматическим эффектом – предложение (565-б) вполне совместимо с пресуппозицией (Ольга могла поднять холодильник и подняла), но в отсутствие фактивного следствия этого недостаточно для ее соблюдения.

- (565) a. si Olga a pu_{abil} soulever un frigo, Marie_F aussi
 Если Ольга AUX.PERF мочь.PST.PTCP поднять INDEF холодильник Мари тоже
 en a soulevé un.
 из.него AUX подняла один
 ‘Если Ольга смогла поднять холодильник, Мари тоже подняла один.’
 rsp: кто-то помимо Мари поднял холодильник

- b. #si Olga pouvait_{abil} soulever un frigo, Marie_F aussi en a
 Если Ольга мочь.PST поднять INDEF холодильник Мари тоже из.него AUX
 soulevé un.
 подняла один
 #‘Если Ольга могла поднять холодильник, Мари тоже подняла один.’
 psp: кто-то помимо Мари поднял холодильник (Homer 2011:266-267)

Фактивное следствие не ограничивается показателями динамической возможности (564)-(565). Оно возникает и при перфективизации показателей необходимости, и с другими подтипами корневой модальности, например деонтической (Homer 2011:267; Alxatib 2019:703). Обычно предполагается, что аспект интерпретируется над корневой модальностью, что позволяет тем или иным способом получить фактивное следствие (Bhatt 1999; Hacquard 2006, 2010; Homer 2011), недавние обзоры теорий см. в Alxatib (2019); Hacquard (2020).

Для текущего обсуждения наиболее важно то, что при эпистемических интерпретациях модальных показателей фактивное следствие не возникает (566). Это автоматически объясняется тем, что эпистемические показатели интерпретируются над аспектом (557). Таким образом, независимо от аспекта предложение интерпретируется как ‘возможно, что p’, что очевидно не имплицирует p.

- (566) Jean a (bien) pu partir, mais il est aussi possible qu’il
 Жан AUX.PERF (вполне) мочь.PST.ПТСР уйти но он AUX также возможно что.он
 soit resté.
 есть.SUBJ остался
 ‘Жан (вполне) мог уйти, но он также мог и остаться.’ (Hacquard 2020)

Хотя это явление пока еще относительно малоизучено, представленных данных, на мой взгляд, достаточно для того, чтобы рассматривать (под)иерархию Epistemic > Asp > Root более предпочтительной, чем любую структуру, допускающую только одну позицию для модальности.

6.3.4. Модальность и время

Многие исследователи, Iatridou (1990); Zagana (1990); Stowell (2004); Stephenson (2007) среди прочих, замечали, что модальность по-разному интерпретируется относительно времени в зависимости от типа модального значения. В этом подразделе я ограничусь обсуждением данных русского языка, примеры из английского см. в разделе 6.2.4, см. также Fălăuș and Lasa (2020).

При динамической интерпретации глагола *мочь* модальность интерпретируется в сфере действия времени. Например, если *мочь* стоит в настоящем времени (567-a), то утверждается, что Петя способен сделать сальто в фокусном временном интервале t, совпадающем с моментом речи (по сути, *мочь* имеет прогрессивную интерпретацию). Если *мочь* стоит в прошедшем времени (567-b), то фокусное время t сдвигается в прошлое: Петя обладал способностью делать

сальто назад в t , но, возможно, уже не обладает ей в настоящий момент¹⁶⁴.

- (567) а. Петя может сделать сальто назад.
 $\exists t: t = \text{NOW}$ [Петя способен сделать сальто в интервале t]
 б. Петя мог сделать сальто назад.
 $\exists t: t < \text{NOW}$ [Петя (был) способен сделать сальто в интервале t]

Эпистемическая возможность всегда интерпретируется в настоящем времени, ср. (568-а) и (568-б). В (568-а) утверждается динамическая возможность, имевшаяся у Сталина в прошлом, но не актуализированная и исчезнувшая. В (568-б) же утверждается, что в соответствии со знаниями говорящего **в данный момент**, Сталин, возможно, страдал биполярным расстройством в прошлом¹⁶⁵. Для обнаружения контраста, можно использовать простой тест с утверждением $\neg p$ в последующем контексте. Поскольку эпистемическая возможность существует в момент речи, ее отрицание приводит к противоречию.

- (568) а. Сталин мог начать ядерную войну одним нажатием кнопки.
 Разумеется, он не стал этого делать.
 б. Недавно я узнал, что Сталин мог страдать биполярным расстройством.
 #Хорошо, что у него не было этого заболевания.

В целом, глагол *мочь* в эпистемическом прочтении присоединяется к пропозиции с уже установленными темпорально-аспектуальными характеристиками, и композиционально с ними сочетается. Предложения с эпистемическим *мочь* можно перефразировать с использованием эпистемического наречия *возможно* и той временной формой, которая маркирована на *мочь*. Например, если *мочь* в форме настоящего времени сочетается с имперфективным глаголом типа *спать*, то предложение перефразируется как прогрессивное (569).

- (569) Не стоит звонить Пете. В данный момент он может спать
 = возможно [в данный момент Петя спит]

Если на эпистемическом *мочь* маркируется прошедшее время, то в сочетании с имперфективным глаголом предложение перефразируется как прогрессивное или хабитуальное в прошедшем времени (570).

- (570) Петя мог спать в момент убийства. (Поэтому он ничего не заметил.)
 = возможно [Петя спал в момент убийства]

¹⁶⁴ Семантика аспекта и времени в этих примерах несколько упрощена, см. более реалистичную семантику в (236)-(237).

¹⁶⁵ Эпистемическую интерпретацию обеспечивает неагентивный глагол *страдать*. Едва ли существует человек, способный контролируемо страдать – или не страдать – биполярным расстройством. Фактивный матричный предикат *узнал, что p* обеспечивает истинность p в верованиях говорящего.

Имперфективный глагол-комплемент эпистемического *мочь* может иметь и хабитуальную интерпретацию (571).

- (571) В компании не знают истца и предполагают, что он мог работать в другой фирме¹⁶⁶.
= возможно [истец работал_{hab} в другой фирме]

Наконец, предложения с эпистемическим *мочь* и перфективными глаголами интерпретируются как потенциальные достижения/свершения в будущем или прошлом (572). В целом, все предложения с эпистемическим *мочь* допускают анализ при котором модальный показатель возможности присоединяется к соответствующей финитной клаузе, что в семантике эквивалентно добавлению наречия *возможно* к этой клаузе, а в фонологии выглядит как маркирование времени на модальном глаголе.

- (572) а. Петя мог забыть позвонить
= возможно [Петя забыл позвонить]
б. Петя может забыть позвонить
= возможно [Петя забудет позвонить]

Комплемент динамического *мочь* всегда имеет, скажем так, потенциальную интерпретацию. Например, в (573-а) говорящему может быть прекрасно известно, что ситуация сна Пети не имеет места в актуальном мире в данный момент. Возможно, потенциальность в данном случае никак не связана с собственно глаголом *мочь* и находится в семантике инфинитива. Насколько мне известно, только такая интерпретация возможна у инфинитива и в комплементе любого другого глагола, ср. (573-б), (573-с).

- (573) а. Врачи дали Пете обезболивающее, и теперь он может спать.
Ну а сейчас он на прогулке.
б. Петя хочет спать. Но сейчас он на прогулке.
с. Петя решил бежать. Но потом передумал.

Итак, модальные глаголы по-разному взаимодействуют со временем в зависимости от значения. Комплемент эпистемического *мочь* имеет финитные темпорально-аспектуальные характеристики, определяемые лексическим глаголом и временем, маркированным на модальном глаголе, и, возможно, лишь выглядит как инфинитив. Комплемент динамического *мочь* всегда имеет стандартную для инфинитива потенциальную интерпретацию.

6.3.5. Модальность и отрицание

Примеры, показывающие различие в сфере действия относительно отрицания в зависимости от типа модального значения уже обсуждались в предыдущих разделах. Как и во всех

¹⁶⁶ <https://penzanews.ru/society/127873-2018>

предыдущих случаях, иерархия (557) предсказывает, что относительная сфера действия отрицания и модальности всегда одна и та же, а именно: $\text{epistemic} > \text{neg} > \text{root}$. Это предсказание сбывается в известных мне языках.

В разделе 2.2.3 уже было показано, что английские модальные глаголы с корневой интерпретацией всегда интерпретируются под отрицанием¹⁶⁷:

- (574) a. $\neg > \diamond$: John cannot leave.
 b. $\neg > \diamond$: John may not leave. (Iatridou and Zeijlstra 2013:529)

Грамматикализованные эпистемические модальные глаголы интерпретируются над отрицанием (575), если не выражают отрицание синкретически (575-с)¹⁶⁸.

- (575) a. $\diamond > \neg$: He may not have left earlier in the day.
 b. $\square > \neg$: (His car is not in the driveway.) He must not be home.
 c. $\neg > \diamond$: He can't be home yet. (Iatridou and Zeijlstra 2013:562-563)

В некоторых диалектах английского, например, северном афроамериканском английском, эпистемические модальные глаголы могут вызывать *do*-support, причем *do* появляется структурно ниже, чем модальный глагол (576). Из этого можно сделать вывод, что *must* порождается над отрицанием и *do*, поскольку в противном случае он бы не смог передвинуться в позицию линейного предшествования *didn't* вследствие ограничения на передвижение вершин (НМС).

- (576) отец: Didn't you read the note? 'Ты (про)читал записку?'
 сын: I read it. 'Я (про)читал ее.'
 отец: Well, you must didn't read it too good!
 'Что ж, должно быть, ты прочитал ее не слишком хорошо!' (Drubig 2001:38)

Интерпретация деонтических экзистенциальных модальных глаголов **над** отрицанием возможна при отрицании составляющих (De Haan 1997:62-64). В этом случае *not* предположительно присоединяется не в NegP, а в VP/vP, что обеспечивает сферу действия ниже Mod_{root}P. При этом, во-первых, используется маркированная интонация с ударением на отрицание (577) и, во-вторых, как и ожидается от CN, невозможно стяжение отрицания с глаголом (578). С эпистемической интерпретацией *may not* всегда интерпретируется как $\diamond > \neg$ (De Haan 1997:65).

- (577) a. $\neg > \diamond$: John may not come tomorrow.
 b. $\diamond > \neg$: John may NOT come tomorrow. (De Haan 1997:62)

¹⁶⁷ Кроме универсальных модальных глаголов типа *must*, про которые см. раздел 7.2.

¹⁶⁸ Для многих носителей английского у *can* нет эпистемической функции, а у *can't* – есть (Iatridou and Zeijlstra 2013:563). Самый простой способ объяснить это – постулировать, что *can't* является отдельным, нечленимым показателем. Таким образом, то, что в этом случае эпистемическая возможность интерпретируется под отрицанием не является контрпримером иерархии, просто потому что соответствующие компоненты значения не поступают из разных частей структуры, а содержатся в одной лексеме.

- (578) a. $\neg > \diamond$: John { cannot / can't } come tomorrow.
 b. $\diamond > \neg$: John { can not / *can't } come tomorrow. (De Haan 1997:62)

Иерархия соблюдается в немецком и карачаево-балкарском, как уже было показано в (556) и (563). В бурятском существуют грамматикализованные показатели динамической возможности $-A:r$ и $-mA:r$, которые, предположительно, занимают позицию в структуре ниже Neg. Они не сочетаются с отрицанием (579-а) по независимым причинам – диахронически они содержат показатель инструменталиса, который в именной морфологии при множественном падежном маркировании не может находиться ближе к основе, чем каратив $-g\ddot{u}i$ (Зеленский и Россайкин 2018). Для отрицания этих форм можно использовать показатель CN = $b\ddot{a}f\ddot{a}$ (579-b), см. раздел 1.1.

- (579) a. $so\ddot{m}om\ g\ddot{a}:r\ f\ddot{e}rd\ddot{a}-x-\ddot{a}:r(*-g\ddot{u}i)$ (бурятский)
 соном дом красить-FUT-INSTR-NEG
 ‘Соном может покрасить дом.’
 b. $so\ddot{m}om\ g\ddot{a}:r\ f\ddot{e}rd\ddot{a}-x-\ddot{a}:r=b\ddot{a}f\ddot{a}$
 соном дом красить-FUT-INSTR=NOT
 ‘Соном не может покрасить дом.’

Существует специализированная отрицательная модальная форма с динамической семантикой. В ней возможность, как и ожидается в соответствии с иерархией (557), интерпретируется под отрицанием (580-а). Отрицательный показатель невозможно опустить или заменить на комитатив $-tAi$ (580-b), хотя в монгольском существует симметричная форма $-sh-tai$, например $oo-sh-tai$ ‘(это) подходит для питья’ (Janhunen 2012:173).

- (580) a. $nom\ un\ddot{f}a-f\ddot{a}-g\ddot{u}i$
 книга читать-POS-NEG
 1. ‘Книга нечитаема.’
 2. ‘(В существующих условиях, например из-за шума) невозможно читать книгу.’
 b. $*nom\ un\ddot{f}a-f\ddot{a}(-tai)$
 книга читать-POS-COM
 Ожид.: ‘Книга читаема.’ / ‘Возможно читать книгу.’

Для выражения эпистемической (и деонтической) модальности в бурятском используется показатель $joho-toi$ обычай-COM (Васильева 2020:113-121). При деонтической интерпретации этот глагол допускает присоединение показателя прошедшего времени (581-b) и отрицания (581-c).

- (581) a. $bi\ hojor\ sag-ta\ unta-xa\ joho-toi-b$
 я два час-LOC спать-FUT обычай-COM-1SG
 ‘Я должен спать в два часа.’ (Васильева 2020:113)
 b. $\ddot{e}n\ddot{a}\ x\ddot{u}b\ddot{u}:n\ nom\ un\ddot{f}a-xa\ joho-toi\ bai-ga:$
 этот мальчик книга читать-FUT обычай-COM быть-PST
 ‘Этот мальчик должен был прочитать книгу.’ (Васильева 2020:116)

- с. *bi hojor sag-ta unta-xa johogñi bai-ga:-b*
 я два час-ЛОС спать-FUT обычай-NEG быть-PST-1SG
 ‘Я не должен был спать в два часа (мне запретили).’ (Васильева 2020:117)

Эпистемический *johotoi* всегда присоединяется к глаголу в форме прошедшего времени, что наминает уже обсуждавшийся немецкий *könnte* (556-b) и английские модальные глаголы *might*, *ought to*, *would* и т. д. При эпистемической интерпретации *johotoi* недопустимо присоединение связки *bai-* ‘быть’, на которой маркируется прошедшее или какое-либо другое время (582). Маркирование отрицания возможно только на вложенном глаголе (583-a), замена комитатива *-tAi* на отрицание/каритив *-gñi* на самом показателе *johotoi* недопустима (583-b).

- (582) *səsəg hojor sag-ta unt-a: johotoi (*bai-ga:)*
 Сэсэг два час-ЛОС спать-PST обычай-СОМ быть-PST
 1. ‘Должно быть, Сэсэг спит в два часа.’
 2. ‘Должно быть, Сэсэг заснула в два часа.’ (Васильева 2020:120)
- (583) а. *?səsəg hojor sag-ta unt-a:-gñi johotoi*
 Сэсэг два час-ЛОС спать-PST-NEG обычай-СОМ
 ‘Должно быть, Сэсэг в два часа не спит.’
 б. **səsəg hojor sag-ta unt-a: johogñi*
 Сэсэг два час-ЛОС спать-PST-NEG обычай-NEG
 Ожид. 1: ‘Должно быть, Сэсэг в два часа не спит.’
 Ожид. 2: ‘Необязательно так, что Сэсэг спит в два часа.’ (Васильева 2020:121)

Все эти свойства эпистемического *johotoi* предсказываются предположением о том, что он сам по себе нечленом и занимает высокую функциональную вершину $\text{Mod}_{\text{epist}}$. Поскольку над этой вершиной нет ни T, ни Neg, добавление временного (582) или отрицательного показателя (583-b) к эпистемическому *johotoi* невозможно.

Многие языки, например, русский (584) или итальянский (585), допускают маркирование отрицания на эпистемическом модальном глаголе. В представленной теории есть два способа анализировать такие случаи: (а) рассматриваемый глагол на самом деле может быть лексическим предикатом подъема, имеющим собственную проекцию Neg, как английский *have to*; (б) отрицание на самом деле может быть отрицанием составляющих, в фонологии неотличимым от стандартного отрицания.

- (584) а. Петя не может быть дома.
 б. Петя может не быть дома.
- (585) *il sugo non può essere pronto: non ne sento l'odore* (итальянский)
 DEF соус NEG может AUX готов: NEG его чувствую DEF.запах
 ‘Соус еще не может быть готов: я не чувствую его запах.’ (Moscatti 2010:61)

Я предполагаю, что в случае с русским *мочь* имеет место вариант (б). Как будет показано в

разделе 6.4, на самом деле структура клаузы в русских примерах (584) аналогична бурятским (583). В (586-b) имеет место стандартное отрицание, которое, как и *-gni* в бурятском (583-а) и *don't/didn't* в английском (576) структурно располагается ниже эпистемического модального показателя. В (586-а) *ne* – отрицание составляющих в позиции более высокой, чем стандартное отрицание и эпистемическая модальность. Поскольку дистрибуция CN практически неограничена (см. раздел 2.2.2), ничто не исключает его появление в этой позиции.

- (586) а. Петя [_{NotP} не [_{ModP} может [_{NegP} быть дома]]].
 б. Петя [_{ModP} может [_{NegP} не быть дома]].

Итак, во всех рассмотренных языках соблюдается обобщение об иерархии и сфере действия *epistemic > neg > root*. Специализированный показатель стандартного отрицания всегда отрицает грамматикализованные динамические/корневые модальные показатели, и никогда – эпистемические.

6.3.6. Модальность и субъект

Последнее, на чем я остановлюсь, прежде чем перейти к более подробному обсуждению глагола *мочь* в русском языке – взаимосвязь интерпретации модального показателя и его сферы действия относительно субъекта.

Von Fintel and Iatridou (2003) обсуждают многочисленные и разнообразные примеры того, что универсальные кванторы не могут интерпретироваться над эпистемическими модальными глаголами, в частности (587)-(589). Пример (587) не был бы противоречив, если бы универсальный квантор интерпретировался над эпистемической возможностью, что давало бы вторую интерпретацию в (587). Однако в (587) универсальный квантор может интерпретироваться только под эпистемической возможностью, что дает противоречивую интерпретацию 1.

- (587) *Every student may have left, but not everyone of them has.
 1. $\# \diamond > \forall \ \& \ \neg \forall$: ‘Возможно, каждый студент ушел, но не каждый студент ушел.’
 2. $*\forall > \diamond \ \& \ \neg \forall$: ‘Каждый студент таков, что, возможно, он ушел, но кто-то остался.’
 (Von Fintel and Iatridou 2003:176)

То же имеет место и в (588). Если бы универсальный квантор интерпретировался над модальным глаголом, предложение имело бы осмысленную интерпретацию 2. Однако, в (588) есть только невыполнимая интерпретация 1 ‘возможно такое, что (одновременно) каждый студент является самым высоким (среди остальных) на отделении’.

- (588) #Every student may be the tallest person in the department.
 1. $\# \diamond > \forall$: ‘Возможно, каждый студент – самый высокий на отделении.’
 2. $*\forall > \diamond$: ‘Каждый студент таков, что он может оказаться самым высоким’.
 (Von Fintel and Iatridou 2003:176)

Наконец, (589) также противоречиво. Левый контекст утверждает, что половина людей из рассматриваемой группы здоровы. Однако, в продолжении утверждается, что возможно такое, что каждый болен, что приводит к противоречию. При широкой сфере действия универсального квантора противоречия бы не было.

(589) Half of you are healthy. #But everyone may be infected.

1. $\# \diamond > \forall$: 'Половина из вас здоровы. Но, возможно, каждый заражен.'

2. $*\forall > \diamond$: 'Половина здоровы, но каждый таков, что он может быть зараженным.'

(Von Fintel and Iatridou 2003:176)

Неспособность универсальных кванторов интерпретироваться над отрицанием, которую Von Fintel and Iatridou (2003) назвали epistemic containment principle (ЕСР), не является специфической особенностью английского языка. Например, в русском предложении (590) интерпретация с широкой сферой действия универсального квантора гораздо более сомнительна, чем с узкой (при эпистемической интерпретации модального глагола).

(590) а. ситуация: учитель проверяет сложную контрольную, написанную двоичником Петей. Результат его очень удивляет. Он говорит: очень странно,

б. Петя не мог решить каждую задачу.

1. $\neg > \diamond_{\text{epist}} > \forall$: 'Не может быть, что Петя решил каждую задачу.'

2. $??\forall > \neg > \diamond_{\text{epist}}$: 'Каждая задача такая, что не может быть, что П. решил ее.'

В (591) и (592) представлены дополнительные корпусные примеры с универсальным квантором в позиции субъекта. В (591) универсальный квантор интерпретируется в сфере действия отрицания и эпистемической возможности, а в (592) – над отрицанием и динамической возможностью.

(591) Олег крайне уважителен. Терпеливо говорит о сквозном действии.

О том, что каждая фраза не может быть главной, что надо играть проходно [...].¹⁶⁹

$\neg > \diamond_{\text{epist}} > \forall$: 'Не может быть такого, что каждая фраза главная.'

(592) В каждой матери проглядывает дочка,

каждая мать не может не смотреть на избранника дочери ее глазами.¹⁷⁰

$\forall > \neg > \diamond_{\text{root}}$: 'Каждая мать такова, что она не способна не смотреть ...'

Впрочем, ЕСР не является жестким запретом и можно придумать контексты, в которых интерпретация с широкой сферой действия универсального квантора будет вполне допустима. Например, такая интерпретация предпочтительна в примере (593) из Swanson (2010) и (594). Обсуждение других контрпримеров ЕСР см. в Yanovich (2020).

¹⁶⁹ НКРЯ; Михаил Козаков. Актерская книга (1978-1995)

¹⁷⁰ НКРЯ; Ю. М. Нагибин. Моя золотая теща (1994)

- (593) (Given what we know after years of research,) every moment you spend with your child could be the one that really matters. ($\forall > \diamond$)
- (594) [...] каждый день мог стать последним для отца.¹⁷¹

Насколько мне известно, на данный момент не существует стандартного анализа ЕСР. Von Stechow and Iatridou (2003), использовавшие теорию единой позиции модальности (Kratzer 1981, 1991), предположили, что ЕСР может быть связан с запретом передвижения универсальных кванторов через эпистемические модальные глаголы. Однако, во-первых, причины существования такого запрета неясны и, во-вторых, неясно почему этот запрет не работает в примерах типа (593) и (594).

Я предполагаю, что ЕСР может быть связан с информационной структурой. Для того, чтобы универсальный квантор интерпретировался над эпистемическим модальным глаголом, он должен передвигаться в нестандартно высокую позицию – выше, чем падежная позиция субъекта (SpecTP) или объекта, в которых обычно завершают свой деривационный путь и интерпретируются аргументы (595). Составляющая в этой позиции может интерпретироваться только как топик, поскольку топик должен доминировать над фокусом (Neeleman and Vermeulen 2012b). Однако топикализация универсальных кванторов проблематична по семантическим причинам и требует особого контекста, в связи с чем в большинстве случаев в предложениях с универсальными кванторами они не могут интерпретироваться над эпистемическим модальным глаголом.

- (595) #_{УР} каждый NP [_{ModEP} [_{TP} ... ~~каждый~~ NP ...]

Предложенный анализ опирается на следующие три предположения: (а) эпистемическая модальность располагается выше в структуре клаузы, чем корневая; (b) только топик может иметь максимально широкую сферу действия (по крайней мере, топик должен интерпретироваться над фокусом); (с) универсальные кванторы топикализуются с трудом. В целом, все три предположения имеют независимую мотивацию, так что такой анализ представляется более привлекательным, чем загадочный запрет передвижения универсальных кванторов через эпистемические модальные глаголы.

Независимо от того, находится ли этот предварительный анализ на верном пути, на эмпирическом уровне существует различие в сфере действия субъекта в предложениях с корневыми и эпистемическими модальными показателями. Всякий анализ, предполагающий единую позицию модальности, вынужден постулировать некий синтаксический или семантический запрет, блокирующий возможность интерпретации универсальных кванторов в позиции над эпистемическим показателем, в том числе и в стандартной позиции позиции субъекта. Неочевидны как причины существования такого запрета, так и причины его исчезновения в примерах типа (593)-(594).

¹⁷¹ НКРЯ; Владимир Голяховский. Русский доктор в Америке (1984-2001)

Итак, существует множество типологически устойчивых явлений, для которых релевантно различие между корневой и эпистемической модальностью. Все эти явления объясняются или, по крайней мере, могут быть объяснены, если предположить иерархию с двумя модальными позициями (557) или близкую к ней. Возможно, для каждого из этих явлений в отдельности можно предложить объяснение, сохраняющее единую позицию модальности, как например делается в Von Stechow and Trudgill (2003) в случае ЕСР, однако общая масса согласующихся между собой данных свидетельствует против такого подхода.

На этом я заканчиваю обзор аргументов в пользу двух позиций модальности. В следующем разделе я показываю, что, несмотря на омонимию эпистемического и корневого *мочь* и омонимию SN и CN (*не*) в русском языке, обнаруживаются синтаксические и семантические эффекты, указывающие на то, что *мочь* и его отрицание занимают разные позиции в структуре клаузы в зависимости от значения модального глагола.

6.4. Две позиции *мочь* в русском языке

В этом разделе я рассматриваю контрасты в лицензировании NCI и GN в зависимости от значения русского модального глагола *мочь*. Раздел 6.4.1 посвящен представлению данных. Я показываю, что при отрицании *мочь* в эпистемическом значении не лицензируются NCI и GN. При отрицании инфинитива под *мочь* (*может не*) NCI и GN лицензируются при эпистемической интерпретации, но становятся неграмматичными в позиции субъекта при динамической интерпретации. В разделе 6.4.2 я показываю, что биклаузальный анализ, рассматривающий эпистемический *мочь* как лексический предикат подъема, не может объяснить все эти данные. В разделе 6.4.3 я рассматриваю независимые аргументы в пользу анализа эпистемического *мочь* как грамматикализованного показателя, занимающего функциональную вершину $\text{Mod}_{\text{epist}}$. В разделе 6.4.3 я показываю, что в сочетании с представленными выше теориями NCI (глава 4), GN (раздел 5.3) и ЕСР (раздел 6.3.6) это объясняет данные раздела 6.4.1 без дополнительных допущений.

6.4.1. *мочь*, NCI и GN: данные

Русский экзистенциальный модальный глагол *мочь* допускает все или почти все возможные модальные интерпретации (раздел 6.1.2):

- (596)
а.	Петя может пробежать 10 километров.	(внутренняя возможность)
б.	Петя может взять такси.	(внешняя возможность)
в.	Петя может сидеть рядом с президентом.	(деонтическая возможность)
г.	Петя может забыть позвонить.	(эпистемическая возможность)
е.	Петя может взять такси (если нам нужно добраться до центра).	
	(телеологическая возможность)	

Ниже я показываю, что возможность лицензирования NCI и GN зависит от интерпретации

мочь.

NCI

При корневой интерпретации NCI абсолютно грамматичны как в позиции объекта, так и в позиции субъекта (597).

- (597) а. Из-за болезни Петя не может ничего делать.
 б. Из-за шума никто не может спать.

Однако, если *мочь* интерпретируется эпистемически, грамматичность NCI заметно снижается.

- (598) объект
 а. контекст: ‘Почему ты думаешь, что Петя сейчас занят? Он ничего не делал целую неделю. Думаешь, сейчас что-то изменилось?’
 б. ??Петя не может ничего делать.
 ожид.: $\forall x$ [Петя не может делать x]

- (599) субъект
 а. контекст: ‘Не беспокойся, они все отлично плавают.’
 б. ??Никто не может утонуть.
 ожид.: $\forall x$ [x не может утонуть]

Аналогичные предложения с не-NCI аргументами полностью грамматичны:

- (600) объект
 а. контекст: ‘С чего ты взял, что Петя сейчас делает уроки? Он уже давно нигде не учится.’
 б. Петя не может делать уроки.

- (601) субъект
 а. контекст: ‘Петя отлично плавает.’
 б. Он не может утонуть.

Если отрицание маркировано на инфинитиве, объект грамматичен вне зависимости от интерпретации модального глагола.

- (602) объект
 а. Петя может ничего не заметить. (epistemic)
 б. Петя может ничего не есть целый день. (root)

В случае же с субъектом NCI грамматичны при эпистемической интерпретации и очень маргинальны, если не сказать неграмматичны, при динамической.

- (603) субъект
 а. Этого 1% никто может не заметить. (epistemic; Холодилова 2015:386)
 б. ??Никто может не дышать. (root; Холодилова 2015:391)

GN

Схожая ситуация наблюдается и в случае с генитивом отрицания. В объектной позиции он абсолютно грамматичен при корневой интерпретации *мочь* (604) и маргинален при эпистемической (605).

- (604) Из-за шока свидетель не мог вспомнить подробностей. (root)
 (605) а. контекст: ‘Я в это не верю. Нас держат за идиотов.’
 б. ??Свидетель не мог вспомнить подробностей спустя 10 лет. (epistemic)

Генитивный субъект допустим, но не идеален при эпистемической интерпретации с любым из двух порядков *не может* и *может не* (606). При корневой интерпретации генитивный субъект неграмматичен (607).

- (606) epistemic
 а. (Свет не включался уже неделю, значит,) ?Пети не может быть дома.
 б. (Свет не горит, значит,) ?Пети может не быть дома.
 (607) root
 а. *Из-за холода заключенных не может быть в камере ночью.
 б. *[За хорошее поведение] заключенных может не быть в камере днем.

Наконец, при порядке *может не* в объектной позиции GN допустим независимо от интерпретации (608). Я использую корпусные примеры с NCI-модификаторами, которые, возможно, “облегчают” лицензирование GN (Корнакова и др. 2016), предполагая, что это непринципиально, и GN в объектной позиции при отрицании инфинитива так или иначе допустим.

- (608) а. На ранних стадиях заболевания человек может не замечать никаких симптомов.¹⁷²
 б. Застройщик в таком случае может не делать никаких взаиморасчетов с покупателем.¹⁷³

Данные по лицензированию NCI и GN в зависимости от интерпретации модального глагола и его порядка относительно отрицания обобщены в таблицах 8 и 9. Как видно из таблицы 8 при порядке *не мочь* лицензирование GN- и NCI-аргументов находится в дополнительном распределении: GN-субъект не очень грамматичен, но допустим при эпистемической интерпретации

¹⁷² <https://klinikarassvet.ru/patients/zabolevanija/vozrastnaya-makulyarnaya-degeneratsiya/>

¹⁷³ <https://domkad.ru/zhk-triniti-t904-165>

и очень маргинален при корневой интерпретации. Во всех остальных случаях наблюдается обратная ситуация.

Таблица 9 показывает, что при порядке *мочь не* и NCI-, и GN-субъект более грамматичен в случае эпистемической интерпретации. Объект лицензируется в любом случае.

Table 8: Лицензирование NCI- и GN-аргументов с порядком слов *не мочь*

		epistemic	root
NCI	субъект	?? (599)	ОК (597-b)
	объект	?? (598)	ОК (597-a)
GN	субъект	? (606-a)	?? (607-a)
	объект	?? (605)	ОК (604)

Table 9: Лицензирование NCI- и GN-аргументов с порядком слов *мочь не*

		Epistemic	Root
NCI	субъект	ОК (603-a)	?? (603-b)
	объект	ОК (602-a)	ОК (602-b)
GN	субъект	? (606-b)	* (607-b)
	объект	ОК (608-a)	ОК (608-b)

Я предполагаю, что обобщенные в таблицах 8 и 9 контрасты объясняются структурными различиями, связанными с разными значениями *мочь*. В следующем разделе я обсуждаю анализ, в котором эпистемический *мочь* рассматривается не как функциональная вершина, а как лексический предикат подъема, и показываю, что этот анализ не может в полной мере объяснить приведенные выше данные.

6.4.2. Попытка биклаузного анализа

Следуя теории Wurmbbrand (1998), Герасимова (2015) предполагает, что инфинитивам в русском языке могут соответствовать структуры разного размера: VP, TP и CP¹⁷⁴. Возможность лицензирования NCI в инфинитивной клаузе матричным отрицанием зависит от размера структуры инфинитива: NCI лицензируются в VP-инфинитивах (609-a), лицензируются (609-b), но не могут выдвигаться из своей клаузы в TP-инфинитивах (609-c) и не лицензируются в CP-инфинитивах (609-d)¹⁷⁵.

¹⁷⁴ Следуя Касенов (2021), я исходил из этого предположения при обсуждении RNC в разделе 4.2.4.

¹⁷⁵ Структурный анализ в примерах (609) – мой. Я исхожу из классификации типов предикатов в Герасимова (2015:53). Можно заметить, что в (609-b) и (609-c) структурный анализ произволен – один и тот же линейный порядок я отображаю в разные структуры (различающиеся позицией NCI относительно TP). Это сделано в первую очередь в иллюстративных целях. В анализе Герасимова (2015:55) постулируется запрет на выдвигание NCI (и не только их) из TP, который я и попытался проиллюстрировать в (609-b)-(609-c). Строго говоря, по моей интуиции, предложение (609-c) не станет грамматичным при оставлении NCI в пределах TP. Более того, оба предложения (609-b) и (609-c) представляются мне примерно одинаково маргинальными. Так или иначе, в дальнейшем я буду предполагать, что анализ Герасимова (2015) верен в том виде, в котором он описан в основной части текста.

- (609) a. Он видите ли не хотел никого [VP обременять своим горем]. (Герасимова 2015:47)
 b. Он не убедил меня [TP никого вынуждать читать этот рассказ].
 (Герасимова 2015:58)
 c. ???Он не сказал ничего [TP смотреть по телевизору]. (Герасимова 2015:47)
 d. ???Ему не нравится никого [CP приучать к порядку]. (Герасимова 2015:47)

Невозможность выдвижения из TP-инфинитива не является особенностью NCI и наблюдается и с другими объектами (610).

- (610) *Родители ей_j заставили Петю [TP PRO [VP сделать подарок t_j]]. (Герасимова 2015:55)

Для объяснения описанной закономерности, Герасимова (2015:59-60) использует понятие барьера (Chomsky 1986). В русском языке TP и CP являются барьерами. Один барьер (TP) делает недопустимым передвижение (609-с), (610) два барьера (TP и CP) делают невозможным лицензирование NCI (609-d).

Предположим, что *мочь* в обоих значениях является лексическим глаголом V и попытаемся применить теорию Герасимова (2015) для объяснения данных, представленных в разделе 6.4.1. В таком случае корневой *мочь* должен подчинять VP-инфинитив (611-а), а эпистемический – CP-инфинитив, что приводит к невозможности лицензирования NCI (611-б). Решетки в (611) и далее обозначают барьеры или иные релевантные препятствия для лицензирования.

- (611) a. Петя не [VP может_{root} [VP ничего делать]].
 b. ??Петя не [VP может_{epist} [CP # [TP # [VP ничего делать]]]].

Чтобы объяснить неграмматичность NCI-субъекта, предположим, что эпистемический *мочь* – предикат подъема. Этот анализ представляется обоснованным, поскольку эпистемический *мочь*, например, не приписывает субъекту тета-роль (Летучий и Виклова 2020:45-46). Таким образом, субъект (как и объект) порождается в подчиненной клаузе и от отрицания его отделяют два барьера. Здесь, впрочем, возникает первая проблема. В отличие от случаев с A'-скремблингом объекта из вложенной TP (610), субъект должен передвигаться в позицию SpecTP матричной клаузы посредством A-передвижения, чему не препятствуют барьеры, ср. *Петя может утонуть*. Здесь и далее я могу пропускать промежуточные позиции при обозначении передвижений.

- (612) a. Никто не [VP может_{root} [VP спать]].
 b. ??Никто_j не [VP может_{epist} [CP # [TP # [VP t_j утонуть]]]].

Данные генитива отрицания также можно частично объяснить с помощью биклаузного анализа. В соответствии с теорией Abels (2002, 2005), представленной в разделе 5.3¹⁷⁶, предложение

¹⁷⁶ В данном случае я использую эту теорию, а не Bailyn (2012), представленную там же, поскольку она

(613) грамматично, поскольку между отрицанием и вершиной v_{GN} , приписывающей генитив, нет интервентов¹⁷⁷. В (614) потенциальный интервент – вершина Т. Однако, поскольку эпистемический *мочь* – предикат подъема, Т в подчиненной клаузе не приписывает никакой падеж, в т. ч. и нулевой (Chomsky and Lasnik 1993), и вообще-то не должна служить интервентом.

(613) Свидетель не [_{vP} v-Case МОГ_{root} [_{vP} v_{GN} вспомнить подробностей]].

(614) ??Свидетель не [_{vP} v-Case $\text{МОГ}_{\text{epist}}$ [_{CP} [_{TP} Т [_{vP} v_{GN} вспомнить подробностей]]]].

Пример (615) с динамической интерпретацией и генитивом отрицания субъекта маргинален, поскольку субъект порождается над v_{GN} как внешний аргумент *мочь*. Наконец, (616) может быть неидеален, поскольку между отрицанием и v_{GN} присутствует интервент в лице вершины Т, которая, впрочем, как и в случае (614), не приписывает никакой падеж, и ее способность быть интервентом в теории Abels (2002, 2005) не предсказывается.

(615) ??Из-за болезни Пети_j не [_{vP} t_j v-Case $\text{МОЖЕТ}_{\text{root}}$ [_{vP} v_{GN} быть на работе]].

(616) ?Пети_j не [_{vP} v-Case $\text{МОЖЕТ}_{\text{epist}}$ [_{CP} [_{TP} Т [_{vP} v_{GN} t_j быть дома]]]].

Итак, биклаузный анализ в целом предсказывает фактическую дистрибуцию GN и NCI, если предположить, что (а) Т в комплементе предикатов подъема, несмотря на невозможность приписать падеж, служит интервентом между Neg и v_{GN} (614) и (б) А-передвижение NCI через барьеры недопустимо (611-b).

Более серьезные проблемы для этого анализа обнаруживаются при рассмотрении предложений с линейным порядком *мочь не*. В (617) NCI порождается над отрицанием, и его неграмматичность должна объясняться так же, как и в случае примеров типа **никто хотел не приходить*, см. раздел 4.2.4. В (618) NCI *никто* порождается в подчиненной клаузе, где лицензируется, передвигаясь в SpecNegP, после чего совершает А-передвижение в матричную клаузу, где получает номинатив. Грамматичность этого примера создает проблему для анализа (612-b). Если NCI может передвинуться через два барьера (CP и TP) в матричную клаузу для получения падежа, то неясно, почему в (612-b) NCI не может совершить то же передвижение и проверить в матричной клаузе и отрицательный, и падежный признак.

(617) ??Никто_j [_{vP} t_j $\text{МОЖЕТ}_{\text{root}}$ [_{vP} # не дышать]].

(618) Этого 1% никто_j $\text{МОЖЕТ}_{\text{epist}}$ [_{CP} # [_{TP} # [_{NegP} не [_{vP} t_j заметить]]]]

Итак, биклаузный анализ сталкивается с определенными противоречиями. В следующих разделах я показываю, что эти противоречия не возникают при моноклаузальном анализе, в

эксплицитно принимает во внимание случаи дистантного лицензирования GN, в частности в биклаузальных конструкциях типа обсуждаемых здесь.

¹⁷⁷ У *мочь* в этом случае нет прямого объекта, соответственно используется вершина v-Case, не приписывающая аккумулятив.

котором эпистемический *мочь* – высокая функциональная вершина. Я начну с рассмотрения независимых аргументов в пользу моноклаузального анализа.

6.4.3. Моноклаузальные свойства предложений с *мочь*

От функциональных вершин ожидается проявление определенных признаков грамматикализации, в частности, обедненная морфология. Чем выше функциональная вершина располагается в структуре клаузы, тем меньше других показателей могут присоединяться к ней.

Холодилова (2015) рассматривает многочисленные фонологические, морфологические и синтаксические свидетельства того, что *мочь* сильно грамматикализован в русском языке. Некоторые факты перечислены в (619).

- (619) а. Форма деепричастия (*могши*) не используется в современном языке. (Холодилова 2015:376-377)
- б. Причастия *могущий*, *могший* используются все реже. (Холодилова 2015:377-378)
- с. Инфинитив в основном используется как свободно стоящая форма (620) и редко – в подчиненных контекстах (621). (Холодилова 2015:379-382)
- д. У *мочь* нет императива, ср. ???*моги*. (Холодилова 2015:382-383)
- е. *мочь* не номинализуется, ср. **можение*. (Холодилова 2015:383)
- ф. Форма рефлексивного пассива ??*можетя* маргинальна, ср. *хочетя, веритя, думаетя, ?сумеетя*. (Rossyaykin 2020:146)

В (620), (621) приводятся грамматичный пример использования инфинитива *мочь* в предикативной позиции и неграмматичный – в подчиненной позиции соответственно.

- (620) Самое ужасное – хотеть и не мочь. (Холодилова 2015:379)
- (621) *Он хочет мочь прыгнуть с парашютом. (Холодилова 2015:379)

Существует также ряд синтаксических различий между корневым и эпистемическим *мочь*, указывающий на большую степень грамматикализации второго. Как уже было показано в разделе 6.3.1, только корневой *мочь* может перфективи(зи)роваться (622).

- (622) Петя смог прийти.
1. ‘Пете удалось прийти.’
 2. *‘Стало возможным, что Петя придет/пришел.’

Только корневой *мочь* сочетается с именными аргументами.

- (623) Я мог все.
1. ‘Я был способен сделать что угодно.’
 2. ??‘Я мог натворить что угодно.’ (например, я не помню свои действия)

Последнее различие, на котором я бы хотел остановиться, наблюдается в именных предикациях. В зависимости от структуры объект именной предикации может маркироваться номинативом или инструменталисом, или любым из этих двух падежей, см. парадигму (624) ниже. Bailyn (2012) предполагает, что инструменталис приписывается вершиной Pred. В ее отсутствии вершина T приписывает номинатив как субъекту, так и объекту именной предикации посредством операции Multiple Agree (Hiraiwa 2001:69)¹⁷⁸.

Multiple Agree (будучи частным случаем Agree) допустим только в пределах клаузы. Как показано в (624), номинатив возможен в простых клаузах без связки (624-a) или со связкой/вспомогательным глаголом прошедшего времени (624-b) и в именных предикациях с эпистемическим *мочь* (624-c). Из этого я делаю вывод, что все три предложения (624-a)-(624-c) моноклаузальны и, соответственно, эпистемический *мочь* – функциональная вершина.

- (624) a. Он солдат / *солдатом.
 b. Он был солдат / солдатом. (Bailyn 2012:185)
 c. Он мог_{epist} быть солдат / солдатом.
 d. Он мог_{root} быть ??солдат / солдатом. (Холодилова 2015:393)
 (например, он умел стрелять)
 e. Он хотел быть *солдат / солдатом.

При этом возникает вопрос, почему обоюдный номинатив невозможен в (624-d) и (624-e). Например, учитывая, что (i) *хотеть* в (624-e) не приписывает аккузатив и (ii) *хотеть* подчиняет инфинитив с минимальной структурой – VP (609-a) – ничто не должно мешать объекту *солдат* передвинуться в главную клаузу и согласоваться с T. Хотя синтаксис именной предикации выходит за пределы предмета этого исследования, я бы хотел показать, что предлагаемый анализ модальных показателей и структуры клаузы в целом дает возможность простого объяснения всей парадигмы (624).

Двум способам надежного маркирования объекта соответствуют две разные структуры с разной позицией глагола *быть*. Предположим, что выраженный лексический глагол *быть* в вершине Pred/V приписывает объекту инструменталис. Как и во всяком другом случае объект не может проигнорировать ближайшего лицензора, поэтому в рассматриваемой структуре может получить только инструменталис (625-b). С другой стороны, если *быть* – вспомогательный глагол находящийся в T (или Asp), то пустая вершина Pred не приписывает падеж¹⁷⁹ и

¹⁷⁸ Я имплицитно использовал Multiple Agree в главе 4 при анализе NCI. Поскольку несколько NCI могут лицензироваться одним отрицательным показателем (*никто никому ничем не помог*) допущение Multiple Agree представляется неизбежным. В сущности, Multiple Agree можно рассматривать как частный случай Agree (раздел 4.2.1), а не отдельную операцию. Один из вариантов анализа того, в каких случаях возможно Multiple Agree, т. е. согласование нескольких зондов с одной целью, см. в Epstein et al. (2021). Представленный в этой работе анализ совместим с принятыми мной теоретическими допущениями (приложение 1) и делает верные предсказания в большинстве рассматриваемых мной случаев. Он, впрочем, не распространяется очевидным образом на некоторые примеры в парадигме (624). По соображениям объема я не могу остановиться на этом вопросе подробнее.

¹⁷⁹ Bailyn (2012:193) предлагает в каком-то смысле противоположный анализ, в котором выраженная морфоло-

как субъекту, так и объекту именной предикации не остается ничего иного, кроме как получить номинатив от T посредством Multiple Agree (625-a).

- (625) a. Он [T БЫЛ_{NOM} [PredP \emptyset -Case солдат]].
 b. Он [T \emptyset _{NOM} [PredP БЫЛ_{INSTR} солдатом]].

Тот же анализ с двумя возможными структурами применим к предложениям с эпистемическим *мочь* (626). *Быть*, находящийся в структуре ниже *мочь*, может быть как вспомогательным глаголом в T, так и лексическим в V, чему соответствуют два способа падежного маркирования объекта именной предикации. В обоих случаях присвоение падежей происходит однозначно – ближайшим доступным лицензором, при необходимости – посредством Multiple Agree.

- (626) a. Он [Mod МОГ_{epist} [T БЫТЬ_{NOM} [PredP \emptyset -Case солдат]]].
 b. Он [Mod МОГ_{epist} [T \emptyset _{NOM} [VP БЫТЬ_{INSTR} солдатом]]].

В случае с корневым *мочь* (627-a) или однозначно лексическим *хотеть* (627-b) подчиненный *быть* не может находиться в T. Возможна только одна структура, в которой он находится в Pred/V, где приписывает объекту инструменталис.

- (627) a. Он [T \emptyset _{NOM} [ModP/VP МОГ_{root} [VP БЫТЬ_{INSTR} солдатом/??солдат]]].
 b. Он [T \emptyset _{NOM} [VP хотел [VP БЫТЬ_{INSTR} солдатом/*солдат]]].

Итак, в этом разделе было показано, что (а) глагол *мочь* проявляет признаки грамматикализации, и (б) эти признаки выражены сильнее у эпистемического *мочь*, см. также Холодилова (2015). Предположение о том, что эпистемический *мочь* – высокая функциональная вершина, позволило объяснить особенности падежного маркирования в именной предикации (624). В следующем разделе я возвращаюсь к данным лицензирования GN и NCI, представленным в разделе 6.4.1.

6.4.4. *мочь*, NCI и GN: моноклаузальный анализ

Рассмотрим каждый из случаев, представленных в разделе 6.4.1, по отдельности.

В (628-a) *не* является стандартным отрицанием и занимает стандартную позицию Neg. В (628-b) *не* – омонимичное стандартному отрицанию составляющих, локализованное в проекции с нефиксированной позицией NotP. В соответствии с теорией, представленной в главе 4, чтобы лицензироваться, NCI должно передвинуться в SpecNegP (628-a) или SpecNotP (628-b). В случае (628-a) нет никаких препятствий этому передвижению. Однако в (628-b) отрицание располагается значительно выше в структуре, над Mod_{epist}. В разделе 6.3.6 мной было показано, что универсальные кванторы не могут свободно передвигаться в столь высокую позицию. По-

гия в Pred “поглощает” инструменталис, т. е. инструменталис, наоборот, приписывается в случае, если вершина Pred – нулевая.

сколькx в принятой теории NCI – универсальные кванторы (раздел 4.3), на них тоже должно распространяться это ограничение. Невозможность “дотянуться” до SpecNotP лишает NCI лицензора и делает предложение неграмматичным. Таким образом, в моноклаузальной теории неграмматичность NCI при отрицании эпистемического *мочь* – частный случай ЕСР (раздел 6.3.6).

- (628) а. Петя (как ни старался) [TP # [NegP не [VP/ModP мог_{root} [vP решить ничего]]]].
 б. ??Петя [NotP не [ModP мог_{epist} [TP # [vP решить ничего]]]].

Ожид.: ‘Для любого x, не может быть, что Петя решил x.’

Природа ЕСР малоизучена, однако есть данные, указывающие на то, что этот принцип не является незыблемым ограничением (593)-(594). Следовательно, и в случае NCI должны существовать предложения, в которых лицензирование при отрицании эпистемического *мочь* в целом приемлемо. Они существуют, например (629)¹⁸⁰. Можно предположить, что лицензирование NCI в этом примере возможно, поскольку отрицание и модальный глагол интерпретируются как контрастивный фокус, о чем свидетельствует нестандартный порядок слов, а NCI – как топик, что облегчается определенностью и ограничением домена квантификации (*из этих задач*)¹⁸¹.

- (629) Не мог Петя решить никакую из этих задач!
 ‘Для любой задачи x, не может быть, что Петя решил x.’

Дистрибуция GN в предложениях с *мочь* также предсказывается предлагаемым структурным анализом. В (630-а) между Neg и v_{GN} нет интервентов, что делает генитив отрицания грамматичным¹⁸². Сниженная грамматичность GN при отрицании эпистемического *мочь* объясняется тем, что между Not и v_{GN} находится интервент – вершина T_{НОМ} (630-б). В отличие от биклаузального анализа эпистемического *мочь* как предиката подъема, в данном случае T приписывает падеж (номинатив), т. е. несомненно является интервентом между Not/Neg и v_{GN}.

- (630) а. Свидетель [TP # T_{НОМ} [NegP не [VP/ModP мог_{root} [vP v_{GN} вспомнить подробностей]]]].
 б. ??Свидетель [NotP не [ModP мог_{epist} [TP # T_{НОМ} [vP v_{GN} вспомнить подробностей]]]].

Лицензирование NCI при порядке *мочь не* и эпистемической интерпретации также объясняется без дополнительных допущений. В этом случае *не* находится в вершине Neg, т. е. является стандартным отрицанием. Ничто не препятствует лицензированию NCI-субъекта (или объекта), который порождается в vP, передвигается сначала в NegP, где проверяет отрицательный

¹⁸⁰ Благодарю анонимного рецензента журнала “Rhema. Рема” за этот пример.

¹⁸¹ Что касается отсутствия выраженного передвижения NCI, то оно связано с фонологической “тяжестью”. Тяжелые NCI обычно не совершают выраженного передвижения, что не отменяет необходимость скрытого передвижения, см., например, (415).

¹⁸² В этот момент становится значимым расположение T над Neg, см. аргументы в пользу такого анализа структуры клаузы в разделе 2.2.3.

признак, и потом в TP, где проверяет падежный признак (631-а). Таким образом, (несмотря на крайне левое линейное расположение) субъект завершает свой деривационный путь в сфере действия эпистемического *мочь*, что дает фактическую интерпретацию. При корневой интерпретации предложение маргинально (631-б), поскольку субъект порождается над отрицанием составляющих, см. обсуждение примера (426) в разделе 4.2.4.

- (631) а. Этого 1% никто_j [_{ModP} может_{epist} [_{TP} # t_j T [_{NegP} t_j не [_{vP} t_j заметить]]]].
 б. ??Никто_j [_{ModP/vP} t_j может_{root} # [_{NotP} не дышать]].

В завершение этого раздела рассмотрим лицензирование GN-субъекта при порядке *не мочь*. Как и в случае с GN-объектом (630-б), при эпистемической интерпретации между отрицанием и v_{GN} оказывается вершина T_{NOM}, что снижает грамматичность GN (632-а). При корневой интерпретации GN недопустим, поскольку субъект является (внешним) аргументом *мочь*, а не *быть* (632-б).

- (632) а. ?Петя_j [_{NotP} не [_{ModP} может_{epist} [_{TP} # T_{NOM} [_{vP} v_{GN} t_j быть дома]]]].
 б. ??Из-за болезни Петя_j [_{NegP} не [_{vP} t_j [_{vP} может_{root} [_{vP} v_{GN} быть на работе]]]].

Как видно из (632-б), для объяснения неграмматичности GN-субъекта с корневым *мочь* необходимо анализировать его как лексический глагол. В пользу такого анализа свидетельствует и, например, совместимость корневого *мочь* с местоименными аргументами (623). Вместе с тем, как было показано выше в этом разделе, даже корневой *мочь* демонстрирует явные признаки грамматикализации (619). Таким образом, я предполагаю, что он находится в промежуточном положении между лексическим глаголом V и функциональной вершиной Mod_{root}, а более грамматикализированный эпистемический *мочь* может быть только функциональной вершиной Mod_{epist}.

Представленный в этом разделе анализ объясняет особенности лицензирования NCI и GN в предложениях с *мочь*, опираясь на независимо обоснованные предположения о его грамматикализованности (раздел 6.4.3), структуре клаузы (раздел 6.3), теории лицензирования NCI (глава 4) и GN (раздел 5.3) и маргинальности топикализации универсальных кванторов (раздел 6.3.6).

7. Неподвижность модальных показателей

Сфера действия и линейный порядок модальности относительно отрицания не всегда совпадают. Например, в (633-а) *may* линейно предшествует отрицанию, но деонтическая возможность интерпретируется под ним, а в (633-б) наблюдается обратная ситуация с деонтической необходимостью.

- (633) a. John may not leave. (Iatridou and Zeijlstra 2013:529)
 $\neg > \diamond_{\text{deont}}$: ‘Джон не может уйти.’, ‘Джону не позволено уйти.’
 b. Кофе не должен быть горьким.
 $\square_{\text{deont}} > \neg$: ‘Должно быть так, что кофе не горький.’

Цель этой главы объяснить подобные случаи, сохранив два предположения: (а) в структуре клаузы всегда имеет место порядок вершин $\text{Mod}_{\text{epist}} > \text{Neg} > \text{Mod}_{\text{root}}$ (557); (б) соответствующие показатели всегда интерпретируются именно в этих позициях, в частности интерпретируемое передвижение модальных показателей, как и передвижение отрицания (глава 5), невозможно.

В разделе 7.1 я обсуждаю более простые случаи типа (633-а). Я показываю, что обратная сфера действия тривиально обусловлена синтаксическим статусом задействованных показателей и стандартным механизмом передвижения вершин (в частности модальных), которое не влияет на интерпретацию.

В разделе 7.2 я обсуждаю обратную сферу действия, возникающую при отрицании показателей деонтической необходимости (633-б). Это типологически устойчивое явление, встречающиеся, помимо русского и бурятского (581-с), например в английском, немецком, греческом и хинди (Iatridou and Zeijlstra 2013:530), а скорее всего и во многих других языках. Я привожу аргументы в пользу того, что обратная сфера действия возникает вследствие эффекта подъема отрицания (глава 5), а не передвижений модальных показателей.

7.1. Линейный порядок и передвижение вершин

В типологическом исследовании De Naan (1997), обсуждавшемся в разделе 6.2.1, выделяются две стратегии кодирования относительной сферы действия отрицания и модальности – стратегия расположения отрицания (*negation placement strategy*) и стратегия модального супплевизма (*modal suppletion strategy*).

В языках первого типа – например итальянском и русском – существует взаимно однозначное соответствие между линейным порядком и сферой действия. Отрицание может располагаться как справа, так и слева от показателей модальности *мочь*, *должен*, *potére* ‘мочь’, *dovére* ‘быть должным’ и т. д. Это не вынуждает постулировать множественные позиции отрицания, поскольку фонологическая форма SN и CN в этих языках совпадает. Таким образом, отрицание в одной позиции можно анализировать как фиксированное SN, а в другой – как занимающее

свободную позицию CN¹⁸³. В частности, при динамической/деонтической интерпретации модальных показателей порядок Neg > Mod соответствует стандартному отрицанию (примеры (a) ниже), а Mod > Neg – отрицанию составляющих (примеры (b) ниже).

- (634) a. Петя [_{NegP} не [_{VP/ModP} может [_{VP} есть целый день]]].
 b. Петя [_{NegP} [_{VP/ModP} может [_{NotP} не [_{VP} есть целый день]]].
- (635) a. Gianni [_{NegP} non [_{VP/ModP} può [_{VP} andare a Roma]]]. (итальянский)
 ‘Джанни не может поехать в Рим.’ (De Haan 1997:93)
 b. Gianni [_{NegP} [_{VP/ModP} può [_{NotP} non [_{VP} andare a Roma]]].
 ‘Джанни может не поехать в Рим.’ (De Haan 1997:93)

То, что в примерах (b) действительно имеет место CN, подтверждается адаптированными тестами из Klima (1964). Я привожу примеры только для итальянского – в русском непрохождение тестов при отрицании составляющих отражается в виде неграмматичных/труднопонимаемых интерпретаций примеров (636-b) и (636-d).

- (636) a. Gianni non può andare a Roma, neanche per un giorno.
 Джанни NEG может поехать.INF в Рим не.даже на один день
 ‘Джанни не может поехать в Рим, даже на день.’
 b. *Gianni può non andare a Roma, neanche per un giorno.
 Джанни может NEG поехать.INF в Рим не.даже на один день
 ‘*/#Джанни может не поехать в Рим, даже на день.’
 c. Gianni non può andare a Roma e Maria neanche.
 Джанни NEG может поехать.INF в Рим и Мария не.тоже
 ‘Джанни не может поехать в Рим, и Мария тоже нет.’
 d. *Gianni può non andare a Roma e Maria neanche.
 Джанни может NEG поехать.INF в Рим и Мария не.тоже
 ‘*/#Джанни может не поехать в Рим, и Мария тоже нет.’ (De Haan 1997:94)

По данным De Haan (1997:99) в русском также возможен тест с аддитивным *ни* (637), который в (637-a), видимо, лицензируется эллидированным отрицанием (мне (637-a) представляется в лучшем случае неидеальным).

- (637) a. Иван не должен ехать в Москву, ни в Киев.
 b. *Иван должен не ехать в Москву, ни в Киев. (De Haan 1997:99)

Кроме того, как было показано в разделе 4.2.4, предположительно отрицание составляющих, обозначенное в (638-b) как NotP, отличается тем, что оно не доступно в качестве цели для доминирующих NCI (638).

¹⁸³ Таким образом, мой анализ предсказывает, что во всех языках со “стратегией расположения отрицания” показатели SN и CN омонимичны. Проверку этого предсказания я оставляю на будущее.

- (638) a. Никто_[uNeg↓] [VP старался [... [NegP не_[iNeg] [AspP ... [VP смотреть во главу стола]]]].
 b. *Никто_[uNeg↓] [VP хотел # [NotP не_[iNeg] [VP/VP приходить]]].

Разумеется, CN может появляться в той же позиции, что и SN:

- (639) Иван не МОЖЕТ, а должен ехать в Москву.

В языках типа английского или немецкого линейный порядок не отражает синтаксическую структуру и сферу действия. Это происходит из-за того, что сравнительно недавно грамматикализованные показатели стандартного отрицания *not*, *nicht*¹⁸⁴ являются фразовыми составляющими, а не вершинами (см. разделы 2.1.2, 2.2.4.). Соответственно, передвижение вершин их не затрагивает – когда модальный показатель совершает V/Mod-to-T передвижение, отрицание остается на месте, в результате чего оказывается справа от модального глагола.

При этом интерпретации ничем не отличаются от русского и итальянского. Модальный глагол и отрицание всегда интерпретируются в своих изначальных структурных позициях, исходя из предположения, что передвижение вершин не влияет на интерпретацию (Chomsky 2000, 2001), см. недавнее обсуждение в McCloskey (2016); Harizanov and Gribanova (2019); Arregi and Pietraszko (2021). В соответствии с принятой структурой (557) при SN модальный глагол вступает в деривацию ниже отрицания и соответственно интерпретируется под ним (640-а). Интерпретацию с узкой сферой действия отрицания можно получить при отрицании VP, для чего используется показатель CN (640-б).

- (640) a. John [TP may [NegP not [ModP may [VP come tomorrow]]]. ($\neg > \diamond_{\text{root}}$)
 b. John [TP may [NegP [ModP may [NotP NOT [VP come tomorrow]]]]. ($\diamond_{\text{root}} > \neg$)

Этот анализ распространяется и на глагол *can* в деонтическом значении. Пример (641-с) может быть неграмматичен по двум причинам. Во-первых, если показатель CN *not* – фразовая составляющая XP, то он не может инкорпорироваться в вершину *can* и совершать с ней дальнейшее передвижение. Во-вторых, даже если показатель CN *not* – вершина, у него, как и у всякого показателя CN, нет никаких причин передвигаться из своей исходной позиции, поэтому он не инкорпорируется в *can*, который движется в T отдельно, как в (641-б).

- (641) a. John [TP can't_{j,k} [NegP n't_j [ModP can_k [VP come tomorrow]]]. ($\neg > \diamond_{\text{root}}$)
 b. John [TP can [NegP [ModP can [NotP not [VP come tomorrow]]]]. ($\diamond_{\text{root}} > \neg$)
 c. *John [TP can't_{k,j} [NegP [ModP can_k [NotP not_j [VP come tomorrow]]]].

Постулируемое передвижение не является исключительной особенностью модальных глаголов. Аналогичное передвижение происходит и в предложениях со вспомогательным глаголом *have*

¹⁸⁴ И *not*, и *nicht* грамматикализовались из сочетания отрицания и существительного *wiht* ‘существо’, обсуждение пути грамматикализации см. в разделе 2.2.4.

(642)¹⁸⁵.

(642) John [TP has [NegP not [AspP has [VP slept]]]].

Предположение о том, что передвижение вершин не влияет на интерпретацию подтверждается примером (643). Из двух отрицательных показателей сферу действия относительно наречия *toujours* ‘всегда’ маркирует неподвижный *pas*, остающийся в SpecNegP, а не передвигающаяся вместе с другими вершинами вершина *ne*¹⁸⁶.

- (643) a. Jean ne se comporte pas toujours bien. (французский)
 Жан NEG себя ведет NEG всегда хорошо
 $\neg >$ всегда: ‘Жан не всегда ведет себя хорошо.’
- b. Jean ne se comporte toujours pas bien.
 Жан NEG себя ведет всегда NEG хорошо
 всегда $> \neg$: ‘Жан все еще не ведет себя хорошо.’ (Haegeman 1995:29)

В завершение этого раздела рассмотрим английские эпистемические показатели (644). Показатель *can't* – синкретический, он содержит одновременно и отрицательную, и модальную морфологию и семантику (644-а). Об этом свидетельствует отсутствие в английском неотрицательного эпистемического *can* (Coates 1983:19; Iatridou and Zeijlstra 2013:563). Сочетание *may not* композиционально – как и всякий грамматикализованный эпистемический показатель, *may* присоединяется и интерпретируется над SN (644-б). Наконец, *have to* грамматикализован не до конца, он проецирует собственные функциональные вершины, в том числе и Neg, и соответственно интерпретируется в сфере действия отрицания (644-с).

- (644) a. John [ModEpist can't [TP [NegP [VP be home]]]]. ($\neg > \diamond_{\text{epist}}$)
 b. John [ModEpist may [TP [NegP not [VP be home]]]]. ($\diamond_{\text{epist}} > \neg$)
 c. John [TP doesn't [NegP ~~n't~~ [VP have [XP to be home]]]]. ($\neg > \square_{\text{epist}}$)

Многочисленные примеры с эпистемическим *мочь* и различными позициями отрицания в русском языке подробно обсуждались в разделе 6.4. В бурятском и карачаево-балкарском сфера действия отрицания и модальности совпадает с линейным порядком морфем и непротиворечит представленным здесь структурам. Бурятские примеры см. в разделе 6.3.5, карачаево-балкарские – в 2.2.3 и 6.3.2.

Итак, во всех рассмотренных случаях интерпретация модальных показателей соответствует иерархии $\text{Mod}_{\text{epist}} > \text{Neg} > \text{Mod}_{\text{root}}$. В тех случаях, когда отрицание появляется в нестандарт-

¹⁸⁵ Я исхожу из предположения, что *have* является аспектуальным показателем и соответственно порождается в Asp.

¹⁸⁶ Эти данные, впрочем, можно объяснить тем, что из двух отрицательных показателей интерпретируемый – *pas* (что обычно предполагается для французского). Более минималистичным, однако, представляется следующее предположение: интерпретируемое отрицание всегда располагается в вершине. Поскольку неподвижный показатель *pas* всегда находится непосредственно рядом с вершиной, он маркирует сферу действия отрицания в линейной цепочке. Передвижения выраженной вершины *ne* на интерпретацию не влияют.

ных позициях, оно является отрицанием составляющих. Случай, когда линейный порядок не совпадает со сферой действия, объясняются стандартным механизмом неинтерпретируемого передвижения вершин.

В следующем разделе я рассматриваю более нетривиальные и проблематичные случаи, когда интерпретация не совпадает не с линейной позицией, а со структурой.

7.2. Обратная сфера действия отрицания и деонтической необходимости

7.2.1. Данные и подходы к анализу

При отрицании показатели деонтической необходимости могут интерпретироваться как под отрицанием, так и над ним. Возможность той или иной интерпретации зависит от нескольких факторов: конкретного глагола, синтаксического контекста, дискурсивного контекста. Например, *have to*, как и в эпистемическом значении (644-с), всегда интерпретируется под отрицанием (645). Глагол *must*, наоборот, интерпретируется над отрицанием, о чем свидетельствует невозможность продолжения с показателем возможности (646). Однако, в контекстах, обладающих свойством нисходящей монотонности (далее – DE-контексты, см. приложение 3), например, в протасисе условного предложения, *must* остается в сфере действия отрицания (647). Русский модальный глагол *стоит* интерпретируется над отрицанием всегда (648), в том числе и в случаях аналогичных (647), см. (648-b). Наконец, русский предикатив должен обычно интерпретируется над отрицанием (649-a), однако допускает и прямую сферу действия (649-b).

- (645) John doesn't have to leave. (Iatridou and Zeijlstra 2013:530)
 'Джон не обязан уходить.' $(\neg > \square)$
- (646) John mustn't jog, #but he is allowed to. (Homer 2015:13)
 'Джон не должен совершать пробежки (#но он может это делать).' $(\square > \neg)$
- (647) If he must not work tonight,
 he is allowed to go out with his girlfriend. (Iatridou and Zeijlstra 2013:543)
 'Если он не обязан работать сегодня вечером,
 то он может пойти гулять со своей девушкой.' $(\neg > \square)$
- (648) a. Если тебе не стоит бегать по утрам, зачем ты пошел с нами на пробежку? $(\square > \neg)$
 b. #Если тебе не стоит бегать по утрам,
 ты все равно можешь иногда бегать с нами за компанию. $(\square > \neg)$
 c. %Если ты не должен бегать по утрам,
 ты все равно можешь иногда бегать с нами за компанию.¹⁸⁷ $(\neg > \square)$
- (649) a. Кофе не должен быть горьким, горький кофе либо некачественный,

¹⁸⁷ Многие, но не все, носители оценивают (648-с) как противоречивое (т. е. не допускают интерпретацию $\neg > \square$), что отражает оценка %. Тем не менее, существует контраст с (648-b), который был признан недопустимым или маргинальным всеми опрошенными мной носителями.

- либо просроченный, либо пережаренный.¹⁸⁸ ($\Box > \neg$)
- b. У него имелось немного бумаги,
за которую он не должен был отчитываться.¹⁸⁹ ($\neg > \Box$)

Существуют, по меньшей мере, четыре (не взаимоисключающих) подхода к объяснению различной сферы действия отрицания и деонтической необходимости (названия даны мной):

- (650) a. Теория структурного варьирования: для разных показателей предусмотрены разные позиции в синтаксической структуре (Cinque 1999; Butler 2003).
- b. PPI-теория: все деонтические показатели занимают позицию ниже отрицания, но некоторые из них являются PPI, т. е. должны скрыто или выраженно передвигаться в доминирующую позицию из-за положительной полярности (Iatridou and Zeijlstra 2013; Homer 2015).
- c. NR-теория: все деонтические показатели занимают позицию ниже отрицания, но некоторые из них являются NR-предикатами, т. е. могут интерпретироваться над отрицанием в результате эффекта подъема отрицания (De Haan 1997; Horn 2001; Homer 2015).
- d. Теория конвенционализации: сфера действия отрицания и модальности может фиксироваться в результате конвенционализации, т. е. закрепления определенного значения за определенной конструкцией. Конвенционализированная сфера действия обусловлена диахроническими факторами и необязательно совпадает с линейным порядком (Horn 2001; Yanovich 2013:201-202).

Объяснение (650-a), предполагающее структурное варьирование, хотя и совместимо с остальными подходами, обычно исключается сторонниками подходов (650-b)-(650-d) (Iatridou and Zeijlstra 2013; Yanovich 2013; Homer 2015), которые, как и я, исходят из того, что для деонтических модальных показателей предусмотрена только одна позиция в структуре. Дело в том, что анализ (650-a), во-первых, не обладает объяснительной силой (поскольку просто постулирует две позиции деонтических показателей), а, во-вторых, слишком либерален. Например, если постулировать две разные позиции для *должен* (649), то с неизбежностью возникает вопрос, почему не все деонтические показатели могут появляться в любой из этих двух позиций. Кроме того, в случае с показателями типа *must* необходимо объяснить, почему возможность появления в той или иной позиции зависит от синтаксического контекста, ср. (646) и (647). Даже если удастся найти объяснение этим фактам, остается неясным, почему для показателей с одинаковой семантикой в принципе существуют две разные (причем очень близкие друг к другу) позиции в структуре клаузы.

Анализ (650-d) подходит для показателей, имеющих фиксированную сферу действия от-

¹⁸⁸ НКРЯ; Елена Николаева. Вкус к кофе // «Эксперт», 2015

¹⁸⁹ НКРЯ; Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)

носителем отрицания вне зависимости от контекста — например *have to* (645), *stout* (648) — но не может объяснить случаи, когда модальный показатель допускает две разные сферы действия (646)-(647), (649).

Подходы (650-b) и (650-c) объясняют возможность двух разных интерпретаций исходя из предположения о порождении деонтических показателей под отрицанием во всех случаях. Таким образом, они оба совместимы с анализом структуры клаузы, который я отстаиваю в этой работе. Оставшиеся разделы посвящены сравнению этих двух подходов на материале английского *must* и русского *должен*. В разделе 7.2.2 я обсуждаю данные, на которых изначально была основана PPI-теория. В разделе 7.2.3 я обсуждаю теоретические и эмпирические недостатки PPI-теории, в частности, показываю, что она делает неверные предсказания при рассмотрении более широкого круга данных. В разделе 7.2.4 я показываю, что NR-теория делает почти такие же предсказания, как и PPI-теория (а в случае *должен* даже более точные), и при этом лишена ее недостатков.

7.2.2. PPI-теория: положительные стороны

В работах Iatridou and Zeijlstra (2013); Homer (2015) показано, что деонтический *must* (а также *should* и некоторые деонтические показатели в других языках) проявляет свойства, характерные для классических PPI типа *some*. Эти свойства перечислены в (651)

- (651) свойства PPI, по Szabolcsi (2004); Iatridou and Zeijlstra (2013)
- a. Передвигаются из сферы действия отрицания, находящегося в той же клаузе (см. раздел 3.2).
 - b. Могут оставаться в сфере действия металингвистического/контрастивного отрицания (см. раздел 3.3).
 - c. “Спасение” (rescuing): при вложении в дополнительный (помимо отрицания) DE-контекст остаются в сфере действия отрицания ($DE > \neg > PPI$).
 - d. “Огораживание” (shielding): при добавлении универсального квантора-интервента остаются в сфере действия отрицания ($\neg > \forall > PPI$).

Первое и определяющее свойство – интерпретация *must* над отрицанием – уже было проиллюстрировано в (646).

В разделе 3.3 я подробно обсуждал случаи, когда PPI интерпретируются в сфере действия металингвистического отрицания, в частности при узком фокусе на PPI (652).

- (652) You didn't do SOMETHING wrong, you did everything wrong! (Iatridou and Zeijlstra 2013)

Тот же эффект возникает и в случае деонтического *must*. Если бы *must* интерпретировался над отрицательным квантором *no student*, (653) было бы противоречиво, что указано в интерпретации 2.

- (653) No student MUST read 5 articles on the topic
but one student is encouraged to do so. (Iatridou and Zeijlstra 2013:535)
1. ‘Ни один студент не ДОЛЖЕН прочитать 5 статей
на эту тему, но одному следует это сделать.’ $(\neg > \exists > \square)$
2. #‘Должно быть так, что ни один студент не прочитал
5 статей на эту тему, но одному следует это сделать.’ $(\square > \neg > \exists)$

Эффект “спасения” состоит в том, что если в дополнение к отрицанию вложить PPI в еще один DE-контекст, то он сохранит максимально узкую сферу действия ($DE > \neg > PPI$). В (654) этот эффект проиллюстрирован на примере *something*, где в роли дополнительного DE-контекста выступает сфера действия *only*¹⁹⁰.

- (654) “спасение”
- a. When Fred speaks French, Jean-Paul doesn’t understand something. (Homer 2015:14)
1. ‘Когда Фред говорит по-французски, Жан-Поль что-то не понимает.’ $(\exists > \neg)$
2. *‘Когда Фред говорит по-французски, Жан-Поль ничего не понимает.’ $(\neg > \exists)$
- b. When Fred speaks French, **only** M. doesn’t understand something. (Homer 2015:22)
- ‘Когда Фред говорит по-французски, только Мари ничего не понимает.’ $(\neg > \exists)$

Как и PPI *something*, *must* может интерпретироваться под отрицанием при добавлении *only*:

- (655) Only John mustn’t read this very long book. (Homer 2015:23)
- ‘Только Джон не обязан читать эту очень длинную книгу.’ $(\neg > \square)$

Эффект “огораживания” состоит в том, что PPI может оставаться в сфере действия отрицания при интервенции универсального квантора ($\neg > \forall > PPI$). Как и ожидается PPI-теорией, “огораживание” наблюдается как в случае *some* (656), так и в случае *must* (657).

- (656) “огораживание”
- a. John doesn’t always call someone. (Iatridou and Zeijlstra 2013:536)
- ‘Джон не всегда кому-то звонит.’ $(\neg > \text{всегда} > \exists)$
- b. When Fred speaks French,
Jean-Paul doesn’t necessarily/#possibly understands something. (Homer 2015:24)
- ‘Когда Фред говорит по-французски,
Жан-Поль необязательно что-то понимает.’ $(\neg > \square > \exists)$
- (657) a. One mustn’t always go with “new” to get “good”. (Homer 2015:25)
- ‘Не всегда нужно выбирать новое, чтобы получить хорошее.’ $(\neg > \text{всегда} > \square)$
- b. The show mustn’t necessarily/#possibly go well, but it must go on. (Homer 2015:25)

¹⁹⁰ См. обсуждение нисходящей монотонности *only* в приложении 3.

‘Шоу необязательно должно идти хорошо, ($\neg > \square > \square$)
но оно должно продолжаться.’

Итак, релевантные свойства *some* и *must* совпадают, из чего в Iatridou and Zeijlstra (2013); Homer (2015) делается вывод, что *must* – действительно PPI.

Вторая группа аргументов в пользу PPI-теории, обсуждаемая в Homer (2015), направлена не на обоснование этой теории, а на опровержение конкурирующей NR-теории, т. е. анализа обратной сферы действия отрицания и *must* как подъема отрицания (о котором см. главу 5). Эти аргументы кратко изложены в (658).

- (658) a. Деонтические модальные показатели (в частности, *must*) могут интерпретироваться над субъектом, что свидетельствует о передвижении, поскольку подъем отрицания затрагивает только относительную сферу действия отрицания и предиката.
- b. NR-предикаты допускают циклический NR, когда $\neg > V1 > V2$ интерпретируется как $V1 > V2 > \neg$. В случае *must* этот эффект не наблюдается.
- c. NR-предикаты могут интерпретироваться под отрицанием, если задать соответствующий дискурсивный контекст. С другой стороны, *must* может интерпретироваться под отрицанием только в особых синтаксических контекстах (“спасения”, “огораживания” или металингвистического отрицания).

Для подтверждения положения (658-а) в Homer (2015) предлагается тест, проиллюстрированный в (659). В этом примере субъект с модификатором имеет нереферентную/дистрибутивную интерпретацию, что, по мнению Homer (2015), обеспечивается модальным показателем *must*, который получает сферу действия над субъектом и отрицанием в результате скрытого передвижения.

- (659) Exactly one pin mustn't be knocked down. (Homer 2015:20)
‘Ровно одна кегля не должна упасть (неважно какая).’ ($\square > \text{ровно } 1 > \neg$)

Кроме того, в случае *must* отсутствует эффект циклического NR. В (660) два NR-предиката *think* ‘думать, считать’ и *want* ‘хотеть’ при матричном отрицании дают интерпретацию с максимально узкой сферой действия отрицания, т. е. наблюдается циклический подъем отрицания “через” два NR-предиката. Однако при сочетании *think* с *must* такого не происходит (661).

- (660) The doctor doesn't think that John wants to jog. (Homer 2015:18)
‘Доктор думает, что Джон хочет не делать пробежки.’ (думать > хотеть > \neg)
- (661) The doctor doesn't think that John must jog. (Homer 2015:18)
1. ‘Доктор думает, что Джону необязательно бегать.’ (думать > \neg > \square)
2. *‘Доктор думает, что Джон должен не бегать.’ (думать > \square > \neg)

Наконец, как было показано в разделе 5.1.2, NR-предикаты могут интерпретироваться под отрицанием в простых отрицательных предложениях, если задать необходимый дискурсивный контекст (489). Однако в случае *must* интерпретация под отрицанием возможна только в специфических синтаксических контекстах, обсуждавшихся выше.

Таким образом, есть серьезные основания предполагать, что *must* – (a) PPI (по признакам (651)) и (b) не NR-предикат (по признакам (658)).

7.2.3. PPI-теория: недостатки

Несмотря на то, что PPI-теория хорошо предсказывает дистрибуцию *must*, у нее есть ряд трудноразрешимых проблем.

Первые две проблемы носят концептуальный характер. Во-первых, с учетом этого анализа оказывается, что из всех вершин в структуре клаузы модальные – единственные, которые могут интерпретироваться не *in-situ*. Во-вторых, неясно, почему показатели необходимости – PPI. Дистрибуцию PPI обычно имеют нижние точки шкал, например экзистенциальные кванторы (см. раздел 3.2). Таким образом, нужно предложить теорию, в которой PPI могут быть как экзистенциальные, так и универсальные кванторы¹⁹¹, см. обсуждение в Iatridou and Zeijlstra (2013).

Самая главная проблема PPI-анализа – это само передвижение модальных глаголов. В отсутствии дополнительных допущений из двух механизмов, которые потенциально могли бы стоять за постулируемым передвижением модальных глаголов, – передвижения вершин и подъема кванторов – не подходит ни один.

В Iatridou and Zeijlstra (2013:549-550) выдвигается предположение, что передвижение вершин все же отражается на интерпретации (вопреки тому, что было сказано мной в разделе 7.1), что обеспечивает сферу действия *must* над отрицанием. Отличие *must* от показателей в (640-а) и (641-а) состоит в том, что последние реконструируются в исходную структурную позицию, т. е. в сферу действия отрицания, чего *must* сделать не может, поскольку является PPI. Даже если допустить такой специфический анализ передвижения вершин, он не подходит для языков, где отрицательный показатель сам является вершиной (например, русского), поскольку в таком случае придется заключить, что модальная вершина при передвижении “перескакивает” через отрицательную, что запрещено в соответствии со стандартным ограничением передвижения вершин (Travis 1984; Matushansky 2006)¹⁹².

Случаи, когда передвижения вершины не происходит и модальный показатель линейно следует за отрицанием (например, исп. *no debe* ‘не должен’), но интерпретируется над ним ($\square > \neg$), в Iatridou and Zeijlstra (2013:550-551) предлагается рассматривать как подъем квантора. При

¹⁹¹ В соответствии со стандартным анализом показатели типа *must* я рассматриваю как универсальные кванторы по возможным мирам, см. раздел 6.2.2.

¹⁹² Предположение об интерпретируемом передвижении вершин также потенциально порождает деривационную проблему: модальный показатель должен иметь такой семантический тип, который позволил бы ему композиционно вступать в деривацию как в позиции до передвижения, так и в позиции после него, см. обсуждение в Homer (2015:32).

этом приходится сделать допущение *ad hoc*, что подъем квантора доступен не только группам (именным, группам наречий и т. д.), но и вершинам. Таким образом, оба варианта формальной реализации необходимого для РРІ-анализа передвижения вступают в противоречие со стандартными представлениями о свойствах передвижений и требуют внесения фундаментальных изменений в эти свойства.

Так или иначе, даже в случае принятия анализа через передвижение возникают дополнительные эмпирические проблемы. Во-первых, неясно, почему не все показатели деонтической необходимости могут совершать подъем квантора, ср. *have to* (645). Во-вторых, неясно, почему подъем квантора не могут совершать никакие показатели возможности, ср. (640-а) и (641-а). Более того, независимо от конкретного показателя, необходимые для РРІ-анализа передвижения не засвидетельствованы вообще ни в каких случаях, кроме рассматриваемых в этом разделе.

Например, в предложениях с двумя модальными показателями никогда не наблюдается обратная сфера действия – оба предложения в (662) имеют только одну интерпретацию, в случае (662-б) единственная доступная интерпретация приводит к семантической аномалии. В (663) предложение не может иметь более естественную интерпретацию 2 с узкой сферой действия наречия *often*, т. е. в рамках РРІ-теории по какой-то причине *must* не может передвигаться в позицию над ним.

- (662) a. I have to be allowed to graduate. (□ > ◇)
 ‘Мне должны позволить выпуститься.’
 b. #I am allowed to have to graduate. (Von Fintel and Heim 2020:86)
 ‘Мне разрешено быть должным выпуститься.’ (◇ > □)
- (663) #John often must stir this pot, otherwise the risotto will scorch. (Homer 2015:28)
 1. #‘Часто бывает так, что Джон должен помешивать (часто > □)
 содержимое кастрюли, чтобы ризотто не пригорело’
 2. *‘Джон должен часто помешивать содержимое кастрюли, (□ > часто)
 чтобы ризотто не пригорело.’

Указанные выше проблемы не являются следствием РРІ-анализа как такового. Например, в случае *some* РРІ-анализ не наталкивается ни на одну из них. Во-первых, подъем квантора и другие влияющие на интерпретацию передвижения допустимы в случае с кванторным словом *some*, поскольку оно передвигается не как вершина, а в составе фразовых составляющих (*some girl, something* и т. д.). Во-вторых, передвижение кванторов, включающих *some*, возможно не только в отрицательных предложениях (664).

- (664) Exactly half the boys kissed some girl. (Reinhart 1997:342)
 1. ‘Ровно половина мальчиков таковы, что (□ > ◇)
 для каждого из них есть девочка, которую он поцеловал.’
 2. ‘Существует такая девочка, что ее поцеловала ровно половина мальчиков.’

Для объяснения этих данных в Homer (2015:28) предлагается следующее решение: передвижение модальных РРІ происходит благодаря специализированной операции “побега” (escape). Эта операция применяется только в случаях, когда модальный РРІ должен избежать сферу действия отрицания, в остальных же случаях он интерпретируется в своей исходной позиции, как в (663). “Побег”, однако, не решает описанных в этом разделе проблем. Во-первых, по-прежнему неясно какова его формальная реализация (необходимо, чтобы вершина совершала передвижение со свойствами фразового передвижения), во-вторых, этот новый грамматический механизм постулируется *ad hoc* ровно для того, чтобы объяснить рассматриваемые данные.

В следующем разделе я постараюсь показать, что обратную сферу действия можно анализировать без всякого передвижения – через подъем отрицания. Если рассматривать NR как импликацию, то этот анализ предсказывает все релевантные свойства русского *должен* и почти все свойства *must*, обсуждавшиеся выше¹⁹³.

7.2.4. NR-теория

Теория, объясняющая обратную сферу действия через подъем отрицания, представляется наиболее привлекательной. В самом деле, как и показатели необходимости, NR-предикаты – универсальные кванторы по возможным мирам (665). Таким образом, как пресуппозиционный, так и импликационный анализ NR можно распространить на показатели деонтической необходимости без дополнительных оправданий.

(665) think/believe/want(p)(x)
 = $\Box(p)(x)$
 = во всех мирах, совместимых с мыслями/верованиями/желаниями x, истинно p

В этом разделе я покажу, что, во-первых, NR-предикаты в соответствии с диагностиками (651) ведут себя так же, как РРІ (в частности *думать* проявляет те же свойства, что и *must/должен*), и, во-вторых, такое поведение NR-предикатов предсказывается теорией подъема отрицания как скалярной импликации (Romoli 2013). В примерах ниже, я сравниваю NR-предикаты *думать* и *хотеть* и предикатив *должен*. Английский *must* проходит все релевантные тесты, как уже было показано выше.

Расширяя анализ Romoli (2013) (см. раздел 5.1.3), я буду предполагать, что NR-предикаты вводят две альтернативы – более слабую и более сильную. Это предположение оправдано тем, что типологически NR-предикаты обычно обозначают точку шкалы немного выше средней, т. е. должны иметь как более слабую, так и более сильную альтернативу (“mid-scalar hypothesis”, см. Horn 2001; Gajewski 2005:86-93; Homer 2015:59-61). Альтернативы NR-предикатов *думать/верить* представлены в (666). Я оставляю без внимания более подробную формализацию семантики *думать* и *знать* и в частности вопрос о том, чем отличаются веро-

¹⁹³ Более развернутую критику теории передвижения модальных показателей Iatridou and Zeijlstra (2013); Homer (2015) см. в Yanovich (2013:184-202).

вания индивида от его знаний. Для дальнейших рассуждений имеет значение то, что (i) *знать* может выступать альтернативой *думать* и (ii) *знать* воспринимается как более сильная альтернатива, см. ниже.

(666) $\text{Alt}(\text{думать/верить}) = \{ \text{иметь мнение о, думать/верить, знать} \}$

a. $[[\text{иметь мнение о}]](p)(x) = \text{думать}(p)(x) \vee \text{думать}(\neg p)(x)$

b. $[[\text{думать/верить}]](p)(x) = \text{во всех мирах, совместимых с верованиями } x, \text{ верно } p$

c. $[[\text{знать}]](p)(x) = \text{во всех мирах, совместимых со знаниями } x, \text{ верно } p$

Как известно, металингвистическое/контрастивное отрицание может быть направлено на неасертивные компоненты значения, в частности пресуппозиции и импликатуры (Horn 2001). Таким образом, на эмпирическом уровне ожидается возможность интерпретации NR-предикатов в сфере действия металингвистического отрицания, что и имеет место в (667).

В разделе 3.3 мной было показано, что в грамматической теории скалярных импликатур для подобных случаев не нужно постулировать отдельный вид отрицания. Эти примеры получают фактическую интерпретацию при создании вложенных импликатур, когда отрицание p влечет утверждение более сильной альтернативы q (Fox and Spector 2018; Bade and Sachs 2019). С учетом принятой семантики NR-предикатов, представленный в 3.3.1 анализ распространяется на них без дополнительных допущений, как показано в (667)¹⁹⁴.

(667) — Вы думаете, он решится? — начал Синицин, но Наставник перебил его:

— Я не думаю, я знаю.¹⁹⁵

a. $O [s \text{ Я не } [a \text{ О думаю}]] (, \text{ я знаю})$.

b. $\text{Alt}(a) = \{ \text{я думаю, я знаю} \}$

c. $\text{Alt}(s) = \{ \neg O(\text{думаю}), \neg O(\text{знаю}) \}$

d. $\neg O(\text{думаю}) = \neg(\text{думаю} \ \& \ \neg \text{знаю}) = \neg \text{думаю} \vee \text{знаю}$

e. $O(s) = \neg O(\text{думаю}) \ \& \ \neg \neg O(\text{знаю}) = \neg \text{думаю} \vee \text{знаю} \ \& \ \text{знаю} = \text{знаю}$

Этот же анализ можно распространить и на отрицание предикатива *должен*, если предположить, что у него есть более сильная альтернатива, например *обязан*. Опять же, я оставляю без внимания вопрос о том, как формализовать большую силу *обязан* по сравнению с *должен* — достаточно эмпирического обобщения о том, что в контрастивных контекстах первый может использоваться как сильная альтернатива второго, см. (668).

¹⁹⁴ Одно допущение все же необходимо сделать: в случаях типа (667) нижестоящая альтернатива должна игнорироваться (в противном случае (667-а) было бы самопротиворечиво). В принципе, возможность исключения альтернатив (pruning) часто постулируется при анализе других случаев, см. например предлагаемый мной анализ примеров (335)-(337), где произвольно могут использоваться либо выше-, либо нижестоящие альтернативы. Более того, возможно, оператор O вообще никогда не учитывает одновременно и выше-, и нижестоящие альтернативы.

¹⁹⁵ НКРЯ; Максим Милованов. Естественный отбор (2000)

- (668) a. [...] он сказал, что Ирина должна, вернее, не должна,
а обязана поехать в Инангу.¹⁹⁶
b. Если он временно не работает,
женщина не должна, а по факту обязана содержать своего мужчину.¹⁹⁷

Представленный анализ также распространяется на случаи типа (669), когда утверждается более слабая альтернатива, для чего необходимо игнорировать более сильную (670).

- (669) a. No student MUST read 5 articles on the topic
but one student is encouraged to do so. (Iatridou and Zeijlstra 2013:535)
b. Ты, конечно, не ДОЛЖЕН писать отчет, но желательно это сделать.
- (670) O [_s Ты не [_a O должен писать отчет]] (, но желательно это сделать).
- a. Alt(a) = { должен, желательно }
b. Alt(s) = { ¬O(должен), ¬O(желательно) }
c. O(желательно) = желательно & ¬должен
d. O(s) = ¬O(должен) & ¬¬O(желательно) = (¬должен) & (желательно & ¬должен)

Предлагаемый анализ также предсказывает, что NR-предикаты сами по себе не являются PPI, т. е. грамматичны в сфере действия отрицания. В разделе 3.2.5 я обсуждал предположение, что положительная полярность элементов типа *some* и *almost* связана с отсутствием нижестоящей альтернативы. В отрицательном контексте у них нет отрицаемых альтернатив ($\neg\exists \Rightarrow \neg\forall$), что приводит к незначимости добавления оператора O над отрицанием. В отличие от подлинных PPI, у NR-предикатов есть нижестоящая альтернатива (666). Таким образом, в их случае добавление одного O над отрицанием нетривиально – оно собственно и приводит к стандартной NR-интерпретации (см. пример (499) в разделе 5.1.3).

Передем к рассмотрению контекста “огораживания”. В этом случае, опять же, наблюдается параллелизм между классическими NR-предикатами и *должен*: они сохраняют сферу действия под отрицанием. В (671)-(672) в качестве универсального квантора-интервента выступает наречие *непрерменно*.

- (671) Пожилая женщина, называя вас доченькой,
не хотела непременно сказать, что вы ее дочь.¹⁹⁸
'Неверно, что женщина непременно хотела сказать, что вы ее дочь.' ($\neg > \square >$ хотеть)
- (672) Что касается главы государства, то сегодня
он не должен непременно определяться со своей партийной принадлежностью.¹⁹⁹

¹⁹⁶ НКРЯ; Владимир Шаров. Воскрешение Лазаря (1997-2002)

¹⁹⁷ <https://www.woman.ru/relations/marriage/thread/5294763/6/>

¹⁹⁸ НКРЯ; Д. С. Лихачев. Заметки о русском (1984)

¹⁹⁹ НКРЯ; Недостатка в лидерах у партии нет, у нее есть недостаток в действиях // «Газета», 2003

‘Неверно, что глава государства непременно должен определяться ...’ ($\neg > \square > \square$)

Впрочем, учитывая, что предикатив *должен* может интерпретироваться под отрицанием и в простых контекстах типа (649-b), сами по себе примеры типа (672) не очень показательны. Для того, чтобы увидеть, что контекст “огораживания” действительно упрощает интерпретацию с узкой сферой действия деонтического показателя, необходимо сравнить предложения, отличающиеся наличием квантора-интервента. В корпусном примере (673-а) есть два потенциальных интервента — модальное наречие *обязательно* и универсальный квантор *каждый раз* — обеспечивающих узкую сферу действия *должен*. Предложение без интервентов в среднем оценивается ниже (хотя контраст не очень силен, и для большинства опрошенных мной носителей разница в оценках невелика), поскольку предпочтительность интерпретации *не должен* как *должен не* наделяет его аномальной интерпретацией — у художника никогда не должно получаться задуманное.

- (673) а. Идеи художника не должны обязательно складываться
каждый раз в желаемую конструкцию.²⁰⁰ ($\neg > \square > \forall > \square$)
б. #Идеи художника не должны складываться в желаемую конструкцию. ($\square > \neg$)

Анализ NR как скалярной импликатуры предсказывает возникновение эффекта “огораживания” как показано в (674) на примере *хотеть*. Наречие *непременно* выступает в качестве универсального квантора по возможным мирам — во всех мирах, относящихся к множеству база(w) (например, это нормальные миры по мнению говорящего), истинно q (в данном случае, истинно, что женщина хотела p) (674-а). *Непременно* вводит экзистенциальную альтернативу (\approx *возможно, что q*) (674-b-i), а *хотеть* — альтернативу с семантикой ‘иметь желание по поводу p’ (674-b-ii). Эти альтернативы композиционально объединяются, после чего к ним применяется оператор O, что дает итоговую интерпретацию (674-с)²⁰¹.

- (674) O [_s Женщина не хотела непременно p].
а. $s = \neg(\forall w: \text{база}(w) \Rightarrow \text{хотела}(p)(w))$
б. Alt(s) =
(i) $\neg(\forall w: \text{база}(w) \Rightarrow \text{имела_желание}(p)(w))$ (альтернатива *хотеть*)
(ii) $\neg(\exists w: \text{база}(w) \ \& \ \text{хотела}(p)(w))$ (альтернатива *непременно*)
с. $O(s) = (674\text{-a}) \ \& \ \neg(674\text{-b-i}) \ \& \ \neg(674\text{-b-ii}) =$ ‘женщина необязательно хотела p
& женщина имела желание по поводу p & возможно, женщина хотела p’ =
‘женщина необязательно хотела p & возможно, хотела p & возможно, хотела не p’

²⁰⁰ НКРЯ; М. А. Захаров. Театр без вранья (2007)

²⁰¹ Для простоты в (674-b) опущена еще одна альтернатива: $\neg(\exists w: \text{база}(w) \ \& \ \text{имела_желание}(p)(w))$. После отрицания эта альтернатива будет следовать из конечного утверждения, так что ее добавление не влияет на интерпретацию. Представленная в (674) деривация не является моей находкой. Romoli (2013) обсуждает похожие случаи, когда в качестве интервента выступает универсальный квантор по индивидам.

Отсутствие обратной сферы действия в контекстах “спасения” также ожидаемо, поскольку скалярные импликатуры не возникают в ДЕ-контекстах (см. приложение 3). Например, в (675) нет эффекта подъема отрицания – первое предложение вполне совместимо с тем, что у Пети нет мнения насчет торсионных полей.

(675) %Только Петя не думает, что существуют торсионные поля (¬ > думает)
(Он вообще не знает, что это такое.)

Эффект спасения в русском языке, впрочем, выражен достаточно слабо. Дискурс (675) был признан некоторыми из опрошенных носителей недопустимым (предположительно, из-за противоречия). То же относится и к (648-с), повторенному ниже как (676) – это предложение противоречиво с интерпретацией $\square > \neg$ и, видимо, для некоторых носителей возможна только такая интерпретация.

(676) %Если ты не должен бегать по утрам, (¬ > \square)
ты все равно можешь иногда бегать с нами за компанию.

Для того чтобы обнаружить эффект “спасения”, необходимо сравнить примеры, различающиеся только параметром наличия дополнительного ДЕ-контекста. Учитывая, что NR-интерпретация, как правило, значительно более предпочтительна, ожидается, что предложения, где она приводит к противоречию, для многих носителей должны быть маргинальны или недопустимы. Аналогичные предложения, отличающиеся вложением *не должен* в дополнительный ДЕ-контекст, должны оцениваться выше.

Оба примера в (677) были оценены опрошенными мной носителями как неидеальные. Большинство носителей, которым было предложено оценить оба предложения, не обнаружили существенного контраста между ними. На данный момент у меня нет объяснения тому, почему этот контраст практически не проявляется в русском языке, что, впрочем, представляет проблему как для NR-, так и для PPI-анализа, поскольку они оба предсказывают его существование.

(677) а. %/?Латте, раф-кофе и моккачино должны быть сладкими.
Капучино не должен быть сладким (ожид.: $\square > \neg$)
– допускается как сладкий, так и горьковатый капучино.
б. %/?Латте, раф-кофе и моккачино должны быть сладкими.
Только капучино не должен быть сладким (ожид.: $\neg > \square$)
– допускается как сладкий, так и горьковатый капучино.

Итак, все PPI-свойства модальных глаголов (651) могут быть объяснены через подъем отрицания без постулирования передвижений. Для обоснования NR-теории осталось рассмотреть аргументы против нее, обобщенные в (658).

Что касается теста, проиллюстрированного в (659), то он, по всей видимости, на самом

деле ничего не сообщает о сфере действия модального глагола. Нереперентная/дистрибутивная интерпретация возможна и в предложениях без отрицания (678). Учитывая, что в рамках PPI-теории *must* не может передвигаться в отсутствии отрицания (663), можно предположить, что в обоих случаях (659), (678) дистрибутивная/нереперентная интерпретация именной группы достигается не благодаря передвижению *must*, а каким-то иным способом.

- (678) Exactly one of those 6 people must come. (Homer 2015:68)
 ‘Ровно один из этих 6 человек (неважно какой) должен прийти.’ ($\square > \text{exactly one}$)

В русском языке именные группы типа *ровно один NP* могут иметь нереперентную интерпретацию в утвердительных предложениях с показателем необходимости, возможности (679-а) или будущего времени (679-б). Примеры (678), (679) указывают на то, что для получения такой интерпретации не требуется ни передвижение выраженного показателя необходимости в позицию над субъектом, ни в принципе его наличие в клаузе. Таким образом, тест в (659) не является однозначным свидетельством в пользу передвижения показателей деонтической необходимости.

- (679) а. Ровно одна кегля (неважно какая) должна/может остаться стоять.
 б. (В конце игры) ровно один из вас уйдет с миллионом рублей.

Как уже было показано в (649-б), *должен* допускает узкую сферу действия в простых отрицательных предложениях. Интерпретация с узкой сферой действия, как правило, менее предпочтительна (676), что наблюдается и в случае с классическими NR-предикатами (675). Таким образом, по этому признаку *должен* также является NR-предикатом, а не PPI.

Наконец, *должен*, как и NR-предикат *хотеть*, допускает циклический NR при нахождении во вложенной клаузе (680).

- (680) а. Я не думаю, что Петя хочет идти с нами.
 ‘Я думаю, что Петя хочет не идти с нами.’ (думаю $>$ хочет $>$ \neg)
 б. Я не думаю, что Петя должен идти с нами.
 ‘Я думаю, что Петя должен не идти с нами.’ (думаю $>$ $\square >$ \neg)

Итак, обратную сферу действия *не должен* можно анализировать как подъем отрицания. Анализ NR как скалярной импликатуры предсказывает те же свойства, что и PPI-теория (651). Аргументы против NR-теории (658), выдвинутые на материале *must*, не работают в случае с *должен*. Наконец, NR-теория имеет независимое обоснование на материале скалярных импликатур и собственно NR-предикатов и не нуждается в постулировании проблематичных передвижений и каких-либо немотивированных допущений (см. раздел 7.2.3).

Остается открытой одна проблема – *must* не ведет себя как NR-предикат по критериям (658). В частности, он не допускает интерпретацию $\neg > \square$ в простых отрицательных предложениях (646) и циклический NR (661). У меня есть два предположительных объяснения этому

явлению. В теории NR как скалярной импликатуры, NR-интерпретация возникает в результате применения оператора O над отрицанием. Соответственно, ее отсутствие означает, что оператора O в деривации нет. Сами по себе не-NR интерпретации нежелательны, см. (675) и (676), что ожидается исходя из принципа обязательности O (раздел 3.2.5). Можно предположить, что *must* всегда требует присутствия O в деривации, что исключает возможность интерпретации $\neg > \square$ (кроме случаев вложенного применения O под отрицанием, интервенции универсального квантора и вложения в двойной DE-контекст).

Второе объяснение может состоять в том, что *must* – действительно PPI. Однако он получает широкую сферу действия не благодаря подъему квантора, а каким-то иным способом (возможно, все же передвижением вершины), иначе (681) было бы грамматично. Так или иначе NR-теория полностью предсказывает дистрибуцию *должен*, а в случае *must* как NR-, так и PPI-теория сталкиваются с проблемой в лице примеров типа (681).

(681) *You never must give up. (Francis and Iatridou 2020)

Итак, в этом разделе было показано, что (a) деонтические показатели необходимости и NR-предикаты проявляют ряд схожих свойств и (b) эти свойства предсказываются теорией NR как скалярной импликатуры. Конечно, предложенный мной анализ оставляет открытыми ряд вопросов, однако по независимым соображениям ожидается, что (a) модальные показатели не могут и не совершают передвижений в LF (см. раздел 7.2.3) и (b) будучи универсальными кванторами по возможным мирам, они могут быть NR-предикатами. Предложенный анализ позволяет сохранить максимально ограничительное предположение, в соответствии с которым отрицание и модальность, как и другие функциональные (\approx грамматические) показатели, не могут совершать самостоятельных интерпретируемых передвижений.

Заключение

В рассматриваемой работе изучаются возможности применения методов математического моделирования к исследованию языка. В частности работа посвящена исследованию и математическому моделированию двух явлений естественного языка — отрицания и модальности. Для экспликации и формализации языковых единиц, отвечающих за грамматическую реализацию отрицания и значений модальной семантической зоны, в работе разрабатывается анализ синтаксической структуры предложения на основе аппарата математической лингвистики, включая теорию множеств и теорию формальных грамматик. Используемый подход позволяет формализовать единицы различных языков (предложения, лексемы) и представить их в виде сопоставимых математических объектов. Соответствующие формализации используются для анализа различных явлений, связанных с отрицанием и модальностью, на основе математической логики и лямбда-исчисления, что позволяет делать строгие предсказания относительно интерпретации и грамматической корректности языковых единиц. Тем самым содержание работы выстраивается вокруг проблематики структурного моделирования и формализации естественного языка, в частности применения теоретико-множественных моделей для описания синтаксических и семантических отношений, и таким образом лежит в русле аналитических подходов к исследованию языка и структурно-математической лингвистики.

В работе были подробно рассмотрены данные нескольких разнородных языков (8) и приняты во внимание известные из литературы данные многих других языков. Моей целью было показать, что отрицание, эпистемическая и “корневая” (ориентированная на участника ситуации) модальность – грамматические категории со стандартными свойствами, или функциональные вершины в принятой формальной теории. Как и показатели других (глагольных) грамматических категорий, в частности времени, аспекта и наклонения, независимо от конкретного языка они занимают единственную и фиксированную позицию в структуре клаузы, и не могут совершать самостоятельных интерпретируемых передвижений. Конкретно, я постарался показать, что большое количество явлений, связанных с отрицанием и модальностью, может быть объяснено с учетом предположения о том, что структура клаузы универсальна (неизменна от языка к языку), и имеет следующий, достаточно минималистичный вид:

$$(682) \quad \text{Mod}_{\text{epistemic/proposition}} > \text{Tense} (>/,) \text{ Neg/Pol} > \text{Aspect} > \text{Mod}_{\text{root/event}} > \text{Verb}$$

Те явления, которые ставят под сомнение это обобщение – например, различие в дистрибуции чувствительных к полярности элементов, подъем отрицания и обратная сфера действия отрицания и модальных показателей – можно анализировать без обращения к варьирующейся позиции отрицания или передвижениям.

В частности в этой работе было показано, что:

- SN проявляет различные признаки грамматического статуса, т. е. является грамматической категорией глагола. В то же время семантически SN не является отрицанием про-

позиции. Если в клаузе присутствует еще один элемент, имеющий сферу действия, во многих случаях он интерпретируется над отрицанием. Это относится как к наречиям, так и к различным аргументным составляющим – кванторам, неопределенным местоимениям, NPI. Наивный логический анализ отрицания, рассматривающий SN как эквивалент операции \neg из логики высказываний, не выделяет никакой лингвистически релевантный объект (глава 1).

- Возможен максимально минималистичный анализ, в котором стандартное отрицание, как и другие показатели грамматических значений, занимает единственную и фиксированную позицию в структуре клаузы независимо от языка. Альтернативные теории, предполагающие варьирующиеся и/или множественные позиции отрицания, лишены удовлетворительных независимых оснований и делают избыточные предсказания. В частности, они предсказывают множественное интерпретируемое маркирование отрицания и варьирование сферы действия SN относительно других элементов, которое на самом деле не наблюдается (глава 2).
- Множественное интерпретируемое маркирование отрицания возможно при одновременном нахождении в клаузе показателей SN и отрицания составляющих (CN). В языках с омонимией SN и CN (типа русского) это выглядит как множественное появление одного и того же показателя. Появление отрицания в нестандартной позиции также объясняется омонимией SN и CN (главы 1-2).
- Все явления, предположительно связанные с варьирующейся позицией отрицания, на самом деле обусловлены собственными свойствами элементов, с которыми взаимодействует (фиксированное) отрицание. В частности, допустимость чувствительных к полярности элементов в различных позициях определяется их синтаксическими и семантическими свойствами, а не варьированием позиции отрицания (главы 3-5).
- Нет оснований выделять такую разновидность отрицания как “металингвистическое”. Характерные свойства предложений с “металингвистическим” отрицанием – возможность отрицания пресуппозиций и имплицатур, узкий фокус на отрицаемом элементе и необходимость утвердительного продолжения – предсказываются грамматической теорией скалярных имплицатур и следуют из независимых ограничений на дистрибуцию оператора исчерпывающей интерпретации O, дистрибуцию фокуса и взаимодействие пресуппозиций с общими знаниями участников коммуникации (глава 3).
- Дистрибуция большинства чувствительных к полярности элементов может быть объяснена с учетом предположения об универсальной позиции субъекта – над отрицанием. NPI типа *кто-либо* неграмматичны в позиции субъекта, поскольку оказываются за пределами сферы действия отрицания. NCI типа *никто* грамматичны в позиции субъекта, поскольку всегда лицензируются в позиции над отрицанием с помощью согласования с ним (операция Agree). Отдельные языки (предположительно, языки с левым ветвлением (SOV)) все же противоречат предлагаемому обобщению. В них NPI грамматичны в позиции субъек-

та, что, однако, может быть совместимо с единообразным структурным анализом (682) (главы 3-4).

- Отрицание не совершает самостоятельных интерпретируемых передвижений (по крайней мере, в русском языке). Так называемый подъем отрицания не является синтаксическим передвижением, а порождается семантическими/прагматическими механизмами. Об этом свидетельствуют многочисленные данные, связанные со сферой действия кванторов и лицензированием NPI, NCI и генитива отрицания (глава 5).
- Модальные показатели делятся на два (макро)класса: эпистемические/пропозициональные и корневые/ситуационные. В каждом из классов есть два синтаксических типа. Показатели событийной/корневой модальности делятся на лексические предикаты контроля (или переходные глаголы) V и функциональные показатели корневой модальности Mod_{root} . Показатели пропозициональной/эпистемической модальности делятся на лексические предикаты подъема и функциональные показатели, находящиеся в более высокой, чем Mod_{root} , вершине Mod_{epist} (глава 6).
- Модальные показатели интерпретируются в своих структурных позициях и не могут совершать самостоятельных интерпретируемых передвижений. Обратная сфера действия, возникающая при отрицании показателей деонтической необходимости – результат семантического/прагматического эффекта подъема отрицания, а не передвижения (глава 7).

Результаты этой работы могут быть использованы исследователями смежных вопросов, желающими использовать в своих теориях обоснованные предположения о семантике и месте отрицания и модальности в структуре клаузы, а также о связанных с этим явлениях. Простота и минимализм предлагаемых анализов, с одной стороны, не накладывают лишних ограничений на сторонние теории и, с другой стороны, должны препятствовать использованию различных немотивированных допущений по поводу отрицания и модальности при анализе связанных явлений.

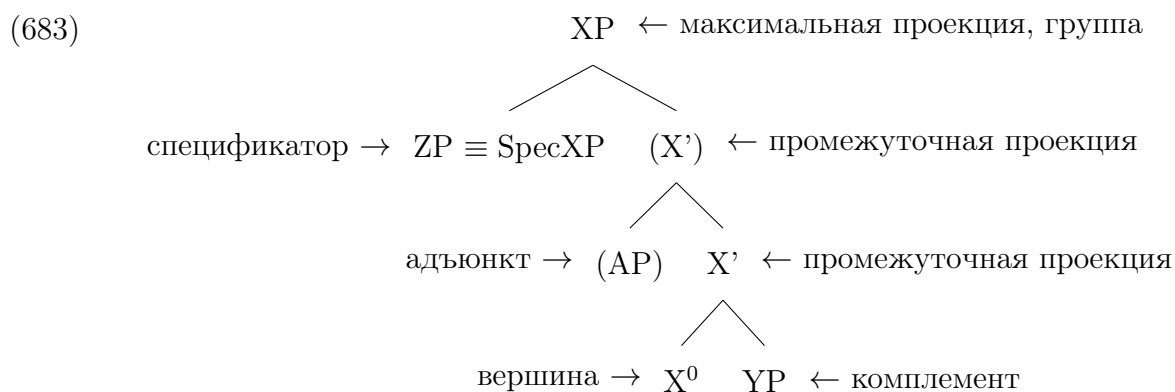
Результаты исследования также могут быть использованы при изучении специфических современных практических задач как собственно лингвистики, так и связанных с ней областей. В частности предложенные подходы к моделированию и анализу структуры предложения могут применяться в системах автоматического синтаксического разбора текста. Кроме того, предложенные теоретико-множественные и логические формализации языковых единиц могут использоваться при разработке систем автоматического понимания текста.

Разумеется, я не претендую на окончательное решение поставленных задач, как этого не сделали и предыдущие исследователи. Будущие исследователи рассматриваемых вопросов имеют возможность учитывать полученные мной результаты при разработке более совершенных теорий.

Приложение 1: X'-теория и структура составляющих в минимализме

Это приложение состоит из двух частей и служит двум целям. В первой части я коротко излагаю базовые сведения об X'-теории, которая используется при анализе структуры составляющих в этой работе. Во второй части я показываю возможность однозначного отображения представленных в работе структур в более современную нотацию.

X'-теория (Chomsky 1970) представляет собой шаблонный подход к структуре составляющих. Допущения этого подхода проиллюстрированы в (683). Элементарная/терминальная составляющая X^0 , называемая вершиной, соединяется с неэлементарной составляющей (группой) Y_P , называемой комплементом. В результате формируется промежуточная проекция X' . Опционально, промежуточная проекция может соединяться с неограниченным числом неэлементарных составляющих A_P , называемых адьюнктами. Присоединение адьюнкта не влияет на уровень проекции (“штриховой уровень”). Наконец, X' соединяется с неэлементарной составляющей Z_P , называемой спецификатором, в результате чего формируется максимальная проекция XP . Сформированная проекция XP может стать комплементом, адьюнктом или спецификатором новой вершины, заняв место Y_P , A_P или Z_P в новом шаблоне. И так далее.

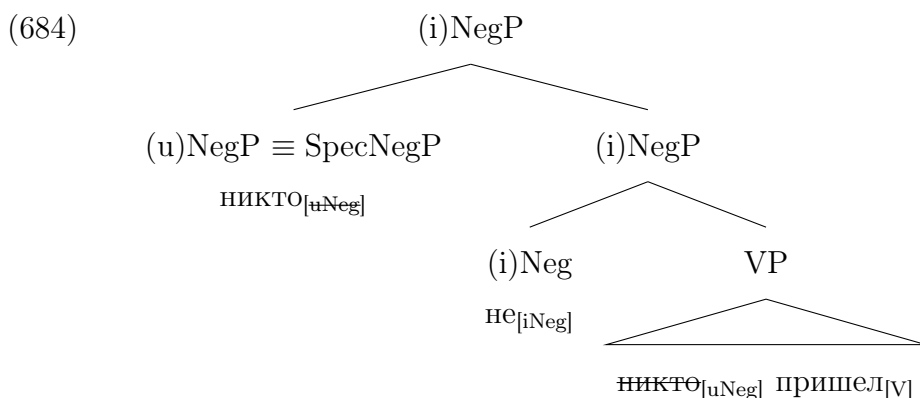
Описанный выше подход продолжает использоваться в некоторых работах (например, этой) при графическом представлении синтаксических структур, однако едва ли действительно принимается кем-то из исследователей на уровне теоретических допущений. Дело в том, что достаточно сложный шаблон, представленный в (683), не следует из каких-либо независимых принципов, а просто постулируется напрямую. Иными словами, неясно, почему вообще должны существовать такие сущности как, например, “штриховые уровни” или спецификатор.

В современном минимализме предполагается, что синтаксические структуры строятся с помощью операции Merge, которая объединяет два простых синтаксических объекта в более сложный. Никаких шаблонов типа (683) не существует – синтаксические объекты (составляющие) получают свои метки (X , Y_P , Z_P и т. д.) исключительно на основе взаимодействия словарной информации и алгоритма присвоения меток (labeling) (Chomsky 2013).

Используемые в этой работе структуры типа (683) однозначно отображаются в современную нотацию. Предположим, что при соединении элементарной и неэлементарной составляющей

щих проецируется (т. е. присваивается новой составляющей) всегда метка элементарной составляющей (Chomsky 2013:43). При этом, в отсутствие шаблона остается неясным, какой должна быть метка α при соединении двух фразовых составляющих: $[\alpha \text{ YP XP}]$. В частности, эта ситуация возникает при присоединении “адьюнкта” или “спецификатора”. Рассмотрим конкретный случай со спецификатором, встречающийся в этой работе.

В структуре (684) к проекции отрицания (i)NegP присоединяется проекция отрицательного местоимения (u)NegP (“спецификатор”). Метки этих двух составляющих различаются только пометкой i/u – отрицание проецирует интерпретируемый отрицательный признак [iNeg], местоимение проецирует неинтерпретируемый (согласовательный) признак [uNeg]. Более того, эти признаки вступают в отношение согласования (Agree), см. обсуждение в разделе 4.2.1. В этой ситуации конкуренции между метками по сути нет – новой составляющей однозначно присваивается метка (i)Neg²⁰². Этот анализ также объясняет запрет дальнейшего (интерпретируемого) передвижения отрицательного местоимения (см. раздел 4.3.2): если предположить, что передвигаться может только максимальная составляющая с меткой XP, извлечение части NegP из максимальной NegP запрещено (Rizzi 2016). Кроме того, ничто в этом анализе не исключает возможность лицензирования нескольких местоимений одним отрицанием (Multiple Agree).

То же самое происходит во многих других случаях присоединения “спецификатора”. Поскольку составляющая (например, субъект или вопросительное слово) передвигается в позицию спецификатора не просто так, а для проверки признаков, возникает конфигурация $[\alpha \text{ YP XP}]$ с совпадающими признаками, приводящая к однозначному присвоению метки.

Представленный алгоритм оставляет ряд других вопросов: (i) что происходит при присоединении к XP адьюнкта, не имеющего с XP общих признаков? (ii) как разрешается конфликт меток при соединении вершин $[\alpha \text{ Y X}]$? (iii) как сохраняется различие между вершинами (метки типа X) и фразовыми составляющими (метки типа XP)? Ответы на эти вопросы носят общетеоретический характер (см. Chomsky 2013; Bošković 2016; Rizzi 2016 и т. д.) и не затрагивают напрямую анализ конкретных явлений, обсуждаемых в этой работе.

²⁰² Можно предположить, что после “проверки” неинтерпретируемого признака [uNeg] он удаляется, и видимым остается только признак [iNeg] (Rizzi 2016:117). Альтернативно, можно предположить, что в качестве метки выступает пара (uNeg, iNeg), или что алгоритм присвоения меток просто игнорирует разделение i/u.

Приложение 2: Примеры дериваций

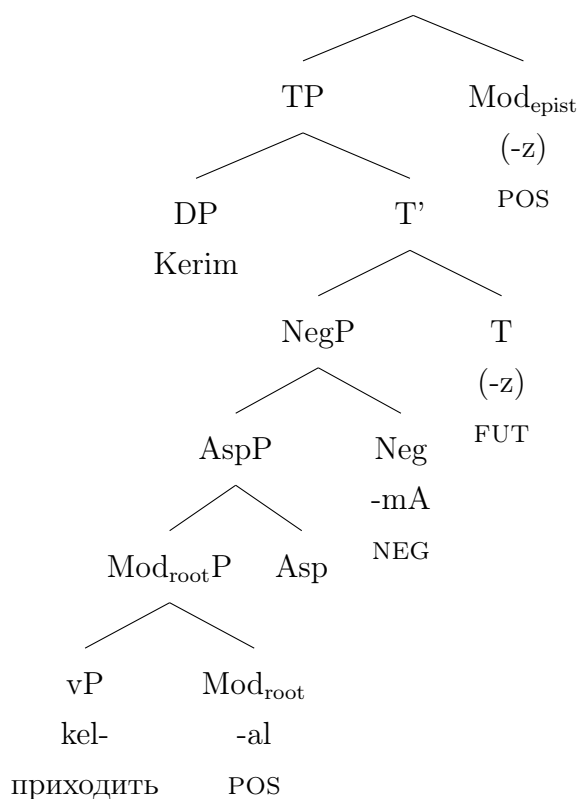
Для простоты субъекты сразу порождаются в SpеcTP. В предложениях с эпистемическими модальными глаголами (686), (689) субъект совершает нестандартное передвижение из SpеcTP вверх, необязательно адьюнгируясь к Mod_{epist}P, как указано (и, возможно, то же самое незримо происходит в (685)). Я рассматриваю это передвижение как чисто фонологическую операцию. Наконец, я оставляю без комментариев вопрос о том, каким образом в английском временная морфология, в обход вспомогательного глагола, оказывается на лексическом глаголе в vP (687).

(685)

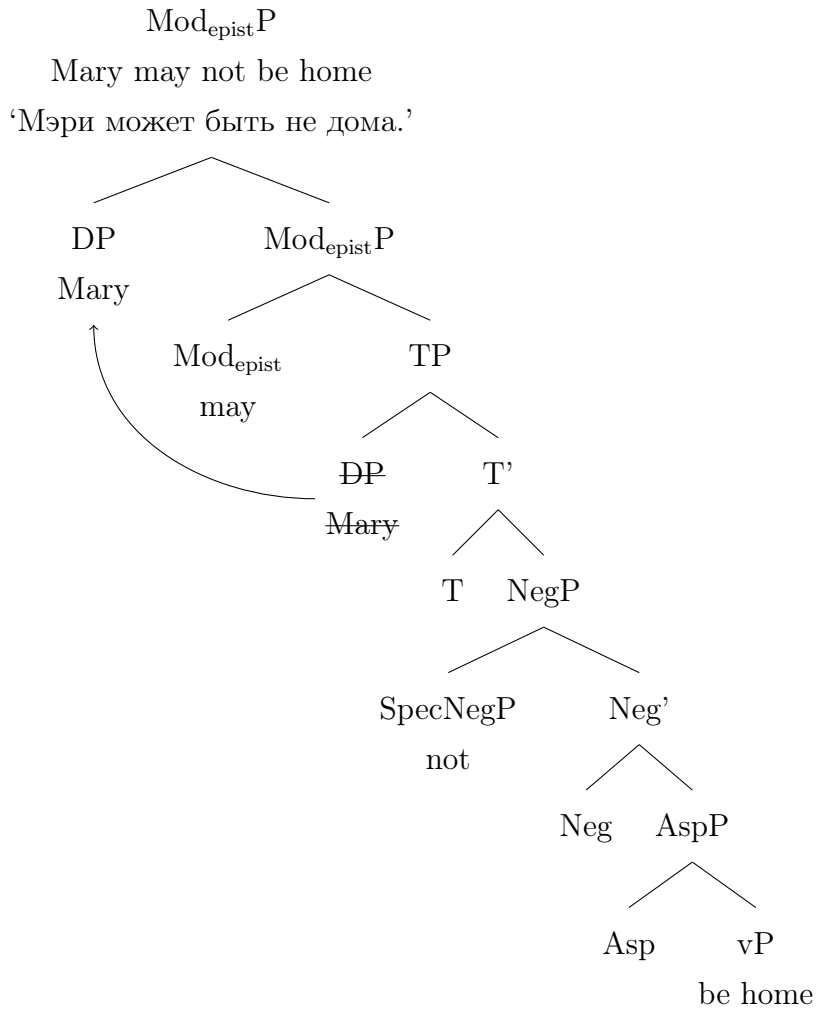
Mod_{epist}P

Kerim kelalmaz (карачаево-балкарский)

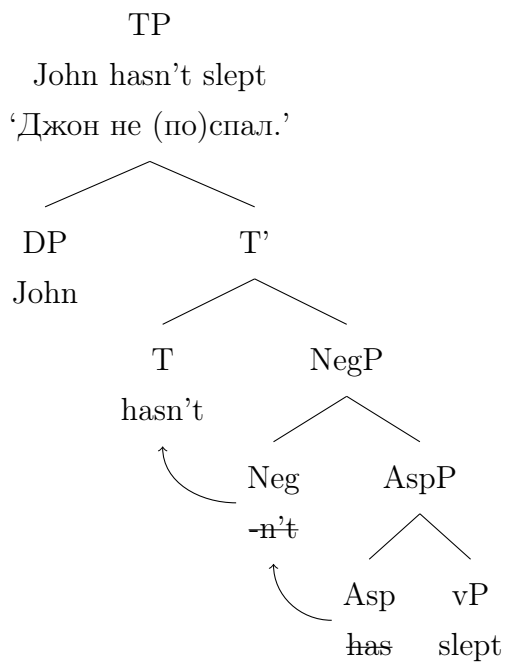
‘Керим (наверное) не сможет прийти.’

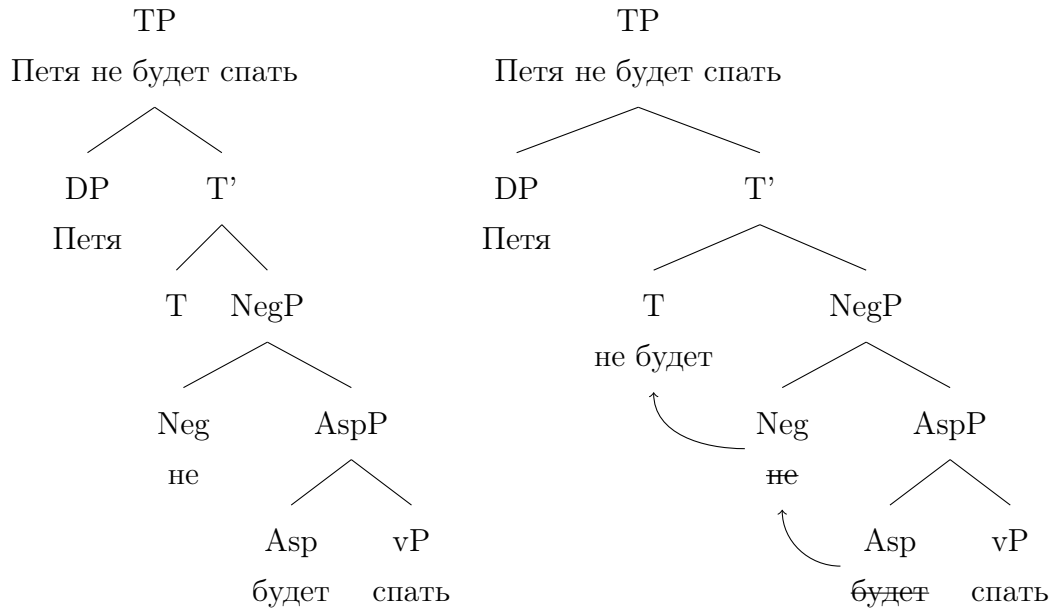
(686)

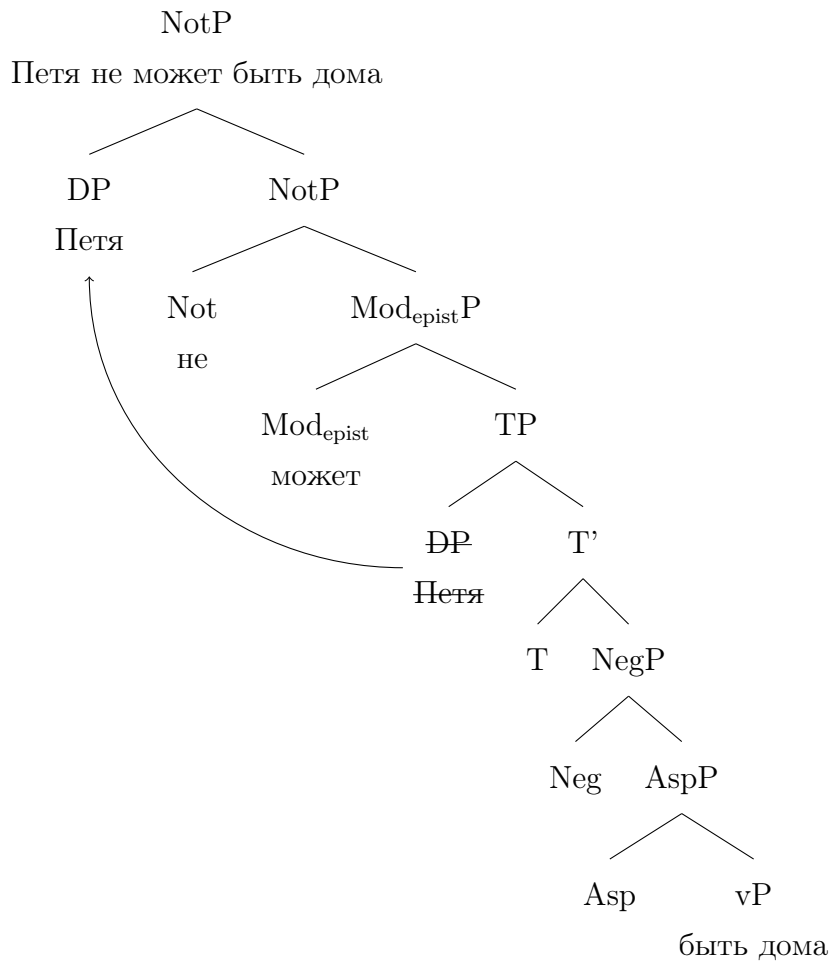
(687)

(688)

(689)

Приложение 3: Отношение следования между альтернативами

Анализ многих явлений в этой работе опирается на понятие альтернатив (раздел 3.1.1) и в частности на отношение следования между альтернативами, например анализ фокусных операторов, РРІ и NPI в главе 3 и анализ подъема отрицания в главе 7. В этом приложении обсуждаются два вопроса, понимание которых облегчает восприятие рассуждений и подоплеку анализа в некоторых случаях.

Импликация и вероятность

Если лексические альтернативы формируют шкалу, упорядоченную отношением логического следования, то и простые предложения, содержащие эти альтернативы, в отсутствие других операторов тоже упорядочены отношением следования, как показано в (690).

- (690) а. Петя решил (по меньшей мере) три задачи
 \Rightarrow Петя решил (по меньшей мере) две задачи
 б. каждый студент пришел \Rightarrow кто-то из студентов пришел

Вероятностное отношение \triangleleft , использованное мной для формулировки скалярной пресуппозиции операторов типа *даже* (253), всегда соответствует отношению логического следования. Т. е. если $p \Rightarrow q$ (и $q \not\Rightarrow p$), то $p \triangleleft q$ независимо от контекста. Дело в том, что если $p \Rightarrow q$ (и $q \not\Rightarrow p$), то p обозначает собственное подмножество ситуаций, обозначаемых q . Например, *Петя съел мандарин* \Rightarrow *Петя съел фрукт*. Соответственно, если мы находимся в ситуации, в которой Петя съел мандарин, то мы точно находимся в ситуации, в которой Петя съел фрукт. Соответственно, будучи собственным подмножеством q , p менее вероятно независимо от контекста.

Результат, полученный в этом неформальном рассуждении, следует из аксиомы аддитивности вероятности, также известной как третья аксиома Колмогорова. По соображениям объема я не привожу более формальное доказательство, см. Crnić (2011:15-16).

Таким образом, во всех примерах типа (691), когда альтернативы упорядочены отношением следования (691-а), скалярная пресуппозиция *даже* предопределяется этим отношением и соблюдается независимо от контекста (691-б). В примерах в основном тексте работы я не привожу строку, указывающую отношения следования, но читатель всегда может использовать тест на логическое следование для проверки соблюдения скалярной пресуппозиции.

- (691) Петя может пробежать даже 10 км = даже [Петя может пробежать 10 км]
 а. Петя может пробежать 10 км \Rightarrow Петя может пробежать 5 км
 б. Петя может пробежать 10 км \triangleleft Петя может пробежать 5 км

UE и DE-контексты

В простых утвердительных контекстах истинно следование из множеств в надмножества (692). Соответственно, их называют выводящими вверх (upward entailing) или контекстами с восходящей монотонностью (UE-контексты).

- (692) a. нильский крокодил \subseteq крокодил
 b. Петя видел нильского крокодила \Rightarrow Петя видел крокодила

В некоторых контекстах, наоборот, истинно следование из множеств в подмножества. Их называют выводящими вниз (downward entailing) или контекстами с нисходящей монотонностью (DE-контексты) К DE-контекстам относятся например, сфера действия отрицания (693), протасис условного предложения (694), сфера действия оператора *только* (695), рестриктор универсального квантора и многие другие.

- (693) отрицание
 a. Петя (никогда) не видел крокодилов $\not\Rightarrow$ Петя (никогда) не видел животных
 b. П. (никогда) не видел крокодилов \Rightarrow П. (никогда) не видел нильских крокодилов
- (694) протасис условного предложения
 a. если П. увидит альбатроса, он будет рад $\not\Rightarrow$ если П. увидит птицу, он будет рад
 b. если Петя увидит альбатроса, он будет рад
 \Rightarrow если Петя увидит королевского альбатроса, он будет рад
- (695) сфера действия *только*
 a. только Петя видел крокодилов $\not\Rightarrow$ только Петя видел животных
 b. только Петя видел крокодилов \Rightarrow только Петя видел нильских крокодилов

Строго говоря, подлинная нисходящая монотонность соблюдается только в отрицательном предложении (693-b). Например, следствие в (695-b) интуитивно не кажется истинным. В случае протасиса условной конструкции и сферы действия *только* истинность нисходяще монотонного следования сохраняется только в асертивном компоненте значения, как показано на примере *только* в (696) (семантика *только* приводится в (251)).

- (696) $(\forall x: x \neq \text{П.} \Rightarrow x \text{ не видел крокодилов}) \Rightarrow (\forall x: x \neq \text{П.} \Rightarrow x \text{ не видел нильских крокодилов})$

Важность DE-контекстов состоит в том, что в них разворачивается направление логического следования (Fauconnier 1975) – слабые альтернативы становятся сильными, и наоборот (697).

- (697) a. неверно, что Петя решил (по меньшей мере) две задачи
 \Rightarrow неверно, что Петя решил (по меньшей мере) три задачи
 b. если кто-то решит эту задачу, Петя будет рад
 \Rightarrow если каждый решит эту задачу, Петя будет рад
 c. $(\forall x: x \neq \text{Петя} \Rightarrow x \text{ не решил 2 задачи}) \Rightarrow (\forall x: x \neq \text{Петя} \Rightarrow x \text{ не решил 3 задачи})$

Соответственно, монотонность контекста значима для любых явлений, дистрибуция которых определяется отношением следования между альтернативами. Например, дистрибуция NPI

примерно совпадает с DE-контекстами (Barker 2018), в DE-контекстах *даже* соединяется с нижними (а не верхними) точками шкал (698) и не возникают скалярные импликатуры (699).

- (698) а. Петя может пробежать даже 10 км = даже [Петя может пробежать 10 км]
 б. Петя не может пробежать даже 1 км = даже [Петя не может пробежать 1 км]
- (699) а. кто-то из студентов прочитал эту диссертацию
 \rightsquigarrow не все студенты прочитали эту диссертацию
 б. если кто-то прочитал эту диссертацию, то она написана не зря
 $\not\rightarrow$ не все прочитали эту диссертацию
 $\not\rightarrow$ если все прочитали эту диссертацию, то она, возможно, написана зря

Таким образом, это приложение дает ответ на вопрос, почему в основной части текста работы для выявления релевантных свойств различных единиц – оператора *даже*, RPI, NPI, NR-предикатов – используются контексты типа протасиса условного предложения.

Библиография

- Аксенова А. Е. Синтаксис отрицательных конструкций в бурятском языке. — Магистерская диссертация / Московский Государственный Университет им. М. В. Ломоносова. — 2015.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. — М. : Наука, 1976.
- Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов. — М. : Наука, 1985.
- Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц. — М. : Школа “Языки славянской культуры”, 1996.
- Богуславский И. М. Модальность, сравнительность и отрицание // Русский язык в научном освещении. — 2001. — Т. 1, № 1. — С. 27–51.
- Васильева М. Д. Категории вида, времени и модальности в баргузинском диалекте бурятского языка. — Экспедиционный отчет. — 2020.
- Герасимова А. А. Лицензирование отрицательных местоимений через границу инфинитивного оборота в русском языке // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции “ГМП–2015” / Под ред. Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг, М. Б. Коношенко. — М., 2015. — С. 47–61.
- Гращенков П. В. Тюркские конвербы и сериализация: синтаксис, семантика, грамматикализация. — М. : Языки славянской культуры, 2015.
- Добрушина Н. Р. Наклонение // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Глагол. Часть 1 / Под ред. В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, Н. Р. Добрушина, Стойнова Н. М. — СПб : Нестор-История, 2016а. — С. 95–101.
- Добрушина Н. Р. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. — Animedia Company, 2016b.
- Зеленский Д. М., Россыйкин П. О. Асимметрия по полярности системы причастий возможности баргузинского диалекта бурятского языка // Малые языки в большой лингвистике. Сборник трудов конференции 2017 / Под ред. Кс. П. Семёнова. — М. : “Буки Веди”, 2018. — С. 63–69.
- Касенов Д. Е. О межклаузальном лицензировании ‘никто’ при контроле. — Доклад, представленный на семинаре научно-учебной лаборатории по формальным моделям в лингвистике ФГН НИУ ВШЭ. — 2021.
- Кобозева И. М. Синтаксическое обоснование правила Перенесения Отрицания в русском языке // Ceskoslovenska rusistika. — 1976. — № 2. — С. 54–62.
- Корнакова Е. В., Лютикова Е. А., Гращенков П. В. Лицензирующие свойства отрицания в русском языке // Rhema. Рема. — 2016. — Т. 2, № 4. — С. 59–82.
- Летучий А. Б., Виклова А. В. Подъем и смежные явления в русском языке (преимущественно на материале поведения местоимений) // Вопросы языкознания. — 2020. — С. 31–60.
- Лютикова Е. А. Относительные предложения с союзным словом *который*: общая характеристика и свойства передвижения // Корпусные исследования по русской грамматике / Под

- ред. К. Л. Киселева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, С. Г. Татевосов. — М. : Пробел-2000, 2009. — С. 436–511.
- Лютикова Е. А., Татевосов С. Г. Сфера действия в русских инфинитивных конструкциях с контролем // Актуальные проблемы и перспективы русистики: Материалы по итогам Международной конференции русистов в Барселонском университете МКР-Барселона 2018 / Под ред. Ж. Кастельви, А. Зайнульдинов, И. Гарсия, М. Руис-Соррилья. — Барселона, 2018. — С. 1290–1301.
- Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка. — Наука, 1974. — Т. 26.
- Падучева Е. В. Отрицание. — Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. — 2011.
- Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. — М. : Языки славянской культуры, 2013.
- Падучева Е. В. Эксплетивное отрицание и семантика союза *пока* // Язык. Константы. Переменные. Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / Под ред. М.А. Даниэль, Е.А. Лютикова, В.А. Плунгян и др. — СПб : Алетейя, 2014. — С. 339–350.
- Панченко Ю. Д. *Да и нет* в ответах на общие вопросы с отрицанием в русском языке // Rhema. Рема. — 2021. — № 4. — С. 38–68.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. — М., 1956.
- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. — М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2010.
- Подобряев А. В. Формальная морфология черекского диалекта балкарского языка. — Экспедиционный отчет. — 2002.
- Пюрбеев Г. Ц. Двойное отрицание в монгольских языках как типологическое явление // Я рад, что стал монголоведом. К 85-летию С.К. Рощина / Под ред. Елена Владимировна Бойкова. — М. : Институт востоковедения РАН, 2015. — С. 134–142.
- Рожнова М. А. Синтаксические свойства отрицательных местоимений в испанском и русском языках. — Магистерская диссертация / РГГУ. — 2009.
- Россяйкин П. О. Русские *ни*-местоимения лицензируются над отрицанием // Rhema. Рема. — 2021. — № 4. — С. 69–118.
- Россяйкин П. О. (Не)определенность балкарских ИГ. — Экспедиционный хэндаут. — 2022а.
- Россяйкин П. О. Фокусные частицы и отрицательная полярность // Вопросы языкознания. — 2022б. — № 2. — С. 30–64.
- Татевосов С. Г. Акциональность в лексике и грамматике. Глагол и структура события. — М. : Языки славянских культур, 2015.
- Толдова С. Ю. Информационная структура в нахско-дагестанских языках. — Лекция в рамках курса “Информационная структура в типологической перспективе”, осень 2020, МГУ, Москва. — 2020.

- Урманчиева А. Ю. Седьмое доказательство реальности ирреалиса // Исследования по теории грамматики. Ирреалис и ирреальность / Под ред. Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. — М. : Гнозис, 2004. — Т. 3. — С. 28–74.
- Урусбиев И. Х. Глагол // Грамматика карачаево-балкарского языка: фонетика, морфология, синтаксис / Под ред. Н. А. Баскаков. — Нальчик : “Эльбрус”, 1976. — С. 193–277.
- Холодилова М. А. Грамматикализация русских модальных глаголов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. — 2015. — Т. 11, № 1. — С. 369–399.
- Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова. — М. : Школа “Языки славянской культуры”, 1996.
- Abels K. Expletive (?) negation // Formal Approaches to Slavic Linguistics 10: The Second Ann Arbor Meeting / Ed. by Jindrich Toman. — Vol. 10. — MI : Michigan Slavic Publications, 2002. — P. 1–20.
- Abels K. “Expletive negation” in Russian: A conspiracy theory // Journal of Slavic linguistics. — 2005. — Vol. 13, no. 1. — P. 5–74.
- Abels K. The Italian left periphery: A view from locality // Linguistic inquiry. — 2012a. — Vol. 43, no. 1. — P. 229–254.
- Abels K. Phases: An essay on cyclicity in syntax. — Walter de Gruyter, 2012b.
- Abels K., Martí L. A unified approach to split scope // Natural language semantics. — 2010. — Vol. 18, no. 4. — P. 435–470.
- Abusch D. Presupposition triggering from alternatives // Journal of Semantics. — 2010. — Vol. 27, no. 1. — P. 37–80.
- Acquaviva P. The Logical Form of Negative Concord // Working Papers in Linguistics. — 1996a. — Vol. 6, no. 2. — P. 1–27.
- Acquaviva P. Negation in Irish and the representation of monotone decreasing quantifiers // The syntax of the Celtic languages: A comparative perspective / Ed. by R. D. Borsley, I. Roberts. — Cambridge University Press, 1996b. — P. 284–313.
- Aikhenvald A. Y., Dixon R. M. W. Dependencies between grammatical systems // Language. — 1998. — Vol. 74, no. 1. — P. 56–80.
- Alxatib S. Actuality Entailments and Free Choice // Journal of Semantics. — 2019. — no. 36. — P. 701–720.
- Arregi K., Pietraszko A. The ups and downs of head displacement // Linguistic Inquiry. — 2021. — Vol. 52, no. 2. — P. 241–290.
- Arregui A., Rivero M. L., Salanova A. Modality across syntactic categories. — Oxford University Press, 2017.
- Babyonyshev M., Brun D. Specificity matters: A new look at the new genitive of negation in Russian // Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Second Ann Arbor Meeting 2001 / Ed. by Jindrich Toman. — MI : Michigan Slavic Publications, 2002. — P. 47–66.

- Bade N., Sachs K. EXH passes on alternatives: A comment on Fox and Spector (2018) // *Natural Language Semantics*. — 2019. — Vol. 27, no. 1. — P. 19–45.
- Bailyn J. F. Genitive of negation is obligatory // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 4: the Cornell Meeting* / Ed. by Browne Wayles. — Vol. 4. — MI : Michigan Slavic Publications, 1997. — P. 84–114.
- Bailyn J. F. *The Syntax of Russian*. Cambridge Syntax Guides. — New York : Cambridge University Press, 2012.
- Baker M. C., McCloskey J. On the relationship of typology to theoretical syntax // *Linguistic Typology*. — 2007. — Vol. 11. — P. 285–296.
- Balusu R. PPI effects with an NPI/FCI in Telugu // *Proceedings of the 47th annual meeting of NELS* / Ed. by A. Lamont, K. Tetzloff. — Amherst, MA : GLSA, 2017. — P. 65–75.
- Bar Lev M. E. An implicature account of homogeneity and non-maximality // *Linguistics and Philosophy*. — 2021. — Vol. 44, no. 5. — P. 1045–1097.
- Bar Lev M. E., Margulis D. Hebrew *kol*: a universal quantifier as an undercover existential // *Proceedings of Sinn und Bedeutung 18* / Ed. by U. Etxeberria, A. Fălăuș, A. Irurtzun, B. Leferman. — 2014. — P. 60–76.
- Barker C. Negative polarity as scope marking // *Linguistics and Philosophy*. — 2018. — Vol. 41, no. 5. — P. 483–510.
- Bartsch R. ‘Negative transposition’ gibt es nicht // *Linguistische Berichte*. — 1973. — Vol. 27. — P. 1–7.
- Barwise J., Cooper R. Generalized quantifiers and natural language // *Linguistics and Philosophy*. — 1981. — Vol. 4, no. 2. — P. 159–219.
- Bassi I., Del Pinal G., Sauerland U. Presuppositional exhaustification // *Semantics and Pragmatics*. — 2021. — Vol. 14.
- Bassi I., Hirsch A., Trinh T. Pre-DP *only* is a propositional operator at LF: A new argument from ellipsis. — Talk presented at the 40th meeting of the West Coast Conference on Formal Linguistics (WCCFL 40), online, May 13-15. — 2022. — Access mode: <https://osf.io/fp2ym/>.
- Battistella E. The treatment of negation in double modal constructions // *Linguistic Analysis*. — 1991. — Vol. 21, no. 1-2. — P. 49–65.
- Baunaz L., Haegeman L., Lander E. *Exploring nanosyntax*. — Oxford University Press, 2018.
- Baunaz L., Lander E. *Nanosyntax: The Basics* // *Exploring Nanosyntax* / Ed. by Lena Baunaz, Karen De Clercq, Eric Lander, Liliane Haegeman. — Oxford University Press, 2018. — P. 3–56.
- Beaver D. I., Geurts B., Denlinger K. Presupposition // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. by Edward N. Zalta. — Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2021.
- Beck S. Intervention effects follow from focus interpretation // *Natural Language Semantics*. — 2006. — Vol. 14, no. 1. — P. 1–56.
- Beghelli F., Stowell T. Distributivity and negation: The syntax of *each* and *every* // *Ways of scope taking*. — Springer, 1997. — P. 71–107.

- Belletti A. Aspects of the low IP area // The structure of CP and IP. The cartography of syntactic structures. — 2004. — Vol. 2. — P. 16–51.
- Belletti A. Extended doubling and the VP periphery // *Probus*. — 2005. — Vol. 17. — P. 1–35.
- Bhatt R. Covert modality in non-finite contexts : Ph. D. thesis / R. Bhatt ; University of Pennsylvania. — 1999.
- Bjorkman B., Zeijlstra H. Upward Agree is superior. — Ms. Toronto, ON & Göttingen: University of Toronto & Georg-August-Universität Göttingen. — 2014.
- Bjorkman B., Zeijlstra H. Checking up on (ϕ -) Agree // *Linguistic Inquiry*. — 2019. — Vol. 50, no. 3. — P. 527–569.
- Błaszczak J. Investigation into the interaction between the indefinites and negation. — Berlin : Akademie Verlag, 2001.
- Błaszczak J. Negation and clause structure // *Die slavischen Sprachen. The Slavic Languages. Ein internationales Handbuch zu ihrer Struktur, ihrer Geschichte und ihrer Erforschung. An International Handbook of their History, their Structure and their Investigation* / Ed. by T. Berger, K. Gutschmidt, S. Kempgen, P. Kosta. — Berlin – New York : Walter de Gruyter, 2009. — P. 431–468.
- Blok D., Bylinina L., Nouwen R. Splitting Germanic negative indefinites // *The proceedings of 21st Amsterdam Colloquium* / Ed. by A. Cremers, T. van Gessel, F. Roelofsen. — 2017. — P. 125–135.
- Boas F. *Language* // *General anthropology* / Ed. by Franz Boas. — Boston : D.C. Heath and Company, 1938. — P. 94–118.
- Boguslavsky I. On the scales and implicatures of *even* // *Pragmatics and the flexibility of word meaning* / Ed. by E. Németh, Bibok K. — Amsterdam : Elsevier, 2001. — P. 29–50.
- Borik O. Constraints on the position and interpretation of bare singular indefinites in Russian // *Linguistica*. — 2016. — Vol. 56, no. 1. — P. 9–23.
- Bošković Ž. On the locality and motivation of Move and Agree: An even more minimal theory // *Linguistic Inquiry*. — 2007. — Vol. 38, no. 4. — P. 589–644.
- Bošković Ž. On two types of negative constituents and negative concord // *Proceedings of FDSL 6.5*. — Frankfurt am Main : Peter Lang, 2008. — P. 9–35.
- Bošković Ž. Licensing negative constituents and negative concord // *NELS 38: Proceedings of the 38th annual meeting of the North East Linguistic Society* / Ed. by A. Schardl, M. Walkow, M. Abdurrahman. — Vol. 38. — Amherst, MA : GLSA, 2009. — P. 125–139.
- Bošković Ž. On the timing of labeling: Deducing Comp-trace effects, the Subject Condition, the Adjunct Condition, and tucking in from labeling // *The Linguistic Review*. — 2016. — Vol. 33, no. 1. — P. 17–66.
- Bošković Ž., Gajewski J. R. Semantic correlates of the NP/DP parameter // *NELS 39: Proceedings of the 39th Annual Meeting of the North East Linguistic Society* / Ed. by S. Lima, K. Mullin, B. Smith. — Amherst, MA, 2011. — P. 121–134.
- Boye K. Semantic Maps and the Identification of Cross-Linguistic Generic Categories: Evidentiality

- and its Relation to Epistemic Modality. // *Linguistic discovery*. — 2010. — Vol. 8, no. 1.
- Boye K., Harder P. A usage-based theory of grammatical status and grammaticalization // *Language*. — 2012. — Vol. 88, no. 1. — P. 1–44.
- Breitbarth A., De Clercq K., Haegeman L. The syntax of polarity emphasis // *Lingua*. — 2013. — Vol. 128. — P. 1–8.
- Brennan V. M. Root and epistemic modal auxiliary verbs : Ph. D. thesis / V. M. Brennan ; University of Massachusetts Amherst. — 1993.
- Brosig B. Negation in Mongolic // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja/Journal de la Société Finno-Ougrienne*. — 2015. — Vol. 95. — P. 67–136.
- Brown S. *The Syntax of Negation in Russian: a Minimalist Approach*. — Stanford : CSLI Publications, 1999.
- Butler J. A minimalist treatment of modality // *Lingua*. — 2003. — Vol. 113, no. 10. — P. 967–996.
- Bybee J. L., Perkins R. D., Pagliuca W. *The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*. — Chicago : University of Chicago Press, 1994.
- Bylinina L., Nouwen R. Numeral semantics // *Language and Linguistics Compass*. — 2020. — Vol. 14, no. 8. — P. 1–18.
- Caha P. *The nanosyntax of case* : Ph. D. thesis / P. Caha ; Universitetet i Tromsø. — 2009.
- Caha P. *Nanosyntax*. — Lecture series presented at Fall School for Formal Syntax and Formal Semantics (3-FS), 2-5 September, HSE, Moscow. — 2019.
- Champollion L. [Quantification and negation in event semantics](#) // *Baltic International Yearbook of Cognition, Logic and Communication* / Ed. by B. H. Partee, M. Glanzberg, J. Skilters. — New Prairie Press, 2011. — Vol. 6. — P. 1–23.
- Champollion L. The interaction of compositional semantics and event semantics // *Linguistics and Philosophy*. — 2015. — Vol. 38, no. 1. — P. 31–66.
- Cheng L. L. S. *On the typology of wh-questions* : Ph. D. thesis / L. L. S. Cheng ; MIT. — 1991.
- Chierchia G. Formal semantics and the grammar of predication // *Linguistic Inquiry*. — 1985. — Vol. 16, no. 3. — P. 417–443.
- Chierchia G. Scalar implicatures, polarity phenomena, and the syntax/pragmatics interface // *Structures and beyond* / Ed. by Adriana Belletti. — Oxford : Oxford University Press, 2004. — Vol. 3. — P. 39–103.
- Chierchia G. *Logic in Grammar: Polarity, Free Choice, and Intervention*. — Oxford : Oxford University Press, 2013. — Vol. 2 of *Oxford Studies in Semantics and Pragmatics*.
- Chierchia G., Fox D., Spector B. The grammatical view of scalar implicatures and the relationship between semantics and pragmatics // *Semantics: An international handbook of natural language meaning* / Ed. by C. Meinert, K. von Stechow, Portner P. — Berlin : Mouton de Gruyter, 2012. — Vol. 3. — P. 2297–2332.
- Chierchia G., Liao H.-C. Where do Chinese *wh*-items fit? // *Epistemic indefinites: Exploring modality beyond the verbal domain* / Ed. by L. Alonso-Ovalle, P. Menendez-Benito. — Oxford University

- Press, 2015. — P. 31–59.
- Chomsky N. Remarks on nominalization // *Readings in English Transformational Grammar* / Ed. by R. A. Jacobs, P. S. Rosenbaum. — Waltham, Mass. : Ginn & Company, 1970. — P. 185–221.
- Chomsky N. *Barriers*. — MIT Press, 1986.
- Chomsky N. *Categories and transformations* // *The minimalist program*. — Cambridge, Mass. : MIT Press, 1995. — P. 219–394.
- Chomsky N. *Minimalist inquiries: The framework* // *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik* / Ed. by R. Martin, D. Michaels, J. Uriagereka. — Cambridge, MA : MIT press, 2000. — P. 89–155.
- Chomsky N. *Derivation by phase* // *Ken Hale: A life in language* / Ed. by M. Kenstowicz. — Cambridge, MA : MIT press, 2001. — P. 1–52.
- Chomsky N. Problems of projection // *Lingua*. — 2013. — Vol. 130. — P. 33–49.
- Chomsky N., Lasnik H. *Principles and Parameters Theory* // *Syntax. An International Handbook of Contemporary Research* / Ed. by J Jacobs, A. von Stechow, W. Sternefeld, T. Venneman. — Berlin : Walter de Gruyter, 1993. — P. 506–569.
- Chvany C. V. A continuum of lexical transitivity: Slightly-transitive verbs // *Selected Essays of Catherine V. Chvany* / Ed. by Olga Tsuneko Yokoyama, Emily Klenin. — Columbus : Slavica Publishers, 1996. — P. 161–171.
- Cinque G. *Mica* // *Annali della Facoltà di Lettere e Filosofia dell'Università di Padova*. — 1976. — Vol. 1. — P. 101–112.
- Cinque G. *Adverbs and Functional Heads: A Cross-Linguistic Perspective*. *Oxford Studies in Comparative Syntax*. — New York : Oxford University Press on Demand, 1999.
- Cinque G. A note on mood, modality, tense and aspect affixes in Turkish // *The verb in Turkish*. — 2001. — Vol. 44. — P. 47–59.
- Cinque G. Deriving Greenberg's Universal 20 and its exceptions // *Linguistic inquiry*. — 2005. — Vol. 36, no. 3. — P. 315–332.
- Cinque G., Rizzi L. *The Cartography of Syntactic Structures* // *Oxford Handbook of Linguistic Analysis*. — 2010. — P. 51–65.
- Coates J. *The semantics of the modal auxiliaries*. — Routledge, 1983.
- Collins C., Postal P. M. *Classical NEG raising: An essay on the syntax of negation*. — MIT press, 2014. — Vol. 67.
- Collins C., Postal P. M. Disentangling two distinct notions of NEG raising // *Semantics and Pragmatics*. — 2018. — Vol. 11. — P. 5.
- Cormack A., Smith N. *Modals and negation in English* // *Modality and its Interaction with the Verbal System* / Ed. by Sjef Barbiers, Frits Beukema, Wim van der Wurff. — 2002. — P. 133–163.
- Cornyn W. *Outline of Burmese grammar* // *Language*. — 1944. — Vol. 20, no. 4. — P. 5–34.
- Crnič L. *Getting even* : Ph. D. thesis / L. Crnič ; Massachusetts Institute of Technology. — 2011.
- Crnič L. *Against a dogma on NPI licensing* // *The art and craft of semantics: A festschrift for Irene*

- Heim / Ed. by Luka Crnić, Uli Sauerland. — Cambridge, MA : MITWPL, 2014. — P. 117–145.
- Crnić L. Free choice under ellipsis // *The Linguistic Review*. — 2017. — Vol. 34, no. 2. — P. 249–294.
- Crnić L. Split scope of negative indefinites with connected exceptives. — Manuscript. — 2016.
- Croft W. The evolution of negation // *Journal of linguistics*. — 1991. — Vol. 27, no. 1. — P. 1–27.
- Crowley P. Neg-raising and neg movement // *Natural Language Semantics*. — 2019. — Vol. 27, no. 1. — P. 1–17.
- Dahl Ö. Typology of sentence negation // *Linguistics*. — 1979. — Vol. 17. — P. 79–106.
- Dahl Ö. Typology of negation // *The Expression of Negation* / Ed. by Lawrence Horn. — Berlin & New York : De Gruyter Mouton, 2010. — P. 9–38.
- Dayal V. Number marking and (in) definiteness in kind terms // *Linguistics and philosophy*. — 2004. — Vol. 27, no. 4. — P. 393–450.
- Dayal V. (In) definiteness without articles: diagnosis, analysis, implications // *Trends in Hindi Linguistics*. — 2018. — P. 1–26.
- De Clercq K. A unified syntax of negation : Ph. D. thesis / K. De Clercq ; Ghent University. — 2013.
- De Clercq K. Syncretisms and the morphosyntax of negation // *Exploring Nanosyntax* / Ed. by Lena Baunaz, Karen De Clercq, Liliane Haegeman, Eric Lander. — New York : Oxford University Press, 2018. — P. 180–204.
- De Clercq K. *The Morphosyntax of Negative Markers: A Nanosyntactic Account*. — Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2020. — Vol. 144.
- De Clercq K., Wyngaerd G. V. Negation and the functional sequence // *Natural Language & Linguistic Theory*. — 2019. — Vol. 37, no. 2. — P. 425–460.
- De Haan F. *The interaction of modality and negation: A typological study*. — Taylor & Francis, 1997.
- De Haan F. The relation between modality and evidentiality // *Linguistische Berichte*. — 2001. — Vol. 9. — P. 201–216.
- De Swart H., Sag I. A. Negation and negative concord in Romance // *Linguistics and Philosophy*. — 2002. — Vol. 25, no. 4. — P. 373–417.
- Del Pinal G. Oddness, modularity, and exhaustification // *Natural Language Semantics*. — 2021. — Vol. 29, no. 1. — P. 115–158.
- Déprez V. What is Strict Negative Concord?: Lessons from French Based Creoles // *Negation and Contact: with special focus on Singapore English* / Ed. by D. Ziegeler, Bao Z. — John Benjamins Publishing Company, 2017. — P. 81–114.
- Dimroth C., Sudhoff S. *The Grammatical Realization of Polarity Contrast: Theoretical, Empirical, and Typological Approaches*. — John Benjamins Publishing Company, 2018. — Vol. 249.
- Dobrushina N. Negation in complement clauses of fear-verbs // *Functions of Language*. — 2021. — Vol. 28, no. 2. — P. 121–152.
- Dočekal M. N-words and NPIs: Between syntax, semantics, and experiments // *Advances in formal Slavic linguistics* 2017. — 2020. — Vol. 3. — P. 15–49.
- Dornisch E. Auxiliaries and functional projections in Polish // *Formal Approaches to Slavic Linguis-*

- tics (FASL) IV: The Cornell Meeting 1995 / Ed. by Wayles Browne, Eva Dornish, Natasha Kon-drashova, Draga Zec. — 1997. — P. 183–209.
- Drubig H. B. On the syntactic form of epistemic modality // Manuscript, University of Tübingen. — 2001.
- Dryer M. S. Definite Articles // The World Atlas of Language Structures Online / Ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath. — Leipzig : Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013a. — Access mode: <https://wals.info/chapter/37>.
- Dryer M. S. Indefinite Articles // The World Atlas of Language Structures Online / Ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath. — Leipzig : Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013b. — Access mode: <https://wals.info/chapter/38>.
- Dryer M. S. Negative Morphemes // The World Atlas of Language Structures Online / Ed. by Matthew S. Dryer, Martin Haspelmath. — Leipzig : Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013c. — Access mode: <https://wals.info/chapter/112>.
- Dryer M. S. Order of Negative Morpheme and Verb // The World Atlas of Language Structures Online / Ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath. — Leipzig : Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013d. — Access mode: <https://wals.info/chapter/143>.
- Dryer M. S. Order of Subject, Object and Verb // The World Atlas of Language Structures Online / Ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath. — Leipzig : Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013e. — Access mode: <https://wals.info/chapter/81>.
- Embick D., Noyer R. Movement operations after syntax // *Linguistic Inquiry*. — 2001. — Vol. 32, no. 4. — P. 555–595.
- Embick D., Noyer R. Distributed morphology and the syntax/morphology interface // *The Oxford handbook of linguistic interfaces* / Ed. by G. Ramchand, C. Reiss. — Oxford University Press, 2007.
- Epstein S. D., Kitahara H., Seely T. D. Unifying Labeling under Minimal Search in “Single-” and “Multiple-Specifier” Configurations // *A Minimalist Theory of Simplest Merge*. — Routledge, 2021. — P. 140–148.
- Erlewine M. Y., Kotek H. Even-NPIs in Dharamsala Tibetan // *Linguistic Analysis*. — 2016. — Vol. 40, no. 3-4. — P. 129–165.
- Fălăuș A., Laca B. Modal–Temporal Interactions // *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*. — 2020. — P. 1–33.
- Fălăuș A., Nicolae A. Fragment answers and double negation in strict negative concord languages // *SALT 26: Proceedings from the 26th Conference on Semantics and Linguistic Theory* / Ed. by M. Moroney, C.-R. Little, J. Collard, D. Burgdorf. — Vol. 26. — Washington, DC : Linguistic Society of America, 2016. — P. 584–600.
- Fauconnier G. Polarity and the scale principle // *Papers from the Eleventh Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society* / Ed. by R.E. Grossman, L.J. San, T.J. Vance. — 1975. — P. 188–199.
- Fillmore C. J. The position of embedding transformations in a grammar // *Word*. — 1963. — Vol. 19,

- no. 2. — P. 208–231.
- Forest R. *Négations: essai de syntaxe et de typologie linguistique*. — Peeters Publishers, 1993. — Vol. 77.
- Fox D. Focus, parallelism and accommodation // *Proceedings of SALT IX* / Ed. by T. Matthews, D. Strolovitch. — Ithaca, NY : Cornell University, 1999. — P. 70–90.
- Fox D. Free choice and the theory of scalar implicatures // *Presupposition and implicature in compositional semantics* / Ed. by U. Sauerland, P. Stateva. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2007. — P. 71–120.
- Fox D. Cancelling the Maxim of Quantity: Another challenge for a Gricean theory of scalar implicatures // *Semantics and Pragmatics*. — 2014. — Vol. 7. — P. 5–1.
- Fox D., Spector B. Economy and embedded exhaustification // *Natural Language Semantics*. — 2018. — Vol. 26, no. 1. — P. 1–50.
- Francis N., Iatridou S. Modals and Negation // *The Oxford Handbook of Negation* / Ed. by V. Déprez, M. Teresa Espinal. — Oxford : Oxford University Press, 2020.
- Gajewski J. R. L-analyticity and natural language. — Manuscript, University of Connecticut. — 2002.
- Gajewski J. R. Neg-raising: Polarity and presupposition : Ph. D. thesis / J. R. Gajewski ; Massachusetts Institute of Technology. — 2005.
- Gajewski J. R. Neg-raising and polarity // *Linguistics and philosophy*. — 2007. — Vol. 30, no. 3. — P. 289–328.
- Gajewski J. R. Licensing strong NPIs // *Natural Language Semantics*. — 2011. — Vol. 19, no. 2. — P. 109–148.
- Garzonio J. A case of incomplete Jespersen's cycle in Romance // *Rivista di Grammatica Generativa*. — 2008. — Vol. 33. — P. 117–135.
- Garzonio J. Negative Concord in Russian: An Overview // *Studi di linguistica slava: Nuove prospettive e metodologie di ricerca* / Ed. by I. Krapova, S. Nistratova, L. Ruvoletto. — Venezia : Edizioni Ca' Foscari, 2019. — P. 175–190.
- Gast V., Van der Auwera J. Scalar additive operators in the languages of Europe // *Language*. — 2011. — Vol. 87, no. 1. — P. 2–54.
- Gast V., Van der Auwera J. Scalar additive operators in Transeurasian languages // *Shared Grammaticalization: With special focus on the Transeurasian languages* / Ed. by Martine Robbeets, Hubert Cuyckens. — Amsterdam/Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2013. — Vol. 132. — P. 113–146.
- Geist L. Bare singular NPs in argument positions: Restrictions on indefiniteness // *International Review of Pragmatics*. — 2010. — Vol. 2, no. 2. — P. 191–227.
- Geurts B. *Quantity implicatures*. — Cambridge University Press, 2010.
- Giannakidou A. N-words and negative concord // *Blackwell Companion to Syntax* / Ed. by Martin Everaert, Henk van Riemsdijk. — Malden, MA : Blackwell, 2006. — Vol. 3. — P. 327–391.
- Giannakidou A. The landscape of EVEN // *Natural Language & Linguistic Theory*. — 2007. — Vol. 25,

- no. 1. — P. 39–81.
- Giannakidou A. Negative and positive polarity items // *Semantics. An International Handbook of Natural Language Meaning* / Ed. by K. von Stechow, C. Maienborn, P. Portner. — De Gruyter Mouton, 2011. — Vol. 2. — P. 1660–1712.
- Giannakidou A., Mari A. A unified analysis of the future as epistemic modality // *Natural Language & Linguistic Theory*. — 2018. — Vol. 36, no. 1. — P. 85–129.
- Giannakidou A., Yoon S. Scalar marking without scalar meaning: Nonscalar, nonexhaustive even-marked NPIs in Greek and Korean // *Language*. — 2016. — Vol. 92, no. 3. — P. 522–556.
- Giannakidou A., Zeijlstra H. The Landscape of Negative Dependencies // *The Wiley Blackwell Companion to Syntax, 2nd Edition* / Ed. by M. Everaert, H. van Riemsdijk. — John Wiley & Sons, Inc., 2017. — P. 1–38.
- Givón T. Negation in language: Between semantics and pragmatics // *On Understanding Grammar*. — Amsterdam : John Benjamins, 2018. — P. 94–118.
- Glinert L. Negative and non-assertive in contemporary Hebrew // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. — 1982. — Vol. 45, no. 3. — P. 434–470.
- Goncharov J., Wolf L. Time matters: the role of temporal boundaries in NPI licensing // *Proceedings of the 22nd Amsterdam Colloquium* / Ed. by J. J. Schläder, D. McHugh, F. Roelofsen. — 2019. — P. 132–142.
- Goodhue D. Must φ is felicitous only if φ is not known // *Semantics and Pragmatics*. — 2017. — Vol. 10, no. 14. — P. 1–27.
- Greco M. On the syntax of surprise negation sentences: A case study on expletive negation // *Natural Language & Linguistic Theory*. — 2020. — Vol. 38, no. 3. — P. 775–825.
- Greenberg Y. A revised, gradability-based semantics for even // *Natural Language Semantics*. — 2018. — Vol. 26, no. 1. — P. 51–83.
- Gribanova V. Head movement and ellipsis in the expression of Russian polarity focus // *Natural Language & Linguistic Theory*. — 2017. — Vol. 35, no. 4. — P. 1079–1121.
- Grice H. P. Logic and conversation // *Speech acts* / Ed. by Peter Cole, Jerry L. Morgan. — Brill, 1975. — P. 41–58.
- Groenendijk J. A. G., Stokhof M. J. B. Studies on the Semantics of Questions and the Pragmatics of Answers : Ph. D. thesis / J. A. G. Groenendijk, M. J. B. Stokhof ; University of Amsterdam. — 1984.
- Hacquard V. Aspects of modality : Ph. D. thesis / V. Hacquard ; Massachusetts Institute of Technology. — 2006. — Access mode: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/37421>.
- Hacquard V. On the event relativity of modal auxiliaries // *Natural Language Semantics*. — 2010. — mar. — Vol. 18, no. 1. — P. 79–114.
- Hacquard V. Actuality Entailments // *The Wiley Blackwell Companion to Semantics* / Ed. by D. Gutzmann, L. Matthewson, C. Meier et al. — Wiley Online Library, 2020. — P. 1–26.
- Haegeman L. The syntax of negation. — Cambridge University Press, 1995. — Vol. 75.

- Haegeman L., Zanuttini R. Negative heads and negative concord // *The Linguistic Review*. — 1991. — Vol. 8. — P. 233–251.
- Hajdú P. Die samojedischen Sprachen // *The Uralic languages: Description, history and foreign influences* / Ed. by Denis Sinor. — Leiden : Brill, 1988. — P. 3–40.
- Harizanov B., Griбанова V. Whither head movement? // *Natural Language & Linguistic Theory*. — 2019. — Vol. 37, no. 2. — P. 461–522.
- Harves S. The genitive of negation in Russian // *Language and Linguistics Compass*. — 2013. — Vol. 7, no. 12. — P. 647–662.
- Haspelmath M. Indefinite pronouns. — Oxford University Press, 1997.
- Heim I. Artikel und definitheit // *Semantik: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung* / Ed. by A. von Stechow, D. Wunderlich. — Berlin : de Gruyter, 1991. — P. 487–535.
- Heim I. Definiteness and indefiniteness // *Semantics: An International Handbook of Natural Language Meaning* / Ed. by K. von Heusinger, C. Maienborn, P. Portner. — De Gruyter, 2011. — P. 996–1025.
- Heim I., Kratzer A. *Semantics in generative grammar*. — Blackwell Oxford, 1998.
- Herburger E. The negative concord puzzle revisited // *Natural Language Semantics*. — 2001. — Vol. 9, no. 3. — P. 289–333.
- Hintikka J. Semantics for propositional attitudes // *Philosophical logic* / Ed. by J. W. Davis, D. J. Hockney, W. K. Wilson. — Dordrecht : Reidel, 1969. — P. 21–45.
- Hiraiwa K. Multiple agree and the defective intervention constraint in Japanese // *MITWPL 40, HUMIT 2000: Proceedings of the First Harvard-MIT Student Conference in Language Research* / Ed. by N. Lance, A. Costa, J. Martin-Gonzalez et al. — Vol. 40. — Cambridge, MA : MIT Dept. of Linguistics, 2001. — P. 67–80.
- Hirsch A., Wagner M. Only reconstruction and backwards association // *Proceedings of the 22nd Amsterdam Colloquium* / Ed. by J. J. Schöder, D. McHugh, F. Roelfsen. — University of Amsterdam, 2019.
- Homer V. Disruption of NPI Licensing: the Case of Presuppositions // *Proceedings of the 18th Semantics and Linguistic Theory conference* / Ed. by Tova Friedman, Satoshi Ito. — Ithaca, NY : Cornell University, 2008. — P. 429–446.
- Homer V. *Polarity and modality* : Ph. D. thesis / V. Homer ; University of California, Los Angeles. — 2011.
- Homer V. Neg-raising and positive polarity: The view from modals // [Semantics and Pragmatics](#). — 2015. — March. — Vol. 8, no. 4. — P. 1–88.
- Homer V. Domains of polarity items // *Journal of Semantics*. — 2021. — Vol. 38, no. 1. — P. 1–48.
- Honda I. *Negation: a cross-linguistic study* : Ph. D. thesis / I. Honda ; State University of New York at Buffalo. — 1996.
- Horn L. R. Exclusive company: *Only* and the dynamics of vertical inference // *Journal of semantics*. — 1996. — Vol. 13, no. 1. — P. 1–40.

- Horn L. R. A natural history of negation. — CSLI Publications, 2001.
- Iatridou S. The past, the possible, and the evident // *Linguistic Inquiry*. — 1990. — Vol. 21, no. 1. — P. 123–129.
- Iatridou S., Zeijlstra H. Negation, polarity, and deontic modals // *Linguistic Inquiry*. — 2013. — Vol. 44, no. 4. — P. 529–568.
- Iyer J. Towards a universal analysis of Tamil -um NPIs: Evidence from unconditionals. — Manuscript, University of Massachusetts. — 2017.
- Jackendoff R. S. An interpretive theory of negation // *Foundations of language*. — 1969. — Vol. 5. — P. 218–241.
- Jackendoff R. S. Semantic interpretation in generative grammar. — Cambridge : MIT press, 1972.
- Jacobson P. Neg Raising and ellipsis (and related issues) revisited // *Natural Language Semantics*. — 2020. — Vol. 28, no. 2. — P. 111–140.
- Janhunen J. A. Mongolian. — John Benjamins Publishing, 2012.
- Jeretič P. A mismatch between semantic scope and morpheme order in Turkish. — Abstract of poster presentation accepted to WALS 15. — 2019.
- Jeretič P. Scaleless implicatures, blocked by Actuality Entailments // *Proceedings of Sinn und Bedeutung 25* / Ed. by P. G. Grosz, L. Martí, H. Pearson et al. — University College London and Queen Mary University of London, 2021. — P. 448–465.
- Jespersen O. Negation in English and other languages. — AF Høst, 1917.
- Kadmon N., Landman F. Any // *Linguistics and philosophy*. — 1993. — Vol. 16, no. 4. — P. 353–422.
- Kagan O. Semantics of Genitive Objects in Russian: A Study of Genitive of Negation and Intensional Genitive case. — Dordrecht : Springer, 2013. — Vol. 89 of *Studies in natural language and linguistic theory*.
- Kahrel P. Aspects of negation : Ph. D. thesis / P. Kahrel ; Universiteit van Amsterdam. — 1996.
- Karttunen L., Peters S. Conventional Implicature // *Syntax and Semantics, Volume 11: Presupposition* / Ed. by Choon-Kyu Oh, David Dineen. — New York : Academic Press, 1979. — P. 1–56.
- Kay P. Even // *Linguistics and Philosophy*. — 1990. — Vol. 13, no. 1. — P. 59–111.
- Kayne R. S. Null subjects and clitic climbing // *The null subject parameter* / Ed. by O. Jaeggli, K. J. Safir. — Springer, 1989. — P. 239–261.
- Kayne R. S. Movement and silence. — Oxford University Press, 2005.
- Kelepir M. Topics in Turkish syntax: Clausal structure and scope : Ph. D. thesis / M. Kelepir ; Massachusetts Institute of Technology. — 2001.
- Kholodilova M. A. Inter-clausal negative concord in Russian. — Poster presented at *The Pragmatics of Grammar: Negation and Polarity*, Caen, 19-20 May. — 2015.
- Kilbourn Ceron O. Embedded exhaustification: Evidence from *almost* // *Journal of Semantics*. — 2017. — Vol. 34, no. 1. — P. 43–60.
- Klein W. Time in language. — Psychology Press, 1994.
- Klima E. S. 1964. Negation in English // *The Structure of Language*. Englewood Cliffs: Prentice

- Hall. — 1964. — P. 246–323.
- Klinedinst N. W. Plurality and possibility : Ph. D. thesis / N. W. Klinedinst ; UCLA. — 2007.
- Koopman H., Sportiche D. The position of subjects // *Lingua*. — 1991. — Vol. 85, no. 2-3. — P. 211–258.
- Kornfilt J. Turkish. Descriptive Grammars. — London and New York : Routledge, 1997.
- Kratzer A. What ‘must’ and ‘can’ must and can mean // *Linguistics and philosophy*. — 1977. — Vol. 1, no. 3. — P. 337–355.
- Kratzer A. The notional category of modality // *Words, worlds, and contexts. New approaches in word semantics* / Ed. by H.-J. Eikmeyer, H. Rieser. — Berlin : de Gruyter, 1981.
- Kratzer A. Modality // *Semantik: Ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung* / Ed. by A. von Stechow, D. Wunderlich. — Berlin : de Gruyter, 1991. — P. 639–650.
- Kratzer A. More structural analogies between pronouns and tenses // *SALT VIII* / Ed. by D. Strolovitch, A. Lawson. — LSA, 1998. — P. 92–110.
- Kratzer A. Modals and conditionals: New and revised perspectives. — Oxford University Press, 2012. — Vol. 36.
- Kratzer A., Shimoyama J. Indeterminate Pronouns: The View from Japanese // *The Proceedings of the Third Tokyo Conference on Psycholinguistics* / Ed. by Y. Otsu. — Tokyo : Hituzi Syobo, 2002. — P. 1–25.
- Krifka M. The Semantics and Pragmatics of Polarity Items // *Linguistic Analysis*. — 1995. — Vol. 25. — P. 209–257.
- Kuhn J. The dynamics of negative concord // *Linguistics and Philosophy*. — 2022. — Vol. 45, no. 1. — P. 153–198.
- Labov W. Negative attraction and negative concord in English grammar // *Language*. — 1972. — Vol. 48, no. 4. — P. 773–818.
- Lahiri U. Focus and negative polarity in Hindi // *Natural language semantics*. — 1998. — Vol. 6, no. 1. — P. 57–123.
- Lahiri U. Scope, presuppositions and dimensions of meaning: Some observations on scalar additive particles in English, Hindi and Spanish. — Handout from *Sinn und Bedeutung* 11. — 2006.
- Laka I. Negation in syntax—on the nature of functional categories and projections : Ph. D. thesis / I. Laka ; Massachusetts Institute of Technology. — 1990.
- Lakoff R. A syntactic argument for negative transportation // *Papers from the 5th regional meeting of the Chicago Linguistic Society* / Ed. by R.I. Binnick, A. Davison, G.M. Green, Morgan J.L. ; Chicago Linguistic Society. — Chicago, 1969. — P. 140–147.
- Landman F. Predicate-argument mismatches and the adjectival theory of indefinites // *From NP to DP: The syntax and semantics of noun phrases* / Ed. by M. Coene, Y. d’Hulst. — Amsterdam : John Benjamins, 2003. — P. 211–237.
- Lasnik H. Chains of arguments // *Working minimalism* / Ed. by S. D. Epstein, N. Hornstein. — Cambridge, Mass. : MIT Pres, 1999. — P. 189–215.

- Lassiter D. Measurement and modality: The scalar basis of modal semantics : Ph. D. thesis / D. Lassiter ; New York University. — 2011.
- Lassiter D. Must, knowledge, and (in) directness // *Natural Language Semantics*. — 2016. — Vol. 24, no. 2. — P. 117–163.
- Lassiter D. *Graded Modality: Qualitative and Quantitative Perspectives*. — Oxford University Press, Oxford: UK, 2017.
- Lee Young-Suk, Horn Laurence. *Any* as indefinite plus *even*. — Manuscript, University of Connecticut. — 1994.
- Leslie S.-J., Lerner A. Generic Generalizations // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. by Edward N. Zalta. — Metaphysics Research Lab, Stanford University, 2016.
- Letuchiy A. B. Non-standard negative concord in Russian. — Talk presented at *Formal Approaches to Russian Linguistics*, Moscow, 29-31 March. — 2017.
- Liu M. Unifying Universal and Existential wh's in Mandarin // *Proceedings of SALT 29* / Ed. by K. Blake, F. Davis, K. Lamp, J. Rhyne. — LSA, 2019. — P. 258–278.
- Löbner S. Definites // *Journal of semantics*. — 1985. — Vol. 4, no. 4. — P. 279–326.
- Maché J. How epistemic modifiers emerge. — De Gruyter Mouton, 2019.
- Magri G. A theory of individual-level predicates based on blind mandatory scalar implicatures // *Natural language semantics*. — 2009. — Vol. 17, no. 3. — P. 245–297.
- Mandelkern M. What 'must' adds // *Linguistics and Philosophy*. — 2019. — Vol. 42, no. 3. — P. 225–266.
- Manzini M. R., Savoia L. M. *Grammatical categories: Variation in Romance languages*. — Cambridge University Press, 2011. — Vol. 128.
- Matić D., Nikolaeva I. From polarity focus to salient polarity // *The grammatical realization of polarity contrast: Theoretical, empirical, and typological approaches* / Ed. by Christine Dimroth, Stefan Sudhoff. — John Benjamins Publishing Company, 2018. — P. 9–54.
- Matushansky O. Head movement in linguistic theory // *Linguistic Inquiry*. — 2006. — Vol. 37, no. 1. — P. 69–109.
- Mayr C. Triviality and interrogative embedding: context sensitivity, factivity, and neg-raising // *Natural Language Semantics*. — 2019. — Vol. 27, no. 3. — P. 227–278.
- McCawley J. D. *The syntactic phenomena of English*. — University of Chicago Press, 1998.
- McCloskey J. The morphosyntax of WH-extraction in Irish // *Journal of Linguistics*. — 2001. — Vol. 37, no. 1. — P. 67–100.
- McCloskey J. Interpretation and the typology of head movement: A re-assessment. — Handout of a talk presented at the Workshop on the Status of Head Movement in Linguistic Theory. — 2016. — Access mode: <https://drive.google.com/file/d/OBzSn1AcNdRX2VmpWZHJwRXRaZEK/view>.
- McFadden T., Sundaresan S., Zeijlstra H. On certain crosslinguistic variations: Universal rich base vs. Gricean reasoning. — Handout of a talk presented at GLOW 44. — 2021.
- McKenzie A., Newkirk L. *Almost* at-a-distance // *Linguistics and Philosophy*. — 2020. — Vol. 43,

- no. 4. — P. 389–426.
- Merchant J. Why no(t). — Manuscript. — 2001a. — Access mode: <https://home.uchicago.edu/merchant/pubs/why.not.pdf>.
- Merchant J. The syntax of silence: Sluicing, islands, and the theory of ellipsis. — Oxford University Press on Demand, 2001b.
- Miestamo M. Standard Negation: The Negation of Declarative Verbal Main Clauses in a Typological Perspective. — Berlin : Walter de Gruyter, 2005. — Vol. 31 of Empirical Approaches to Language Typology.
- Miestamo M. Symmetric and Asymmetric Standard Negation // The World Atlas of Language Structures Online / Ed. by Matthew S. Dryer, Martin Haspelmath. — Leipzig : Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. — Access mode: <https://wals.info/chapter/113>.
- Miestamo M., Veselinova L. Questionnaire for describing the negation system of a language. — 2019. — Access mode: <http://tulquest.huma-num.fr/fr/node/134>.
- Minor S. Controlling the Hidden Restrictor: A Puzzle with Control in Russian // NELS 42: Proceedings of the 42nd Meeting of the North East Linguistic Society / Ed. by S. Keine, S. Sloggett. — Oxford : Oxford University Press, 2013.
- Moltmann F. ‘Truth Predicates’ in Natural Language // Unifying the philosophy of truth / Ed. by T. Achourioti, H. Galinon, J. Martínez Fernández, K. Fujimoto. — Springer, 2015. — P. 57–83.
- Morzycki M. *Almost* and Its Kin, Across Categories // SALT XI / Ed. by R. Hastings, B. Jackson, Z. Zvolenszky. — Ithaca, NY : Cornell University, 2001. — P. 306–325.
- Moscato V. The scope of negation : Ph. D. thesis / V. Moscato ; University of Siena. — 2006.
- Moscato V. Negation raising: logical form and linguistic variation. — Cambridge Scholars Publishing, 2010.
- Moscato V. The cartography of negative markers: why negation breaks the assumption of LF/PF isomorphism // Enjoy linguistics! Papers offered to Luigi Rizzi on the occasion of his 60th birthday. — 2012. — P. 1–7.
- Murakami M. An analysis and history of sentential not // Studies in Modern English. — 2007. — Vol. 2007, no. 23. — P. 99–128.
- Nakajima Y. Lexical ambiguity & n-words: A perspective from a set theory // ConSOLE XXVIII: Proceedings of the 28th Conference of the Student Organization of Linguistics in Europe / Ed. by A. Van Alem, M. De Sisto, E. J. Kerr, J. Wall. — Leiden : Leiden University Centre for Linguistics, 2020. — P. 175–185.
- Nathan L. Negative polarity meets focus sensitivity. — Manuscript, Brown University. — 1999.
- Nauze F. D. Modality in typological perspective : Ph. D. thesis / F. D. Nauze ; Universiteit van Amsterdam. — 2008.
- Neeleman A., Vermeulen R. Types of Focus and their Interaction with Negation // The Syntax of Topic, Focus, and Contrast / Ed. by A. Neeleman, R. Vermeulen. — De Gruyter Mouton, 2012a. — P. 227–264.

- Neeleman A., Vermeulen R. The syntax of topic, focus, and contrast: An interface-based approach. — De Gruyter Mouton, 2012b. — Vol. 113.
- Nilsen Ø. Eliminating Positions: Syntax and semantics of sentence modification. — Utrecht : LOT, 2003.
- Nolan B. The encoding of negation in Modern Irish: negation at the layered structure of the clause and noun phrase // *Applying and Expanding Role and Reference Grammar* / Ed. by R. Kailuweit, L. Künkel, E. Staudinger. — Freiburg : Albert-Ludwigs-Universität, 2018. — P. 45–70.
- Nouwen R. Remarks on the polar orientation of *almost* // *Linguistics in the Netherlands*. — 2006. — Vol. 23, no. 1. — P. 162–173.
- Nyberg J. Negation in Japanese. — Manuscript. — 2012. — Access mode: <https://www.diva-portal.org/smash/get/diva2:538467/FULLTEXT01.pdf>.
- Oda H. Japanese free choice items as unconditionals // *Natural Language Semantics*. — 2021. — Vol. 29, no. 2. — P. 281–338.
- Östling R., Brosig B. Corpus of Khalkha Mongolian internet texts from the domain .mn. — 2011.
- Ouhalla J. Functional categories and parametric variation. — London : Routledge, 1991.
- Ozga J. Clitics in English and Polish // *Papers and Studies in Contrastive Linguistics Poznan*. — 1976. — Vol. 4. — P. 127–140.
- Palmer F. R. Mood and modality. — Cambridge university press, 2001.
- Panizza D., Sudo Y. Minimal sufficiency with covert *even* // *Glossa: a journal of general linguistics*. — 2020. — Vol. 5, no. 1.
- Paperno D. An Alternative semantics for Negative Conjunction in Russian // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 23: the first Berkeley meeting* / Ed. by M. Szajbel-Keck, R. Burns, D. Kavitskaya. — Ann Arbor : Michigan Slavic Publications, 2015. — P. 418—435.
- Partee B. Some structural analogies between tenses and pronouns in English // *The Journal of Philosophy*. — 1973. — Vol. 70, no. 18. — P. 601–609.
- Partee B. Quantification and Interactions with Negation. — Lecture 8 of Current Issues in Formal Semantics, MSU, Moscow. — 2005.
- Payne J. R. Negation // *Language Typology and Syntactic Description*. Vol. 1: Clause Structure / Ed. by T. Shopen. — Cambridge : Cambridge University Press, 1985.
- Penka D. Negative indefinites. — Oxford University Press Mexico SA De CV, 2011.
- Percus O. Constraints on some other variables in syntax // *Natural language semantics*. — 2000. — Vol. 8, no. 3. — P. 173–229.
- Pereltsvaig A. The genitive of negation and aspect in Russian // *McGill Working Papers in Linguistics*. — 1999. — Vol. 14, no. 1/2. — P. 111–140.
- Pesetsky D., Torrego E. The syntax of valuation and the interpretability of features // *Phrasal and clausal architecture: Syntactic derivation and interpretation* / Ed. by S. Karimi, V. Samiian, W. K. Wilkins. — John Benjamins Publishing Company, 2007. — P. 262–294.
- Picallo M. C. Modal verbs in Catalan // *Natural Language & Linguistic Theory*. — 1990. — Vol. 8,

- no. 2. — P. 285–312.
- Pitsch H. Finiteness, operators and auxiliaries in North Slavic // *Linguistische Berichte*. — 2015. — Vol. 2015, no. 241. — P. 49–79.
- Poletto C. On negative doubling // *Quaderni di lavoro ASIt. La negazione: variazione dialettale ed evoluzione diacronica* / Ed. by Federica Cognola, Diego Pescarini. — Padova : ASIt, 2008. — Vol. 8. — P. 57–84.
- Poletto C. Negative doubling: in favor of a big NegP analysis // *Studies on negation: syntax, semantics, and variation* / Ed. by K. Hartmann, E.-M. Remberger, Cruschina S. — Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2017. — P. 81–104.
- Poletto C. The Possible Positioning of Negation // *The Oxford Handbook of Negation* / Ed. by V. Déprez, M. Teresa Espinal. — Oxford : Oxford University Press, 2020.
- Pollock J.-Y. Verb movement, universal grammar, and the structure of IP // *Linguistic Inquiry*. — 1989. — Vol. 20, no. 3. — P. 365–424.
- Pollock J.-Y. Notes on clause structure // *Elements of grammar* / Ed. by L. Haegeman. — Springer, 1997. — P. 237–279.
- Portner P. *Modality*. — Oxford University Press, 2009.
- Portner P. *Mood*. — Oxford University Press, 2018.
- Potsdam E. NegP and subjunctive complements in English // *Linguistic Inquiry*. — 1997. — Vol. 28, no. 3. — P. 533–541.
- Prince E. F. The syntax and semantics of neg-raising, with evidence from French // *Language*. — 1976. — P. 404–426.
- Puskás G. To wish or not to wish: Modality and (metalinguistic) negation // *Glossa: a journal of general linguistics*. — 2018. — Vol. 3, no. 1. — P. 1–33.
- Ramchand G., Svenonius P. Deriving the Functional Hierarchy // *Language Sciences*. — 2014. — Vol. 46. — P. 152–174.
- Ramchand G. C. Two types of negation in Bengali // *Clause structure in South Asian languages* / Ed. by Veneta Dayal, Anoop Mahajan. — Springer, 2004. — P. 39–66.
- Reeve M. *Clefts and their relatives*. — John Benjamins Publishing, 2012. — Vol. 185.
- Reinhart T. Quantifier scope: How labor is divided between QR and choice functions // *Linguistics and Philosophy*. — 1997. — Vol. 20, no. 4. — P. 335–397.
- Rizzi L. *Relativized Minimality*. *Linguistic Inquiry Monographs*. — Cambridge, MA : MIT Press, 1990.
- Rizzi L. The fine structure of the left periphery // *Elements of grammar* / Ed. by L. Haegeman. — Dordrecht : Springer, 1997. — P. 281–337.
- Rizzi L. On the form of chains: Criterial positions and ECP effects // *Wh-movement: Moving on* / Ed. by Lisa Lai-Shen Cheng, Norbert Corver. — Cambridge, MA : MIT Press, 2006. — P. 97–134.
- Rizzi L. Labeling, maximality and the head–phrase distinction // *The Linguistic Review*. — 2016. — Vol. 33, no. 1. — P. 103–127.

- Rizzi L., Cinque G. Functional categories and syntactic theory // *Annual Review of Linguistics*. — 2016. — Vol. 2. — P. 139–163.
- Roberts I., Roussou A. *Syntactic change: A minimalist approach to grammaticalization*. — Cambridge University Press, 2003.
- Romoli J. A scalar implicature-based approach to neg-raising // *Linguistics and philosophy*. — 2013. — Vol. 36, no. 4. — P. 291–353.
- Rooth M. *Association with focus* : Ph. D. thesis / M. Rooth ; University of Massachusetts, Amherst. — 1985.
- Rooth M. A theory of focus interpretation // *Natural language semantics*. — 1992. — Vol. 1, no. 1. — P. 75–116.
- Rosyaykin P. Existential modals and negation in Russian: Evidence for universal functional hierarchy // *ConSOLE XXVIII: Proceedings of the 28th Conference of the Student Organization of Linguistics in Europe* / Ed. by A. Van Alem, M. De Sisto, E. J. Kerr, J. Wall. — Leiden : Leiden University Centre for Linguistics, 2020. — P. 136—155.
- Rothstein S. A Fregean semantics for number words // *Proceedings of the 19th Amsterdam Colloquium*. — 2013.
- Rowlett P. *Sentential negation in French*. — Oxford University Press on Demand, 1998.
- Rudnev P. Against Upwards Agree // *The Linguistic Review*. — 2021. — Vol. 38, no. 1. — P. 65–99.
- Rullmann H. *Even, polarity, and scope* // *Papers in experimental and theoretical linguistics* / Ed. by Martha Gibson, Grace Wiebe, Gary Libben. — Edmonton, Canada : Department of Linguistics, University of Alberta, 1997. — Vol. 4. — P. 40–64.
- Rullmann H. Additive particles and polarity // *Journal of semantics*. — 2003. — Vol. 20, no. 4. — P. 329–401.
- Russell B. Against grammatical computation of scalar implicatures // *Journal of semantics*. — 2006. — Vol. 23, no. 4. — P. 361–382.
- Russell B. *Probabilistic reasoning and the computation of scalar implicatures* : Ph. D. thesis / B. Russell ; Brown University. — 2012.
- Sadock J. M. Almost // *Radical pragmatics*. — 1981. — P. 257–271.
- Schwarz B. Long distance indefinites and choice functions // *Language and Linguistics Compass*. — 2011. — Vol. 5, no. 12. — P. 880–897.
- Schwarzschild R. Singleton indefinites // *Journal of semantics*. — 2002. — Vol. 19, no. 3. — P. 289–314.
- Seres D. *The Expression of Genericity in Languages with and without Articles. Russian as Compared to English and Romance* : Ph. D. thesis / D. Seres ; Universitat Autònoma de Barcelona. — 2020.
- Shimoyama J. Indeterminate phrase quantification in Japanese // *Natural Language Semantics*. — 2006. — Vol. 14, no. 2. — P. 139–173.
- Shimoyama J. Japanese indeterminate negative polarity items and their scope // *Journal of Semantics*. — 2011. — Vol. 28, no. 4. — P. 413–450.
- Šimík R., Demian C. Definiteness, uniqueness, and maximality in languages with and without arti-

- cles // Journal of Semantics. — 2020. — Vol. 37, no. 3. — P. 311–366.
- Singh R. Maximize Presupposition! and local contexts // Natural Language Semantics. — 2011. — Vol. 19, no. 2. — P. 149–168.
- Skribnik E. Buryat // The Mongolic languages / Ed. by Juha Janhunen. — London : Routledge, 2003. — P. 102–128.
- Spector B. Global positive polarity items and obligatory exhaustivity // Semantics and Pragmatics. — 2014. — Vol. 7. — P. 11–1.
- Stalnaker R. Common ground // Linguistics and Philosophy. — 2002. — Vol. 25, no. 5/6. — P. 701–721.
- Starke M. Nanosyntax: A short primer to a new approach to language // Nordlyd. — 2009. — Vol. 36, no. 1. — P. 1–6.
- Stephenson T. C. Towards a theory of subjective meaning : Ph.D. thesis / T. C. Stephenson ; Massachusetts Institute of Technology. — 2007.
- Stowell T. Tense and modals // The Syntax of Time / Ed. by Jacqueline Guéron, Jacqueline Lecarme. — The MIT Press, 2004. — P. 621–636.
- Sudo Y. The Small Reading of the Scalar Particle *Mo* in Japanese and Negative Polarity. — Manuscript, MIT. — 2011.
- Svenonius P. Strains of negation in Norwegian // Working papers in Scandinavian syntax. — 2002. — Vol. 69. — P. 121–146.
- Swanson E. On scope relations between quantifiers and epistemic modals // Journal of Semantics. — 2010. — Vol. 27, no. 4. — P. 529–540.
- Szabolcsi A. Positive polarity–negative polarity // Natural Language & Linguistic Theory. — 2004. — Vol. 22, no. 2. — P. 409–452.
- Szabolcsi A. Additive presuppositions are derived through activating focus alternatives // Proceedings of the 21st Amsterdam Colloquium / Ed. by A. Cremers, T. van Gessel, F. Roelofsen. — Amsterdam : IILC, 2017. — P. 455—464.
- Szabolcsi A. Strict and non-strict negative concord in Hungarian: A unified analysis // Boundaries crossed, at the interfaces of morphosyntax, phonology, pragmatics and semantics. — Springer, 2018a. — P. 227–242.
- Szabolcsi A. Two types of quantifier particles: Quantifier-phrase internal vs. heads on the clausal spine // Glossa: a journal of general linguistics. — 2018b. — Vol. 3, no. 1.
- Theiler N., Roelofsen F., Aloni M. Picky predicates: Why believe doesn't like interrogative complements, and other puzzles // Natural Language Semantics. — 2019. — Vol. 27, no. 2. — P. 95–134.
- Tiskin D. B. Expletive-free, concord-free semantics for Russian *ni*-words // Proceedings of the 21st Amsterdam Colloquium / Ed. by A. Cremers, T. van Gessel, F. Roelofsen. — Amsterdam : IILC, 2017a. — P. 484—491.
- Tiskin D. B. *Ni*: Negative concord μ in Russian // Rhema. — 2017b. — Vol. 3, no. 4. — P. 123—137.
- Titov E. Encoding Focus and Contrast in Russian // The Syntax of Topic, Focus, and Contrast /

- Ed. by A. Neeleman, R. Vermeulen. — De Gruyter Mouton, 2012. — P. 119–155.
- Tottie G. The negation of epistemic necessity in present-day British and American English // *English World-Wide*. — 1985. — Vol. 6, no. 1. — P. 87–116.
- Travis L. Parameters and effects of word order variation : Ph. D. thesis / L. Travis ; Massachusetts Institute of Technology. — 1984.
- Uegaki W., Sudo Y. The* hope-wh puzzle // *Natural Language Semantics*. — 2019. — Vol. 27, no. 4. — P. 323–356.
- Van Gelderen E. Negative cycles // *Linguistic Typology*. — 2008. — Vol. 12, no. 2. — P. 195–243.
- Van Olmen D. On order and prohibition // *Studies in Language*. — 2021. — Vol. 45, no. 3. — P. 520–556.
- Van Rooy R. Negative polarity items in questions: Strength as relevance // *Journal of semantics*. — 2003. — Vol. 20, no. 3. — P. 239–273.
- Van Valin Jr. R. D. Exploring the syntax-semantics interface. — Cambridge University Press, 2005.
- Van der Auwera J. Why languages prefer prohibitives // *Journal of foreign languages*. — 2006. — Vol. 1, no. 1. — P. 1–25.
- Van der Auwera J., Ammann A. Overlap between Situational and Epistemic Modal Marking // *The World Atlas of Language Structures Online* / Ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath. — Leipzig : Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. — Access mode: <https://wals.info/chapter/76>.
- Van der Auwera J., Lejeune L., Goussev V. The Prohibitive // *The World Atlas of Language Structures Online* / Ed. by M. S. Dryer, M. Haspelmath. — Leipzig : Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. — Access mode: <https://wals.info/chapter/71>.
- Van der Auwera J., Plungian V. A. Modality's semantic map // *Linguistic typology*. — 1998. — Vol. 2, no. 1. — P. 79–124.
- Van der Auwera J., Van Alsenoy L. On the typology of negative concord // *Studies in Language*. — 2016. — Vol. 40, no. 3. — P. 473–512.
- Van der Auwera J., Vossen F. Kiranti double negation: A copula conjecture // *Linguistics of the Tibeto-Burman Area*. — 2017. — Vol. 40, no. 1. — P. 40–58.
- Van der Wouden T. Negative contexts: Collocation, polarity and multiple negation. — London & New York : Routledge, 1997.
- Veselinova L. Negative existentials: A cross-linguistic study // *Rivista di linguistica*. — 2013. — Vol. 25, no. 1. — P. 107–145.
- Veselinova L., Hamari A. The Negative Existential Cycle from a historical-comparative perspective. *Research on Comparative Grammar* no. 1. — Berlin : Language Science Press, Forthcoming.
- Vikner S. Verb movement variation in Germanic and Optimality Theory : Ph. D. thesis / S. Vikner ; University of Tübingen. — 2001.
- Von Stechow K. NPI licensing, Strawson entailment, and context dependency // *Journal of Semantics*. — 1999. — Vol. 16, no. 2. — P. 97–148.

- Von Stechow K. Modality and Language // Encyclopedia of Philosophy — Second Edition / Ed. by D. M. Borcherdt. — Detroit : MacMillan Reference USA, 2006.
- Von Stechow K., Gillies A. S. Must... stay... strong! // Natural language semantics. — 2010. — Vol. 18, no. 4. — P. 351–383.
- Von Stechow K., Gillies A. S. Still going strong // Natural Language Semantics. — 2021. — Vol. 29, no. 1. — P. 91–113.
- Von Stechow K., Heim I. Intensional semantics. — MIT. — 2020.
- Von Stechow K., Iatridou S. Epistemic Containment // Linguistic Inquiry. — 2003. — Vol. 34, no. 2. — P. 173–198.
- Wagner M. Association by movement: evidence from NPI-licensing // Natural Language Semantics. — 2006. — Vol. 14, no. 4. — P. 297–324.
- Wagner M. Additivity and the syntax of *even*. — Colloquium talk given at the University of Chicago. — 2015.
- Watanabe A. The genesis of negative concord: Syntax and morphology of negative doubling // Linguistic inquiry. — 2004. — Vol. 35, no. 4. — P. 559–612.
- Weir A. Negative fragment answers // The Oxford Handbook of Negation / Ed. by V. Déprez, M. Teresa Espinal. — Oxford : Oxford University Press, 2020.
- Wilkinson K. The scope of *even* // Natural language semantics. — 1996. — Vol. 4, no. 3. — P. 193–215.
- Willer M. Two puzzles about ability *can* // Linguistics and Philosophy. — 2021. — Vol. 44, no. 3.
- Willis D., Lucas C., Breitbarth A. The History of Negation in the Languages of Europe and the Mediterranean: Volume I Case Studies. — OUP Oxford, 2013. — Vol. 5.
- Wurmbrand S. Infinitives : Ph. D. thesis / S. Wurmbrand ; Massachusetts Institute of Technology. — 1998.
- Wurmbrand S. The Merge Condition: A syntactic approach to selection // Minimalism and Beyond: Radicalizing the interfaces / Ed. by P. Kosta, L. Schürcks, S. Franks, T. Radev-Bork. — Amsterdam : John Benjamins, 2014. — P. 130–167.
- Yanovich I. Choice-functional Series of Indefinite Pronouns and Hamblin semantics // Proceedings of SALT XV / Ed. by E. Georgala, J. Howell. — Ithaca, NY : Cornell University, 2005. — P. 309–326.
- Yanovich I. Four pieces for modality, context and usage : Ph. D. thesis / I. Yanovich ; Massachusetts Institute of Technology. — 2013.
- Yanovich I. Epistemic Modality // The Wiley Blackwell Companion to Semantics / Ed. by D. Gutzmann, L. Matthewson, C. Meier et al. — Wiley Online Library, 2020. — P. 1–30.
- Yip K.-F. Universal Concord as Syntactic Agreement. — Talk given at the 45th Penn Linguistics Conference. — 2021.
- Yoon S. ‘Not’ in the Mood: The Syntax, Semantics, and Pragmatics of Evaluative Negation : Ph. D. thesis / S. Yoon ; The University of Chicago. — 2011.
- Zagona K. Times as temporal argument structure. — Manuscript, University of Washington. — 1990.
- Zanuttini R. Two strategies for negation: Evidence from Romance // Proceedings of ESCOL V /

- Ed. by J. Powers, K. de Jong. — Columbus, OH : Ohio State University, 1989. — P. 535–546.
- Zanuttini R. Syntactic properties of sentential negation. A comparative study of Romance languages : Ph. D. thesis / R. Zanuttini ; University of Pennsylvania. — 1991.
- Zanuttini R. Negation and Clausal Structure: A Comparative Study of Romance Languages. — New York : Oxford University Press, 1997.
- Zanuttini R. Sentential Negation // The handbook of contemporary syntactic theory / Ed. by B. Baltin, C. Collins. — Oxford, UK : Blackwell, 2001. — P. 511–535.
- Zeijlstra H. Sentential Negation and Negative Concord. — Utrecht : LOT, 2004.
- Zeijlstra H. Negative concord is syntactic agreement. — 2008. — University of Amsterdam.
- Zeijlstra H. [The Morpho-Syntactic Realisation of Negation](#) // Volume 1 / Ed. by T. Kiss, A. Alexiadou. — De Gruyter Mouton, 2015. — P. 274–309. — Access mode: <https://doi.org/10.1515/9783110377408.274>.
- Zeijlstra H. Does neg-raising involve neg-raising? // Topoi. — 2018. — Vol. 37, no. 3. — P. 417–433.
- Zucchi S. Incomplete Events, Intensionality and Imperfective Aspect // Natural Language Semantics. — 1999. — Vol. 7, no. 2. — P. 179–215.
- Zwarts F. Three types of polarity. — Manuscript, Rijksuniversiteit Groningen. Also appeared as Zwarts 1998 in *Plurality and quantification*, ed. by F. Hamm and E.W. Hinrichs, pp. 177–238. Dordrecht: Kluwer. — 1993.